

США И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ 70-Е ГОДЫ

**США
И
РАЗВИВАЮЩИЕСЯ
СТРАНЫ
70-Е ГОДЫ**

32, И
С-93

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
АМЕРИКИ И КАНАДЫ

**США
И
РАЗВИВАЮЩИЕСЯ
СТРАНЫ
70-Е ГОДЫ**

7310

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

Ответственные редакторы

В. А. КРЕМЕНЮК, В. П. ЛУКИН, В. С. РУДНЕВ

Книга представляет собой попытку комплексного анализа политики США в странах Азии, Африки и Латинской Америки в 70-е годы. Подробно показан механизм осуществления внешней политики США, проанализированы ее цели, тактика и методы американской администрации, а также внешние факторы, влияющие на внешнеполитический курс США в развивающихся странах в целом. Дается критический разбор американских концепций по рассматриваемой проблеме, показана взаимосвязь политико-идеологических концепций с конкретными интересами американских правящих кругов.

С 11104-067
013(02)-81 9-81 0803000000

© Главная редакция восточной литературы,
издательства «Наука», 1981.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первой же внешнеполитической декларации пришедшего к власти в 1977 г. президента США Дж. Картера прозвучала убежденность в необходимости самого серьезного отношения американских правящих кругов к проблемам политики в развивающихся странах. Выступая в университете Нотр-Дам 24 мая 1977 г., американский президент говорил о том, что «новые влиятельные страны Латинской Америки, Африки и Азии» имеют большое значение для мировых позиций США, что они должны стать партнерами Запада в «более широкой системе международного сотрудничества»¹. Проблемы отношений с развивающимися странами были поставлены главой американского государства на второе место в перечне внешнеполитических приоритетов его правительства после отношений с развитыми капиталистическими государствами.

Это было серьезным пересмотром всей системы внешнеполитических приоритетов США, сложившейся в первой половине 70-х годов. Под влиянием поражения американской интервенции в Индокитае и в результате ожесточенных дискуссий в политических кругах США в конце 60-х годов американское правительство, как известно, ослабило с начала 70-х годов (во всяком случае, внешне) свою вовлеченность в дела стран Азии, Африки и Латинской Америки. Проявилось это хотя бы в том, что из целого ряда стран Юго-Восточной Азии, а также некоторых стран Латинской Америки и Африки были выведены американские войска, были срезаны ассигнования большинству развивающихся стран по линии помощи, обстановка в этих странах перестала упоминаться среди главных вопросов, заботящих правительство США.

Но, как показали события 1973—1974 гг., в частности энергетической кризисе в странах Запада, в обострении которого видную роль сыграло эмбарго на поставки нефти, объявленное странами — экспортерами этого вида сырья в октябре 1973 г., итоги VI Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на которой развивающиеся страны выступили с настоятельным требованием создания нового международного экономического порядка, и некоторые другие, правящие круги США явно ошиблись, «списав со счетов» и мировом соотношении сил развивающиеся страны.

Разумеется, это «спинсывание со счетов» имело довольно относительный, а главное — вынужденный характер, так как было навсего стремлением правящих кругов США усилить свои позиции на главных направлениях за счет ослабления активности в «периферийных районах». Но оно, безусловно, имело место и рассматривалось как одно из средств повышения гибкости американской внешней политики в целях более активного маневрирования вокруг «баланса сил», формировавшегося, по убеждению творцов внешнеполитического курса Вашингтона, между США, СССР, КНР, Японией и Западной Европой.

Выступление развивающихся стран с требованиями установить новый международный экономический порядок, означавшее, что за завершением первой — политической — фазы антиколониальных революций незамедлительно следует вторая — экономическая, во многом сорвало попытки правительства США консолидировать мировые позиции американского капитала за счет игры на «балансе сил». Возникшая перспектива конфронтации на втором фронте глобального противоборства, осложняемого для американского империализма перспективой сближения социалистических и развивающихся государств в вопросах перестройки международных экономических отношений, крайне обеспокоила правящие круги США. Эта перспектива стала восприниматься в Вашингтоне особенно остро после победы антиимпериалистических революций в Иране и Никарагуа, на фоне дальнейших успехов борьбы за национальное освобождение в Африке.

Подобная обеспокоенность породила очередной — и весьма существенный — сдвиг в подходе американского правящего класса к проблемам развивающихся стран. В годы правления администрации Дж. Картера данный сдвиг начал во все возрастающих масштабах претворяться в конкретную политику американского правительства по отношению к странам Азии, Африки и Латинской Америки.

Анализу этого этапа в политике США посвящена данная книга. Она написана коллективом сотрудников Института США и Канады АН СССР и представляет собой исследование нескольких главных направлений внешнеполитического курса США. К ним относятся: анализ формирования общего подхода США к развивающимся странам (раздел I), исследование политической и военной стратегии США на этом направлении (раздел II), рассмотрение проблем экономического характера (раздел III) и выявление особенностей политики Соединенных Штатов в отдельных регионах развивающегося мира (раздел IV). Авторы благодарят всех коллег, содействовавших созданию данной работы своими советами и критическими замечаниями.

Глава 1 написана В. А. Кременюком, В. П. Лукиным, глава 2 — С. А. Червонной, глава 3 — А. В. Никифоровым, глава 4 — В. А. Кременюком, глава 5 — Г. И. Коротковым,

Л. С. Семейко, Г. М. Стурра, глава 6 — А. И. Уткиным, глава 7 — И. Д. Ивановым, глава 8 — А. В. Никифоровым, М. В. Сепиной, Г. М. Пуговкиной, Е. Н. Васильевой, глава 9 — Р. И. Зипенковым, глава 10 — П. Г. Литавриным, И. И. Людовой, глава 11 — А. Ю. Шумихиным, глава 12 — В. Ю. Васильевым, глава 13 — Н. С. Беловой и А. Д. Портнягиным, глава 14 — И. Б. Булаем и В. С. Рудневым. Заключение написано В. П. Лукиным.

США — РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ:
ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГО ПОДХОДА

Несмотря на пестроту и разнообразие государств Азии, Африки и Латинской Америки с точки зрения уровня их развития, размеров, внешней и внутренней ориентации и т. п., для многих американских политиков они едины в одном: это «мировая беднота», «слаборазвитый Юг». Такой взгляд на освободившиеся государства проходит красной нитью через официальные заявления, труды американских экономистов, социологов и политологов, через исследования, предпринимаемые американскими корпорациями.

Само понятие отношений по линии «Север — Юг», введенное в оборот буржуазными идеологами и ставшее общепринятым в официальном языке Вашингтона, «следует понимать, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, — применительно к отношениям между развивающимися странами, независимо от того, по какую сторону экватора они находятся, и развитыми капиталистическими государствами»¹. Следовательно, за термином «Север — Юг», означающим в буржуазной науке противостояние двух группировок государств, скрывается признание глубоких противоречий, порождаемых зависимым положением освободившихся государств в системе мировых капиталистических хозяйственных связей, их статусом национально-социальных структур, эксплуатируемых мировым капиталом.

В наше время противоречия такого рода особенно сильно отражаются в политической и идеологической надстройке. Не имущественное неравенство, не цивилизационные различия и не географическое положение определяют основную линию раскола между миром развивающихся, освободившихся от колониальной зависимости стран и миром разбогатевших на эксплуатации других народов развитых капиталистических держав. Эта линия определяется противоборством на международной арене двух противоположных общественных систем и отношением к этому противоборству освободившихся государств.

Куда пойдет большинство из них? Какие пути развития они выберут и как это скажется на соотношении мировых классовых сил? Эти и другие подобные вопросы не могут не волновать правящий класс Америки и не задевать его наиболее существенные интересы. Ответ на них содержится в анализе эволюции общего отношения правящих кругов США к освободившимся государствам, происшедшей после второй мировой войны, и исследовании того, как факты антиколониальной борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки воздействовали на внутриполитическую жизнь в Соединенных Штатах; в том, как отреагировали американские политические круги на усиление борьбы развивающихся стран за более справедливые условия экономических отношений и какие идеи были выдвинуты в США в качестве реакции на современные события.

Глава I

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ США
В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ
(1940—1970-е годы)

Правящие круги Соединенных Штатов встретили решающую фазу национально-освободительного движения, начавшуюся в первом полугодии второй мировой войны, политикой «поощрения деколонизации». Было бы неверно утверждать, что эта политика была лишь вынужденным маневром, направленным на обман борющихся с империализмом стран. Нет оснований сомневаться в критическом отношении президента Ф. Рузвельта к попыткам вернуться после войны к формам и методам традиционного колониализма, ярким примером чего тогда была Уинстон Черчилль. Очевидно также, что это дилетеры освободительных революций в Индии, Индонезии и ряде других стран успешно воспользовались действительными противоречиями между США и старыми колониальными державами относительно того, какой политики придерживаться в последующий период в Азии и Африке.

Настало с тем несомненно, что в основе американской политики «поощрения деколонизации» лежали традиционные имперские политические интересы США, наиболее отчетливо выраженные в свое время в принципе «открытых дверей». Опираясь на огромное военно-стратегическое и экономическое превосходство над другими капиталистическими странами, ставшее особенно заметным к концу второй мировой войны, американский империализм стремился вытеснить своих западноевропейских конкурентов или же превратить их в своих помощников, в своеобразные дочерние предприятия по эксплуатации афро-азиатских стран, предприятия, доля которых в общем бизнесе соот-

ветствовала бы заметно уменьшившейся глобальной мощи европейского капитала.

Разумеется, американское предприятие должно было вестись американскими методами. Старые формы прямой колониальной администрации упразднялись и заменялись новой, более скрытой системой подчинения, в меньшей степени затрагивающей патристические чувства народов Азии и Африки (впрочем, новой ее можно было назвать лишь весьма относительно. Форма реальной зависимости при формальной независимости была найдена и отработана американским правящим классом уже давно и с большим или меньшим успехом применялась в Латинской Америке). Сама по себе формальная деколонизация мыслилась на том этапе в США как средство консолидации империалистической системы, поскольку вторая мировая война, охватившая и колониальный мир, привела в движение мощные политические силы, добывавшиеся действительного, а не фиктивного самоопределения.

Формированию неоколониализма способствовала сложившаяся в первые послевоенные годы крайне напряженная международная обстановка. На возникновение и развитие мировой системы социализма правящие круги США ответили «холодной войной», усиленной гонкой вооружений и созданием Североатлантического блока. Мир оказался расколотым надвое, или, как выражаются американские стратеги, «биполярным». В ситуации, когда США наращивали военный и экономический потенциал, когда мировое общественное мнение не было достаточно объективно ориентировано относительно истинных источников международной напряженности, правящим кругам США удалось втянуть ряд молодых независимых государств в орбиту своей политики, навязать им западные буржуазные концепции и сделать, таким образом, первый важный шаг по включению их в сферу своей неоколониалистской деятельности. В этом отношении немаловажную роль сыграл широко известный тезис Дж. Ф. Даллеса об «аморальности» политики неприсоединения, отрицавший право молодых государств на независимую внешнюю ориентацию и указывавший им путь следования в фарватере американской политики.

На этом этапе сложились и были сформулированы основные цели политики США в развивающихся странах.

Прежде всего освободившиеся страны представляли собой один из важных плацдармов глобальной борьбы правящих кругов Соединенных Штатов против сил социализма, за утверждение своего мирового господства. «Битва за развивающийся мир» мыслилась американскими политическими стратегами преимущественно в контексте противостояния Советскому Союзу и его союзникам. «Я не уверен, что мы всегда ясно видели американские интересы в их реальном виде. Большую часть времени мы считали необходимым удалять коммунистов даже из

самых отдаленных и наименее важных районов мира вне зависимости от степени ясности того, насколько вредным для Запада было их присутствие там»¹, — напишет впоследствии, обобщая американскую политику на этом этапе, Дж. У. Болл.

Этот примитивный, «плоскостной» антикоммунизм обусловил все основные методы политики США в отношении афро-азиатских государств. В *военно-стратегической области* упор был сделан на создание военных блоков и баз. Особенно активной обработкой в этом направлении подвергались страны, граничащие с социалистическими государствами или расположенные в непосредственной близости к ним, а потому (учитывая характер стратегических сил США в 50-е годы) представлявшие для Вашингтона особый интерес. Именно из таких стран были созданы блоки СЕАТО и СЕНТО.

Экономическая политика США в отношении молодых независимых государств была на том этапе полностью подчинена военно-стратегическим задачам. Помощь иностранным государствам, согласно 4-му пункту программы президента Г. Трумэна, сформулированной в 1949 г., предоставлялась в первую очередь и преимущественно странам, находящимся, по американской официальной терминологии, «под угрозой коммунистической подрывной деятельности». На деле в 40-е и 50-е годы таковой страной оказывалось всякое афро-азиатское государство, где национально-освободительная революция выходила за прикладываемые для Соединенных Штатов рамки и ставила под угрозу не только традиционные привилегированные институты и группировки.

Однако во второй половине 50-х годов стало отчетливо видно, что политика США в отношении развивающихся стран в том виде, в каком она была сформулирована и осуществлялась на практике при Г. Трумэне и Д. Эйзенхауэре, неэффективна и не гарантирует должным образом защиты интересов правящего класса этой страны.

Во-первых, возрастание экономической и военно-стратегической мощи стран социалистического содружества привело к существенной надежде на победу в тотальной войне против СССР и его союзников. В глазах многих американских политиков оказались значительно обесцененными важнейшие элементы системы «глобального окружения», и в частности блоки СЕАТО и СЕНТО, а также американские военные базы на чужих территориях (некоторые из них стали ненужными в связи с качественными изменениями структуры стратегических сил США, в частности появлением первых поколений межконтинентальных баллистических ракет, а затем баллистических ракет на подводных лодках).

Во-вторых, конструктивная миролюбивая внешняя политика СССР и других социалистических стран подорвала доверие к одному из основных «мобилизующих» аргументов американской

пропаганды тезису о «коммунистической агрессивности». Опасения некоторой части общественности молодых независимых государств относительно целей и методов советской политики не больше смелялись доверием и стремлением к налаживанию взаимовыгодного сотрудничества. Неприсоединение, которое в азиатско-тихоокеанские политики клеймили как «беспринципную аморальность», стало восприниматься как один из наиболее содержательных, конструктивных и повсеместно уважаемых внешнеполитических принципов. Важнейшей вехой на этом пути стала историческая Бандунгская конференция 1955 г.

В-третьих, именно в этот период наглядно проявилось огромное значение и вместе с тем исключительное своеобразие экономического, социального и политического становления нового мира независимых государств, мира, которому в условиях существования и борьбы двух социальных систем предстояло решить чрезвычайно сложные задачи, связанные с ускоренным, «догоняющим» развитием, иными словами, осуществить скачок в XX в. Осознание этого факта американскими политическими деятелями воспринималось как реальная опасность возможности разрыва освободившихся стран с мировой капиталистической системой хозяйства и, следовательно, выходом из-под политического влияния США и их союзников.

Эти новые факторы не могли не отразиться на американской политике в отношении молодых государств, тем более что указанные процессы сопровождалась серьезными изменениями во внутриполитической обстановке в США, совпали с поражением маккартизма и укреплением позиций либерального крыла правящего класса этой страны.

Основные коррективы в рассматриваемый сектор американской внешней политики были внесены на рубеже 50—60-х годов, когда к власти пришла администрация Дж. Ф. Кеннеди. Не подвергая пересмотру основную и неизменную цель внешней политики США в развивающихся странах, а именно сохранение этого района в орбите капитализма и превращение его в прочный тыл руководимого США капиталистического мира, новое руководство произвело существенные изменения в том, что касалось методов реализации этой цели.

Прежде всего было покончено с односторонней опорой на военные блоки СЕАТО и СЕНТО. Им, конечно, продолжала оказываться поддержка, и страны — участницы этих блоков по-прежнему входили в число государств, по отношению к которым США проводили политику наибольшего благоприятствования. Но вместе с тем внешнеполитический курс США стал отныне вырабатываться с учетом того реального факта, что упомянутые блоки, во-первых, не представляют сколько-нибудь существенной военно-политической силы, во-вторых, крайне разрозненны, нецеленаправленны и нестабильны и, в-третьих, не решая основных антикоммунистических задач, во многом вре-

дят интересам США, ибо сильно подрывают их престиж в неприсоединившихся странах.

Ограниченные роли военных блоков СЕАТО и СЕНТО в начале 60-х годов отнюдь не означало уменьшения значимости афро-азиатских стран в целом в системе внешнеполитических приоритетов Соединенных Штатов Америки. Напротив, именно в этот период развивающимся странам уделяется фактически первостепенное внимание.

Согласно преобладавшей в тот период в США концепции, недавно вышедшие на историческую арену бывшие колониальные и зависимые народы могут сделать решающий выбор между капитализмом и социализмом в смысле социально-политического устройства. От этого выбора, считали ведущие американские политические исследователи, в значительной степени зависит исход соревнования двух систем. Поэтому борьба за освободившиеся страны приобретала в их глазах решающее значение, тем более что в отличие от европейского театра соперничества, где положение уже к началу 50-х годов определилось, развивающиеся страны представляли собой район динамичный, где постоянные перемены были чреватые угрозой его переориентации на иные пути социально-экономического развития, и борьба за него считалась не только чрезвычайно важной, но также перспективной и злободневной.

Методы борьбы за молодые, выходящие на историческую арену государства разрабатывались тщательно и многопланово.

В *военно-стратегической* области было форсировано создание особых мобильных соединений, способных вести локальные войны в афро-азиатских и латиноамериканских районах. Соответственно доктрина «массированного возмездия» была признана устаревшей, и ей на смену пришла концепция «гибкого реагирования», согласно которой мера военной активности США должна дозироваться в зависимости от времени, места действия, уровня и форм «давления» противника и многих других обстоятельств. Именно в рамках реализации новой доктрины стало возможным прямое вмешательство Соединенных Штатов в Конго, Лаосе, Южном Вьетнаме.

Большое место отводилось *идеологической и пропагандистской* работе в освободившихся странах. В 1961 г. создается «корпус мира» — организация, которая была призвана сыграть основную роль во внедрении принципов «американского образа жизни» в сознание народов афро-азиатских государств. «Корпус мира» совместно с Информационным агентством США (ЮСИА) предпринимал широкие акции по охвату освободившихся стран системой американской информации, одобренной солидной порцией пропаганды против мира социализма и восхваления американской системы свободного предпринимательства. На этот был поднят тезис об антиколониальном прошлом США, лежащем в основе их нынешнего «процветания» и

долженствующем стать эталоном для современных антиколониальных движений.

Однако решающая роль принадлежала отныне *социально-экономическим* аспектам отношений с развивающимися странами. Уже в начале 60-х годов руководители внешней политики США понимали, что, как бы ни было сильно американское военное присутствие в молодых государствах, оно не может обеспечить создание зоны стабильности и долгосрочного американского влияния, «внутренней стабильности» (по американской терминологии), если не будут разрешены коренные социально-экономические проблемы этих государств. Но стабильность может быть результатом лишь существенной модернизации отживших социально-экономических и политических структур, подъема жизненного уровня масс. Многие влиятельные американские стратеги полагали в начале 60-х годов, что США в состоянии оказать решающее воздействие на характер, темпы и социальное содержание экономического «скачка», или «взлета» (если употребить терминологию У. Ростоу, одного из ведущих в этой области американских теоретиков), с тем чтобы преопределить капиталистическое направление развития экономики освободившихся стран. При этом считалось, что проблема «скачка в XX век» в основном зависит от количества и интенсивности капиталовложений в той или иной форме в сочетании с некоторыми, уже апробированными в других районах мира социальными мероприятиями. Не удивительно, что именно в рассматриваемый период общим моментом в американской научной литературе стали заявления о необходимости принятия для слабо-развитых стран плана, эквивалентного «плану Маршалла».

И действительно, программы *экономической и технической* помощи США развивающимся странам становятся в начале 60-х годов одним из важнейших инструментов данного направления их внешней политики. Уже в 1961 г. был произведен тщательный пересмотр всей системы американской помощи. Главным недостатком предыдущих программ было признано их ориентирование на выполнение разрозненных, конкретных, краткосрочных задач, то, что они лишь «затыкали дыры» и, таким образом, мало способствовали достижению основных стратегических целей США. Пересмотр программ помощи привел к ее значительному количественному увеличению (в середине 60-х годов она превысила 5 млрд. долл.), к существенно расширению круга стран, получающих помощь, к установлению более гибких политических критериев ее предоставления и, наконец, к изменению ее структуры (увеличению удельного веса экономической и технической помощи за счет военной).

При госдепартаменте США было создано Управление международного развития — специальный правительственный орган по распределению и координации помощи иностранным государствам. На правительственном уровне была организована так-

же система поощрения частных капиталовложений в экономику молодых государств.

Итак, если в первые послевоенные годы упор делался на приобретение военных союзников и уже затем предпринимались усилия поднять их экономику (прежде всего в военно-стратегических целях и до уровня, который обеспечивал бы их стабильную экономическую зависимость от США, развитие по капиталистическому пути), то впоследствии тактика заметно изменилась. В комплексе средств и методов американской политики по отношению к развивающимся странам появляется реформистское направление, не отрицающее целиком прежнюю политику создания диктаторских режимов и опоры на них, но представляющее собой альтернативный вариант неоколониалистской стратегии.

Отныне на первый план выдвигалось проведение (во всех или, во всяком случае, в значительном большинстве развивающихся стран) серии экономических, политических и социальных мероприятий, которые создали бы основные предпосылки для разрешения в нужном американскому империализму направлении их исторической дилеммы — выбора пути развития. При этом руководители США не останавливались перед проведением довольно широких (хотя, конечно, отчасти ограниченных в классовом отношении) реформ и даже перед отказом от поддержки отдельных наиболее реакционных режимов в афро-азиатских и латиноамериканских странах, органически неспособных конструктивно отреагировать на новые задачи, выдвинутые США, а потому ставших помехой на пути их решения.

Процесс укрепления военно-стратегических позиций США в развивающихся странах мыслился в тот период как процесс, параллельный «подталкиванию» этих районов на капиталистический путь развития и в значительной мере обусловленный успешным продвижением по этому пути.

Разумеется, никакая политика не осуществляется в чистом виде, не соответствует адекватно принципам и проектам, положенным в ее основу. Кеннедиевский вариант политики США в развивающихся странах был лишь преобладающей тенденцией, основным направлением этой политики в начале 60-х годов. Перечисленные общие принципы осуществлялись на практике в значительной степени непоследовательно. Каждый конкретный шаг был результатом упорной борьбы и неизбежных компромиссов с многочисленными приверженцами старой, даллесовской тактики, а подчас и с влиятельными сторонниками неизоляционизма. Эклектичность, испоследовательность политического курса в рассматриваемой области особенно усилились в период пребывания в Белом доме Лидона Б. Джонсона.

На словах администрация Л. Джонсона придерживалась прежнего курса. Более того, можно сказать, что в некоторых аспектах политика США по отношению к некоторым странам

(например, к Тропической Африке) не претерпела коренных изменений. Однако в других районах мира положение было иным. Агрессия во Вьетнаме, вторжение в Доминиканскую Республику, возврат к политике «большой дубинки» в отношениях со многими другими освободившимися странами, поддержка израильской агрессии на Ближнем Востоке — все это прямо указывало на определенную реставрацию политики непосредственного милитаристского противостояния прогрессивным силам и тенденциям, на восстановление концепции, согласно которой ценность развивающихся стран однозначна, обусловлена лишь антикоммунистическими глобальными соображениями.

Однако если рассматривать политику США в отношении развивающихся стран при Л. Джонсоне в целом, то о реставрации старого, даллесовского подхода можно говорить лишь с оговорками. Указанная тенденция была в определенной степени первым, еще не вполне осознанным и продуманным отзвуком серьезной дискуссии об изменении роли и значения развивающихся стран в новых условиях и о выводах, вытекающих из этого для политики США, дискуссии, которая развернулась во второй половине 60-х годов и породила, по словам известного американского специалиста М. Миллкана, «сомнения, неопределенность и споры»².

Подлинным катализатором дискуссии относительно американской политики в развивающихся странах стал военный и политический провал империализма США во Вьетнаме, определившийся уже в конце 60-х годов. «Вьетнам» — писал в тот период известный американский историк либерального направления Г. Колко, — был первой серьезной попыткой со стороны США найти военное решение господствующим политическим и социальным проблемам конца нашего столетия: контролю над переходом бедных, находящихся в неокOLONиальной зависимости государств к динамической стадии развития с помощью революционных национальных движений, направленных против застоя и нищеты»³.

Одна из наиболее существенных целей правящих кругов США в развязанной ими войне во Вьетнаме состояла в том, чтобы показать, что у народов молодых государств при сложившемся в тот период соотношении сил в мире нет реальной альтернативы следованию в русле американской политики. Поэтому наряду с военными действиями в Южном Вьетнаме, которые сами по себе мыслились не только как целенаправленная военная акция, но и как демонстрация могущества Америки, правящие круги США стремились оказать огромную материальную помощь сайгонскому режиму, показать его жизнеспособность, доказать, что следование в русле американской политики приносит народам освободившихся стран политическую и военную безопасность, материальное благополучие и процветание.

На деле же эта война продемонстрировала совершенно иное. Она показала, что революционные силы, пренебреженные решимости, располагающие устойчивой поддержкой народных масс и имеющие возможность пользоваться систематической и значительной помощью социалистических стран, в состоянии оказать успешное сопротивление военной машине США. В то же время она показала народам Азии и то, что военная помощь и вооруженная интервенция со стороны США, «спасая правительства», как отмечал американский специалист по проблемам Азии Ш. Саймон, «уничтожают страну и ее население»⁴.

В конце 60-х годов поражение американского экспедиционного корпуса во Вьетнаме приобрело особый смысл для политики США в отношении развивающихся стран. Знаменуя собой новые существенные сдвиги в соотношении сил на мировой арене, это поражение в то же время довольно четко определяло пределы эффективности американской военной курс Вашингтона в развивающихся странах. «В 70-х годах, — пишет несколько позднее известный американский специалист по развивающимся странам Ф. Бергстедт, — ни дипломатия канонеров, ни дипломатия доллара не принесут особых успехов американской политике»⁵. Такая констатация не только призывала правящие круги к пересмотру средств и методов их политики, но в первую очередь обращала внимание на ослабление глобальных позиций США.

В специфических условиях внутривнутриполитической борьбы в США названное выше объективное обстоятельство — сокращение глобальных возможностей США вообще и в отношении развивающихся стран в частности — приняло форму обвинения одной (консервативной) группировкой американского правящего класса другой (либеральной) его группировки в завышенной оценке роли освободившихся стран в качестве компонента глобальной стратегии США.

Вопрос о действительной ценности развивающихся стран с точки зрения интересов США и об эволюции этой ценности на рубеже 60-х и 70-х годов стал в связи с поражением во Вьетнаме (хотя и не только из-за него) одним из главных пунктов внутривнутриполитических дискуссий.

«Каково значение или ценность „третьего мира“ для Соединенных Штатов? Как Соединенные Штаты должны оценивать изменения в статусе и ориентации этих стран? Должны ли мы заботиться об этих странах по каким-либо причинам, кроме чувства гуманности и общего пожелания благосостояния и прогресса всем народам?»⁶ — эти вопросы, которыми начинается исследование об американской политике в молодых государствах один из ведущих сотрудников «РЭНД Корпорейшн», Чарльз Вульф, лежали в основе дискуссии по данной проблеме в политических кругах США в конце 60-х годов.

Весьма распространенный, хотя отнюдь не единодушный, ответ на эти вопросы в тот период сводился вкратце к тому, что в начале 60-х годов Соединенные Штаты переоценили значение освободившихся стран для своих жизненных интересов, а также переоценили способность этих стран к быстрому экономическому и социальному развитию.

В консервативной части американских научных и деловых кругов довольно широко распространены на рассматриваемом этапе пессимистический взгляд на реальность перспектив для большинства развивающихся стран выйти в обозримом будущем из своего отсталого экономического, а следовательно, хронически неустойчивого политического положения, даже опираясь на помощь такой сильной державы, как США. По их мнению, глубокая экономическая отсталость, нехватка квалифицированных специалистов и обученной рабочей силы и, наконец, демографический взрыв, блокировавший значительное увеличение национального дохода на душу населения, — все это делало американскую помощь недостаточно эффективной, неспособной привести к такому продвижению по пути капиталистического развития, которое обеспечивало бы прозападную политически стабильную ситуацию одновременно во всех или в большинстве районов Азии, Африки и Латинской Америки.

Более серьезное изучение специфики этих регионов привело некоторых видных американских исследователей к убеждению, что речь идет не просто об отсталой разновидности одного из двух основных типов современных социальных систем, а о феномене, имеющем свои собственные законы развития, на которые внешние факторы оказывают сильное, но лишь второстепенное воздействие. Соответственно проблема выбора пути предстает, согласно этой концепции, в значительно более сложном, чем прежде, виде и отнюдь не сводится к механически перенесенным из иной среды рецептам. В связи со всеми этими обстоятельствами главные предпосылки, на которых основывался политический курс, наиболее отчетливо проявившийся в период пребывания у власти Джона Ф. Кеннеди, признавались чрезмерно оптимистическими, а поэтому несостоятельными.

Определенное воздействие в этом плане на умозаключения американских специалистов и политических деятелей оказали и события в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки, где правящие круги США опасались новых «прорывов» в системе зависимых государств. Переворот в Индонезии в 1965 г., отстранивший от власти президента Сукарно, выступление военной верхушки Ганы против президента Нкрумы в 1966 г. и поворот (впрочем, на весьма короткий период) в ориентации этой страны в сторону Запада, разгром партизанского движения в Боливии в 1967 г. и симптомы отлива революционной волны в ряде стран западноафриканских государств — все это перекликалось с мнением в США, что в 60-е годы

могут стать периодом массового перехода молодых государств по примеру революционной Кубы на путь социалистических преобразований.

Одновременно во влиятельных центрах по формированию американской политики стали все чаще высказываться суждения насчет того, что по мере научно-технического прогресса экономическое значение рассматриваемых районов для США уменьшается. При этом ссылались на тенденцию к относительному падению удельного веса американских капиталовложений в этих районах в конце 60-х годов в связи с ростом рынка капиталовложений в развитых капиталистических странах.

Сторонники этой точки зрения считали, что в военно-стратегическом отношении значение развивающихся стран сильно уменьшилось вследствие дальнейшего усовершенствования средств доставки ядерного оружия. Из всего этого некоторые политические теоретики сделали вывод, что достаточно сохранять и развивать свою военно-экономическую мощь и ракетно-ядерный потенциал для того, чтобы обеспечивать свои глобальные позиции вообще и интересы в «периферийных» государствах в частности. Перечисление указанных факторов обычно сопровождалось в американских исследованиях выводом о том, что наиболее реальной для США перспективой на ближайшее будущее является политика «малой вовлеченности» по отношению к значительно большому числу развивающихся стран⁷.

С точки зрения сегодняшнего дня вполне допустимо говорить, что тезис о «малой вовлеченности» в развивающихся странах и дискуссия вокруг него в действительности нельзя рассматривать ни как коренную стратегическую переориентацию, ни как утрату интереса к освободившимся государствам, ни как изменение основных американских целей в Азии, Африке и Латинской Америке, сформулированных еще в первые послевоенные годы. Речь шла о попытках извлечь уроки из собственных ошибок, приспособить тактику к изменившимся условиям как в развивающихся странах, так и к тому, что касается возможностей самих Соединенных Штатов на международной арене.

Пришедшая к власти в 1969 г. и взявшая на себя миссию разработки новой глобальной внешнеполитической доктрины США администрация Р. Никсона весьма внимательно отнеслась к дискуссии в американских научных кругах по вопросам политики в освободившихся странах и к основным рекомендациям ее участников. Президент Р. Никсон в своих первых выступлениях ясно дал понять, что его правительство не намерено отказываться от попыток сохранить и усилить позиции Соединенных Штатов в развивающихся странах, отвлечь от них революционную бурю. Но добиться всего этого новая администрация стремилась путем максимально низких затрат, чтобы основные свои ресурсы переключить на решение важнейших проблем

внутри- и внешнеполитического характера, проблем, которые в начале 70-х годов считались более актуальными и неотложными.

«Должен быть произведен полный пересмотр всех обязательств с целью определить, каким образом Соединенные Штаты могут сократить свое бремя и выработать политику уменьшения возможной вовлеченности в периферийных зонах»⁸ — эти слова президента Р. Никсона — одно из типичных официальных высказываний того времени. Первым важным проявлением новой линии стала «гуамская декларация» президента в июле 1969 г. об ограничении в будущем вовлеченности США в азиатские дела.

Президент Р. Никсон положил «гуамскую декларацию» в основу своей обширной внешнеполитической доктрины, призванной всесторонне изложить внешнеполитический курс США на все десятилетие 70-х годов. Этот новый уровень обобщения «гуамской доктрины» был характерен тем, что афро-азиатская ситуация рассматривалась не как целостная региональная проблема первостепенной важности, а главным образом как компонент глобальной проблемы, состоящей из ряда более или менее актуальных подпроблем. Соответственно «ограниченная вовлеченность» в развивающихся странах аргументировалась в «доктрине Никсона» не столько состоянием дел в них, сколько необходимостью концентрации усилий Соединенных Штатов на конкретных направлениях, считавшихся в тот период решающими. Что же касается так часто встречающихся в текстах посланий президента конгрессу по вопросам внешней политики слов о гибкости, готовности «делить ответственность с другими», об уважении к «различным интерпретациям реальной действительности, различным концепциям собственных интересов и различным выводам о том, как решать проблемы», то практика показала, что такого рода заявления со стороны крупной империалистической державы обычно связаны с известным притуплением ощущения угрозы своим коренным интересам.

Действительно, для общего отношения правящих кругов к развивающимся странам в начале 70-х годов весьма характерно явное преуменьшение значения стран и процессов, происходящих в Азии, Африке и Латинской Америке, для коренных долгосрочных интересов США на мировой арене.

Эта тенденция отразилась в первую очередь в принятии на вооружение администрацией Р. Никсона в 1969—1973 гг. политики «уменьшения вовлеченности», которая включала в себя вывод американских сухопутных сил из некоторых районов Азии, Африки и Латинской Америки, отказ от стратегии «ограниченных войн», пересмотр системы американских военных обязательств за рубежом. Однако, ставя во главу угла этот принцип, президент США понимал, что его необходимо убедительно обосновать и в политическом и в пропагандистском от-

ношениях, иначе требующая экономии ресурсов политика в развивающихся странах могла обернуться просто признанием поражения политического курса США со всеми вытекающими из этого последствиями для их глобальных позиций. Поэтому одним из основных моментов в оценке международной обстановки в «доктрине Никсона» был тезис о том, что «новые нации обрели чувство собственного самосознания и уверенности в своих силах и способны к самостоятельным действиям на международной арене». «Они могут, — заявлял Р. Никсон, — взять на себя большую долю ответственности за свою собственную безопасность и благополучие»⁹.

Развивая этот тезис, Р. Никсон в то же время понимал, что не следует слишком далеко заходить в подчеркивании «самостоятельности» молодых государств, поскольку это могло обернуться признанием того, что государства Азии и Африки, а также Латинской Америки постепенно выходят, по крайней мере в политическом отношении, из рамок системы капиталистического мира и становятся независимой политической силой современного мира. Поэтому декларация о возросшей «самостоятельности» развивающихся государств сопровождалась, с одной стороны, безмерным восхвалением роли США в процессе деколонизации и консолидации стран Азии, Африки и Латинской Америки, а с другой — указаниями на то, что Соединенные Штаты готовы и в новых условиях выполнять свой «долг» по оказанию «помощи» молодым государствам в защите их суверенитета и в развитии их экономики, но лишь в случаях «прямой агрессии со стороны коммунистических держав».

Однако — и в этом, в сущности, была новизна «доктрины Никсона» — дальнейшая помощь со стороны США развивающимся государствам должна была строиться на *основах «партнерства»*. Это понятие, занимающее одно из ключевых мест в «доктрине Никсона», по отношению к развивающимся странам имело несколько взаимосвязанных и вместе с тем противоречивых моментов. Важнейший из них — стратегия «вьетнамизации», первоначально провозглашенная как средство «деамериканизации» войны во Вьетнаме, но фактически уже через полгода после выступления президента Р. Никсона на о-ве Гуам летом 1969 г. превратившаяся в одну из основ политики США в зоне развивающихся стран. Стратегия «вьетнамизации» включала в себя целую систему мер по военному, экономическому и политическому усилению зависимых от США режимов, с тем чтобы высвободить Америку из «сверхвовлеченности» в дела этих стран.

Наряду со стратегией «вьетнамизации» правящие круги США возвели в принцип своей политики в развивающихся странах в первой половине 70-х годов и ставку на субимпериализм отдельных держав, призванных играть роль проводников интересов Соединенных Штатов в отдельных районах Азии, Африки

и Латинской Америки. Курс на укрепление Израиля на Ближнем Востоке, ЮАР — на юге Африки, Бразилии — в Латинской Америке, Тайваня и Южной Кореи — в Восточной и Юго-Восточной Азии показывал, что, сокращая свою прямую вовлеченность в наиболее «горячих точках» развивающегося мира, США предполагали перепоручить этим странам полицейские функции по подавлению освободительных движений, а также по контролю за обстановкой в соответствующих районах. Этот элемент должен был подкрепить стратегию «вьетнамизации» и создать хотя бы видимость логичности в попытках «доктрины Никсона» высвободить Соединенные Штаты из «сверхвовлеченности» в дела развивающихся стран.

Принцип «партнерства» в политике США по отношению к развивающимся странам предполагал и более тесную координацию действий Вашингтона с политикой его наиболее важных союзников — Японии, Англии, ФРГ, Франции. Несмотря на все противоречия и конкурентную борьбу, разделяющую империалистические государства, Р. Никсон и его окружение делали большую ставку на способность бывших метрополий и Японии найти более гибкие пути контроля над отдельными регионами Азии и Африки в интересах усиления совокупных позиций империализма. Поощрение активности старых партнеров США в деле создания и укрепления новых партнеров стало одним из стержней никсоновско-киссинджеровской тактики в отношении развивающихся государств.

«Уменьшение вовлеченности» в словаре «доктрины Никсона» касалось не только военно-политической сферы, но и сферы финансово-экономической. В течение нескольких лет в первый период пребывания Р. Никсона в Белом доме (1969—1972) наблюдалась устойчивая тенденция к сокращению американской помощи развивающимся странам. Уже при обсуждении бюджета 1968/69 г. предложения по статье «помощь иностранным государствам», внесенные в конгресс бывшим президентом Л. Джонсоном, были урезаны почти на 1,5 млрд. долл. В том финансовом году США предоставили экономически слаборазвитым странам наименьшую помощь за все 20 с лишним лет существования этих программ. Указанная тенденция проявилась и в сметах, предложенных на 1969/70 и 1970/71 гг. Немалую роль сыграл здесь и конгресс США, провалившийся законопроект о помощи иностранным государствам в октябре 1971 г., когда администрация сочла необходимым увеличить ее размеры до 2,9 млрд. долл.

Президент Никсон выдвинул в своих предвыборных выступлениях и сформулировал в посланиях конгрессу о помощи новые долгосрочные принципы экономической политики США. Основными моментами этой политики являлись сокращение государственной помощи, изменение характера этой помощи (акцент на финансовую и техническую помощь) и особенно расшире-

ние и всечасное поощрение частных американских капиталовложений.

В 70-е годы Соединенные Штаты были намерены в значительной степени заместить капиталоемкую помощь, направляемую на создание промышленной базы и инфраструктуры в развивающихся странах, как можно более экономичной и вместе с тем максимально эффективной демонстрацией новейших достижений научно-технической революции, примененных в рассматриваемых районах. В этом направлении разрабатывалась интенсивная работа крупных исследовательских центров (наибольший рекламный эффект имели проекты Гудзоновского института по развитию энергетики и сельского хозяйства Латинской Америки посредством строительства системы низких плотин на р. Амазонке).

Что касается практического воплощения новой линии, то главным ее итогом можно считать резкое увеличение в начале 70-х годов производства зерновых в ряде афро-азиатских стран, получившее в американской литературе название «зеленой революции». Применение принципиально новых высокоурожайных сортов риса, пшеницы и кукурузы в сочетании с мерами по ирригации и внесению качественных удобрений привело в ряде районов к увеличению продукции вдвое и даже втрое, а некоторые традиционно импортировавшие продовольствие государства (Филиппины, Пакистан) в короткий срок превратились в самообеспечивающиеся и в перспективе рассчитывали на экспорт продуктов сельского хозяйства.

Однако в сопоставлении с начавшейся в этот же период страшной засухой в Сахарском регионе Африки, ухудшившимся продовольственным положением в Бангладеш и Индонезии эти достижения бледнели и не могли никак успокоить даже наиболее последовательных сторонников принципа «экономии ресурсов» США за счет сокращения программ помощи развивающимся странам.

Колеблясь между позициями сторонников неомонополизма в вопросах помощи зарубежным государствам (весьма широко представленными в конгрессе США) и позициями тех, кто считал, что США могут себе позволить сокращение военно-политической активности в развивающихся странах и должны компенсировать его усилением экономического и научно-технического проникновения, Никсон избрал путь селективного распределения программ помощи зарубежным странам. Несколько увеличив общий объем этих программ в 1970—1973 гг., Соединенные Штаты в то же время усилили в них, во-первых, долю помощи через многосторонние международные каналы (Межамериканский банк развития, Международный банк реконструкции и развития и т. п.) и, во-вторых, увеличили сумму средств, отпускаемых на поддержку наиболее реакционных режимов, имевших ключевое значение для позиций США в отдельных

районах Азии, Африки и Латинской Америки} Так, в 1970/71 г. из 43 стран, получивших помощь США, 70% всей военной и экономической помощи пришлось всего на девять стран и территорий: Южный Вьетнам, Израиль, Кампучию, шахский Иран, Турцию, Таиланд, Южную Корею, Португалию и Грецию.

Итак, в «доктрине Никсона» речь шла о новой тактике — тактике экономии сил и средств за счет развивающихся стран, их сосредоточения на решающих, с точки зрения руководителей США, фронтах борьбы двух систем. Подобная тактика отнюдь не свидетельствовала об «ухуде» США из этих районов или об ослаблении империалистического характера их политики. Более того, в некоторых своих аспектах (например, в особом внимании к «стратегически важным» государствам расматриваемой зоны) она создавала представление о возврате к докенинедвудесетилетнему рецептам и методам. Это, однако, касалось не столько содержания, сколько формы. По существу же США искали ответ на возросшую активность сил мира, прогресса и социализма, стремились с наибольшей выгодой для себя действовать в объективно новой ситуации.

В этом подходе правящих кругов США к проблемам политики в развивающихся странах в начале 70-х годов в очередной раз ярко проявилось их отношение к молодым государствам как к своему глобальному резерву в борьбе с миром социализма. Считаая, что в силу своего пока еще низкого уровня развития экономики и соответственно силовых компонентов влияния освободившиеся государства не могут нанести им «удар в спину», Соединенные Штаты намеревались опереться на политически «стабилизированный» с помощью зависимых режимов и «доверенных лиц» мир молодых государств в попытках изменить соотношение сил на мировой арене в свою пользу. И если говорить об исторической ограниченности «доктрины Никсона» в области политики в зоне развивающихся стран, то в первую очередь можно было бы выделить именно этот поверхностный, прямо вытекающий из «американоиморфистской» психологии просчет. В своем стремлении преуменьшить значение поражения США во Вьетнаме за счет весьма сомнительного, по тем не менее приемлемого для большинства в политических кругах Вашингтона тезиса о необходимости «снижения вовлеченности» в Азии, Африке и Латинской Америке администрация Никсона не сумела до конца правильно оценить истинное соотношение сил в развивающихся государствах и тем самым подготовила почву для сильных потрясений, которые пережил весь капиталистический мир в 1973—1974 гг. в связи с решительным выступлением развивающихся стран в защиту своих интересов.

Нельзя сказать, что этот курс администрации получил единодушную поддержку в более широких политических кругах. В США существовала довольно сильная группировка деятелей

науки и политики, считавшая, что длительное пренебрежение жизненно важными проблемами развивающихся стран со стороны США может привести к дополнению, а в дальнейшем и к замене глобального противостояния Запад — Восток конфликтом Север — Юг. Забота о достижении своих основных внешнеполитических целей, считали эти деятели, не позволяет США надолго упускать из виду независимые государства.

Одной из важнейших долгосрочных проблем, с которыми США, по признанию многих американских исследователей, сталкиваются в своих отношениях с развивающимися странами, является проблема идеологического, духовного, «цивилизационного» взаимовлияния. Казалось бы, что вопрос этот столь зыбок, неконкретен и апрагматичен, что представляет интерес скорее для философов и культурологов, чем для внешнеполитических исследователей. Тем более симптоматично, что именно эта тема была одним из отправных пунктов рассуждений такого столпа «политического реализма», каким являлся Г. Киссинджер (она впервые зазвучала еще до его назначения на пост советника президента по вопросам национальной безопасности в 1969 г.), и ряда других наиболее компетентных американских специалистов по проблеме национальной безопасности в конце 60-х и начале 70-х годов. Учитывая усиление изоляционистских тенденций, определенную утрату иллюзий относительно быстрого решения афро-азиатских проблем в нужном для правящих кругов направлении, эта группа ученых вместе с тем настойчиво подчеркивала, что прочная и долговременная безопасность США немыслима без серьезных и широких усилий по стабилизации положения в развивающихся странах, понимаемой как стабилизация капиталистическая, направляемая и руководимая Соединенными Штатами. «В век молниеносной связи, — писал Г. Киссинджер в 1968 г., — мы не можем делать вид, будто судьба двух третей человечества не беспокоит Соединенные Штаты или не представляет для нас интереса... Безразличие к одной из величайших революций нашего времени приведет лишь к тому, что в конце концов мы сами будем охвачены ею если не физически, то психологически»¹⁰.

Опасения Г. Киссинджера и тех, кто выступал против недооценки роли освободившихся государств в современном мире, были связаны, следовательно, с тем, что недостаточное внимание к важнейшим социальным и политическим аспектам отношения США с освободившимися странами, примитивный «американоиморфизм», «самонадеянность силы», великодержавная уверенность в том, что военно-стратегического и экономического могущества вполне достаточно для доминирования в мире, могут привести к резкому усилению разрыва между военным и политическим весом Соединенных Штатов в мире, «поднимут на новый уровень проблему существования многочисленных полюсов силы», враждебных США. В конечном счете, учитывая

возможность самых неожиданных скачков в технологии, в частности в военной, в век научно-технической революции, развитие отношений США — развивающиеся страны в подобном направлении могло бы в будущем самым существенным образом отразиться на национальной безопасности Соединенных Штатов.

Став во главе американской внешней политики, Г. Киссинджер, по-видимому, на время забыл о своих опасениях. Однако уже к 1973 г. ему пришлось вспомнить о них. С этого периода проблема развивающихся стран вновь властно врывается в самые основные сферы американского политического планирования.

Накануне событий 1973—1974 гг., когда развивающиеся страны сумели показать империалистическим государствам свое возросшее политическое влияние, опирающееся на изменившееся соотношение сил в глобальном масштабе, правящие круги США продемонстрировали явную неспособность реагировать надлежащим образом на такое грандиозное явление, как национально-освободительные революции в бывших колониальных и зависимых странах в современную эпоху, выход на мировую арену огромного количества новых государств, преисполненных решимости ликвидировать вековую отсталость, в первую очередь за счет коренного пересмотра своих места и роли в сложившейся системе мирового капиталистического хозяйства. Настоящая монография рассматривает совокупность отношений между США и развивающимися государствами преимущественно после 1973 г. Поэтому данная глава, показывая основные вехи эволюции этих отношений после второй мировой войны, лишь подводит читателя к данному хронологическому рубежу. Очевидно, что учет основных истоков общего отношения правящих кругов США к проблемам развивающихся стран, причин, побудивших Вашингтон к глубокому пересмотру характера и уровня этих отношений на рубеже 70-х годов, одним словом, той платформы, с которой развивались в течение нынешнего десятилетия отношения между ведущим империалистическим государством современности и странами Азии, Африки и Латинской Америки, необходимо для объективного исследования современного этапа этих отношений.

Глава 2

РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ США

Политика США в отношении развивающихся стран находится под воздействием целого ряда внутривнутриполитических факторов. В первую очередь она предопределяется стремлением американ-

ского финансового капитала к мировому господству. Значительный отпечаток на нее накладывают и накопленные Соединенными Штатами традиции специфического американского колониализма как сложившейся под воздействием американских исторических условий особой формы неоколониализма. В неоколониалистском закабалении развивающихся стран заинтересованы не только основные группы американской финансовой олигархии, но и ряд категорий так называемых средних слоев, сравнительно высокий жизненный уровень которых в значительной мере достигается за счет сверхприбылей, получаемых в результате эксплуатации и ограбления развивающихся стран. В массовом сознании представителей этих групп населения США сложился определенный взгляд на страны Азии, Африки и Латинской Америки, являющийся психологической основой поддержки ими политики господствующего класса.

Но в 70-е годы к комплексу внутривнутриполитических факторов, оказывающих влияние на формирование политики в отношении развивающихся стран, добавилась новый компонент — необходимость в значительно большей степени считаться с наличием в США миллионов представителей национальных меньшинств, в этническом и культурном отношении родственных населению развивающихся стран. В настоящее время национальные меньшинства африканского, латиноамериканского, азиатского и арабского происхождения составляют около одной пятой населения США. Согласно последним данным американской статистики (значительно преуменьшающей подлинное число представителей национальных меньшинств), в США проживает 24 435 тыс. черных американцев — потомков рабов, некогда насильственно вывезенных из Африки¹; 11 117 тыс. испаноязычных американцев — выходцев из стран Центральной, Южной Америки и Карибского бассейна²; 2250 тыс. американцев азиатского происхождения — выходцев из стран Азии и островов бассейна Тихого океана³; около 2 млн. американцев арабского происхождения⁴.

Последние два десятилетия отмечены резким возрастанием политической активности национальных меньшинств. Движения черных, чиканос (американцев мексиканского происхождения)⁵, пуэрториканцев, индейцев стали важными направлениями демократической борьбы, оказывают существенное влияние на политическую обстановку в стране. Рост политической активности национальных меньшинств способствовал превращению их в один из важнейших каналов, через который происходящие в развивающихся странах процессы оказывают влияние на американскую внутривнутриполитическую жизнь.

Необходимость рассмотрения этого фактора диктуется еще и тем, что к настоящему времени черные и другие цветные американцы представляют собой значительную часть населения США, относящуюся к национально-освободительной борьбе на-

родов Азии, Африки и Латинской Америки с иных позиций, чем остальное американское население. Они проявляют постоянный интерес к родине своих предков, к событиям международной жизни, затрагивающим народы развивающихся стран, испытывают чувство солидарности с их борьбой, внимательно следят за политикой США в отношении развивающихся стран, а в отдельных случаях пытаются оказывать на нее влияние.

Активизация борьбы за национальное равноправие в США

Создание бывшими колониальными народами независимых государств, рост их роли на международной арене, усиление влияния в Организации Объединенных Наций наряду с поддержкой, неизменно оказываемой Советским Союзом и другими социалистическими странами борцам за расовое равноправие способствовали созданию международного климата, благоприятствовавшего развертыванию движения за национальное равноправие в США, расширили потенциальную международную аудиторию, к которой могли апеллировать американские меньшинства в борьбе за свои права. Возрастание экономической, политической и стратегической роли развивающихся стран вынуждает правящие круги США заботиться о своем престиже у народов этих стран, идти на определенные уступки требованиям своих национальных и этнических меньшинств.

Особенно сильное воздействие на развитие национальных движений в США оказали антиколониальная борьба народов Африки, победа социалистической революции на Кубе и мужественное сопротивление вьетнамского народа американской агрессии.

На рубеже 60-х годов успехи антиколониальной борьбы народов Африки послужили толчком к вовлечению черных американцев в движение активного протеста против позорной системы расовой сегрегации и дискриминации, узаконенной в южных штатах. Успехи антиколониальной борьбы народов Африки стали, по словам выдающегося лидера движения за гражданские права Мартина Лютера Кинга, мощной силой, вдохновлявшей черных американцев⁶, вселявшей в них уверенность в своих возможностях, решимость продолжать борьбу, стремление к объединению. Каждый новый успех, достигнутый народами Африки, порождал у участников движения за гражданские права недовольство слишком медленным темпом улучшения своего положения в американском обществе, толкал их ко все более решительным действиям.

Вдохновляющим примером для многих участников демократических движений 60-х годов стала победа кубинской революции. Опыт построения социализма на Кубе наглядно про-

демонстрировал меньшинствам возможности социализма в деле решения расовой проблемы, ликвидации последствий национального угнетения.

Важным фактором, оказавшим идейно-политическое воздействие на все направления борьбы 60-х годов, явилась война во Вьетнаме. Широкое вовлечение в движение протеста против войны во Вьетнаме способствовало радикализации участников демократической борьбы, усилению их антиимпериалистических настроений. Черные американцы одними из первых увидели не только несправедливый, но и расистский характер войны. Они увидели, как позднее говорил М. Л. Кинг, «совершенно очевидную и почти непосредственную связь между войной во Вьетнаме и той борьбой, которую они ведут в США»⁷.

Размах национально-освободительной борьбы народов развивающихся стран оказал значительное влияние не только на подъем борьбы меньшинств, но и на их массовое сознание — способствовал росту национального самосознания, усилению национальных чувств, идентификации, интересу к своему историческому и культурному наследию.

В отличие от черных американцев и большинства других этнических групп США испаноязычные американцы — американцы мексиканского происхождения, пуэрториканцы, выходцы из Центральной и Южной Америки — сохранили свой язык, характерные черты национальной культуры, быта и традиций. На сознание миллионов испаноязычных американцев значительное воздействие оказало резкое усиление в послевоенные годы национально-освободительного движения в странах Латинской Америки, своим острием направленным против империализма США. Оно способствовало росту уровня национального самосознания, усилению ощущения своей исторической, культурной, этнической и языковой связи с народами Латинской Америки.

Успехи антиимпериалистической борьбы народов Латинской Америки усилили у испаноязычных американцев интерес к традициям и опыту национально-освободительной и революционно-демократической борьбы народов Латинской Америки, способствовали их более глубокому восприятию. Активист движения чиканос А. Рендон на рубеже 70-х годов писал: «Мы, чиканос, можем черпать вдохновение в традициях мятежа: мы знаем, что такое вооруженная революционная борьба»⁸.

Прошедшие в 60-е годы сдвиги в сознании миллионов представителей национальных меньшинств наложили глубокий отпечаток на их отношение к американскому обществу, его институтам и ценностям, способствовали усилению отчуждения широких масс черных, испаноязычных и других небелых американцев от американских политических институтов, навязываемой господствующим классом буржуазной идеологии и морали, превращению их в постоянный источник социального недовольства, причем его потенциальная массовая база постепенно рас-

ширяется за счет усиленного притока иммигрантов из стран Латинской Америки и Азии. Помимо более 100 тыс. иммигрантов из латиноамериканских и азиатских стран, ежегодно въезжающих в США на законном основании⁹, границу США незаконно перескачет до 1 млн. человек в год. В подавляющем большинстве это страдающие от нужды и массовой безработицы жители латиноамериканских стран (60% из них — мексиканцы), приезжающие в США в поисках работы и средств к существованию. Они вливаются в этнические группы, отличающиеся низким социальным статусом, подвергающиеся национальной дискриминации и сверхэксплуатации. Поэтому рост их числа неизбежно ведет к расширению массовой базы социально-политической и экономической структуры американского общества представляют национальные меньшинства. Кроме того, новые иммигранты из развивающихся стран несут с собой сложившиеся в этих странах особенности культуры и быта, ценности ориентации, обычаи и установки, характерные черты массовой психологии, а часть из них — и традиции национально-освободительной, антиколониальной борьбы, неизбежно оказывающие влияние на родственные им в этническом и культурном отношении группы населения США, а в конечном счете — на политическую жизнь США в целом.

Развернувшееся с середины 50-х годов движение за гражданские права негров взяло на вооружение разработанную М. Л. Кингом тактику прямых ненасильственных действий, в которой непосредственно ощущается влияние ненасильственных методов, использовавшихся М. Ганди в борьбе за освобождение Индии от британского владычества.

Знакомство с опытом борьбы против колониализма оказало большое влияние на направление начавшихся в середине 60-х годов в кругах негритянского руководства поисков новых форм и методов борьбы, нового подхода к решению стоящих в повестке дня проблем. С середины 60-х годов резко участились поездки лидеров негритянских организаций — главным образом леворадикального направления — в развивающиеся страны Африки, Ближнего Востока, в ДРВ и на Кубу, где они встречались с руководителями национально-освободительных движений, наблюдали процесс ломки колониальных устоев, ликвидации тяжелого наследия колониальной эксплуатации, становления ряда стран на путь некапиталистического развития.

В первую очередь влияние знакомства с опытом антиколониальной борьбы сказалось в изменении взглядов на характер и значение движения черных американцев. Во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов лидеры движения за гражданские права рассматривали негров США как американцев, незаконно лишенных прав, гарантированных им конституцией, и ведущих борьбу за распространение на них прав, которыми

пользуются белые американцы. Со второй половины 60-х годов в кругах негритянского руководства — и в первую очередь среди лидеров леворадикального крыла движения — наблюдался рост понимания пересторжимой связи между эксплуатацией империализмом народов развивающихся стран и угнетением национальных меньшинств в самих США.

Первым о необходимости связать борьбу черных американцев с антиимпериалистической борьбой народов развивающихся стран заговорил один из самых популярных лидеров негритянского движения 60-х годов — Малькольм Икс, посетивший в 1964 г. ряд арабских и африканских стран. Африка помогла Малькольму Иксу увидеть, что борьба черных американцев является частью восстания против угнетения и империализма, являющегося характерной чертой современной эпохи, прийти к выводу о необходимости расширить борьбу за гражданские права до уровня борьбы за права человека, поставив США перед судом комиссии ООН по правам человека, где на сторону американских негров встанут их «африканские, азиатские и латиноамериканские братья»¹⁰.

Ощущение своей связи с народами бывших колоний просматривается и во взглядах лидеров леворадикального крыла движения чиканос. Они рассматривают американцев мексиканского происхождения как поработенный народ, насильственно лишенный права на свою территорию, превращенный в объект экономической и политической эксплуатации и ведущий борьбу за свое освобождение. Во взглядах и деятельности ряда лидеров движения чиканос прослеживается влияние поездок в страны Латинской Америки — в первую очередь в Мексику и на Кубу, — которые они посещали, пытаясь непосредственно воспользоваться опытом борьбы народов латиноамериканских стран.

Один из самых популярных в 60-е годы лидеров движения чиканос — Рене Тихерина значительно расширил рамки возглавляемой им борьбы за возвращение некогда насильственно отторгнутых Соединенными Штатами у американцев мексиканского происхождения земель и поднял ее до уровня борьбы против захватнической политики американского империализма, против империалистических договоров и права народов. В конспективном выступлении Тихерины находили живое отражение среди американцев мексиканского происхождения, способствовали более глубокому осознанию общности проблем, стоящих перед испаноязычными американцами и народами Латинской Америки, пониманию, что в своей борьбе они имеют мощного союзника — национально-освободительное движение народов Латинской Америки, Азии и Африки. Р. Тихерина видела перспективу объединения борьбы миллионов испаноязычных американцев с десятками миллионов латиноамериканцев. «Вы американцы с десятилетиями с неграми, — говорил он Роберту Кеннеди, — но подождите, пока начнем мы! К 2000 году за

рекой Рио Гранде будет 600 миллионов людей, говорящих по-испански»¹¹.

Контакты лидеров черных американцев с представителями африканских национально-освободительных сил, знакомство с опытом государств, выбравших некапиталистический путь развития, способствовали их определенному отходу от антикоммунизма. Это нашло проявление в памятной речи в середине 60-х годов готовности лидеров леворадикального крыла движения рассматривать социалистическую альтернативу. Первым о неизбежности крушения системы капитализма, порождающей эксплуатацию и расовое угнетение, заговорил Малькольм Икс. Он пришел к выводу, что единственно возможным решением многих проблем, стоящих перед черными и белыми людьми Америки, является развитие в социалистическом направлении.

Во второй половине 60-х — начале 70-х годов эта тема начала отчетливо звучать в выступлениях многих лидеров леворадикального крыла движения черных американцев, а также пуэрториканцев. Сегодня, когда от этого периода нас отделяет почти целое десятилетие, ясно видно, что интерес к социализму был в значительной степени стимулирован происходящими в развивающихся странах процессами. Почти полное отсутствие знакомства с научным социализмом, с опытом и достижениями реального социализма создавало в умах лидеров, и тем более рядовых участников, поверхностное и в значительной мере извращенное представление о характере и сущности социалистических преобразований, открывая простор для деятельности в их среде различного рода левацких группировок, главным образом маоистского толка.

Вместе с тем среди части представителей национальных меньшинств, главным образом молодежи, интерес к развивающемуся миру породил стремление к полному отождествлению себя с народами Латинской Америки, Азии и Африки и ошибочное представление, что история, интересы и в конечном счете судьба национальных меньшинств США более тесно связаны с двумя третями народов мира, чем с наследием белой Америки. Среди части лидеров леворадикального крыла движений черных, чиканос, пуэрториканцев отождествление себя с народами, ведущими национально-освободительную борьбу, вело к прямому переносу опыта этой борьбы на американскую почву, игнорированию специфических условий общественной жизни США.

Во второй половине 60-х годов в леворадикальных кругах негритянского движения приобрела популярность теория о том, что негры США образуют «внутреннюю колонию», а поэтому их борьба, ее методы, характер во многом аналогичны борьбе народов развивающихся стран.

В результате отсутствия критического осмысления опыта вооруженной борьбы развивающихся стран, реальной оценки си-

туации в США ряд лидеров леворадикального крыла негритянского движения (а также движения пуэрториканцев) в конце 60-х годов начали отождествлять революционные методы преобразования общества с «революционной войной», приобретающей форму партизанской войны. В выдвинутых некоторыми леворадикальными лидерами планах «партизанской войны в негритянских гетто» явно прослеживается влияние идей Ф. Фанона и Р. Дебре, призывавших возвести партизанскую войну в категорический императив революционной борьбы.

В 70-е годы тенденция к автоматическому перенесению методов и лозунгов борьбы народов развивающихся стран на американскую почву нашла проявление в распространившемся среди деятелей националистического крыла негритянского движения увлечении панафриканизмом. Его идеологи призывают черных американцев отказаться от всего, что их связывает с Америкой, перенести все свое внимание на Африку, связать свою судьбу с борьбой ее национально-освободительных сил, так как, по их мнению, «борьба за революцию в США в настоящее время бесперспективна»¹². С начала 70-х годов появился целый ряд панафриканистских организаций и групп, ведущих пропаганду и идейную полемику, пытающихся завязать и укрепить контакты с африканскими национально-освободительными силами.

Попытки механического копирования методов борьбы против колониализма нанесли и наносят определенный вред борьбе национальных меньшинств. Особенно наглядно неприменимость к американским условиям искусственно пересаженных на американскую почву максималистских концепций, родившихся в развивающихся странах, обнаружилась в негритянском движении на рубеже 70-х годов.

В последующие годы большинство популярных во второй половине 60-х годов концепций либо были полностью отвергнуты, либо потеряли значительную часть своих сторонников. Полуцившая в 60-е годы широкое распространение романтическая идентификация с «отверженным миром» с начала 70-х годов в большинстве секторов движений черных американцев постепенно уступала место более реалистической оценке места своей борьбы в общем движении антиимпериалистических сил.

Против официального курса Вашингтона

Попытки представителей национальных меньшинств оказывать влияние на процесс выработки решений в отношении развивающихся стран — явление сравнительно новое. Оно стало возможным благодаря прошедшей в последние десятилетия политической активизации национальных меньшинств — в первую очередь черных и испаноязычных американцев, — способст-

вовавшей превращению борьбы за демократическое решение национального вопроса в один из факторов социальной нестабильности американского капитализма. Достигнутая в ходе борьбы минувших лет политическая консолидация движений национальных меньшинств создавала потенциальную возможность использования приобретенного ими опыта для оказания влияния на политику США в отношении родственных им в этническом и культурном отношении народов развивающихся стран.

В прошлом лишь немногие лидеры национальных меньшинств отваживались выступать с критикой американской внешней политики, указывать на связь угнетения национальных меньшинств в самих США с попранием прав и суверенитета народов развивающихся стран. К середине 70-х годов требования пересмотра политики США в отношении развивающихся стран стало одним из важнейших лозунгов, выдвигаемых национальными меньшинствами. Критика внешнеполитического курса Вашингтона теперь не ограничивается лишь радикально настроенными лидерами и участниками движений. С ней начали выступать и лидеры, стоящие на более умеренных позициях, представители национальных меньшинств, занимающие выборные политические должности. Движение солидарности с борьбой народов развивающихся стран объединяет представителей разных классов и социальных слоев, охватывает широкий спектр организаций национальных меньшинств — от буржуазно-реформистских организаций до организаций, занимающих крайние националистические позиции.

С середины 70-х годов внешнеполитические требования начали довольно отчетливо звучать в программных документах ряда организаций, в выступлениях лидеров, со страниц печати. Так, на второй ежегодной встрече президентов ста крупнейших негритянских организаций в мае 1977 г. говорилось о необходимости превращения «25 миллионов черных и их союзников» в авангард нового политического процесса, который должен привести к выработке «новой внутренней и внешней политики»¹³, новых отношений с развивающимися странами. В выступлениях лидеров национальных меньшинств США последних лет нередко звучат те же мотивы, что и в выступлениях представителей развивающихся стран: протест против пренебрежения крупными империалистическими державами правами малых народов, требования перестройки мировых экономических отношений на новой, справедливой основе.

Черные и другие цветные американцы выступают за изменение характера американской помощи, за увеличение средств на нужды социально-экономического развития путем сокращения расходов на военную помощь, за отказ США от использования экономической помощи в политических целях, от вмешательства во внутренние дела развивающихся стран. Особенно активный характер эти требования носят в стенах конгресса,

где черные и испаноязычные конгрессмены выступают за расширение помощи развивающимся странам, вносят или активно поддерживают законопроекты, направленные на увеличение подобной помощи.

Если требования национальных меньшинств в отношении развивающихся стран носят, за редким исключением, общий и в значительной степени декларативный характер, то о требованиях в отношении отдельных регионов, в первую очередь Африки, уже можно говорить как о политически оформленной программе.

Хотя поддержка черными американцами движения за африканскую независимость имеет длительную историю, массовый характер она приобрела лишь в 70-е годы. Прошедшие в сознании современного поколения черных американцев сдвиги вызвали в них глубокий интерес к Африке. С середины 60-х годов начался приток американских черных туристов на Африканский континент, и их число постоянно растет. В 60-е годы большинство отправлялось в Африку в поисках «корней». Небольшие группы отправляются по Африке в поисках «корней», которые до сих пор скитаются по Африке, изучают различные африканские диалекты, длительное время живут в африканских деревушках. Большинство черных американцев понимают, однако, тщетность попыток восстановить утраченные в Р. Уэлкинса, «корни». Но, по словам негритянского журналиста Р. Уэлкинса, «они чувствуют себя морально обязанными внимательно следить за всеми событиями, в ходе которых поднимаются вопросы, касающиеся Африки»¹⁴.

С середины 70-х годов черные американцы проявляют растущую активность по всем вопросам, касающимся американской политики по отношению к африканским странам, и по большинству из них их позиции значительно расходятся с позициями вашингтонской администрации. Симпатии черных американцев — на стороне африканских национально-освободительных сил, прогрессивных режимов, и они ориентируются на их поддержку. Как отмечал в 1976 г. один из старейших членов негритянской фракции конгресса США Чарльз Дуггс, «все черные американцы заинтересованы в том, чтобы Африканский континент стал могучим и приобрел влияние за столом переговоров с официальными представителями США... Когда же черные американцы в полной мере реализуют свой политический потенциал, они смогут... оказать помощь африканским государствам»¹⁵.

В ряде документов негритянского движения последних лет — в специальных резолюциях негритянского съезда и конференций, в принятом в 1976 г. Манифесте афроамериканцев по Южной Африке, в выступлениях черных конгрессменов и руководства крупнейших негритянских организаций — были сформулированы позиции черных американцев по важнейшим вопросам африканской политики.

Черные американцы решительно выступили против вмешательства США в дела Анголы, требовали прекратить подрывную деятельность ЦРУ, поставки оружия и военных материалов раскольническим группировкам. После победы прогрессивных сил они постоянно выступают за признание Соединенными Штатами Народной Республики Ангола, против американского вето на вступление Анголы в ООН.

Черные американцы проявляют глубокую заинтересованность в ликвидации расистского режима на юге Африки, требуют от администрации не ограничиваться словесным осуждением расистских порядков и компромиссными полумерами, а добиться принятия широкой системы мер, направленных на экономическую и политическую изоляцию этого реакционного режима.

Выдвигаемая черными американцами программа включает требования последовательного проведения в жизнь экономических санкций ООН против режима в ЮАР, введения ряда мер (в том числе программы налоговых ограничений), направленных против американских корпораций, имеющих капиталовложения в ЮАР и Намибии, а также требования предоставить экономическую помощь африканским странам, последовательно проводящим экономические санкции против ЮАР. Активно выступая на стороне южноафриканских освободительных сил, черные американцы открыто выражают поддержку освободительной борьбе черного большинства ЮАР и Намибии, включая вооруженную борьбу. Они признают (как указывалось в 1976 г. в Манифесте афроамериканцев по Южной Африке) за национально-освободительными силами «право искать поддержку из любых источников» (имеются в виду социалистические страны) ¹⁶.

В 70-е годы завязавшиеся еще во второй половине 60-х годов контакты лидеров организаций леворадикального крыла негритянского движения и африканских национально-освободительных сил укрепились, приобрели постоянный характер, охватили и лидеров более умеренных организаций. Черные американцы принимают участие в различных политических мероприятиях, организуемых африканскими национально-освободительными силами. Так, делегация черных американцев участвовала в работе VI африканского конгресса, проходившего в июне 1974 г. в столице Танзании, в конференции в поддержку Народной Республики Ангола, проходившей в Луанде зимой 1976 г. С 1972 г. в США регулярно проводится День освобождения Африки, отмечаемый демонстрациями и митингами в крупнейших городах страны; организуются другие массовые выступления и мероприятия. С конца 1977 г. свои основные усилия движение солидарности с Африкой сконцентрировало на том, чтобы добиться от американских банков и корпораций ликвидации капиталовложений в Южной Африке, а также введения экономических санкций против Южной Африки. В 1978—1979 гг.

массовый характер приобрели выступления за изъятие американских капиталовложений из ЮАР и Намибии, в поддержку борьбы национально-освободительных сил на юге Африки. Во многих из них приняли участие представители национально-освободительных сил юга Африки. Демонстрацией поддержки черными американцами борьбы национально-освободительных сил явилась их решительная оппозиция весной 1979 г. попыткам реакционных кругов США добиться снятия экономических санкций ООН против Родезии.

В 70-е годы появился ряд организаций, ставящих своей задачей мобилизацию усилий прогрессивной общественности США в поддержку национально-освободительной борьбы народов Африки: объединившая ведущие негритянские организации коалиция «Транс-Африка», Национальное антиимпериалистическое движение солидарности с борьбой за освобождение Африки, Комитет в поддержку борьбы за освобождение Африки, Американский комитет по Африке, Северо-восточная коалиция за освобождение Южной Африки, образованная в конце 1977 г., Чрезвычайная коалиция за гражданские права в Южной Африке и др.

Наряду с массовыми формами борьбы определенными возможностями в плане оказания давления на Вашингтон располагает руководство влиятельных негритянских организаций, а также группа черных конгрессменов. В последние годы политическая роль последней значительно возросла. Ее члены добились вхождения в важнейшие комитеты палаты представителей (в том числе в комитеты по международным отношениям, вооруженным силам и др.).

На заседаниях конгресса, а также в печати группа черных конгрессменов единодушно выступила против вмешательства США в дела Анголы. Активная позиция черных конгрессменов способствовала принятию в январе 1976 г. поправки к законопроекту об ассигнованиях на военные цели, запрещающей использование каких бы то ни было средств на «скрытые операции» в Анголе. Черные конгрессмены оказали определенное давление на правительство Форда с целью добиться пересмотра политики США в Африке, призвали к принятию немедленных мер для обеспечения передачи власти в руки черного большинства в Родезии и ЮАР. Особые надежды эта группа конгрессменов, как и черное население США в целом, возлагала на приход к власти демократической администрации, традиционно более связанной с негритянским населением, чем республиканцы. Черные конгрессмены поначалу с одобрением встретили провозглашенную правительством Картера оппозиционно правлению белого меньшинства на юге Африки. Однако политический курс новой администрации вскоре вызвал разочарование членов группы, увидевших, что разговоры о «мирном урегулировании» маскируют фактическую поддержку расистских режимов в Ро-

лезни и ЮАР. Как заявил Ч. Диггс на пресс-конференции в Вашингтоне в конце октября 1977 г., «Картер и Мондейл говорили „правильные слова“ против апартеида, но они ничего не сделали. А без конкретных действий все это — пустая риторика»¹⁷. Поэтому с осени 1977 г. группа черных конгрессменов заметно усилила свой нажим на администрацию Картера. Она также оказала сильное давление на тогдашнего постоянного представителя США при ООН Э. Янга, с которым, как сообщалось в американской печати, черные конгрессмены поддерживали тесные рабочие контакты.

С обострением ситуации в Родезии черные конгрессмены начали оказывать давление на конгресс и правительство, требуя полного соблюдения санкций ООН против Родезии, отмены принятой в начале 60-х годов поправки Бэрда, разрешавшей импорт родезийского хрома. Развязанная в связи с событиями в Заире официальными кругами клеветническая кампания, а также открытая поддержка администрацией вмешательства вооруженных сил НАТО в этом регионе вызвали гневный протест со стороны черных конгрессменов, получивших поддержку и ряда других членов конгресса. В своих выступлениях черные конгрессмены разоблачали измышления буржуазной пропаганды о роли Кубы в событиях в Заире, показывали беспочвенность клеветнических утверждений ряда официальных лиц, в частности Дж. Коньерса на пресс-конференции в начале июня 1978 г.¹⁸ В мае — июне 1979 г. черные конгрессмены оказали нажим на администрацию и конгресс, требуя отказаться от снятия экономических санкций против Родезии.

Поддержка черными американцами борьбы национально-освободительных сил в развивающихся странах не ограничивается лишь югом Африки, а распространяется и на другие регионы. Общественный резонанс, который имела отставка постоянного представителя США в ООН Э. Янга, стимулировала резкий рост внимания черных американцев к национально-освободительной борьбе народа Палестины. Ряд влиятельных негритянских лидеров предприняли активные попытки противостоять напору израильского лобби, заявив о решимости черных американцев добиваться всеобъемлющего, справедливого решения ближневосточной проблемы при полном учете законных прав арабского народа Палестины. Осенью 1979 г. делегация негритянских лидеров посетила Ливан, где встречались с руководителем Организации освобождения Палестины Я. Арафатом, а также другими лидерами этой организации.

Требования пересмотра политики США в отношении Латинской Америки, выдвигаемые в последние годы американцами мексиканского происхождения и некоторыми другими группами испаноязычных американцев, еще не приобрели такого широкого характера, как требования, выдвигаемые черными американцами в отношении Африки.

Но уже в ходе избирательной кампании 1976 г. испаноязычные американцы предприняли попытки оказать влияние на процесс выработки избирательной платформы демократической партии, добиться внесения в нее пунктов не только о мерах по улучшению положения испаноязычного населения в США, но и о необходимости изменения политики в отношении Латинской Америки. В мае 1976 г. перед комитетом по составлению избирательной платформы демократической партии от имени Национальной ассоциации испаноязычных политических деятелей-демократов выступил член испаноязычной фракции конгресса Э. Роббал. Он сказал, что испаноязычные американцы считают, что «хотя внимательно посмотреть на политику США в отношении Латинской Америки. Существует явное противоречие, которое год от года становится все очевиднее, между провозглашенными Америкой демократическими принципами и неспособностью нашего правительства выступить против нарушения прав человека в Западном полушарии и даже в своей собственной стране»¹⁹.

Организаторы и лидеры движений чиканос и пуэрториканцев выступают против захватнической, неоколониалистской политики США в Латинской Америке, против диктаторских режимов в Чили и Уругвае, против нарушения прав человека в Латинской Америке, за освобождение латиноамериканских политических заключенных. Наиболее активный характер в последние годы приняли требования предоставления независимости Пуэрто-Рико, нормализации отношений с Кубой, освобождения политических заключенных Чили и Аргентины.

В 70-е годы отчетливое стремление оказывать влияние на американскую внешнюю политику продемонстрировало и численно незначительное по сравнению с черными и испаноязычными американцами меньшинство — американцы арабского происхождения.

На рубеже 70-х годов начались попытки политического объединения этого меньшинства, создания своего рода лобби американцев арабского происхождения, которое наряду с влиятельным лобби арабских государств и нефтяным лобби оказывало бы противодействие влиятельно израильскому лобби. Многие организации американцев арабского происхождения, ранее занимавшиеся преимущественно проблемами культуры и организацией отдыха, постепенно приобрели четкую политическую ориентацию. Появились и новые политические организации, влияние которых начинает ощущаться на политической арене.

Стать официальным рупором американцев арабского происхождения стремится Национальная ассоциация американцев арабского происхождения. Она выдвигает задачу способствовать развалу израильско-американского союза, решению проблемы палестинцев и побудить США проводить на Ближнем Востоке более проарабскую политику. Этих целей добивается и ряд дру-

гих организаций, «голоса которых,— как писал буржуазный еженедельник „Ю. С. Ньюс энд Уорлд Репорт“, — в последние годы становятся все слышнее»: финансируемый Лигой арабских стран Арабский информационный центр, Ближневосточный институт, Ассоциация американцев арабского происхождения — выпускников университетов, Американские друзья Ближнего Востока, Американская помощь беженцам Ближнего Востока²⁰.

Первой вехой в истории растущей политической активности прежде молчаливого и политически пассивного арабского меньшинства стала беседа его одиннадцати представителей с президентом Фордом и государственным секретарем Киссинджером в июле 1975 г., в ходе которой лидеры арабской общины США высказались в защиту Организации освобождения Палестины и выразили протест против действий Израиля на Ближнем Востоке. В конце 1977 г. представители арабской общины США добились встречи с президентом Картером, на которой они изложили свои взгляды по проблемам ближневосточного урегулирования. Наряду с представителями арабских стран и сторонниками арабов в конгрессе США арабская община США, как признавал журнал «Атлантик», становится серьезным соперником произраильского лобби в борьбе за влияние на правительство США в области ближневосточной политики²¹.

Национальные меньшинства и политика

Усиление внешнеполитической активности ряда национальных меньшинств США — процесс, который начался недавно и развивается на наших глазах. Однако уже сейчас можно говорить об определенном влиянии, которое он оказывает на формирование политики в отношении ряда развивающихся стран.

До недавнего времени в орбиту внимания творцов внешней политики попадали лишь те этнические группы, которые либо умели оказывать сильное и постоянное давление на правящие круги, создать эффективное лобби (например, сионистские круги), либо представляли определенный интерес для использования их в антикоммунистической деятельности и пропаганде (как во второй половине 40-х и в 50-е годы иммигранты из восточноевропейских стран или контрреволюционная эмиграция из Кубы). Наличие в США многомиллионных национальных меньшинств, сходных в этническом и культурном отношении с народами Африки, Латинской Америки и Азии, в течение длительного времени не принималось в расчет при разработке политики по отношению к этим регионам.

Никогда в прошлом американская администрация не испытывала такого давления внутри страны в пользу пересмотра политики в отношении развивающихся стран, как во второй половине 70-х годов. Никогда в прошлом ей не приходилось стал-

киваться с наличием в стране миллионов людей, испытывающих глубокую симпатию и проявляющих солидарность с национально-освободительной борьбой. Пристальное внимание, с которым представители национальных меньшинств следят за всеми политическими шагами своей страны в отношении развивающихся стран, ограничивает возможности администрации открыто следовать курсу вмешательства в их внутренние дела, что создает опасность резкого обострения внутренних противоречий.

В работах американских социологов последних лет нередко ставится вопрос: возможно ли повторение вьетнамской авантюры в другой взрывоопасной точке земного шара, в первую очередь на юге Африки? Говоря о возможности прямого военного вмешательства США на стороне расистов на юге Африки, они указывают, что такое вмешательство чревато еще большей катастрофой, чем провал во Вьетнаме. Оно не только повлекло бы за собой тяжелые для Соединенных Штатов последствия на международной арене, но и обернулось небывалым взрывом в самих США. По словам профессора социологии Нью-Йоркского университета И. Уоллштейна, возможность параллельной «расовой войны дома» — «кошмар, постоянно преследующий творцов американской политики»²².

На наших глазах зреет и другой, на первый взгляд неожиданный, аспект этой проблемы. В начале 1978 г. представители национальных меньшинств насчитывали 17% личного состава вооруженных сил США. Особенно высока концентрация их в сухопутных войсках, где более 23,7% — черные²³. Учитывая рост доли этих американцев в населении страны, а также ухудшение их экономического положения, можно предположить дальнейшее «потемнение» цвета кожи состава американской армии. Сомнения в ее надежности начинают терзать и американских военных стратегов, о чем свидетельствует проведенное в конце 1977 г. специальное исследование. Почти 30% опрошенных в ходе него солдат заявили, что они «попытаются избежать» или, «возможно, откажутся» от всякого участия в «войне за пределами США, которая встретит оппозицию дома»²⁴.

Таким образом, существенно ограничивая возможности проведения интервенционистской политики в ряде районов Азии, Африки и Латинской Америки, фактор национальных меньшинств вынуждает правящие круги США идти на определенные уступки, маневрировать, искать новые методы, направленные на удержание развивающихся стран в орбите капиталистического мира.

В поисках новых средств осуществления своих внешнеполитических целей правящие круги США начали пытаться использовать наличие этнической и культурной общности населения развивающихся стран и крупнейших национальных меньшинств США для завоевания симпатий народов развивающихся стран, повышения престижа США среди этих народов.

Наиболее отчетливый характер эти попытки приобрели в политике США в отношении Африки. Различные заявления государственного департамента и президентов и раньше содержали утверждения о том, что наличие в США более 20 млн. черных американцев должно послужить основанием для особой заинтересованности в Африке. Однако, как в середине 70-х годов признавалось в редакционной статье журнала «Форин Полиси», «факт, что Африка является регионом, откуда происходит более 10% нашего населения, имел очень небольшое влияние на политику»²⁵.

С усилением роли Африки во внешнеполитических приоритетах США африканская стратегия Вашингтона начала включать в себя в качестве важного элемента опору на наличие в США миллионов американцев африканского происхождения. В официальных и неофициальных заявлениях ряда представителей американского истеблишмента появились ссылки на то, что, претендуя на особую роль в решении южноафриканских проблем, они исходят из убеждения, что ситуация в этом районе аналогична ситуации в США в 60-е годы во время борьбы черных за гражданские права. И поэтому на США лежит «моральный долг», воспользовавшись опытом движения за гражданские права в США, выступить за «мирную передачу власти в руки черного большинства». По словам помощника государственного секретаря США по африканским делам У. Шэфела, «наша история диктует, что мы должны сыграть определенную роль в борьбе против системы апартеида в Южной Африке», так как, «пройдя через опыт» борьбы за гражданские права, «мы также можем внести вклад в решение проблемы апартеида»²⁶.

Подобные заявления, подкрепляемые некоторыми демонстративными жестами, выполняют определенную функцию как во внутривнутриполитической, так и во внешнеполитической стратегии США. Внутри страны они преследуют цель как-то направить протест черных американцев: с одной стороны, предоставить контролируемый выход для испытываемого черными американцами чувства солидарности с национально-освободительной борьбой народов Африки, а с другой — не допустить дальнейшего углубления их антиимпериалистических настроений, предотвратить взрыв возмущения, который могла бы повлечь открытая поддержка Соединенными Штатами расистских режимов на юге Африки.

На внешнеполитической арене использование фактора черных американцев в пропаганде и политике также приносит определенные политические дивиденды. В условиях падения престижа США у народов развивающихся стран стремление опираться при проведении внешнеполитического курса на наличие в США миллионов черных американцев помогает лучше приспособиться к африканскому политическому ландшафту, сыграть

роль «друзей» африканских народов, готовых поделить своим опытом борьбы за расовое равенство.

Для улучшения отношений с рядом африканских стран широко используется назначение черных американцев на дипломатические посты в эти страны, вовлечение их в орбиту американской политики. Посол США в Сенегале и Гамбии Рудольф Эггри признает определенные «психологические преимущества черных дипломатов перед их белыми коллегами»²⁷. Часть черных американцев невольно играет эту роль, некоторые, особенно негритянские бизнесмены и дипломаты, сознательно становятся проводниками американского влияния в Африке.

Главным козырем африканской политики Вашингтона должно было стать назначение Э. Янга, в прошлом известного своим участием в борьбе за гражданские права негров члена негритянской фракции конгресса США, официальным представителем США при ООН. Оно было задумано как один из важнейших шагов, призванных продемонстрировать усиление внимания США к проблемам Африки и других районов развивающегося мира, рассчитано на то, чтобы несколько укрепить сильно пошатнувшийся престиж США у народов развивающихся стран, придать внешнеполитическим акциям Вашингтона определенную идеологическую окраску. Особенно важную роль назначение Янга должно было сыграть при проведении африканской политики. Его поездки по странам континента наряду с другими политическими, экономическими и пропагандистскими акциями были направлены на то, чтобы улучшить отношения США с рядом африканских государств, завязать или укрепить контакты с ними, втянуть их в орбиту американской политики.

Вместе с тем использование черных американцев во внешнеполитической деятельности и пропаганде наряду с политическими дивидендами наносит и определенный урон американской дипломатии. И здесь опять нелишне вспомнить об изменениях, происшедших в сознании черных американцев в последние десятилетия. Использование людей, в сознании которых прочно укоренилось чувство солидарности с национально-освободительной борьбой народов Африки, не может не вызывать к жизни комплекса проблем, не предусмотренных творцами внешней политики и придающих нежелательный для них оттенок некоторым внешнеполитическим выступлениям черных. В наиболее отчетливой форме это демонстрировали позиции Э. Янга по ряду вопросов африканской политики. Являясь проводником неокolonialистского курса Вашингтона, он в то же время испытывал сильное давление со стороны черных американцев и их лидеров, требовавших от него добиться того, чтобы США заняли непримиримую позицию по отношению к расистским режимам Южной Африки, отказались от их фактической поддержки, встали на сторону освободительных сил. Постепенно заявления,

с которыми время от времени выступал Э. Янг, все больше шли вразрез с официальным курсом и вызвали растущее недоверие Вашингтона. Отставка Э. Янга явилась закономерным следствием его расхождений с Вашингтонской администрацией.

Еще в 60-е годы, когда только начиналась политическая активизация испаноязычных американцев, некоторые американские политические деятели предсказывали усиление их влияния на политику США в отношении Латинской Америки. Так, выступая в 1967 г. в сенате США в поддержку мер, направленных на улучшение положения испаноязычных американцев, сенатор Ярборо отмечал, что «наличие в США большой группы людей, говорящих на том же языке и имеющих схожие традиции и взгляды, что и народы Латинской Америки, окажет значительное влияние на будущую политику США в Латинской Америке»²⁸.

С приходом к власти администрации Картера в выступлениях американского руководства начали все чаще звучать ссылки на то, что наличие в США одной из крупнейших в мире по численности групп испаноязычного населения диктует усиление внимания к политике в отношении латиноамериканских стран. Выступая весной 1977 г. в конгрессе США, заместитель помощника государственного секретаря США по латиноамериканским делам У. Луэрс сказал, что одним из факторов, требующих от США создания «более дружественных отношений» с другими государствами Западного полушария, является «растущая роль в американском обществе испаноязычных американцев и выходцев из зоны Карибского бассейна»²⁹.

Ссылки на особую заинтересованность США в латиноамериканских делах, обусловленную наличием в стране значительного испаноязычного населения, начали все чаще появляться и в выступлениях американских политических деятелей, рассчитанных на международную аудиторию. В этом плане обращает на себя внимание речь президента Картера перед постоянным советом Организации американских государств в Вашингтоне в апреле 1977 г. Начав ее по-испански с признания того вклада, который внесли испаноязычные американцы в развитие американской культуры, он далее сказал, что наличие в США одной из самых больших в мире по численности групп испаноязычного населения закрепляет связь между народами США и Латинской Америки³⁰.

70-е годы продемонстрировали растущее значение этнической и культурной общности населения развивающихся стран и ряда национальных меньшинств США для политики США в отношении развивающихся стран. Начавшаяся в 60-е годы политическая активизация национальных меньшинств, усиление их роли во внутривнутриполитической жизни США, серьезные сдвиги, произошедшие в их массовом сознании, направление идейно-по-

литической эволюции движений черных, чиканос и других цветных американцев наряду с их особой восприимчивостью к исходящим из освободившихся стран идеям способствовали превращению их в один из главных каналов влияния этих государств на американскую внутривнутриполитическую жизнь, причем этот канал постоянно расширяется за счет быстрого роста численности основных групп цветных американцев.

Новое направление, которое в последние десятилетия приняла процесс формирования американской нации, — увеличение доли небелого населения в этническом составе страны — неизбежно начинает оказывать заметное и постоянно растущее влияние на американскую политическую жизнь, в том числе и на такой ее аспект, как разработка политики в отношении развивающихся стран.

Глава 3

НОВЕЙШИЕ АМЕРИКАНСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ОТНОШЕНИЙ С РАЗВИВАЮЩИМИСЯ СТРАНАМИ

Большую роль в формировании политики США в развивающихся странах играют внешнеполитические концепции. Базируясь на общих буржуазных теориях международных отношений, такие концепции обычно содержат довольно подробные рекомендации американских специалистов-международников по практической политике. «Играя подсобную роль во внешней политике, — пишет советский исследователь В. Ф. Петровский, — различного рода концепции как важное политико-идеологическое средство оказывают весьма существенное воздействие на субъективный фактор — на подход к вопросам борьбы и сотрудничества в международных делах, на внешнюю политику капиталистических стран, либо удаляя, либо приближая ее к реальной действительности, а также на характер пропагандистского обеспечения этой политики»¹. Проявляясь в послевоенное время чаще всего как реакция на неблагоприятные изменения положения США в системе международных отношений, на обострение тех или иных проблем во взаимоотношениях с другими государствами, американские внешнеполитические концепции, как правило, направлены не только на приспособление к новым условиям, но и на завоевание в долгосрочном плане преимущественных позиций в противоборстве с миром социализма.

Тот факт, что политика США в развивающихся странах в целом подчинена достижению этой главной цели американского империализма, во многом определяет как место концепций отношений с указанными странами в арсенале внешнеполитической мысли США, так и их содержание. При этом характер-

ной чертой эволюции воззрений американских ученых на роль развивающихся стран в глобальной стратегии США является постоянное возрастание внимания к социальному своеобразию молодых государств, все больший учет их международного политического и экономического влияния. Так, если в 50-е годы во время господства доктрины «массированного возмездия» и политики «балансирования на грани войны» американская внешнеполитическая мысль и практика рассматривали развивающиеся страны главным образом как геополитически необходимое звено в военном окружении социалистических стран (государства Азии) или укреплении западного лагеря в целом (Латиноамериканская Америка), то в 60-е годы по мере ускорения политической деколонизации возрастает внимание к проблемам развития молодых государств с точки зрения использования их как социального резерва капиталистической системы. Появляются концепции «перехвата революций», «политического развития».

Дальнейший рост международного влияния развивающихся стран, резкое усиление их борьбы за экономическую деколонизацию на основе программы нового международного экономического порядка (НМЭП) и, главное, эффективное использование ими «экономического оружия» вызвали к жизни новые американские концепции политики в этих странах. Некоторые из них (например, концепция «многополярного мира») рассматривали выдвижение стран — членов ОПЕК, а также Бразилии, Мексики, Индии (главным образом в военном плане) как появление в мире новых «полюсов силы», которые хотя и усложняют для США проведение политики «баланса сил», но все же не требуют отказа от этого подхода. Другие концепции (основанные на подразделении развивающихся стран на «третий», «четвертый» и т. д. «миры») больше учитывали социальное своеобразие молодых государств, но подходили к этим «мирам» главным образом с точки зрения той опасности, которую они представляют для США. Поэтому, выделяя опять-таки указанные выше и некоторые другие «ключевые» страны, авторы этих концепций рекомендовали не слишком-то обращать внимание на беднейшие из развивающихся государств².

Выдвижение программы НМЭП общим фронтом развивающихся стран и сохранение этого единства, несмотря ни на ухудшение положения многих из них вследствие роста цен на нефть и общеэкономического кризиса середины 70-х годов, ни на политику раскола, проводимую странами Запада, заставили американских специалистов взглянуть на развивающиеся страны как на единое целое, учитывать не только их растущую социально-экономическую дифференциацию, но и то общее, что их объединяет, — неравноправное положение в мировой капиталистической экономике.

Наиболее полным ответом американской буржуазной внешнеполитической мысли на резкое обострение экономико-полити-

ческих противоречий с развивающимися странами стала в 70-е годы концепция «взаимозависимости». Ее особое место и «преимущества» (по сравнению, например, с различного рода концепциями в духе «баланса сил») определяются тем, что она в гораздо большей степени учитывает две главные тенденции современного мирового развития — экономическую и политическую (разумеется, социально неантагонистических обществ) интеграцию и изменение соотношения сил не в пользу империализма, и США в частности. Будучи реакцией на утрату Соединенными Штатами доминирующих позиций в мировой капиталистической экономике, концепция «взаимозависимости» зародилась, по-видимому, в начале 50-х годов и примесилась с тех пор к странам Западной Европы и позднее к Японии (требование разделения бремени и ответственности, концепции «партнерства» и «трилатерализма»). Как только партнеры-конкуренты США приобрели возможность экономического давления на Вашингтон, торгово-финансовые связи с ними начали рассматриваться там в качестве экономической взаимозависимости, с болезненным признанием фактора зависимости США как ее неотъемлемой части. Выходя за рамки возможностей «свободного рынка», урегулирование экономических противоречий требовало правительственных решений и приобретало характер политической взаимозависимости.

В 70-е годы, когда аналогичная ситуация наступила и в отношении США с развивающимися странами, концепция «взаимозависимости» была распространена и на них, разумеется в соответствии со спецификой объекта. Характерно, что эта концепция, довольно прохладно встречавшаяся ранее в столицах западноевропейских стран и в Японии, в данном случае получила их полное одобрение и поддержку.

Такое расширение «географии» концепции наряду с появлением обостренней (или вынужденным осознанием остроты) глобальных проблем (в значительной мере вследствие сужения возможностей империализма «решить» многие из них за счет развивающихся стран) дало повод американским ученым говорить о наступлении «глобальной» или всеобщей «международной взаимозависимости».

Для воззрений американских специалистов на причины наступления такой взаимозависимости характерно преувеличение роли международной капиталистической интеграции — объективного процесса, в основе которого лежат потребности развития мировых производительных сил и который значительно ускорился в послевоенное время вследствие НТР. «Все более взаимозависимый мир, — пишет, например, Р. Такер, — рождается из оружия, которое не может больше защитить государство, не говоря уже о том, чтобы возвеличить его; из технологии, не допускающей больше „спаратного“ государства; из транснациональных экономических и социальных субъектов, действующ-

щих в значительной степени независимо от государства; и из процесса промышленного роста, который создает проблемы, не могущие быть решенными государствами в изоляции»³. Но ведь не кто иной, как сами Соединенные Штаты всемерно поощряли рост экономической и социальной интеграции развивающихся государств Запада, проникновение своих монополий в развивающиеся страны. Почему же теперь эти процессы стали представлять для США политическую проблему? Не в силах признать основную тенденцию мирового развития — ослабление международных позиций империализма и особенно США, американские специалисты толкуют об «объективных», новых якобы для всех стран процессах «диффузии силы», «эрозии мирового порядка». Что же касается возрастания «силы» развивающихся стран, то ее истоки видятся либо в неконтролируемых рыночных процессах, в частности в том, что в 70-е годы «ограниченное предложение (сырья.— Авт.) сместило ограниченный спрос в качестве доминирующей силы в мировой экономике»⁴, либо вовсе в субъективном факторе, например в появлении «новой политической чувствительности» либеральных интеллектуальных элит Запада к проблемам бедности и экономического неравенства в мире⁵. Так затушевывается во многом антиамериканский характер «международной взаимозависимости», суть которой состоит в снижении возможностей США формировать выгодным для себя образом процессы международной интеграции, проводить бескомпромиссный, гегемонистский внешнеполитический курс. Такой подход характерен и для наиболее общих определений «взаимозависимости», даваемых американскими авторами концепции, где она рассматривается как якобы наступившая вдруг в равной степени для всех стран «взаимная чувствительность обществ и их политики и уязвимость, которые могут быть созданы характером их отношений»⁶. Д. Болдуин, например, видит суть тенденции увеличения взаимозависимости в том, что «большинство наций сталкивается с растущим числом проблемных областей, в которых их способность достигать своих политических целей в значительной мере определяется событиями в других нациях и политикой этих последних»⁷.

Несмотря на такое «объективистское» толкование причин и движущих сил изменений международно-политической обстановки в 70-е годы, авторы концепции «взаимозависимости» дают довольно точное описание результатов этих изменений. Это и понятно, поскольку их задача — дать как можно более жизнеспособные рекомендации по внешней политике США в условиях «взаимозависимости».

Американские специалисты выделяют следующие основные черты современных международных отношений. Во-первых, возросшая «политизация» экономических проблем. Если раньше функционирование системы международного капиталистического разделения труда практически бесперебойно обеспечивалось

американскими и другими монополиями, действовавшими под покровом экономических организаций с доминирующим влиянием США, то сейчас проблемы экономических отношений государств выдвинулись на уровень государственной политики, стали наряду с военной безопасностью ее важнейшим объектом. Соответственно изменилось, и это во-вторых, само понятие «национальной безопасности» США. Угроза ей может исходить теперь непосредственно от действий государств в сфере международных экономических отношений, а значит, и гарантии ее следует искать в обеспечении экономико-политической стабильности (естественно, на буржуазной основе), развития экономических партнеров США, функционирования системы капиталистического разделения труда в целом. В-третьих, США уже не обладают достаточными ресурсами для бескомпромиссного осуществления своих внешнеполитических целей в отношении развивающихся стран. Поэтому важным направлением политики становится объединение с американскими ресурсами других стран (прежде всего членов Организации экономического сотрудничества и развития — ОЭСР). Причем комбинации участников таких коалиций в зависимости от характера проблем могут быть различными. Из таких отношений с развивающимися странами вытекает необходимость единого фронта развитых капиталистических государств как предварительное условие любых переговоров с ними. И, в-четвертых, из всего сказанного следует, что особое значение в проведении такой политики приобретает многосторонняя дипломатия, опирающаяся все больше на научно-технический и экономический потенциал США, а не на голую военную силу.

Таковы основные черты, характеризующие, по мнению американских специалистов, современные международные отношения, которые они называют отношениями «взаимозависимости».

Единое признание ими этих особенностей и составляет ядро концепции «взаимозависимости». В то же время из-за различий в количественных и качественных оценках новых явлений, направления и силы тех или иных тенденций американскими учеными выдвигается довольно широкий набор внешнеполитических рекомендаций, часто противоположных по существу.

Важными теоретическими посылками в рамках концепции, особенно в ракурсе отношений США с развивающимися странами, являются, во-первых, констатация существования не одной, а множества «взаимозависимостей» США с этими странами в экономической, военной, политической и других областях, во-вторых, индифферентный характер самого факта взаимозависимости. «Взаимозависимость» «не убывающая сила, толкающая к сотрудничеству», — пишет Дж. Най. — Фактически взаимозависимость сама по себе ни плоха, ни хороша и может служить источником как конфликта, так и сотрудничества. Нам

надо будет научиться жить в условиях взаимозависимости и использовать ее для обеспечения нашего руководства»⁸.

Такой ход рассуждений вынужденно подводит к оценке места и роли США в формировании благоприятного для них варианта «взаимозависимости». В соответствии с силовым подходом к анализу взаимоотношений США с развивающимися странами в основе различных вариантов политики Соединенных Штатов, предлагаемых американскими учеными, лежит различная оценка соотношения сил развитых капиталистических и развивающихся стран.

Прежде всего это область экономики. Здесь, как правило, на одну чашу весов кладется возросшая возможность многих развивающихся стран в одностороннем порядке изменить условия и направление как торговли с развитыми странами, так и деятельности филиалов многонациональных монополий, а на другую — сохраняющаяся их зависимость от импорта промышленных товаров, технологии, продовольствия и капитала. В военной области возрастание силы развивающихся стран осознается, во-первых, как обратное следствие политических ограничений на применение военной силы развитыми капиталистическими странами и, во-вторых, как следствие абсолютного наращивания многими из них обычных вооружений и приобретения некоторыми способности производства ядерного оружия. Усиление развивающихся стран в 70-е годы в этих областях дополнило и подкрепило их позиции в мировой политике, отчетливо проявляющиеся в движении неприсоединения, в ООН и других международных организациях. Сейчас, когда на повестке дня стоят реформы существующих международных экономических организаций с целью приведения их в соответствие с новой расстановкой сил между двумя группами стран капиталистического мира, сама необходимость считаться с интересами развивающихся стран рассматривается как их сила. «Участие или по крайней мере молчаливое согласие многих из этих стран необходимо хотя бы по некоторым аспектам любой новой международно-экономической структуры не только из-за обладания многими из них ключевыми сырьевыми товарами, но и вследствие нового осознания ими своих потребностей и возможностей, которое будет толкать их к попыткам блокировать международную экономическую реформу, пока их интересы не будут приняты во внимание»⁹, — пишут Ф. Бергстен и Л. Краузе.

Характерной особенностью анализа американскими исследователями факторов силы развивающихся государств является их восприятие только как негативно-деструктивных. Эта сила, по их мнению, состоит лишь в возможности сопротивления политике стран Запада, нарушения деятельности их монополий, подрыва экономической системы капитализма в целом. Логическим следствием такого подхода стали опасения относительно применения развивающимися странами оружия (в том числе

атомного) либо как «жеста отчаяния», либо в целенаправленных «войнах перераспределения». «Сила слабого, которую надо бояться больше всего, есть способность передать несчастья в форме хаоса и войны»¹⁰, — считает Р. Такер.

Переходя к анализу основных направлений политики США в отношении развивающихся стран, предлагаемых американскими учеными, необходимо сразу подчеркнуть, что общей базой их рассуждений является презумпция подавляющего силового превосходства США над развивающимися странами. Несмотря на снижение удельного веса США в мировой экономике, возрастание их зависимости от импорта сырья и энергии, уменьшение возможностей военной интервенции, США по-прежнему обладают достаточными экономическими и политическими ресурсами (не говоря уже о едином фронте стран ОЭСР) для того, чтобы оказывать решающее воздействие на количественные и качественные характеристики взаимозависимости. По словам Р. Ханссена, «взаимозависимость между развитыми и развивающимися странами асимметрична в пользу первых» и вытекающий из этого потенциал силы «может быть введен в игру для определения степени „порядка“, который будет характерен для международной системы»¹¹. У США в этой ситуации могут быть две возможности: либо курс на сглаживание конфликта с развивающимися странами путем уступок и реформ (т. е. на понижение степени асимметричности и увеличение «взаимозависимости»), либо курс на консервирование и даже свертывание связей с ними (уменьшение «взаимозависимости») и на основе и параллельно с этим — на обеспечение своих экономических интересов путем жесткого торга с позиции силы.

Говоря о «принципиальной» невозможности для США по идеологическим и политическим мотивам пойти на уступки развивающимся странам, сторонники негативного подхода отрицают как экономическую необходимость таких шагов, так и их эффективность.

«Даже если возникнет больше картелей (стран — экспортеров сырья. — Авт.), промышленные страны спокойно могут прожить с возросшими ценами. Третий мир не в состоянии давить очень сильно»¹², — полагает С. Краснер. Тщетным и бессмысленным считает он увеличение перевода материальных ресурсов в развивающиеся страны: «Многосторонняя помощь, отсрочка долгов, снижение (таможенных. — Авт.) тарифов могут создать лишь эманацию сотрудничества, а не реальность чего-то подобного экономическому равенству»¹³.

В соответствии с таким взглядом на требования развивающихся стран сторонники негативного подхода рекомендуют и соответствующий политический курс. Он предусматривает прежде всего отказ от рассмотрения выдвигаемых мероприятий по НМЭП и жесткий торг по конкретным вопросам без всяких скидок на различия в экономическом развитии. Только такой

подход, по мнению Краснера, обеспечит политическое равенство развивающихся и развитых стран, к которому первые так стремятся. Для того чтобы не допустить усиления их позиций и роста сырьевой зависимости стран Запада, рекомендуется тактика «негативного упреждения», предусматривающая неприкосновенность к международным товарным соглашениям, их подрыв путем продажи товарных запасов, развитие внутренних и альтернативных внешних источников сырья и т. д.¹⁴

В отличие от этого негативного подхода большинство американских специалистов рекомендуют курс на увеличение «взаимозависимости» с развивающимися странами. Общей платформой, объединяющей различные взгляды на пути и методы смягчения конфликта в рамках этого подхода, является признание необходимости уменьшения неравенства в экономическом развитии двух групп стран мирового капиталистического хозяйства. Сторонники этого курса выдвигают три основных довода в свою пользу. Главный из них состоит в том, что реформы в системе мирового капитализма необходимы для сохранения ее жизнеспособности, поскольку развивающиеся страны приобрели достаточную экономическую и военную силу, чтобы начать «перераспределение богатства» снизу. Таким образом, эта исходная посылка полностью отличается от оценки силы развивающихся стран сторонниками уменьшения «взаимозависимости».

Объединенные признанием необходимости реформ в отношении двух групп стран, их сторонники, однако, не едины в определении как конечных целей этих мероприятий, так и путей и методов достижения этих целей.

Различия эти состоят в том, что конечной целью одного подхода предполагается модификация системы разделения труда в рамках капитализма, которая сама по себе даст якобы возможность ускоренного развития освободившихся стран и смягчения неравенства. Главной же целью другого подхода ставится достижение равенства не государств, а индивидов, т. е. непосредственно населения развивающихся стран. Сторонники этого подхода утверждают, что «перераспределение богатства» в пользу освободившихся государств еще не означает улучшения бедственного положения основной массы их населения. Поэтому развитые капиталистические страны должны найти способ либо изменить внутренние социальные структуры этих стран, либо обойти их и направить ресурсы непосредственно на подъем уровня жизни граждан.

Основной целью в рамках первого подхода является приведение международной капиталистической системы разделения труда в соответствие с изменившимся соотношением сил двух входящих в нее групп стран. Сердцевинной такой «новой системы» мыслятся комплекс взаимных обязательств: со стороны развивающихся стран — гарантирующих доступ американским

и другим западным монополиям к источникам энергии и сырья, а со стороны развитых — доступ развивающимся на их рынки, к их капиталу и технологии.

Один из ведущих американских экономистов-международников, Ф. Бергстен, предлагает, например, в области торговли, во-первых, заключить товарные соглашения между странами — производителями и потребителями сырья и, во-вторых, выработать новые международные правила, гарантирующие доступ к сырью (что-то вроде «ГАТТ для экспорта») ¹⁵. Он выступает против «индексации» и, чтобы сбалансировать явно корыстную направленность своих предложений, утверждает, что товарные соглашения на основе нового «баланса сил» будут сами по себе способствовать повышению цен на сырье, а новые правила торговли можно будет применять и к экспорту промышленных товаров из развивающихся стран. Ф. Бергстен ратует за создание международных правил и организаций по регулированию частных прямых инвестиций, причем развивающиеся страны, присоединяясь к этим организациям, должны отказаться от ограничения деятельности филиалов международных монополий или ее стимулирования в национальных интересах. В обмен на это США будут стремиться обеспечить интересы развития этих стран другими, «менее разрушительными способами», среди которых помимо товарных соглашений называются торговая политика (снижение таможенных барьеров на импорт промышленных товаров из развивающихся стран, поддержка их экономической интеграции и т. п.) и экономическая помощь ¹⁶. Причем Бергстен предупреждает, что, если эти страны не пойдут на такой компромиссный вариант «нового международного экономического порядка», у государств Запада найдутся возможности для «очень жесткой реакции»: прекращение помощи странам, входящим в экспортные сырьевые картели (типа ОПЕК), использование других экономических рычагов для дискриминации стран, отказывающихся от сотрудничества ¹⁷.

Рекомендуемые этими специалистами реформы, как бы болезненны они ни были для стран Запада, являются объективно необходимыми и минимально достаточными для приспособления системы международного капиталистического разделения труда к новой расстановке сил между двумя группами стран несоциалистического мира. Используя тот факт, что требования подобных реформ были выдвинуты развивающимися странами в качестве составной части их более широкой и радикальной программы НМЭП, американские специалисты изображают свою готовность пойти на них как на большую уступку. В обмен на нее они требуют от развивающихся стран отказа от интегрированной программы по сырью и «индексации» (которые существенно ограничили бы действие рыночных законов в области торговли двух групп стран) и от государственного суверенитета развивающихся стран над собственностью иностран-

ных монополий на их территории, который служит одним из важнейших инструментов достижения их экономической независимости.

В центре другого подхода в рамках курса на увеличение «взаимозависимости» стоит достижение равенства не государств, а населения развивающихся стран в соответствии с принципами буржуазного эгалитаризма, основу которых составляет задача обеспечения «равных возможностей индивидов». Эти идеи нашли отражение уже в разработанной на Западе, в том числе и в США, в конце 60-х годов «новой стратегии экономического развития», ориентирующей программы официальной помощи на обеспечение «основных потребностей человека»: доступа сельской и городской бедноты развивающихся стран к образованию, здравоохранению, средствам сельскохозяйственного производства (прежде всего проведения земельных реформ) и т. п.

Резкое обострение конфликта между развитыми и развивающимися странами начиная с 1973 г. вызвало дальнейшую активизацию сторонников эгалитаризма. Они восприняли его как повод к усилению продвижению своих идей при формировании внешнеполитического курса США.

«Взаимовыгодные» пути смягчения неравенства, составляющие основу подхода тех американских специалистов, которые предлагают компромисс на межгосударственной основе, не устраивают «эгалитаристов», поскольку внутренние структуры развивающихся стран, по их мнению, не обеспечивают распространения этих выгод на широкие слои населения. В качестве основного средства они выдвигают помощь и требуют ее увеличения. «...Вряд ли можно дальше воображать, что необходимая борьба с международным неравенством будет сопровождаться собственными усилиями бедных стран в самопомощи лишь при эпизодических катализирующих иностранных помощи... — пишет Дж. Льюис, — поэтому значительное, продолжительное транснациональное перераспределение доходов стало не только этически необходимым, но и условием поддержания разумного мирового порядка»¹⁸. Он разрабатывает идею перераспределения доходов посредством помощи до ее логического завершения. В предлагаемом им идеальном, но явно желательном варианте «мирового порядка» помимо освобождения развивающихся стран от долгов, создания системы распределения доходов от хозяйственного использования Мирового океана и морского дна в их пользу, включения в цену экспортируемых ими невозобновляемых ресурсов специальной ренты и ряда других мероприятий предусматривается введение транснационального прогрессивного подоходного налога. Его сбором и распределением, равно как и контролем над другими каналами транснационального перераспределения доходов, должен заниматься «свободный, просвещенный, демократически ответственный и независимый политический орган»¹⁹.

Таким образом, идеал, по Льюису, состоит в руководимом подобием мирового правительства сообществе лишенных государственного суверенитета наций, основанном на буржуазно-либеральных принципах «свободного рынка» и «равенства возможностей». Р. Такер, анализируя взгляды сторонников такого подхода, пишет, что, по их мнению, «трансформация, производимая растущей взаимозависимостью, выразится в том, что можно назвать „укроченным“ государством — государством, у которого наконец будут вырваны острые зубы суверенитета и в котором узкие интересы прошлого будут заменены планетарными»²⁰.

Два описанных выше варианта рекомендуемого американскими учеными курса на увеличение «взаимозависимости» развитых и развивающихся стран, несмотря на различия в охвате проблемы неравенства и предлагаемых методах ее разрешения, очевидно, нельзя противопоставлять. Скорее их можно охарактеризовать как программу-минимум и программу-максимум создания в рамках несоциалистического мира единого экономико-политического организма, основанного на действии законов капитализма. Отсюда и содержащееся в большей или меньшей степени в обеих программах стремление устранить два основных препятствия обеспечению полнокровного функционирования этих законов в международном масштабе.

Одно, главным образом экономическое (но имеющее, конечно, как социальные причины, так и следствия), препятствие — преобладание докапиталистических производственных отношений и тесно связанная с этим «абсолютная нищета» огромной части населения развивающихся стран. Этим определяются ограниченность внутреннего рынка и возможностей современных форм эксплуатации населения этих стран ввиду низкого качества рабочей силы.

Другое, политическое, препятствие — национальный суверенитет развивающихся государств, сознательно используемый большинством из них для ограничения бесконтрольного хозяйничанья западных монополий в их экономике. В зависимости от особенностей исторического развития и политики правящих кругов сочетание этих факторов и степень их проявления в разных освободившихся странах различны, как различна и степень интегрированности их экономик в мировое капиталистическое хозяйство. Однако в целом в отношении развивающихся стран (а необходимость отношения к ним как к целому диктуется для США помимо всего прочего и их единством в нынешнем экономико-политическом конфликте) преодоление этих препятствий является краеугольным камнем курса на увеличение «взаимозависимости».

Имея целью обеспечение развития освободившихся стран по капиталистическому пути, этот курс направлен не только и даже не столько на устранение феодальных пережитков в боль-

шинстве этих стран, сколько против прогрессивных режимов, выбравших путь социалистической ориентации в развитии и использующих национальный суверенитет для широких прогрессивных преобразований в своих странах.

Возникшие как отражение бурных событий 1973—1974 гг. рассмотренные рекомендации содержат большой элемент эмоций — замешательства, чувства неизвестности, раздражения — и в результате в своих крайних формах выглядят оторванными от реальности. Как последовавший за этим углубленный анализ ситуации, так и развитие конфликта во второй половине 70-х годов внесли известные коррективы в подход американских специалистов к конфликту между развитыми и развивающимися странами. Со страниц научной печати исчезли экстремальные подходы как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения «взаимозависимости». Основное внимание стало уделяться поискам практических путей увязки определенных уступок развитых стран с уступками развивающихся, необходимых для осуществления целей «новой стратегии развития» и кампании за «права человека». Наиболее показательны в этом отношении рекомендации для демократической администрации, выработанные одним из авторитетных научных центров США по проблемам отношений с развивающимися странами — Совместом зарубежного развития²¹.

В открытом письме президенту Дж. Картеру ведущий сотрудник Совета Р. Хансен предлагает следующий курс. Как можно скорее, в тесном контакте со странами — членами ОЭСР начать выработку комплекса мероприятий в двух основных направлениях: во-первых, реформы в экономических отношениях развитых и развивающихся стран с целью увеличения доходов последних и их роли в международных экономических организациях и, во-вторых, разработка мер по обеспечению «основных потребностей человека» внутри этих стран. В рамках первого направления Р. Хансен рекомендует выделить следующие группы реформ: а) реформы, обещающие быть взаимовыгодными как для развитых, так и для развивающихся стран (создание международных механизмов по развитию производства и распределению продовольствия, энергии, регулированию рыболовства и т. п.); б) реформы, которые, не будучи выгодными развитым странам в кратко- и среднесрочном плане, будут способствовать развитию освободившихся стран (стимулирование развития обрабатывающей промышленности, сельскохозяйственного производства, научных исследований и т. п.); в) реформы, направленные на увеличение помощи беднейшим странам, в основном путем увеличения объема льготных кредитов МБРР и финансирования Международного фонда сельскохозяйственного развития.

Второе направление должно включать систему обязательств развивающихся государств как по использованию получасмой.

экономической помощи в соответствии с целями «новой стратегии развития», так и по определенной перестройке внутренней социально-экономической политики в том же направлении.

В основе рекомендуемого Р. Хансеном подхода лежит «увязка» уступок развитых стран по первому направлению (хотя сам Хансен признает, что многие из этих реформ в долгосрочном плане выгодны и им самим) с принятием развивающимися странами обязательств по второму направлению. В соответствии с этим Хансен рекомендует правительству США дать ясно понять развивающимся странам, что члены ОЭСР готовы вести серьезные переговоры по тем реформам в международной экономике, которые приведут к взаимной выгоде (т. е. по группе «А» первого направления или практически лишь по решению так называемых глобальных проблем). За исключением же этих областей, они не готовы вести переговоры до тех пор, пока развивающиеся страны как группа не согласятся начать одновременные переговоры по проблемам обеспечения «основных потребностей человека».

Важным условием осуществления такой увязки становится единство двух сторон. И если в подходе к единству развитых стран Хансен солидарен со всеми своими коллегами, считая его совершенно необходимым условием переговоров с развивающимися странами, то его отношение к единству последних заметно контрастирует с укоренившимся мнением о необходимости его раскола. Для осуществления рекомендаций Хансена необходимо, как он считает, сохранение единства развивающихся стран. «...Та же солидарность, которая создает сейчас основные проблемы, — пишет Р. Хансен, — вполне могла бы вылиться в эффективный и конструктивный механизм для переговоров (дословно „механизм для торга“.— Авт.)»²².

Рекомендуемый Р. Хансеном курс предполагает серьезные изменения в политике США. Очевидно, необходим переход от стремления расколоть единство развивающихся стран к поискам новых форм их сотрудничества с ОЭСР. Необходимы также четкие обязательства администрации США по предоставлению официальной помощи на цели обеспечения «основных потребностей человека». «Если же американская помощь будет по-прежнему направляться в районы дипломатических осложнений во всем мире, несмотря на риторические обязательства, программа... будет мертва»²³. Так же трудно совместить, по мнению Хансена, политику близких связей с Бразилией, займы Чили, продажу оружия шахскому Ирану с поддержкой Соединенными Штатами концепции «прав человека»²⁴.

Подводя итог рассмотрению рекомендаций американских специалистов, следует подчеркнуть следующее. Концепция «взаимозависимости» представляет собой совокупность взглядов американских ученых на пути и методы достижения неизменных целей империалистической экспансии в качественно новых

исторических условиях. Она отражает объективную тенденцию к углублению международного разделения труда и расширению сотрудничества. Отмеченная в свое время В. И. Лениным как свойственная империализму в характерной для него форме «ломки национальных перегородок», эта тенденция, в основе которой лежат внутренние закономерности развития мировых производительных сил, присуща, разумеется, и социалистическим странам в форме равноправного межгосударственного экономического сотрудничества, и развивающимся странам, социально-экономическая несправедливость которых определяет смешанные формы такого взаимодействия. Эта же тенденция ставит в повестку дня выработку, совершенствование и международно-правовое закрепление взаимоприемлемых форм сотрудничества этих трех групп государств современного мира.

Американская концепция «взаимозависимости» ставит задачу навязать всему миру частичкапиталистические формы такого сотрудничества, движущей силой которого должны стать транснациональные, главным образом американские, монополии. На этом пути авторы концепции стремятся обеспечить США руководящую роль в капиталистической системе, добиться ее сплочения и омоложения за счет более интенсивного втягивания развивающихся стран.

Говорить о влиянии концепции «взаимозависимости» на практическую политику США в развивающихся странах можно, учитывая, разумеется, что последняя, как и сама концепция, эволюционирует прежде всего под воздействием объективных внешнеполитических, в конечном счете экономических, потребностей. События октября 1973 г. дали, с одной стороны, толчок развитию концепции «взаимозависимости», с другой — потребовали от США конкретных политических действий. Республиканская администрация ответила вполне в традициях внешнеполитического консерватизма, потребовав возврата к старой цене на нефть, отказавшись от рассмотрения экономических требований развивающихся стран и пригрозив применить военную силу в случае «удушения индустриального мира» (т. е. повторного эмбарго). Такой курс, очевидно, перекликался с выкладками и рекомендациями сторонников «умещения взаимозависимости» (П. Силверн, С. Краснер). Дальнейшее развитие конфликта показало, однако, нереальность и неадекватность такого жесткого подхода и потребовало от республиканцев его существенного изменения. Действуя в обстановке «вынужденных ходов» и ограничиваясь, как правило, лишь минимально необходимыми мерами для недопущения новой вспышки конфликта, администрация Форда сумела заложить тем не менее основные направления политики США в условиях взаимозависимости. Прежде всего была значительно усилена координация внутри- и внешнеэкономической политики стран Запада, в том числе и в отношении развивающихся стран (создание Международного

энергетического агентства в 1974 г., институционализация ежегодных встреч глав государств и правительств крупнейших стран, начало которым положено в Рамбуйе в 1975 г.). Затем, и на основе этой координации, США согласились рассмотреть экономические требования развивающихся стран и даже представили свою собственную программу «нового экономического порядка» (имевшую, правда, мало общего с программой ИМЭП), в результате чего стал возможен созыв Конференции по международному экономическому сотрудничеству (декабрь 1975 — июль 1977 г.). Кроме того, взаимозависимость и прежде всего необходимость поддержания приемлемых отношений с основными поставщиками нефти потребовали от США изменения подхода к конфликтным ситуациям на Ближнем Востоке, юге Африки, вокруг Панамского канала. В значительной мере под давлением Саудовской Аравии США переходят к «сбалансированному» курсу на Ближнем Востоке, под давлением Нигерии — к поискам компромиссов в Родезии и Намибии, под давлением Венесуэлы — активизируют переговоры о Панамском канале²⁵.

«Позитивные» ответы на взаимозависимость разрабатывались в это время специалистами, близкими к демократической партии, под знаком критики неадекватной политики республиканцев. Приход в Белый дом Дж. Картера, а вместе с ним и ведущих сторонников этого направления концепции — З. Бжезинского, Дж. Нага, Ф. Бергстена, Р. Купера²⁶ — не мог не оказать определенное влияние на подход США к проблемам взаимозависимости с развивающимися странами. Усилилась тенденция к «урегулированию» конфликтов, причем, как правило, за счет дальнейших уступок США. Были предприняты значительные, и безуспешные, усилия по сближению позиций США по ИМЭП не только с их западными союзниками, но и с развивающимися странами, в результате чего в 1979 г. было достигнуто соглашение о создании «общего фонда». Подписание и ратификация договоров о Панамском канале, камп-дэвидские соглашения по Ближнему Востоку, активизация «урегулирования» в Родезии и Намибии — все это этапы политики демократов по обеспечению выгодной США «международной взаимозависимости» на путях внешнеполитического реформизма. Пытаясь опереться в проведении этого курса на «умеренные» режимы и добиться усиления их влияния среди развивающихся стран, демократы в то же время активно использовали восприимчивое давление там, где национально-освободительное движение плет или грозит пойти дальше предписываемого из Вашингтона буржуазно-либерального уровня. Поддержка «до последнего» Сомосы в Никарагуа, шаха в Иране, антинародной хунты в Сальвадоре, косвенное военное вмешательство в подавление восстания в заирской провинции Шаба в 1978 г., беспрецедентное наращивание военно-морских сил у берегов Ирана и

недвусмысленные угрозы их применения в 1979—1980 гг. и, наконец, военно-политическая поддержка афганских контрреволюционеров — таковы реальные свидетельства того, что военно-силовой интервенционизм остается неотъемлемой частью американской политики в условиях взаимозависимости.

Тенденция к применению военной силы становится неизбежным следствием стремления навязать развивающимся странам исторически пройденный общественно-политический строй — капитализм, реальным подтверждением реакционности американской концепции «взаимозависимости».

РАЗДЕЛ II

ГЛОБАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ США И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ

Широкий размах национально-освободительного движения, образование более сотни независимых государств за относительно небольшой период времени, их быстро растущее влияние в мировой политике и экономике — все это не могло не придать проблемам развивающихся стран соответствующего значения в контексте внешнеполитической стратегии США. Как способ осуществления интересов американского правящего класса на международной арене, эта стратегия ставит своей основной целью достижение «глобального лидерства» США и создание американского «мирового порядка», включая такие задачи, как укрепление капитализма в союзных странах, борьба против мирового социалистического содружества, подавление национально-освободительного движения и его приспособление к интересам американских правящих кругов.

Перемены в соотношении сил на международной арене, проявившиеся в установлении стратегического паритета между СССР и США, поражении американской интервенции в Индокитае, распаде или ослаблении военных блоков, внесли значительные коррективы в традиционную внешнеполитическую стратегию Вашингтона: ему пришлось пересмотреть некоторые наиболее агрессивные стороны своего курса. Это не означает, что произошли какие-то фундаментальные сдвиги в самой внешнеполитической стратегии США (о чем свидетельствует хотя бы провозглашенная в январе 1980 г. «доктрина Картера»), но все же учет объективных перемен в окружающем мире подсказал американским правящим кругам вывод о необходимости пересмотра тех сторон их внешней политики, которые могли привести к очередным провалам и кризисам. Этот пересмотр коснулся отношений с союзниками, с Китаем, в определенной мере — с Советским Союзом. Но он не изменил империалистического характера внешней политики США.

В области отношений с развивающимися странами глобальная внешнеполитическая стратегия США также не осталась без изменений. В первую очередь они коснулись проблем применения военной силы как решающего средства достижения целей

США в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Не отрицая возможности использовать насилие в качестве средства подкрепления интересов американского монополистического капитала, текущая стратегия Вашингтона не может не идти на более активное применение дипломатического маневрирования, экономических средств, пропагандистского наступления, поскольку поражение в Индокитае вынудило американские политические круги поставить под сомнение выгоду и уместность безоглядного использования военной силы для разрешения противоречий между США и развивающимися странами. В этой связи встал и вопрос об усилении политических активов США в развивающихся странах. Среди этих активов не последнее место заняла координация действий Вашингтона с его главными союзниками.

В данном разделе рассматриваются три главные проблемы: эволюция политической стратегии США в развивающихся странах после 1973—1974 гг. и формирование ее основных направлений на текущем этапе, военная стратегия США в Азии, Африке и Латинской Америке в тот же период, а также проблемы отношений США со странами Западной Европы в противоборстве с развивающимися государствами по вопросам экономики и политики.

Глава 4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

События 1973—1974 гг., когда развивающиеся страны выступили с требованиями нового международного экономического порядка и подкрепили их мерами политического и экономического характера, развеяли миф о «снижающемся значении» этих стран для глобальных позиций Соединенных Штатов. Они продемонстрировали довольно высокую степень уязвимости позиций американского империализма и особенно его главных союзников, если выступление развивающихся стран опирается на изменившееся соотношение сил, получает поддержку со стороны социалистического содружества, использует фактор антиимпериалистической солидарности. Поэтому главным итогом этих событий для внешнеполитического курса США стало стремление Вашингтона пересмотреть свою предыдущую оценку места освободившихся государств в соотношении сил на мировой арене, уделить им значительно больше внимания, выявить главные проблемы, разделяющие США со странами Азии, Африки и Латинской Америки, и разработать пути их разрешения в своих интересах.

Пересмотр текущих целей и действий США в развивающихся

странах в середине 70-х годов не отразился на их главных долгосрочных целях. Как и прежде, в основе политики США лежит стремление их правящих кругов всеми средствами добиться сохранения развивающихся стран в орбите капитализма, ограничить и локализовать освободительные процессы, охватившие бывшие колониальные и зависимые страны, навязать этим странам роль резерва капитализма в противостоянии миру социализма. Однако, отражая возросшую силу национально-освободительного движения, увеличившееся значение развивающихся стран и их ресурсов в мировой экономике и политике, усилившиеся опасения правящих кругов империалистических держав по поводу связей между освободившимися странами и странами социалистического содружества, новая стратегия США в развивающихся странах была поставлена на более высокий уровень во внешнеполитических приоритетах американского империализма, обросла системой новых средств и методов, привлекла более крупные ресурсы.

Характерной особенностью нынешней стратегии США в развивающихся странах стал значительно больший, чем раньше, акцент на экономические проблемы. До 1973—1974 гг. главными вопросами, решавшимися Вашингтоном в Азии, Африке и Латинской Америке, были сохранение и укрепление зависимых режимов, поддержание системы неравноправных договоров и соглашений, ставивших освободившиеся государства в зависимость от США, и другие проблемы преимущественно военно-политического характера. Во второй половине 70-х годов к ним добавились еще и очень сложные экономические проблемы, целая совокупность переговоров (по «общему фонду», правилам регулирования деятельности ТНК, условиям передачи технологий, морскому праву и т. п.), превращающих всю задачу удержания развивающихся государств в орбите империализма в чрезвычайно запутанную и взаимосвязанную проблему. В этом смысле попытки администрации Картера возродить военно-политическое противоборство с развивающимися странами, вновь прибегнуть к угрозам оружием могут рассматриваться лишь как косвенное признание американским правительством невозможности добиться с помощью политико-дипломатических средств выгодного для себя решения проблемы, поднятых развивающимися странами, и как попытка вновь свести все дело к насилию.

Решая главные классовые задачи, поставленные американскими правящими кругами в развивающихся странах, политическая стратегия США тесно увязывает их достижение с осуществлением более общих интересов монополистического капитала на международной арене. А эти интересы, как отмечается в документах международного рабочего и коммунистического движения, состоят в стремлении «любыми способами ослабить позиции социализма, подавить национально-освободительное движение народов, воспрепятствовать борьбе трудящихся в ка-

питалистических странах, задержать необратимый процесс упадка капитализма»¹. Поэтому, анализируя основные моменты текущей политической стратегии США в развивающихся странах, целесообразно сгруппировать их в три комплекса проблем, различным влияющим на прочность международных позиций Соединенных Штатов и затрагивающих разные сферы их зарубежных интересов: 1) аспекты политики США в развивающихся странах, прямым либо косвенным образом соотносящиеся с проблемами соревнования двух мировых систем; 2) вопросы, затрагивающие сферу союзнических связей США с развитыми капиталистическими державами; 3) проблемы непосредственных отношений США с развивающимися странами.

Политика США в развивающихся странах и проблемы соревнования двух мировых систем

В выступлении члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в апреле 1974 г. указывалось, что сама возможность постановки вопросов экономического развития освободившихся государств на широком международном обсуждении говорит о глубине перемен, происходящих в современном мире. «Поворот к разрядке, улучшение международного политического климата — вот что создает благоприятную среду для нормализации и экономических взаимоотношений»², — отметил А. А. Громыко.

В этом заключена основная оценка воздействия социалистического содружества на отношения между США, всем миром империализма и развивающимися странами: неуклонный рост могущества мирового социалистического содружества, его активная миролюбивая внешнеполитика, бескорыстная помощь освободившимся государствам прямо содействуют увеличению возможностей развивающихся стран в борьбе с империализмом, позволяют им поставить перед правящими кругами Запада вопрос о комплексном пересмотре системы хозяйственных связей на мировом капиталистическом рынке и добиваться осуществления второй — экономической — стадии своего освобождения.

Этим вопросам было уделено внимание в работе XXV съезда КПСС. «С трибуны своего съезда, — заявил в Отчетном докладе ЦК съезду Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, — мы вновь подчеркиваем: Советский Союз полностью поддерживает законные устремления молодых государств, их решимость полностью избавиться от империалистической эксплуатации, самим распоряжаться своими национальными богатствами»³. Конкретное изложение получила позиция Советского государства по вопросам демократизации международных экономических отно-

шений, по их перестройке на принципах равноправия и взаимной выгоды в специальном Заявлении «О перестройке международных экономических отношений» от 4 октября 1976 г., распространенном в качестве официального документа ООН. В этом Заявлении Советское правительство поддержало мысль о необходимости добиваться перестройки международных экономических отношений в духе разрядки и сотрудничества и предложило ряд конкретных мер.

В противоборстве с развивающимися странами правящие круги США придают большое значение фактору соревнования двух мировых систем. Пропагандистски их позиция в этом вопросе в течение длительного времени, фактически с провозглашения «доктрины Трумэна» в 1947 г., состояла в том, что национально-освободительные революции объявлялись следствием «подрывной деятельности» коммунизма и должны были поэтому встречать дружный отпор со стороны всего Запада. Это пропагандистское отношение не исчезло полностью до последнего времени, и его возможно встретить в оценках американскими правящими кругами революций в Эфиопии и Анголе, в Иране и Афганистане, в Никарагуа и многих других странах. Но за этим пропагандистским прикрытием находится более трезвое понимание того факта, что возможности завоевания независимости народами бывших колоний существенно увеличились благодаря поддержке со стороны мира социализма, и эта поддержка играет большую роль сегодня в положительном решении вопроса укрепления суверенитета молодых государств, их становления в качестве самостоятельных политических систем со своими законными экономическими интересами.

В то же время действия молодых государств по достижению собственных целей экономического и социального развития ослабляют позиции империализма, что прямо сказывается на его положении по отношению к мировому социалистическому содружеству. Борьба освободившихся государств за свои экономические права, за усиление темпов экономического и социального развития больше не может рассматриваться на Западе как «козни коммунизма». Наоборот, руководящие деятели США, например бывший госсекретарь С. Вэнс, прямо говорят о большой важности этой проблемы не только для развивающихся стран, но и для Соединенных Штатов, для всего капиталистического мира, заинтересованного в стабильной эволюции стран Азии, Африки и Латинской Америки по капиталистическому пути⁴. Но объективные нужды развития этих стран требуют пересмотра характера их экономических связей с капитализмом в сторону увеличения их доли в получаемых прибылях, а это уже угрожает прочности положения монополистического капитала в мировой капиталистической экономике.

В результате получается весьма сложная и неоднозначная ситуация, в которой правящим кругам США наиболее приемле-

мым курсом представляется стремление не допустить усиления связей между развивающимися странами и мировым социалистическим содружеством, изолировать группу государств социалистической ориентации внутри блока развивающихся стран, противопоставить влиянию социализма экономические активы капитализма (продовольствие, технологии, свободные капиталы). В этом случае развивающиеся страны остались бы экономически и политически подчиненными империализму и можно было бы свести всю проблему взаимоотношений между капиталистическим Севером и отсталым Югом к «семейным неурядицам» идеологически единой мировой системы.

По этот оптимальный для правящих кругов США курс обусловлен рядом объективных обстоятельств, одним из которых является вынужденное после Вьетнама признание ограниченности возможностей американского государства по навязыванию освободившимся странам американских целей и интересов в существующих условиях мировой расстановки сил. Поэтому реальный американский внешнеполитический курс в 70-е годы пытался приспособиться к изменившимся условиям на международной арене, разработать такую стратегию, которая учла бы все новые моменты в глобальном соотношении сил и сумела бы использовать их на благо американского правящего класса. Острее этой стратегии было сосредоточено на приспособлении задач внешней политики Соединенных Штатов к стратегическому паритету, но одновременно большое место в ней занимали и проблемы сочетания политики в отношении мира социализма с политическим курсом в развивающихся странах.

«Доктрина Никсона» как система мероприятий американского правительства в конце 60-х и начале 70-х годов по выходу из войны во Вьетнаме исходила из желательности добиться «параллельного невмешательства» СССР и США в дела развивающихся стран, с тем чтобы разрядке в советско-американских отношениях не мешали «периферийные» события и интересы. Давая оценку этим сторонам «доктрины Никсона», известный американский политолог С. Хоффман спустя несколько лет писал: «Наша вчерашняя официальная доктрина исходила из того, что по мере ослабления соперничества между великими державами их интерес к третьему миру как к источнику возможных „маргинальных преимуществ“ должен снизиться. Поэтому и способность более бедных наций вызывать трения между великими державами также исчезнет. „Разъединение“ между великими державами и третьими странами рассматривалось как необходимая часть создания стабильной структуры мира»⁵.

Такая постановка вопроса американским руководством была одновременно провокационной и нереальной. С одной стороны, она проводила недопустимую параллель между политикой США, потерпевшей сокрушительное поражение во Вьетнаме,

и политикой СССР, диктуемой соображениями антиимпериалистической солидарности. Эта параллель, пагубная великодержавным видением мировых процессов и недооценкой степени самостоятельности освободительного движения в бывших колониях, до такой степени ввела в заблуждение авторов «доктрины Никсона», что в течение 1973—1974 гг. эта доктрина оказалась фактически похороненной под лавиной неожиданных для правящих кругов США событий, вызванных активными и самостоятельными действиями молодых государств. С другой стороны, требования «ответного невмешательства» со стороны Советского Союза в развивающихся странах сопровождалось всемерным проведением в жизнь стратегии «вьетнамизации», направленной на усиление системы зависимых режимов и увеличение «совокупной силы» США и их союзников.

В 1975—1976 гг. правящие круги США под влиянием событий 1973—1974 гг., а также в связи с приходом нового президента, Дж. Форда, попытались внести некоторые коррективы в свой курс в развивающихся странах. Во-первых, проблемам этих стран в Вашингтоне стали уделять значительно больше внимания: государственная секретарь Г. Киссинджер возглавил подготовку американской дипломатии к VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая в августе — сентябре 1975 г. продолжила обсуждение проблем нового международного экономического порядка; он принял участие в неоднократных совещаниях союзников США по вопросам развивающихся стран; руководил работой американской делегации на IV сессии ЮНКТАД в Найроби в мае — июне 1976 г. Большое внимание уделялось политике США на Ближнем Востоке и на юге Африки, где действовала «челночная дипломатия» Г. Киссинджера. Во-вторых, американская дипломатия сделала заметный шаг в сторону экономических проблем: в 1974 г. она занялась созданием Международного энергетического агентства (МЭА) в качестве контр-ОПЕК развитых капиталистических держав — потребителей нефти; в 1975—1976 гг. по инициативе Вашингтона разрабатываются специальные программы МБРР и МВФ, создаются некоторые новые финансовые органы, занимающиеся проблемами развивающихся стран.

Большое значение придавал Вашингтон в тот период согласованию этих действий с советско-американскими отношениями. По это согласование трактовалось правительством США очень своеобразно и содержало две установки: во-первых, стремление изъять из обсуждения в ООН вопросы нового международного экономического порядка и передать их на рассмотрение специальной Конференции по международному экономическому сотрудничеству в Париже, где развивающиеся страны оставались одна на один с развитыми капиталистическими державами (и деятельность американской делегации на VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на XXXI сессии

Генеральной Ассамблеи, на IV конференции ЮНКТАД была подчинена этой задаче); во-вторых, стремление внедрить в практику отношений между СССР и США так называемую политику увязок, в соответствии с которой прогресс на переговорах по ОСВ и на других советско-американских переговорах увязывался с требованиями односторонних уступок со стороны Советского Союза и других социалистических стран: прекращение помощи народам Анголы и Эфиопии, односторонний отказ от присутствия советского ВМФ в Индийском океане, отказ от противодействия «челночной дипломатии» Г. Киссинджера на Ближнем Востоке и на юге Африки и т. д.

Готовясь к борьбе за президентское кресло в 1976 г., демократы избрали этот курс республиканцев в качестве одной из главных мишеней критики. «С самого начала,— писал З. Бжезинский в 1974 г.,— администрация республиканцев либо была безразлична к развивающимся странам, либо относилась к ним с пренебрежением. То ли потому, что относительная слабость этих государств позволяла считать их не заслуживающими внимания участниками „баланса сил“, то ли просто моральные мотивы имеют меньше значения для политики, которая берет за основу принципы „реал-политик“, но в результате усилилось отчуждение между США и большинством бедных районов планеты. Сейчас это может показаться малозначачим, но в мире, испытывающем нехватку ресурсов, да еще при том, что самим Соединенным Штатам начинает не хватать сырья, необходимого для их благополучия, это отчуждение в один прекрасный день может приобрести огромное политическое значение»⁶. Видные демократы (Дж. Картер, З. Бжезинский, Р. Гарднер, Р. Купер, Г. Оуэн, Дж. Кэмпбелл и др.) приняли активнейшее участие в работах Трехсторонней комиссии, посвященных проблемам развивающихся стран, поставив тем самым эти проблемы в контекст глобальной стратегии, разрабатываемой на согласованных с союзниками принципах.

Акцентировка растущего значения развивающихся стран в работах Трехсторонней комиссии сопровождалась настойчивыми рекомендациями добиться «более активного» участия Советского Союза и других социалистических стран в переговорах «Север—Юг». В частности, специалисты этой комиссии Р. Гарднер, С. Окита (впоследствии министр иностранных дел Японии) и Б. Удник рекомендовали привлечь Советский Союз к участию в помощи наиболее бедным странам, пострадавшим от экономического спада в развитых капиталистических державах⁷. Не отрицая в тот период ценности разрядки международной напряженности, сторонники партии демократов указывали, что «дух разрядки и глобальной солидарности» только выиграл бы, если бы удалось привлечь Советский Союз и другие социалистические государства, как представителей «развитого Севера», к участию в переговорах с развивающимися странами⁸.

Руководствуясь в основном соображениями межпартийной борьбы, демократы в США выступали как критики «узкопрагматического» курса республиканцев и как сторонники «непредубежденного» подхода, включавшего обещания расширить советско-американское сотрудничество, установить «трехсторонние» отношения с Западной Европой и Японией, добиться «полноценной взаимозависимости» с развивающимися странами. Этот подход содержал в себе также сильный пропагандистский элемент: обещание возродить роль «американских моральных ценностей» во внешней политике, что для развивающихся стран звучало как обещание учесть их нужды и проблемы. Как отмечают американские специалисты, все переговоры между развитыми капиталистическими и развивающимися странами в 1976 г. практически замерли, так как развивающийся мир ожидал исхода президентских выборов в США и надеялся на победу Картера⁹.

С приходом к власти в 1977 г. администрации демократов начали определяться контуры их внешнеполитической стратегии. Весной 1977 г. президент США сделал несколько заявлений по этим вопросам, демонстрируя готовность идти навстречу интересам развивающихся стран и предложениям Советского Союза: в марте он говорил о необходимости «демилитаризации» Индийского океана, в апреле — о необходимости предотвратить распространение ядерного оружия и ограничить гонку обычных вооружений в развивающихся странах. В мае 1977 г. после встречи С. Вэнса с А. А. Громыко в Женеве начались советско-американские консультации по урегулированию ближневосточного конфликта. В том же году начались советско-американские переговоры по Индийскому океану и по вопросам, связанным с ограничением международной торговли оружием.

Значение этих событий не только в том, что они могли действительно распространить разрядку на отдельные районы развивающегося мира, создать в них условия безопасности и стабильности, необходимые для экономического прогресса освободившихся государств. Они породили известный оптимизм в самих этих государствах, так как советско-американское сотрудничество является одним из залогов реального решения наиболее острых политических, экономических, продовольственных, демографических и иных проблем развивающихся стран. Этот оптимизм помог развивающимся странам довольно спокойно пережить неудачный исход переговоров «Север—Юг» в Париже в июле 1977 г., где Запад сумел навязать им решение о создании «общего фонда» сырьевых товаров вместо интегрированной программы по сырию. В то же время представители некоторых развивающихся стран обратили внимание на то, что при всей благожелательной риторике Дж. Картера истинная позиция его администрации далека от готовности учитывать нужды этих стран¹⁰.

Действительные параметры стратегии США в развивающихся странах при администрации демократов выявились с наибольшей четкостью в 1978—1979 гг. Декларативные жесты администрации Картера, предназначенные для успокоения ожиданий в странах Азии, Африки и Латинской Америки обещаниями «глобального сотрудничества» и «стабильности», все больше уступали место воинственным намерениям устроить «пробу сил» с мировым социалистическим содружеством, в которой проблемы развивающихся стран отодвигались на задний план. В октябре 1977 г., несмотря на подписание Совместного советско-американского заявления по Ближнему Востоку, администрация Картера поддержала «мирную инициативу» Саудата, что сразу же обострило положение в этом районе мира, так как большинство арабских государств осудило эту «инициативу» как предательство дела арабов и интересов арабского народа Палестины. В 1978 г. в период сомалийско-эфиопского конфликта администрация США в одностороннем порядке прервала переговоры с СССР по Индийскому океану и оказала поддержку агрессии Сомали, что обострило положение в Африке. Несмотря на консультации с Советским Союзом по ограничению торговли оружием, администрация США продолжала экспорт оружия в возрастающих масштабах: в 1977 г. — на сумму около 11,5 млрд. долл., в 1978 г. — более 13 млрд. долл.¹¹.

Таким образом, американское правительство, сочтя после завершения экономических переговоров с развивающимися странами в Париже свои позиции достаточно окрепшими (что сопровождалось некоторым оживлением деловой активности в США, ФРГ и Японии в 1976—1977 гг.), предпочло ужесточить свой курс в развивающихся странах. Революция в Иране, в частности, вызвала в США лишь новые угрозы вмешательства в Персидском заливе и очередные антисоветские демонстрации, а события в Никарагуа — рост агрессивных приготовлений в зоне Карибского моря и угрожающие жесты в адрес социалистической Кубы.

К началу 80-х годов положение в данной части политической стратегии США определилось достаточно ясно. Доминирующей тенденцией в ней стало стремление Вашингтона к агрессивному противоборству с влиянием Советского Союза и всего мирового социалистического содружества, со странами социалистической ориентации. Поскольку этот курс опирается на провозглашение «жизненно важными» для США целых районов развивающегося мира (в частности, в «доктрине Картера» речь шла прежде всего о Персидском заливе), то очевидно, что в данной эволюции соединилось воздействие двух главных факторов: во-первых, желания оказать давление на мир социализма вмешательством в нестабильные и стратегически важные районы, расположенные в непосредственной близости от СССР, Кубы, Вьетнама и других социалистических стран (этот курс до-

статочно традиционен, и, возвращаясь к нему после периода разрядки, Картер хотел продемонстрировать свою «жесткость и решительность»), а во-вторых, растущей важности источников энергетического сырья для всего капиталистического мира. Установив контроль над этими источниками, Соединенные Штаты получили бы серьезные преимущества и перед Западной Европой, и перед Японией, и перед развивающимися странами, на располагающими собственными энергетическими ресурсами.

Следовательно, поддавшись соблазну усилить международные позиции Соединенных Штатов за счет роста военной угрозы, администрация Картера коренным образом изменила свое отношение к роли развивающихся стран на международной арене. Соображения «взаимозависимости», обещания помощи «основным пуждам человека», озабоченность по поводу «стабильности» развивающихся стран — все это было отставлено на второй план, а на первый встало стремление организовать «пробу сил» с Советским Союзом в тех районах развивающегося мира, которые по тем или иным обстоятельствам важны для глобальной стратегии США.

Политика США в развивающихся странах и проблемы «трехсторонних» отношений

Если в борьбе против влияния мирового социалистического содружества в развивающихся странах правящие круги США фактически не изменили своих основных долгосрочных целей и корректировка американской стратегии в 70-е годы коснулась лишь средств и методов, направленных на их достижение, то в другой сфере американской политики в странах Азии, Африки и Латинской Америки — в вопросах ее координации с наиболее важными союзниками Вашингтона — в этот период произошли определенные перемены. Главная среди них — стремление максимально снизить уровень межимпериалистической борьбы и конкуренции и, наоборот, значительно усилить степень разработки согласованной политики в развивающихся странах.

Вместе с тем проблема перемены ориентиров в данной области не столь уж проста и не решается лишь с помощью рекомендаций Трехсторонней комиссии. В течение длительного времени Соединенные Штаты вели дело к усилению собственных позиций в развивающихся странах, в том числе за счет ущемления позиций других развитых держав — бывших колониальных метрополий. За этим стояло не только естественное желание экономически более мощных американских корпораций заполучить новые рынки и источники дешевого сырья, но и стратегические расчеты американского государства, желавшего подчинить себе во всех отношениях весь капиталистический мир, извести таких его столпов, как бывшие британская и француз-

ская колониальные империи, до уровня зависимых от США наций.

Но этот период в развитии союзнических отношений между США и странами Западной Европы вызвал довольно сильное недоверие со стороны союзников к истинным мотивам политики Вашингтона в развивающихся странах, а главное — создал необычную ситуацию, при которой экономическая и политическая стабильность западноевропейских стран, по-прежнему во многом связанных экономическими узами со своими бывшими колониями, все больше зависят от того, насколько Соединенные Штаты смогут держать под контролем развивающееся государство.

Эта ситуация явилась предпосылкой для пересмотра Вашингтоном своего взгляда на проблемы взаимосвязей между «межконтинентальными отношениями» и политикой в развивающихся странах, а для западноевропейских государств послужила поводом предъявить Соединенным Штатам серьезные претензии как к лидеру капиталистического мира. В итоге правящим кругам США и их главным союзникам пришлось признать, что элементы взаимной конкурентной борьбы, которые во многом определяли их действия в 50-х и 60-х годах, привели к ослаблению совокупных позиций Запада в развивающихся странах и содействовали, помимо других причин, переменам в глобальной расстановке и соотношении сил. Опасения дальнейшего развития этой тенденции в сочетании с политическими последствиями роста роли транснациональных корпораций в интернационализации хозяйственных основ современного империализма и послужили платформой усилившегося стремления развитых капиталистических держав повысить уровень координации их политики в развивающихся странах.

В качестве долгосрочной цели США на данном направлении их стратегии была выдвинута задача создания объединенного на основах «взаимозависимости» стабильного хозяйственного и политического комплекса развитых капиталистических и наиболее важных с точки зрения наличия ресурсов развивающихся стран. Эта задача в понимании правящих кругов США имеет два измерения. С одной стороны, под влиянием правых консервативных группировок в американском правящем классе и в господствующих классах других капиталистических держав на повестку дня политики Вашингтона была поставлена проблема «исправления» мирового соотношения сил в пользу капитализма.

Другое, более узкое измерение стратегии «взаимозависимости» состоит в поисках путей и средств сглаживания противоречий между самими развитыми капиталистическими странами, чтобы весь комплекс мировых хозяйственных связей капитализма имел солидную политическую надстройку классово единой интернациональной буржуазии. В США и других капиталистических странах понимают, что без хотя бы частичного раз-

решения противоречий между развитыми странами отношения с развивающимся миром и его наиболее «богатой» частью будут служить, скорее всего, не активом, а пассивом империализма, поскольку требования развивающихся стран, в том числе и идущих по капиталистическому пути, неизбежно ослабят всю мировую капиталистическую систему. Для преодоления именно этих противоречий и была выдвинута идея налаживания «трехсторонних» отношений, цель которой — показать, что у развивающихся стран, стремящихся преодолеть свою вековую отсталость, нет иного пути, кроме более полного интегрирования своего хозяйства в единую мировую капиталистическую систему, способную дать необходимые капиталы и технологию этим странам в обмен на их сырье. «Развивающиеся страны, — писал Р. Гарднер, С. Окита, Б. Удник, — нуждаются в нашей помощи, технологии, научных знаниях, рынках. Странам треугольника нужны сырьевые материалы, экспортные рынки и конструктивные партнеры в создании надежного мирового порядка»¹².

Решение выдвинутых задач было возложено американской дипломатией на «диалог Север — Юг», основные дебаты в рамках которого состоялись на Конференции по международному экономическому сотрудничеству, проходившей в Париже с участием семи развитых капиталистических держав, делегации ЕЭС и представителей 19 развивающихся государств. Эта конференция длилась с перерывами с декабря 1975 по июнь 1977 г. Параллельно американская администрация значительно усилила действия по повышению роли международных капиталистических финансовых институтов в разработке и проведении политики в отношении развивающихся стран. Среди них особое значение было придано Международному банку реконструкции и развития (МБРР) и Международному валютному фонду (МВФ). С помощью этих институтов США стремились максимально интернационализировать свой подход к проблемам отношений с развивающимися странами, придать ему общий для всего Запада характер, решить целый ряд внутриполитических проблем, возникших в США в связи со стремлением конгресса поставить под свой контроль программы иностранной помощи и ее распределение.

Общий подход США к проблемам «диалога Север — Юг» в тот период отличался стремлением найти максимально широкие и всеохватывающие решения, выходящие за рамки строго урегулирования острых, спорных вопросов в области экономических отношений и направленные на создание духа корпоративности интересов правящих кругов капиталистических и развивающихся стран — участники конференции. Именно этим следует объяснить, что американской делегации удалось найти пути к диалогу с правящими кругами отдельных наиболее «богатых» развивающихся стран и внушить им мысль об ответст-

венности за судьбы капиталистического мира. Поэтому, если в начале работы конференции ее участники из числа развивающихся стран в целом придерживались единой позиции, то со временем в их рядах наметился раскол. В частности, правительство Саудовской Аравии, вложившее огромные средства в экономику развитых капиталистических стран, проявило стремление к поиску компромиссов на индивидуальной основе.

Однако общий итог переговоров в Париже оказался малоудачным как для Запада, так и для развивающихся стран. Не сумев настоять на своих решениях поставленных проблем, обе группировки стран согласились рассмотреть их по отдельности (и в первую очередь проблемы «общего фонда») на переговорах в ООН, что ставило под сомнение разумность предыдущего курса Вашингтона, стремившегося избежать широкого и многостороннего обсуждения вопросов международных экономических отношений. Ответом американского правительства на эту неудачу (которую администрация Картера приписывала предыдущей) стало стремление возродить «лидирующее» положение США в области помощи Западу развивающимся государствам. Уже в 1977 г. администрация Картера предложила конгрессу одобрить увеличение объема помощи на 1,67 млрд. долл. и доведение его до 7,2 млрд. долл.¹³, а в 1978 г. настояла на увеличении помощи до 8,4 млрд. долл., проведя одновременно через конгресс закон о помощи международному развитию¹⁴.

Правительство США одновременно усилило нажим на своих главных союзников, в первую очередь на ФРГ и Японию, добиваясь расширения их вклада в совокупную помощь Западу развивающимся странам. Во время переговоров президента Картера с премьер-министром Японии Т. Фукудой в марте 1977 г. одним из вопросов повестки дня стало требование американской стороны усилить помощь развивающимся странам. Согласно Японии вдвое увеличить объем своей помощи развивающимся странам было достигнуто во время встречи руководителей развитых капиталистических государств летом 1978 г. в Бонне.

Все же к концу 70-х годов лидирующая роль Соединенных Штатов в разработке общей политики Запада в отношении развивающихся государств значительно ослабла. Неудача переговоров в Париже подорвала веру союзников в способность Вашингтона разработать эффективные способы обеспечения интересов Запада в развивающихся странах. Призыв усилить помощь сопровождался относительным снижением доли американской помощи: в 1975 г. она составила 0,26% американского ВВП, в 1977 г. — 0,22%¹⁵. Паряду с этим усилилась экспансия американского частного капитала в развивающиеся страны, особенно в виде займов и кредитов (к 1977 г. задолженность развивающихся стран американским частным банкам оценивалась в 75 млрд. долл., в то время как общая сумма этой задолжен-

ности всему капиталистическому миру оценивалась в 180—200 млрд. долл.)¹⁶. Союзники США вполне справедливо считали, что под прикрытием деклараций о «трехсторонних» отношениях и о «взаимозависимости» правящие круги Вашингтона ведут дело к усилению собственных позиций в развивающихся странах. Это вызвало ответную реакцию: страны ЕЭС усилили деятельность по охвату как можно большего числа развивающихся государств системой специальных соглашений (так называемая Ломейская конвенция, подписанная в 1973 г. ЕЭС с 43 странами Азии, Африки и Латинской Америки, а в 1979 г. уже включившая 57 развивающихся стран); Япония провозгласила «доктрину Фукуды» для Юго-Восточной Азии, поставив своей задачей превращение развивающихся стран региона в сферу своего преобладающего экономического влияния.

Усиление противоречий между США и их главными союзниками по вопросам развивающихся стран вызывало тревогу в Вашингтоне. С одной стороны, там опасались ущемления позиций США, с другой — что конкуренция стран Запада создаст новые предпосылки для наступления освободившихся государств в области международных экономических отношений. С этой точки зрения курс на обострение обстановки в странах Азии, Африки и Латинской Америки, на противоборство с влиянием мира социализма был сочтен администрацией демократов как возможность расширить сотрудничество с западноевропейскими странами и Японией.

Расширяя данное направление своей экспансии в развивающихся странах, правящие круги США все же недоучли, что их союзники могут не пойти на более активную поддержку агрессивных акций Вашингтона, если это будет угрожать их собственным интересам. Поэтому сдержанная реакция некоторых союзных стран — Японии, Франции, ФРГ — в период американского кризиса в конце 1979 — начале 1980 г. была сочтена вашингтонской администрацией как «отступничество», и Соединенные Штаты попытались использовать дальнейшее обострение ситуации в Юго-Западной Азии, чтобы под предлогом «афганских событий» заставить своих союзников активно включиться в противоборство в этом районе мира.

В целом перенесение акцента в глобальной стратегии Вашингтона на рубеже 80-х годов на проблемы военно-политической экспансии в развивающихся странах, сопровождаемой ростом международной напряженности, угрозами «пробы сил» с Советским Союзом и другими социалистическими странами, безусловно, оказало определенное «дисциплинирующее» воздействие на политику всего блока развитых капиталистических держав в развивающемся мире. Используя свое военное превосходство над союзниками, демонстрируя готовность «забыть» уроки Вьетнама и вновь пойти на решительное применение военной силы, чтобы предотвратить попытки развивающихся стран ис-

пользовать сырьевое оружие для достижения своих целей в области перестройки экономических отношений, правительство США надеялось, что для их союзников этот путь окажется приемлемым средством урегулирования своих собственных проблем в развивающихся странах. И в целом ряде случаев американские союзники поддержали это направление в стратегии США.

Но оставался открытым вопрос: насколько далеко они готовы следовать по предложенному Вашингтоном пути и насколько эффективным оказался этот путь в решении сложнейших экономических проблем? Зависимость США, стран Западной Европы и Японии от ресурсов развивающихся стран далеко не одинакова: если Соединенные Штаты только в последние годы ощутили свою зависимость от источников нефти в развивающихся странах, откуда они ввозят около половины потребляемой нефти (страны Персидского залива, Нигерия, Венесуэла, Мексика и др.), то западноевропейские державы, и особенно Япония не только ввозят от 70 до 95% потребляемого энергетического сырья из развивающихся стран, но и по многим другим основным сырьевым ресурсам (металлические руды, минеральные виды сырья и многое другое) находятся в несравненно большей зависимости от развивающихся стран. Обещания Вашингтона «утюжить» развивающиеся страны не вызывают особых надежд в странах Западной Европы и в Японии. Наоборот, вопиющие заявления американских руководителей лишь подтверждают правительственные и деловые круги в союзных странах; и вопрос о возможности более тесной координации политики в развивающемся мире между США, ЕЭС и Японией остается сложной проблемой межсоюзнических отношений.

Основные проблемы непосредственных отношений США с развивающимися государствами

Развитие процессов национально-освободительного движения, вышедшее из-под контроля империализма, появление молодых государств, провозгласивших, несмотря на свою экономическую слабость, независимую ориентацию, активная помощь со стороны мирового социалистического содружества освободившимся государствам — все это значительно осложнило для правящих кругов США решение проблемы достижения американского «мирового порядка», при котором развивающиеся государства, освободившись от политического подчинения западноевропейским державам, оставались бы зависимой частью капиталистического мира под эгидой США. Отсюда — основные задачи американского политического курса по отношению к молодым государствам: противодействие прогрессивным переменам,

ставка на создание зависимых режимов, проникновение американских монополий в их экономику, создание глобальной системы зависимых стран на основе региональных пактов и союзов типа Организации американских государств, блока СЕАТО, СЕНТО и т. п.

Успех этой политики видели в создании и сохранении зависимых режимов. Разработав свою модель неокolonиальных отношений в Латинской Америке, правящие круги Соединенных Штатов считали, что уход колониальных держав из бывших колоний и образующийся там «вакуум» политической власти могут дать им возможность добиться создания системы зависимых режимов, как это было в странах Центральной Америки и Карибского бассейна. На достижение этой цели фактически были направлены все усилия политической стратегии США и ее основных компонентов: военного механизма, программы экономической и финансовой помощи, культурно-идеологического проникновения. Все эти формы военно-политической экспансии открывали путь американскому капиталу в экономику освободившихся государств.

Именно в связи с большой важностью этой проблемы для США поражение их интервенции в Индокитае сыграло существенную роль в пересмотре многих направлений внешнеполитического курса Вашингтона в 70-е годы. Наиболее существенной реакцией Вашингтона в 1975-1976 гг. на новые новаторы обстановки в развивающемся мире стала так называемая стратегия выборочного фаворитизма. Она выросла из принципов «вьетнамизации» и «партнерства», провозглашенных «доктриной Никсона», и подразумевала поиски опоры на дружественные и союзные режимы, но, отражая значение социально-экономических факторов, стала учитывать во все более заметных масштабах экономический потенциал и политическую стабильность тех стран, на роль которых Вашингтон делал теперь основную ставку. Предложивший эту стратегию известный американский специалист Т. Фарер (он был приглашен в 1974 г. на работу в госдепартамент) считал, что в новых условиях расстановки и соотношения сил на мировой арене политический вес тех развивающихся стран, которые сумели обеспечить известный экономический рост и хотя бы относительную политическую стабильность, становится одним из факторов глобального значения. В связи с этим он предполагал, что Соединенным Штатам будет нетрудно найти общий язык с правящими группировками этих стран, если США, со своей стороны, согласятся на некоторые уступки, и в этом случае международная активизация развивающихся стран может быть в пользу США. Среди стран, названных Т. Фарером, были: Бразилия, Венесуэла и Мексика — в Латинской Америке; Нигерия — в Африке; Саудовская Аравия и Иран — на Ближнем Востоке; Индия и Индонезия — в Южной и Юго-Восточной Азии¹⁷.

Правительство США достигло определенных успехов в налаживании отношений лишь с некоторыми из указанных стран, хотя дипломатическая активность Вашингтона охватила все (визит президента Форда в Индонезию в 1975 г., поездка Г. Киссинджера в Иран, Саудовскую Аравию, Индию, Венесуэлу, Бразилию и т. д.). Но лишь в отношениях с Саудовской Аравией, шахским Ираном и Бразилией Соединенным Штатам удалось достичь заметных результатов, оформленных новыми соглашениями и протоколами во «взаимозависимые» или «партнерские». Остальные страны предпочли воздержаться от излишне тесных связей с США.

Пришедшие к власти в 1977 г. демократы первоначально отбросили установки своих предшественников по данной проблеме. Широковещательные декларации президента Картера и его помощников, содержавшие обещания помощи, осуждение нарушений «прав человека» (что создало сложности для шаха Ирана, правителей Южной Кореи, Бразилии, Саудовской Аравии), туманные посулы арабскому народу Палестины (это вызвало нервозность в Израиле), декларативную поддержку «правления большинства» на Юге Африки (что было встречено с негодованием расистами ЮАР) — все это звучало как осуждение политики предшественников и как видение совершенно новой концепции отношений с развивающимися странами, которой якобы располагала демократическая партия.

В выступлении государственного секретаря С. Вэнса в конгрессе в марте 1978 г. был сформулирован принцип политики новой администрации в развивающихся странах — «дифференцированный» подход¹⁶. Утверждая, что развивающиеся страны в целом имеют для Соединенных Штатов все увеличивающееся значение, американский государственный секретарь говорил о необходимости в отношении с ними оценивать не столько их «лояльность» или «нелояльность» по отношению к США, сколько истинный уровень их развития, который и диктует характер и объем их требований на международной арене. Соответственно правительство США разделило развивающиеся страны на две обширные группы: страны со «средним доходом» — более 550 долл. на душу населения в год (50 стран Азии, Африки и Латинской Америки с совокупным населением в 553 млн. человек)¹⁷; и страны с «низким доходом» — ниже 550 долл. на душу населения в год (65 стран с совокупным населением в 1,5 млрд. человек)¹⁸. Эти группировки стран стали именоваться соответственно «третьим» и «четвертым» мирами.

Смысл этого «дифференцирования» состоял в том, что правительство США строило свою политику по отношению к странам со «средним доходом» на так называемых «коммерческих» основах. К числу этих стран были отнесены страны — члены ОПЕК и страны с относительно развитым промышленным потенциалом (Бразилия, Чили, Аргентина, Мексика), иными сло-

вами, страны, уже имеющие развитые хозяйственные связи с капиталистическим рынком и участвующие в международном капиталистическом разделении труда. Они привязаны экономически к капитализму: страны — члены ОПЕК — своими экспортными рынками, другие страны — и экспортными рынками, и, главное, высокой задолженностью на кредитных рынках капиталистических стран. Поэтому в отношениях с ними упор был сделан на форсирование военно-политических связей, а также на достижение соглашений относительно свободы деятельности ТНК в их экономике (это больше касалось стран, не имеющих собственных запасов нефти, но и страны — члены ОПЕК должны были, согласно замыслам администрации, достигнуть взаимоприемлемых условий с ведущими в области энергетики монополиями).

Что же касается стран с «низким доходом», то по отношению к ним в действие вступил принцип «удовлетворения основных нужд человека». В соответствии с этим принципом Соединенные Штаты обещали оказывать в возрастающих масштабах безвозмездную помощь или помощь на льготных условиях, но только для «нужд человека»: продовольствием, на здравоохранение, образование, жилищное строительство и т. п. Какая-либо помощь на промышленное развитие или на развитие инфраструктуры практически прекращалась, а если эти страны намеревались осуществлять свои программы развития, они могли обратиться за займами либо к американской Корпорации частных капиталовложений за рубежом, либо к специальным фондам МБРР и МВФ, либо к странам — членам ОПЕК.

Фактически оба направления политики США стали определять содержание понятия «подлинной взаимозависимости», применяемой руководителями администрации для характеристики своего курса в развивающихся странах. На деле же эта «взаимозависимость» стала средством более тесного привязывания относительно развитых стран Азии, Африки и Латинской Америки к экономическим и военно-политическим международным позициям США, а также средством активного вмешательства во внутренние дела «бедных» стран, ибо распределение американской помощи им, по убеждению правительства США, пуждалось в контроле со стороны Вашингтона (как отмечалось на слушаниях в конгрессе, одним из условий успешности американской помощи «основным пуждам» беднейших слоев было вмешательство аппарата Управления международного развития в процесс ее распределения внутри стран-получателей)²⁰.

Но «дифференцированный» подход не отменил сложившейся практики поддержки зависимых режимов, а лишь дополнил ее новыми методами и средствами. Курс на увеличение «сферы доминирования» США в развивающемся мире стал учитывать необходимость более широкого дипломатического и пропагандистского маневра, перехода к более опосредованным методам

помощи наиболее односторонним и скомпрометировавшим себя режимам (помощь Чили, Уругваю, ЮАР, Южной Корее стала осуществляться через международные финансовые институты). В области противодействия странам социалистической ориентации этот курс избрал такие средства, как скрытое вмешательство во внутренние дела (Афганистан, Кампучия, Ангола, Эфиопия), ставка на локальные конфликты (Африканский Рог, Индокитай, юг Аравийского полуострова), всемерное поощрение реакционного национализма и соглашательских элементов (Египет, Судан, Сомали). Вся система мероприятий правительства США в области отношений с развивающимися странами была скреплена «озабоченностью» правительства по поводу глобальных проблем: нераспространение ядерного оружия, энергетика, продовольствие, развитие (так называемый функциональный подход).

Фактически же стратегия администрации демократов сделала ставку на расчленение единого фронта развивающихся государств и создание «верхнего яруса» из тех, которые в лексиконе демократов получили наименование «международного среднего класса» и должны были действовать как «посредники» между странами «треугольника» и развивающимся миром (эта идея содержалась еще в рекомендациях Трехсторонней комиссии²¹). Проблема, которую на деле пыталась решить администрация Картера, состояла в том, чтобы расширить число стран — объектов стратегии «выборочного фаворитизма» до оптимального количества, включив в него не только «друзей» США, но и влиятельные страны независимой ориентации — Индию, Нигерию, Венесуэлу, Мексику.

Позиция развивающихся стран в целом по отношению к действиям администрации была довольно недвусмысленной: убедившись, что Вашингтоном руководит в основном лишь забота о прочности позиций американского капитала и интересы противодействия влиянию мира социализма, развивающиеся страны обратились к поискам дальнейших самостоятельных решений своих несложных проблем. На совещаниях представителей развивающихся стран в 1978—1979 гг. были разработаны предложения о налаживании экономического и научно-технического сотрудничества между ними. В сентябре 1979 г. VI Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване, определив основные задачи этого движения на ближайший период в духе антиимпериализма (борьба за завершение деколонизации, против вмешательства во внутренние дела, против расовой дискриминации и т. д.), одновременно оказала полную поддержку программе налаживания сотрудничества между самими развивающимися странами в области экономики и техники.

Таким образом, к началу 80-х годов Соединенные Штаты оказались в сложном положении в отношениях с развивающи-

мися государствами. Вашингтону не удалось надолго затормозить процесс независимой международно-политической и экономической активизации развивающихся стран и сделать свои решения поставленных проблем приемлемой основой долгосрочного урегулирования. Наоборот, как показали позиции развивающихся стран перед созывом в 1980 г. специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по проблемам развития, на этом направлении начала формироваться очередная длительная конфликтная ситуация, решения которой должны стать основой противоборства между капиталистическими и развивающимися странами, что угрожает как единству капиталистического мира под эгидой США, так и его экономической стабильности. Учитывая возросшую зависимость Соединенных Штатов от ресурсов развивающихся стран, это противоборство может затронуть, и довольно существенно, внутреннее положение в самих Соединенных Штатах.

Глава 5

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ США В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

В послевоенный период стратегия США, ориентированная на использование военной силы в развивающихся странах, претерпела значительные изменения. От готовности к массированному применению ядерного оружия «в любое время и в любом месте», где США почувствовали бы «угрозу» своим военно-политическим и экономическим интересам, через вооруженные интервенции на протяжении почти четверти века, в том числе такие крупные, как в Корее и Вьетнаме, к ставке прежде всего на материально-техническую военную поддержку угодных США режимов и движений, опору на так называемые совокупные силы свободного мира при весьма осторожном подходе к собственному военному вмешательству, а затем (на рубеже 80-х годов) и усилении готовности к новым военным авантюрам — таков путь трансформации американских военно-политических и военно-стратегических установок.

Все эти крутые изменения происходили на фоне объективного возрастания роли развивающихся стран на протяжении послевоенного периода. С этой точки зрения 70-м годам принадлежит особое место. В эти годы резко обострилась энергетическая проблема и в связи с этим в системе военно-политических и экономических забот американского империализма возникла связанная с политикой нефтедобывающих стран проблема бесперебойности поставок нефти, став одной из наиболее актуальных. Не только Азия, но и Африка стала ареной острой и в целом весьма успешной политической и военной борьбы

против расового угнетения, неоколониализма, за национальную независимость. И парадоксально, что в значительную часть именно этого периода военная активность США стала практически минимальной за все послевоенное время.

Но парадоксальность такого положения лишь внешняя. Причины поворотов в американской военно-политической стратегии вполне объяснимы. Объяснимо и то, что, «смягчив» в этот период формы и способы реализации своей военно-политической стратегии в развивающихся странах, Вашингтон вместе с тем отнюдь не отказался от самых жестких форм военного вмешательства в кризисных ситуациях, своих «классических» способов, включая крупные военные интервенции, держать в подчинении целые страны и народы. Об этом достаточно наглядно свидетельствуют акции США на Среднем Востоке и в Юго-Западной Азии в начале 80-х годов.

Основные факторы, определяющие военно-политическую стратегию США в развивающихся странах

Коррективы в военно-политическую стратегию в 70-х годах были внесены с учетом изменений, происшедших на мировой арене в связи с общим изменением соотношения сил в пользу социализма и движения за национальное освобождение. Для правящих кругов США одним из наиболее явных показателей этих изменений, имеющим прямое отношение к необходимости пересмотра стратегии в зоне развивающихся стран, явился, конечно, провал американской агрессии во Вьетнаме. Уроки, которые следовало бы извлечь из вьетнамской авантюры, широко обсуждались в США в начале 70-х годов. Официальные выводы сводились в основном к следующему.

Во-первых, Соединенным Штатам следует впредь глубоко изучать условия и возможные последствия непосредственного военного вмешательства в дела развивающихся стран, прибегать к использованию своих войск лишь в крайнем случае¹. Возможности администрации в принятии несогласованных решений на этот счет должны быть предельно сужены. В 1973 г. конгресс США принял закон, ограничивший право президента использовать крупные контингенты американских войск в локальных конфликтах без согласования конгресса.

Во-вторых, в Вашингтоне пришли к выводу, что необходимо переоценить масштабы американских военных обязательств по отношению к ряду развивающихся стран Азии и Африки, сделать упор на более широкое и активное использование сил союзников по НАТО, а также «местных сил». Хотя политика опоры на «местные силы» не являлась повинкой для военно-политической стратегии американского империализма, поражение во

Вьетнаме оказалось достаточно поучительным, чтобы «всемогущая» Америка обратилась за помощью к своим союзникам и реакционным местным режимам в выполнении международных полицейских функций.

В-третьих, подверглись пересмотру возможности военной силы, поскольку была поколеблена вера в ее всемогущество. Со всей очевидностью стало ясно даже многим консервативным политикам в США, что от надежды на создание с помощью военной силы Pax Americana, надежды, делавшей не одно десятилетие, придется отказаться. Такой вывод нельзя не назвать реалистичным, хотя, как показали события начавшихся 80-х годов, он оказался недолгосрочным.

Подверглась критической, хотя и неодинаковой, оценке и практика американской военной эскалации во Вьетнаме. Одни политические деятели США пришли к выводу о ее непримлемости в отношении развивающихся государств. Цель эскалации во Вьетнаме сводилась, мол, к тому, чтобы постепенным наращиванием применяемой силы сломить волю противника к сопротивлению. Однако это не дало желаемого эффекта, поскольку у противника была принята-де совершенно иная «шкала ценностей», чем у «цивилизованного» мира. Решимость вьетнамского народа бороться за свою свободу и независимость была названа голым «фанатизмом».

Другие авторитеты в США выступили против «неудачного» метода осуществления эскалации во Вьетнаме. По их мнению, корень зла содержался в нерешительности, с которой американская агрессия переступала с одной ступеньки наращивания силы на другую. Это якобы давало возможность противнику либо поставить под сомнение реальность тех или иных угроз (например, угроз использовать ядерное оружие), либо вовремя осуществить перегруппировку и восстановить понесенные потери².

Третьи считали, что следовало ограничиться лишь военной помощью сайгонскому режиму, что избавило бы США от всех бед, которые они навлекли на себя в результате непосредственного использования своих вооруженных сил. Показательно, что вплоть до окончательной фазы агрессии Вашингтон продолжал верить в иллюзорную возможность изменить ход событий путем еще большей «вьетнамизации» войны.

Таковы основные военно-политические выводы, которые уже в первой половине 70-х годов были учтены при пересмотре военной стратегии США в зоне развивающихся стран и привели к ставке на большую «гибкость», осмотрительность, к большей опоре на силы союзников и местных реакционных режимов.

Что касается оценки чисто военного опыта, полученного во Вьетнаме, то здесь большинство американских исследователей придерживаются мнения, высказанного, в частности, бывшим председателем Комитета начальников штабов генералом Дж. Брауном: «Несмотря на недавние трагические последствия,

вьетнамский опыт лучшим образом подготовил наши вооруженные силы для выполнения задач в будущем»⁹. Это шипичное, но откровенное высказывание объясняет и некоторые чисто военные цели агрессии. Американское военное командование превратило землю Вьетнама в гигантский полигон, на котором были испытаны новейшие средства и методы ведения войны (в том числе «экологической» войны, в результате которой были уничтожены обширные лесные массивы, а почва лишилась своего плодородия, «электронной» войны с использованием электронных датчиков и автоматическим использованием оружия и т. д.). Война дала толчок более широкому использованию вертолетов, дальнейшей разработке тактики авромобильных операций, были улучшены методы материально-технического обеспечения и т. д. (этот опыт пригодился позднее, при разработке способов использования «корпуса быстрого реагирования»).

Именно на гребне таких настроений в Соединенных Штатах активизировалась философия неинтервенционизма. Приставка «нео» должна означать, что адепты этой философии, с одной стороны, поддерживают ставку на проведение вооруженных интервенций, с другой — призывают быть умеренными в определении ситуаций, в которых интервенция была бы необходимой или целесообразной, с учетом реальностей системы международных отношений, переосмысленных американских интересов, факторов эффективности и соотношения целей и средств.

Чрезвычайно важным фактором, оказавшим в 70-х годах корректирующее воздействие на военно-политическую стратегию США в отношении развивающихся государств, явилось достижение Советским Союзом стратегического паритета с США. Осознание того факта, что СССР обладает равноценным с США ядерным потенциалом, повысило степень озабоченности политического руководства Соединенных Штатов относительно последствий возможной военной конфронтации с Советским Союзом в результате вмешательства в конфликты в развивающихся странах. Эта озабоченность вынудила американских лидеров быть более осторожными в выборе военно-политических акций за рубежом, отказаться, пусть даже временно, от наиболее агрессивных из них.

На появление в 70-е годы новых тенденций в военно-политической стратегии США оказали серьезное воздействие и происшедшая эволюция развивающихся государств, и изменение их стратегической значимости.

Борьба развивающихся стран за свой суверенитет и независимость, освобождение от пут неокolonнализма усилила международные позиции этих стран, что привело к противоречию с империалистическими интересами Вашингтона. С одной стороны, учитывая все международные факторы, ему стало намного труднее, чем прежде, проводить «дипломатию канонерок», с другой — в Вашингтоне стали приходиться к выводу, что лишь

жесткое военное давление и готовность к применению военной силы еще способны приостановить прогрессивные политические и социальные изменения в развивающихся странах, выпавшие из резерва империализма вслед за Анголой, Афганистаном, Ираном, Кампучией, Никарагуа, Эфиопией, Южным Тимором новых и новых стран.

Особое внимание военные стратеги США стали уделять тем регионам, которые представляют наибольшее значение как источник сырья для западного мира, а также регионам, через которые пролегают линии основных морских коммерческих коммуникаций. Это Ближний Восток и район Персидского залива, откуда в США и Западную Европу поступает нефть; Южная Африка, богатая такими важными природными ископаемыми, как марганец, медь, кобальт, уран; в целом акватория Индийского океана, через которую пролегают стратегически важные линии морских коммерческих коммуникаций (ежегодно 29 тыс. судов обходят мыс Доброй Надежды). Закрепление политических, экономических и военных позиций США в развивающихся странах с помощью измененной военно-политической стратегии стало одной из важнейших целей американского руководства.

Характер изменений в военной стратегии и формы ее реализации

С учетом указанных факторов в США в 70-х годах были модернизированы некоторые старые доктрины и концепции и приняты новые, отражающие определенные сдвиги в военно-политической стратегии. Начало пересмотру положила «доктрина Никсона», провозглашенная в самом конце 60-х годов. Сущность ее сводилась, как известно, к следующему: США сохраняют все свои военные обязательства, предоставляют ядерные гарантии как союзникам, так и тем государствам, от которых зависит «безопасность» США и того или иного региона; в конфликтных ситуациях США оказывают военную и экономическую помощь «по просьбе» тех или иных государств прежде всего военно-воздушными и военно-морскими, а не сухопутными силами, причем эти государства должны предоставлять живую силу для ведения вооруженной борьбы. Эти положения получили развитие в «тихоокеанской доктрине» Форда и в военно-стратегической концепции «совокупных сил».

В начале рассматриваемого десятилетия был осуществлен важный переход к ставке на ведение обычной войны в меньшем числе районов мира. Военно-стратегическая концепция «двух с половиной войн», предусматривавшая готовность вести одновременно одну «большую» войну в Европе и одну такую же в Азии, а также небольшие по масштабу военные действия в «удаленном районе мира», т. е. в развивающихся стра-

нах, была заменена концепцией «полутора войн», отличающейся от прежней отказом от необходимости одновременной подготовки к ведению «большой» войны против Китая. По мнению американских специалистов, Соединенные Штаты практически никогда не обладали способностью вести крупную войну на двух фронтах — в Европе и Азии. Считается, что в условиях расколлективной политики Пекина такая способность в принципе и не нужна, и это учитывается в концепции «полутора войн». Последняя эта концепция, по взгляд Вашингтона, исходит из более рациональной оценки военно-политической ситуации в мире, а также собственных американских возможностей. Речь, таким образом, идет о крупных изменениях, но характерно, что они никоим образом не задела «полувойну», которая предусматривается для зоны развивающихся стран. Более того, во второй половине 70-х и особенно в начале 1980 г. эта «стратегическая норма» была наполнена новым практическим содержанием.

В основу американской военной стратегии в зоне развивающихся стран легла идея использования в «чрезвычайных обстоятельствах» мобильных ударных сил США, усиления военного присутствия и расширения сети военных баз в наиболее важных районах, укрепления прежних и создания новых военных блоков и совместного с союзниками применения военной мощи для защиты американских империалистических интересов. Развитие и воплощение в жизнь этого курса проходило в основном во второй половине 70-х годов, так как для первой половины более характерна ставка на «ветнамизацию» войн в «удаленных районах мира». Значимость силового подхода к разрешению проблем в зоне «американских интересов» стала особенно возрастать в конце 70-х годов, чему в немалой степени способствовала кризисная обстановка в районе Персидского залива, порожденная как свержением шахского режима в Иране, так и империалистической политикой самих Соединенных Штатов.

С приходом к власти администрации Дж. Картера начался активно разрабатываться план создания мобильных ударных сил для их использования прежде всего в нефтеносных районах Ближнего и Среднего Востока. Уже в середине 70-х годов появились на свет сценарии захвата плацдармов и нефтепромыслов с помощью прежде всего воздушно-десантных и аэромобильных войск. Хотя эти планы вначале носили скорее характер «профилактического устрашения» нефтедобывающих стран (на случай, если в них произойдут нежелательные для США политические преобразования), они уже сами по себе демонстрировали усиление агрессивного акцента в военно-стратегическом курсе США после Вьетнама, готовность Вашингтона не только действовать «с позиции силы», но и применять ее.

Накануне 80-х годов планы создания 110-тысячного «корпуса быстрого реагирования» были официально объявлены. В его

состав вошли соединения воздушно-десантных, аэромобильных, сухопутных войск, ВВС и ВМС, способных уже через 18 часов быть в полной боевой готовности для выполнения любой военной задачи. Эти интервенционистские силы получают в свое распоряжение усиленный воздушно-транспортный потенциал для быстрой доставки в любые «горячие точки». Последующие эшелоны сил вторжения должны доставляться морем, получая тяжелую технику, боеприпасы и различное снаряжение с 16 плавучих баз, расположенных в районах, близких к возможным районам вторжения. Расчет делается на внезапность удара и решительность действий.

Главный объект возможных действий этого ударного кулака Пентагона, и это не скрывается, — район Персидского залива. Делается все, чтобы поставить нефтедобывающие страны этого района в сложное стратегическое положение. В этих целях в Индийском океане должен быть создан постоянно действующий 5-й флот⁴ с опорой на мощную военно-морскую и авиационную базу США на о-ве Диего-Гарсия. США расширяют сеть военных баз с согласия Омана, Сомали, Кении. На основе камп-дэвидских соглашений уже достигнута договоренность об использовании американскими ВВС и ВМС баз в Египте и Израиле. В конце 70-х годов США усилили свою деятельность по возобновлению аренды военных баз в Турции, важность которых сильно возросла в связи с потерей баз в Иране. Прощупывается возможность создания баз на территории Пакистана, с тем чтобы нефтедобывающие страны Персидского залива оказались, по существу, в американском военно-политическом и стратегическом окружении.

США сделали ставку на резкое усиление своего военно-морского присутствия в Индийском океане. И дело не только в том, что на рубеже 80-х годов здесь было сосредоточено около трех десятков американских военных кораблей, включая несколько авианосцев с примерно 350 боевыми самолетами. США еще в начале 1978 г. прервали двусторонние советско-американские переговоры об ограничении и последующем сокращении военной деятельности в Индийском океане, хотя на переговорах и был достигнут определенный прогресс. Прекращение переговоров было вызвано тем, что в политике США откровенно возобладал милитаристский курс, и ограничение военной деятельности в Индийском океане противоречило бы военно-стратегическим установкам Вашингтона.

Военная стратегия США в Индийском океане направлена отнюдь не на обеспечение бесперебойного снабжения США и их союзников нефтью уже хотя бы потому, что морским путям в этом районе никто не угрожает. Целью ее является обеспечить военным путем политические имперские интересы США — реализацию здесь гегемонистских целей Вашингтона, предотвращение в так называемой дуге кризисов и нестабильности новых рево-

люционных взрывов и пресечение стремлений народов самим распоряжаться своей судьбой.

Эта цель имеет глобальные масштабы. Ее достижение мыслится под предлогом предотвращения «угрозы стабильности», но в действительности намеченный американский военно-политический курс способен лишь породить нестабильность, примером чего уже послужили иранская революция и последующая резкая военно-политическая реакция США. В этом и состоит сущность «доктрины Картера», которая продлевает на 80-е годы и развивает прежние крайне агрессивные аспекты американской военной стратегии в тех регионах, которые объявляются зоной «американских интересов».

В соответствии с концепцией «полноты войны», усилением ставки на ведение обычных войн, поскольку ядерная война в итоге привела бы к уничтожению самих же Соединенных Штатов, в США стали наращиваться силы общего назначения. Программами строительства армии было предусмотрено увеличение количества боевых соединений и частей (при примерно прежней общей численности регулярных войск, комплектуемых на основе принципа найма), принятие на вооружение усовершенствованных или новых образцов танкового, артиллерийского, авиационного вооружения. Особые надежды возложены на такие системы, как новый танк «ХМ-1», вертолет «УАН-64», несущий противотанковые снаряды «Гелфайер», новые зенитные средства «Роланд», «Патриот», «Стинджер», а также на усовершенствованные варианты систем «Хок», «Найк Геркулес»⁵.

Интенсифицировались мероприятия в области развития военно-морских сил. В начале мая 1978 г. комиссия по вооруженным силам палаты представителей рекомендовала выделить для ВМС дополнительные средства (более 2 млрд. долл.) на строительство начиная с 1979 г. атомного авианосца и атомного крейсера. Несмотря на дебаты по будущей пятилетней программе кораблестроения и некоторые обсуждаемые ограничения по созданию дорогостоящих крупных надводных кораблей, за силами общего назначения ВМС США, в составе которых насчитывается около 500 кораблей, сохраняются фактически те же стратегические задачи, которые им были предопределены несколько лет назад: поддержание военно-морского присутствия; поддержание выгодного для США режима мореплавания в важных для них районах Мирового океана («контроль над морем»); осуществление «переноса военной мощи» — охрана и оборона конвоев с десантами, обеспечение их высадки на побережье. Глобальный характер этих задач был подтвержден и в последних высказываниях министра обороны и министра ВМС США, указывающих на необходимость поддержания в случае войны господствующего положения их ВМС в водах океанов, прилегающих к материкам Европы, Азии и Африки.

Военно-политическое руководство США стало уделять боль-

шое внимание подготовке к ведению «специальной войны», прежде всего в зоне развивающихся стран. Если после окончания войны во Вьетнаме администрация республиканцев сократила до минимума специальные войска, то Картер, ссылаясь на президента Дж. Кеннеди, высоко оценивавшего роль специальных войск, выдвинул задачу вновь поднять их значение в системе вооруженных сил (подразделения и части специальных войск, предназначенных для ведения «специальных операций» в тылу противника, развертываются в составе сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил)⁶.

На новую, более высокую ступень намечено поднять стратегическую мобильность вооруженных сил США (это подтверждается расширением программ строительства сил стратегической мобильности), а также оперативную мобильность американских войск за рубежом за счет увеличения числа вертолетов. Важно отметить, что в решении этих задач более существенную роль должны сыграть средства гражданского воздушного и торгового морского флотов как США, так и других стран НАТО.

Интенсификация строительства сил общего назначения, предназначенных также и для ведения локальных войн, вполне укладывается в рамки неоколониалистской политики США. И она типична особенно для администрации президента Демократов, когда они у власти. Ведь именно при Г. Трумэне в военном строительстве был принят принцип «сбалансированных сил» и США осуществили интервенцию в Корее. При Дж. Кеннеди появился комплекс сил общего назначения, и США ввязались в войну во Вьетнаме. При Дж. Картере также был сделан упор на армию и в целом на силы общего назначения, ведется дискуссия о возможности большой обычной войны в Европе или «малой войны» на Ближнем Востоке, в районе Персидского залива⁷.

Современная военно-политическая стратегия США предусматривает активное использование военных угроз и демонстраций. Этот способ действий может, по оценкам американских стратегов, стать эффективным заменителем труднопредсказуемых по своим последствиям вооруженных интервенций. Причем считается, что военная угроза только тогда дает результат, когда подкрепляется заранее намеченными действиями по ее реализации на виду у объекта угрозы, как, например, в форме сосредоточения военно-морской армады у иранских берегов. В любом случае ставка делается на внезапность и стремительность действий. Случай с американским кораблем «Майагез», зашедшим в территориальные воды Камбоджи в мае 1975 г., — яркий пример такого способа действий.

Все больший размах приобретает и такой старый способ действий империалистов США, как «непрямое вмешательство». В Анголе, Заире, а также в конфликте между Эфиопией и Сомали Соединенные Штаты оказывали скрытую, через посред-

ников, военную помощь тем режимам, которые, по оценке ЦРУ, имели прозападную ориентацию⁸. Подобные действия Вашингтон пытается закамуфлировать, тогда как любую помощь со стороны социалистических стран национально-освободительному движению изображает проявлением пресловутой «советской угрозы» или «кубинского вмешательства». Пропагандистские кампании вокруг «советской военной угрозы» рассматриваются руководством страны как эффективное средство подготовки общественного мнения к возможной вооруженной интервенции против развивающихся государств.

Военные ведомства США имеют детально разработанные планы, касающиеся ведения боевых действий в этой зоне. В американскую печать в начале 1978 г. просочились выдержки из закрытого доклада «Обзор военной стратегии и состояния вооруженных сил», который президент Картер взял за основу для разработки директивы по строительству вооруженных сил. Анализируя характер возможного участия США в вооруженном конфликте в Южной Африке, авторы доклада полагают, что США смогут послать туда одно-два авианосных оперативных соединения, одну дивизию сухопутных сил, одно десантное соединение морской пехоты и две эскадрильи истребителей. При аналогичном конфликте на Ближнем Востоке, говорится в докладе, США могли бы использовать три авианосных оперативных соединения, одно десантное соединение морской пехоты, три дивизии сухопутных сил и двенадцать эскадрильй истребителей. Перспективы на успех в результате вторжения американских вооруженных сил в этих регионах авторы доклада склонны оценивать оптимистически.

В конце 70-х годов за пределами Соединенных Штатов находилась примерно полумиллионная группировка их вооруженных сил: в Западной Европе — примерно 314 тыс., в бассейне Тихого океана и на Дальнем Востоке — около 144 тыс., в Латинской Америке — 16 тыс. и в других районах мира — около 17 тыс. военнослужащих. Размещение американских войск в стратегически важных районах позволяет Пентагону быстро перебросить их в «горячие точки», например из Европы на Ближний Восток или в район Персидского залива, из Японии и Южной Кореи в Юго-Восточную Азию, из зоны Панамского канала в соседние латиноамериканские страны и т. д.

В соответствии с курсом на наращивание вооруженных сил в Азии Вашингтон приостановил выполнение широко разрекламированных в 1977 г. планов вывода всех американских сухопутных войск из Южной Кореи. «Континентальное» военное присутствие США дополняется «островным», что считается политически особенно удобным, так как присутствие становится якобы «менее заметным» (острова Диего-Гарсия в Индийском океане, Маспра в Аравийском море, Тиниан, Сайпан, Кваджейсин в Микронезии). При определении форм и масштабов аме-

риканского военного присутствия учитывается, что ряд империалистических режимов в развивающихся странах хотели бы американской защиты в критических ситуациях, но без постоянного присутствия тысяч военнослужащих США из-за боязни антиамериканских выступлений. «Недавний опрос послов США в регионе Персидского залива выявил единое мнение, что размещение сухопутных войск или мощных военно-морских сил в регионе скорее ослабит, чем усилит страны, в которых эти силы базировались бы»⁹, — писал журнал «Форчун» в мае 1979 г. С учетом этих и других факторов была произведена серьезная передислокация ряда важных компонентов вооруженных сил на те направления, которые на новом этапе считаются стратегически важными для американского империализма.

Важнейшей формой реализации военно-политической стратегии США в развивающихся странах в 70-е годы стала военная помощь милитаристским реакционным режимам, и прежде всего продажа оружия. США всегда стремились сделать торговлю оружием эффективным инструментом своей внешней политики. В рассматриваемый период она приобрела небывалый размах, причем основной упор был перенесен на поставки самых современных видов вооружений, таких, как танки, самолеты, военные корабли, артиллерия. Если в 1970 г. объем продажи оружия Соединенными Штатами составлял 1,3 млрд. долл., то в 1977 г. он достиг 11,3 млрд. долл., в 1978 г. — 13,7 млрд., а в 1979 г. перевалил за 14 млрд. долл. Львиная доля поставляемого оружия шла и идет на Ближний и Средний Восток.

Способствуя милитаризации ряда развивающихся стран как основной поставщик оружия, США неожиданно для себя стали обнаруживать, что этот процесс в конечном счете может иметь серьезные негативные последствия для их же собственных «национальных интересов». Продаваемое Соединенными Штатами оружие не всегда приносило желаемую степень влияния, а иногда просто оборачивалось против них самих или их союзников, усложняя решение задач, на которые нацелена военная стратегия США. Во-первых, развивающиеся государства приобретают все больший набор средств для отпора дипломатическому и военному нажиму со стороны Соединенных Штатов. Во-вторых, американские военные поставки способствуют вмешательству США во внутренние дела развивающихся стран, что в немалой степени создает там как раз ту революционную обстановку, которая приводит к антиимпериалистическим взрывам и выдворению американцев (пример Ирана, которому за пять лет, предшествовавших революции, США продали оружия и военного снаряжения на колоссальную сумму — 16,2 млрд. долл.). В-третьих, повышается риск вовлечения США в локальные конфликты помимо их воли, вследствие безответственной политики тех подопечных Вашингтону развивающихся стран, военное усиление которых разжигает их экспансионистские аппетиты.

Во второй половине 70-х годов Вашингтон объявил о намерении пачать сокращение объема новых обязательств по продаже оружия, не поставлять первым новые современные системы оружия, не рассматривать просьбы стран-покупателей о передаче американского оружия третьим странам, не разрешать разработку новых видов оружия исключительно для экспорта. Однако эта программа, провозглашенная президентом Картером, осталась всего лишь декларацией. Администрация с самого начала нарушала намеченные установки. Ограничения не распространяются на страны, пользующиеся особыми привилегиями США, — западноевропейских союзников США по НАТО, Японию, Австралию, Новую Зеландию — и страны, с которыми США связаны «важными оборонительными договорами».

В торговле оружием президент США сохранил за собой право отменить любые ограничения «при чрезвычайных обстоятельствах». Таким образом, политика продажи оружия Соединенными Штатами весьма противоречива, что отражает и противоречивость самой военно-политической стратегии США.

В 70-е годы в США были выдвинуты некоторые новые концепции, связанные с использованием военной силы. Стала широко пропагандироваться концепция так называемых «совокупных (или тотальных) сил». Суть ее — ставка на военно-политическое объединение всех сил империализма в противовес силам мирового социализма и национального освобождения. В соответствии с «доктриной Никсона» и «тихоокеанской доктриной Форда» ставилась цель объединить военные усилия империалистических сил на глобальной основе и при этом сохранить американское лидерство в будущих «совокупных силах». США предоставляют ядерные гарантии союзникам, максимум материально-технической поддержки, берут на себя инициативу в сколачивании единого военно-политического союза и планировании военного вмешательства в тот или иной международный конфликт. Поставки же живой силы должны осуществляться союзниками и местными режимами, находящимися в клеватере империалистической политики. «Разделение бремени» по-американски должно, по расчетам Вашингтона, не только облегчить Соединенным Штатам достижение своих военно-политических целей, но и обеспечить успех карательных экспедиций в условиях новой расстановки сил на мировой арене.

Одним из направлений использования «совокупных сил» империализма становится привлечение европейских стран НАТО к военным акциям за пределами Европы. Интервенция в Запоре — первый после Вьетнама пример реализации на практике американской военно-стратегической концепции «совокупных сил». Первый и не последний, если учесть попытки США закрепить и расширить полученный в Запоре опыт. Вслед за состоявшейся в конце мая 1978 г. в Вашингтоне сессии совета НАТО, наметившей долгосрочную программу наращивания во-

енной мощи этого блока, представители США, Франции, Англии, ФРГ и Бельгии провели обсуждение возможности более широких по масштабу военных акций против народов Африки. Речь шла о сколачивании уже постоянных интервенционистских сил для вмешательства в дела африканских государств — по существу, нового военного блока с участием стран НАТО и ряда африканских стран, выступающих в роли пособников империализма. В 1979—1980 гг. США предприняли попытки привлечь европейских союзников по НАТО к антииранским акциям.

Другое направление — более активное использование армий некоторых развивающихся стран. «Совокупные силы» — материальное военное воплощение «укрепления связей» и «близких» отношений империалистов и их пособников в развивающихся странах. Это, по-видимому, тот инструмент, который призван, говоря словами американского президента, придать определенную форму миру, внезапно пробудившемуся в политическом отношении и ставшему беспокойным в социальном плане. Говоря иначе, это инструмент насильственного подавления народов, стремящихся к национальному и социальному освобождению.

Пытаясь изыскать более гибкие, с точки зрения США, формы военной экспансии, «соответствующие» новым условиям в мире, Пентагон делает ставку на коалиционное использование вооруженных сил империализма с подключением к ним сил местной реакции. Во второй половине 70-х годов — это силы НАТО и так называемые межамериканские силы вмешательства. Вашингтон предпринимал попытки вмешиваться в дела Никарагуа под прикрытием «межамериканских сил мира», хотя этот план и был решительно отвергнут Организацией американских государств. В последующем может формироваться иная конфигурация «совокупных сил», но каждый раз — под явной или скрытой американской эгидой.

В рамках этой концепции США стремятся ликвидировать центробежные тенденции в существующих военных блоках, способных привести к их ослаблению и даже развалу (пример СЕАТО), создать новые, обладающие конкретной целевой ориентацией «мини-блоки». Это и попытки создать военный блок Египет — Израиль — США. Это и идея заключения «Пакта безопасности Красного моря» с участием в нем Египта, Судана, Саудовской Аравии, пакта, действующего под эгидой США. Это и усилия повысить военную активность некоторых тихоокеанских союзов, нарастить военные потенциалы многих местных режимов, провести серию мероприятий по стандартизации вооруженных сил США и их союзников, усилить стратегические резервы, как свои, так и партнеров по блокам, повысить стратегическую мобильность своих ударных сил и т. д. Тем самым военные, политические и стратегические цели США подкрепляются конкретными практическими мероприятиями.

Новый элемент в военную стратегию США в зоне развиваю-

щихся стран вносит эканансионистская политика Пекина, который фактически сомкнулся с агрессивными действиями империализма в Азии, Африке и других регионах мира. Так, он поддерживал сепаратистов Биафры в борьбе против единства и целостности Нигерии, направлял военных инструкторов врагам народной Анголы, вел подрывные действия против Бенина, подстрекал Сомали против Эфиопии, сотрудничал с расистами Родесии и ныне сотрудничает с расистами Южно-Африканской Республики, одобрил интервенцию НАТО в Заир, принял активное участие в поддержке контрреволюционных банд в Афганистане и т. д. Тем самым пекинские руководители открыто продемонстрировали свое стремление содействовать политике неоколониализма.

Политический смысл военно-стратегического курса США в зоне развивающихся стран очевиден: под видом защиты «американских интересов» и проведения тех или иных локальных операций организовать и осуществить широкое контрнаступление империализма в союзе с Пекином против национально-освободительного движения, заставить «африканцев воевать против африканцев» и «азиаатов против азиаатов». Ясна и его идеологическая основа — представить военное вмешательство в дела развивающихся стран как «ответную» меру на действия передовых отрядов национально-освободительного движения, обвинить во всем Советский Союз и другие социалистические государства, которые, оказывая помощь этим отрядам и законным правительствам, подвергшимся агрессии. «Ни в каких районах мира социалистические страны не ищут для себя привилегий, не домогаются военных баз, не охотятся за концессиями. Выступая принципиально против империалистической политики создания сфер влияния, сами они никогда не участвуют в борьбе за такие сферы»¹⁰; — подчеркивается в Декларации государств — участников Варшавского Договора, принятой на совещании Политического консультативного комитета в Москве 24 ноября 1978 г.

Тезис о «советской военной угрозе», в основе которого лежит откровенный антикоммунизм, всячески муссируется, чтобы придать столь ледостоящую империализму «убедительность» в проведении своих карательных операций.

В целом приспособление империализма к новым историческим условиям осуществляется так, что в военной области пыскиваются более «эффективные», с точки зрения империалистов, формы использования силы, а отнюдь не предусматривается решительный отказ от нее, что действительно соответствовало бы реальностям современного мира. Современная военная стратегия США в развивающихся странах, став более изощренной, по-прежнему создает опасность для мира, угрожает позициям развивающихся стран, стремящихся окончательно освободиться от пут колониальной и империалистической зависимости.

Глава 6

США, ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ

В 70-е годы развитые капиталистические страны вступили в новый период конфронтации с более чем сотней развивающихся государств. Возглавляемый своим лидером — Соединенными Штатами, современный капитализм столкнулся с кризисом, назревающим все послевоенные десятилетия, кризисом отношений с развивающимися регионами, где ныне живут почти две трети мирового населения.

США возглавляют контрнаступление

Значительная часть правящего класса США отреагировала на требование развивающихся стран о создании более справедливой системы весьма агрессивно. Экстремисты заговорили о «факторе силы», о мобилизации «всего западного мира» с перспективой коллективного военного вмешательства.

Чтобы идейно обосновать свое неприятие нового международного экономического порядка, США в официальных заявлениях постарались приукрасить положение развивающихся стран, картину их послевоенного развития. Чаще всего их аргументы сводились к трем пунктам: 1) с 1950 по 1975 г. темпы роста валового национального продукта развивающихся стран в пересчете на душу населения составляли в среднем 3,4% в год, т. е. росли быстрее, чем в любой группе стран за любой сопоставимый период до 1950 г.; 2) за последние три десятилетия развивающиеся страны достигли такого увеличения продолжительности жизни, для которого индустриальному миру потребовалось столетие; 3) прогресс был достигнут в расширении жилищного строительства, в области образования, производства продуктов питания.

Противники уступок развивающимся странам, по существу, объединились вокруг тезиса, что немощные нации хотят равенства с мощными нациями, не собираясь при этом проходить весь процесс развития. Их главные аргументы против соглашений с развивающимися странами основаны на том положении, что уступчивость этим государствам будет означать крах всякой системы международной законности, растущий неоправданный волюнтаризм со стороны правительств развивающихся стран, готовых якобы порвать все прежние экономические соглашения и действовать в сугубо эгоистической манере. Новый экономический порядок будет, мол, означать, по существу, только беспорядок.

Соединенные Штаты возглавили усилия Запада по «отраже-

нию» натиска развивающихся стран с самого начала — с первых месяцев 1974 г., когда Вашингтон взялся за задачу координации общей позиции Организации экономического сотрудничества и развития. Пример — вашингтонская энергетическая конференция, созванная в феврале 1974 г.

Американская сторона отказалась участвовать в подготовке VI специальной сессии ООН, а в ходе ее (не имея возможности игнорировать требования большей части членов Организации Объединенных Наций) стремилась убедить обездоленных членов мирового сообщества в преимуществах существующего порядка. Выступая на этом мировом форуме, тогдашний государственный секретарь США Г. Киссинджер назвал сложившуюся экономическую систему «общим предприятием», в котором никто не пресуспеш, «пытаясь достичь прогресса за счет силового испытания». Глава внешнеполитического ведомства США категорически отверг идею о возможности перераспределения мировых богатств, компенсации одной группы стран другой. Пиком угроз Г. Киссинджера было заявление, что создатели картелей и ассоциаций экспортеров сырья рискуют спровоцировать создание контрблока развитых стран¹.

Увидев угрозу для своих привилегий, такие ведущие капиталистические государства, как США, ФРГ, Англия, проголосовали против «Хартии экономических прав и обязанностей государств» в декабре 1974 г. Представитель США в ООН заявил, что эта хартия «односторонняя»². Главное, против чего выступали развитые капиталистические страны, — это право национализации филиалов заграничных компаний. Соединенные Штаты открыто заявили, что не считают себя связанными положениями данной хартии и «сохраняют за собой право выдвигать международные претензии там, где они считают необходимой адекватную компенсацию в соответствии с международными законами»³.

Против «Хартии прав» голосовали столпы мирового империализма — шесть государств во главе с США. Соединенные Штаты отказались участвовать в созданном по решению VI специальной сессии специальном фонде, призванном облегчить участь стран, наиболее сильно пострадавших от роста цен на нефть и от инфляции. Агрессивность США была продемонстрирована и в начальной, подготовительной фазе переговоров развитых и развивающихся стран в Париже в 1975 г.

Между тем развивающийся мир в марте 1975 г. на конференции Организации промышленного развития при ООН в Лиме принял резолюцию, призывающую к созданию фонда промышленного развития и поставил в качестве цели увеличение доли развивающихся государств в мировом производстве до 25% к 2000 г. В качестве предпосылок своего экономического подъема развивающиеся страны выдвинули такие принципы, как непрерываемый суверенитет национальных правительств над

своими природными ресурсами и облегчение доступа к передовой технологии. И хотя за эту резолюцию проголосовали 82 государства, а против не решился выступить ни один американский союзник, США были против (при семи воздержавшихся).

США сумели в ходе выработки документов VII специальной сессии ООН (сентябрь 1975 г.) блокировать такие требования, как создание шкалы фиксированных цен на сырье и промышленные товары. Американские предложения были таковы: увеличение капитала МБРР; поддержка частного сектора развивающихся стран при помощи инвестиций, передача технологических знаний и передовой техники; облегчение доступа развивающимся странам к рынкам капиталов развитых капиталистических стран; гарантирование компенсации потерь развивающихся стран от экспорта через систему Международного валютного фонда.

Резолюция, принятая VII специальной сессией Генеральной Ассамблеи ООН под давлением США, призывает создать условия для «улучшения рыночной структуры в сфере сырьевых материалов и товаров»⁴.

Главная цель США была очевидна. Она состояла в поощрении рыночной экономики развивающихся стран, в укреплении капитализма в этих странах.

Соответственно за бортом резолюции остались индексация, требование «предсказуемости и постоянства» инвестиционных потоков, автоматического действия аппарата экономической помощи. Вместо требования «группы 77» о кооперации развитых стран между собой в деле передачи технологии развивающимся странам в резолюции содержится призыв к кооперации лишь между развитыми и развивающимися странами. Та же участь у требования «группы 77» о международных правилах передачи технологии. В резолюции есть лишь платонический призыв к кооперации в этой области.

Западноевропейским коллегам пришлось «смягчить» впечатление от американского «слового подхода».

Так, бывший тогда министром иностранных дел Дж. Каллаган более дипломатичным языком отметил, что Англия согласна с тем, что баланс доходов богатых и бедных стран «несправедлив и должно быть найдено средство его исправления». Его поддержали на сессии представители Канады, скандинавских стран и Австрии. Министр иностранных дел Франции Ж. Соваьярг пошел еще дальше. Употребляя слово, на котором настаивали развивающиеся страны и которое отвергали США, а именно «новый порядок», он заявил, что необходимы действия, «существенные для установления нового, более справедливого и равного для всех порядка»⁵. Такой подход в значительной мере отличался от американского, и это ослабляло американскую позицию на VII специальной сессии. По сути

дела, США со своим крайним неприятием предложений развивающихся стран остались в одиночестве, они не сумели сплотить западный лагерь и вынуждены были терпеть удары по спесу престижу и влиянию среди развивающихся стран. Это заставило Вашингтон задуматься о политических издержках крайней непримиримости. В Вашингтоне наступила пауза.

Развивающиеся же страны отчетливо представляли, в чем корень их противоречий с США. Вопрос о легальности национализации и экспроприации иностранной собственности, прямо касающийся деятельности американских фирм в развивающихся странах, — вот что лежало в корне противоречий. США готовы были идти на «улучшения», но стремились сохранить главное — фактическую экстерриториальность своих транснациональных корпораций. Развивающиеся страны, несмотря на настойчивое желание многих из них привлечь инвестиции в свою экономику, в 70-е годы выступили против такого ущемления своего суверенитета, как практическая экстерриториальность ТНК и невозможность национализации их филиалов.

Однако на VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН «группа 77» решила не доводить дело до крайнего обострения. В предложенном ею документе об экспроприации заграничных филиалов ТНК (и вообще зарубежных капиталовложений) прямо не упоминалось. Блок развивающихся стран постарался перенести обсуждение наиболее острых вопросов с пленарных заседаний, где разгорались жаркие дебаты, но трудно было добиться продвижения вперед по существу, в специализированные комиссии. Более того, развивающиеся страны согласились на председательствование представителя развитых стран Западной Европы — голландского министра по сотрудничеству в развитии Я. Пронка. Развивающиеся страны изменили тактику, стратегические же их установки оставались прежними.

Союзники подталкивают к повороту

К концу 1975 г. Соединенные Штаты несколько отошли от первоначальной бескомпромиссной агрессивности. Это объясняется, с одной стороны, несомненной боязнью создания новых могущественных картелей экспортеров сырья. Об этом свидетельствуют американские публикации, делающие акцент на угрозе со стороны новых картелей⁶. С другой стороны, в политике США появилась отчетливая линия на раскол единого фронта развивающихся стран. Прежде всего, Вашингтон хотел бы отделиться от общего лагеря развивающихся стран государства — члены ОПЕК. Уже в первой речи на VII специальной сессии ООН госсекретарь Г. Киссинджер сделал эту линию очевидной. Обращаясь к развивающимся странам, он говорил, что «наиболее опустошительный удар экономическому развитию в этом де-

сятности был нанесен не «империалистическим грабительством», а спорным монопольным увеличением цен, осуществленным картелем производителей нефти»⁷.

Для США переход к более умеренной, компромиссной позиции был вынужденным, поскольку их главные союзники в Западной Европе и Японии, более зависимые от связей с развивающимися странами, уже сделали для себя выбор в пользу диалога с ними. Это обусловлено тем, что связи главных американских союзников с развивающимися странами были более тесными и до кризисного этапа 1973—1974 гг. В 1974—1975 гг. Западная Европа продемонстрировала свою большую лояльность отдельным развивающимся странам. Так, формальным предлогом бойкота Францией Вашингтонской энергетической конференции был отказ США пригласить на конференцию Бразилию, Индию и Заир. Именно в это время была подписана Ломейская конвенция ЕЭС с 46 странами Африки, Тихого океана и Карибского бассейна. По этому соглашению Европейское экономическое сообщество позволило бесплатный ввоз 96% сельскохозяйственных продуктов этих стран. В это же время активизировались попытки Англии расширить сотрудничество со странами Содружества наций. На встрече лидеров Европейского экономического сообщества была поставлена задача создать «всеобъемлющую и взаимовязанную программу практических мер, направленных на сокращение разрыва между богатыми и бедными странами»⁸. Тогда же были предприняты новые попытки западноевропейских стран и Японии заключить двусторонние соглашения со странами ОПЕК. А премьер-министр Японии Фукуда объявил о намерении увеличить помощь развивающимся странам с 0,2 до 0,3% ВВП.

Как пишет специалист американского Совета по внешним сношениям К. Гвня, «не преувеличивая различия между западноевропейскими странами и Соединенными Штатами в их ориентации по отношению к новому международному экономическому порядку, можно все же сделать заключение, что желание как Западной Европы, так и Японии осуществить независимые примирительные инициативы и их высказываемое в частном порядке желание, чтобы Соединенные Штаты приняли на себя лидирующую роль в изменении ухудшившегося климата отношений Севера и Юга, оказали влияние на перемену в американской позиции»⁹.

Противоречия, выявившиеся в 1974—1975 гг. на VI и VII специальных сессиях ООН по развитию, в полной мере проявили себя в ходе парижских «переговоров Север—Юг» в 1976 г. В результате весьма отчетливо проявившейся конфронтации США увидели опасность открытой агрессивности и частично изменили тактику. Эта перемена, однако, не коснулась существа американской позиции, которую западные исследователи сводят к пяти главным пунктам: 1) недовольство возросшей ролью го-

сударственного сектора развивающихся стран в добыче и экспорте сырьевых материалов; 2) желание остановить рост стоимости изыскания и эксплуатации сырьевых материалов; 3) стремление уменьшить финансовый риск инвестирования в развивающиеся страны; 4) недовольство сокращением инвестиций развивающихся стран в свое сельское хозяйство; 5) настойчивое стремление уменьшить степень контроля со стороны развивающихся государств над частными иностранными инвестициями. Последний вопрос имеет особое значение. В пику одному из главных требований развивающихся стран США встали на позицию борьбы за улучшение инвестиционного климата в развивающихся странах.

В этом и заключается суть главного противоречия политики Вашингтона по отношению к развивающимся странам во второй половине 70-х годов.

США хотели бы добиться гарантии продолжения практики безнаказанной эксплуатации сырьевых ресурсов развивающихся стран. Положение, сложившееся в первые два десятилетия после окончания второй мировой войны, их устраивало, попытка пересмотра этого порядка — нет. Поэтому максимум того, на что дали свое согласие США, — это улучшение финансирования, условия кредитования, создание фондов развития, некоторая либерализация торговли, увеличение программ помощи (но с тенденцией направлять эту помощь в частный сектор развивающихся стран), повышение эффективности международных организаций.

Такие же требования развивающихся стран, как стабилизация и фиксирование цен широкого спектра импортируемых и экспортируемых товаров (с соответствующей регуляцией рыночной ставки в торговом обмене развитых и развивающихся стран — так называемая индексация), пересмотр международного разделения труда в целых отраслях экономики, резкое увеличение инвестиционного потока и направление его через национальные государственные программы развивающихся стран, оставались неприемлемыми для американского капитализма, и Вашингтон активно блокировал эти меры, несмотря на то что его главные союзники, побуждаемые крайней экономической необходимостью, толкали Вашингтон на более компромиссный подход.

Подход администрации Картера

Администрация Картера исходила из основных идей Трехсторонней комиссии, требовавшей после создания единого фронта Запада активного обращения к развивающемуся миру для глобального урегулирования внутрикапиталистических отношений. В терминологии новое руководство приблизилось к лозунгу

развивающихся стран о новом международном экономическом порядке, хотя слово «порядок» осталось камнем преткновения. На Парижской конференции по международному экономическому сотрудничеству в 1977 г. государственный секретарь США С. Вэнс заявил, что «должна быть создана какая-то новая международная экономическая система. Эта система должна обеспечивать равенство; должна обеспечивать развитие; но прежде всего она должна обеспечивать справедливость. Мы готовы помочь созданию такой новой системы»¹⁰.

Подобная стилистическая эволюция обеспечила некоторое сближение позиций США со взглядами их союзников в западноевропейских столицах и в Токио.

Основными итогами Конференции по международному экономическому сотрудничеству («диалог Север — Юг») были решения о создании «общего фонда» для сырьевых материалов и специальная программа помощи в 1 млрд. долл. для особо нуждающихся стран¹¹. Главные же вопросы, такие, как индексация цен, отношение к иностранным инвестициям и филиалам иностранных компаний, проблема долгов развивающихся стран, остались нерешенными.

Правительство Картера объявило об усилении своего внимания к развивающимся странам. Его представители заявили, что произведенный администрацией демократов «анализ выявил растущее значение слаборазвитых стран для интересов Соединенных Штатов», и главными здесь являются три причины: 1) без этих стран не решить проблем роста народонаселения, стабильности экономического роста, нераспространения ядерного оружия, достаточного производства продуктов питания и энергии; 2) развивающиеся страны являются крупным торговым партнером США (четверть американской торговли); 3) развивающиеся страны имеют для США стратегическое значение (доступ к проливам, портам, авиабазам и т. п.).

В ноябре 1977 г. после четырехнедельных заседаний, в которых участвовали 106 государств, развивающиеся страны решили прервать переговоры о создании международного фонда для стабилизации международных рынков сырья, поскольку, как они заявили, некоторые богатые страны не хотят согласиться с основными их предложениями. Развитые капиталистические и развивающиеся страны резко разошлись по вопросу о форме и функциях указанного фонда. Предложенный фонд — это главный пункт «объединенной программы» международных соглашений, предложенных Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) для регулирования продажи основных видов сырья и цен на них. Стороны не договорились по главным вопросам: об источниках создания указанного фонда, должен ли этот фонд финансировать программы разностороннего развития экономики и повышения производительности труда, а также по вопросу о буферных запасах сырья.

Развивающиеся страны выступили за то, чтобы фонд собрал до 6 млрд. долл. в виде прямых взносов правительств, принимающих в нем участие, и пользовался широкими правами непосредственно финансировать буферные запасы и ряд других программ.

Западный лагерь во главе с США предложил крайне умеренный план объединения взносов отдельных организаций по сырью и передачи средств от группы стран с активным сальдо странам, нуждающимся в наличных деньгах. С точки зрения США, такие международные институты, как МБРР и Программа развития ООН, в состоянии выполнить намечаемые в развивающихся странах задачи.

Развивающиеся страны, однако, высказали сомнения в эффективности уже существующих институтов, в действительности уже принятых программ. Так, представитель Пакистана в ООН Икбал Акхунд заявил осенью 1977 г., что «положение ухудшается, на нашей стороне усиливается разочарование, а в индустриальных странах усиливается тяга к протекционизму»¹².

В Вашингтоне сделали несколько демонстративных шагов по оптимизации аппарата экономических связей с развивающимися странами. После прихода к власти администрации Картера произошла реорганизация главного правительственного органа, имеющего дело с развивающимися странами,—Управления международного развития. Главной целью реорганизации было добиться большей эффективности выполняемых программ, направленных на создание в развивающихся странах влиятельного буржуазного слоя, гарантирующего прозападную ориентацию данной страны.

США придали большое значение переговорам по отдельным товарам. Пока продолжались дискуссии об общем фонде, США участвовали в переговорах по нескольким отдельным товарам. Но эти мелкие меры не смогли заслонить основного факта: США упорно блокировали процесс пересмотра общей системы экономических связей.

Особенности позиции Западной Европы

В Западной Европе реакция на возросшую мощь коллективных усилий развивающихся стран по необходимости была более сдержанной, чем в США. Так, западногерманский журнал «Шингел» писал: «С одной стороны, бедная сырьем ФРГ не может позволить себе вступать в конфликт с „третьим миром“, с другой стороны, нельзя просто отменить возражения против требований о перестройке структуры мирового хозяйства. Ведь если в будущем страны „третьего мира“ начнут сами обрабатывать свое сырье с помощью западной технологии и экспортировать готовые изделия, это нанесет западногерманской эконо-

мике и занятости ущерб»¹³. Находясь перед этой дилеммой, ФРГ, как и большинство стран Западной Европы, заняла в отношении развивающихся стран гибкую позицию. К этому вынуждает суровая реальность. Западная Европа импортирует 75% потребляемого ею сырья, а Соединенные Штаты — только 15—17%. Западной Европе необходимо вступить в своего рода интегрированное сотрудничество с развивающимся миром, на которое Соединенные Штаты не готовы согласиться. Как писала «Монд дипломатик», «(Западная) Европа столкнулась с рядом противоречивых потребностей: необходимостью защищать свои потребительские интересы, необходимостью доказать свою способность изобрести новый международный порядок, не вступая при этом в конфликт с США»¹⁴.

В ходе переговоров ЕЭС с 46 странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана в 1975 г. была создана так называемая Система стабилизации поступлений от экспорта 12 видов сырья («Стабекс»). Эта система, как не без основания полагают в Западной Европе, «служит важным примером в дискуссиях о новом экономическом порядке, поскольку она идет навстречу требованиям стран, экономика которых в основном зависит от экспорта сырья»¹⁵. Это и понятно: ЕЭС, поглощающее 32% экспорта развивающихся стран и поставляющее 39% их импорта, чувствует большую, чем США, зависимость от отношений с этими странами. Однако США выступают категорически против создания расширенной системы типа «Стабекс» для основного товарообмена развитых капиталистических и развивающихся стран.

Идя собственным, сепаратным путем, Европейское экономическое сообщество в течение восемнадцати месяцев (начиная с июля 1978 г.) вело переговоры с блоком 57 развивающихся стран Африки, бассейна Карибского моря и Тихого океана. Подписанная в итоге так называемая вторая Ломейская конвенция в течение пяти лет будет определять отношения ЕЭС с указанными странами, что, по сути, равносильно усугублению особых связей этих стран с сообществом. Это значит, что ЕЭС вопреки пожеланиям и воле Вашингтона не стремится к совместному американо-западноевропейскому подходу ко всей совокупности развивающихся стран. Вторая Ломейская конвенция (подписана 31 октября 1979 г.) в плане реализации атлантизма и идей трехсторонности означает особый путь Западной Европы в формировании сепаратной политики в развивающихся странах. Создание относительно прочно оформленного союза по линии Западная Европа—Африка на основе особой экономической политики, финансовых соглашений, капиталовложений в «ассоциированных» странах подталкивает и США к поиску фаворитов, своих «особых» зон влияния. Это объективно резко ослабляло экономический компонент объединительной, направленной на сближение с Западной Европой политики Картера.

Итак, в подходе к развивающимся странам проявилось серьезное противоречие двух центров капиталистического мира — США и Западной Европы. США, согласно установкам трилатерализма, сознательно ослабили внимание к двусторонним связям с отдельными странами Азии, Африки и Латинской Америки (в частности, со своими латиноамериканскими соседями) и сконцентрировали усилия на создании блока развитых капиталистических государств, планируя через этот блок, посредством монолитного западного подхода, прийти к диалогу с «Югом» с позиции силы.

Такая схема не вызвала одобрения со стороны главных западноевропейских стран, в первую очередь ФРГ и Франции. Во-первых, эти страны не ставят западное единство предварительным условием обращения к развивающимся странам. Во-вторых, они сознательно уже избрали себе наиболее предпочтительных партнеров среди развивающихся стран.

Для ФРГ таким партнером стала Бразилия. Пока еще США сохраняют преобладающие экономические позиции в этой самой крупной латиноамериканской стране, но вот красноречивые факты: с середины 70-х годов торгово-экономические отношения между Бразилией и США сохранились практически на одном уровне, а инвестиции и реинвестиции ФРГ росли исключительно быстро. Капиталы ФРГ увеличились с начала 70-х годов в 3 раза. Бразилия закупила западногерманское оружие и заключила сделку о постройке цикла атомных реакторов общей стоимостью до 10 млрд. долл.

Во время визита президента Гайзела в ФРГ в 1978 г. Бони обещал поддерживать Бразилию в ее стремлении играть роль одного из главных выразителей интересов развивающихся стран и быть посредником между этими странами и промышленно развитыми государствами. Одновременно четко прослеживается стремление ФРГ заручиться безоговорочной поддержкой Бразилии на разных форумах, прежде всего на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Западногерманские дипломаты в Бразилии постоянно подчеркивают общность внешнеполитического курса обеих стран, характеризуя их как политику «ответственного прагматизма».

Франция избрала сферой своих особых интересов африканские франкоязычные государства, всячески культивируя экономические, политические и культурные связи с ними. Среди нефтедобывающих стран предпочтительным партнером Франции стали Саудовская Аравия, партнер Парижа по закупке французских танков и самолетов, и шахский Иран, с которым Франция заключила огромные по масштабу сделки.

Обнаружилось расхождение двух линий. США оказывают давление на своих западных партнеров, чтобы создать общий фронт против развивающихся стран. Ради этого они идут даже на то, чтобы поставить некоторые страны Латинской Америки

(зону их традиционных предпочтительных интересов) в более равные для западноевропейских стран условия. Западноевропейские страны, со своей стороны, опасаясь в открытой форме противопоставить себя Вашингтону, тем не менее по линии ЕЭС создают преференциальный союз с большой группой развивающихся стран, а по отдельности ищут партнеров, богатых минеральным сырьем. В результате несовпадающих американской и западноевропейской линий поведения в развивающихся странах ослабляется сила американского давления.

Разногласия между США и западноевропейскими странами, между сторонниками классической товарно-денежной системы и приверженцами привлечения к делу укрепления связей с развивающимися странами рычагов буржуазного государства привели к ослаблению всего западного лагеря и уже дали свои позитивные для развивающихся стран результаты. Сторонники компромисса выступили с предложениями о совместных действиях и преуспели в этом.

Речь идет прежде всего о вынужденном для Запада решении создать совместный фонд сырья. Первоначально США блокировали это предложение развивающихся стран и пользовались полной поддержкой своего наиболее важного торгового партнера в Западной Европе — ФРГ. Однако с заменой на посту министра хозяйства ФРГ Г. Фредерихса графом О. Ламсдорфом силы сторонников «чистого капитализма» ослабли. Сторонником более гибкого курса выступил министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер. Это означало, что определенные круги в ФРГ ощутили опасность следования сугубо проамериканским курсом и действиям в отношениях с развивающимися странами с позиций более жестких, чем, скажем, Франция и Англия. Это осознание опасности вытрузивающей изоляции выразилось, в частности, в создании в 1978 г. Комиссии «Север — Юг» под председательством В. Брандта. Бывший канцлер прямо заявил, что «у нас почти все — правительство, бундестаг и общественность — поняли очень поздно или вообще еще не поняли чрезвычайную актуальность требования развивающихся стран о новом экономическом порядке. Нас считают сторонниками „жесткого курса“». При этом мы до некоторой степени прячемся за США»¹⁶.

В развивающихся странах утвердилось справедливое мнение, что США и ФРГ в целом задают тон агрессивной линии поведения западных стран в отношении проблемы развития. Так, доля государственной помощи, оказываемой членами Комитета содействия развитию развивающихся стран, в валовом национальном продукте стран — членов Комитета с 1976 по 1977 г. сократилась с 0,33 до 0,31%. В специальном докладе ОЭСР это сокращение объясняется «прежде всего новым значительным сокращением доли валового национального продукта, выделяемой Соединенными Штатами и ФРГ».

Несмотря на определенную общность, обнаружившуюся в позиции США и ФРГ, в подходе США и других стран Западной Европы существует значительное различие.

В Западной Европе, по-видимому, больше верят в старый принцип «разделяй и властвуй». Одним из приемов западноевропейской дипломатии, рассчитанным на расширение поля своего маневра, является поощрение отдельных форумов, где, будучи представлены в ограниченном и сознательно подобранном составе, развивающиеся страны могут оказаться более податливыми. Одним из примеров таких «ограниченных форумов» явилось состоявшееся в конце февраля 1978 г. двухдневное совещание семи стран на Ямайке. Главным представителем Запада на этой конференции был канцлер ФРГ Г. Шмидт. Придерживаясь практически аналогичной с ним точки зрения, ему «ассистировали» премьер-министр Канады П.-Э. Трюдо, премьер-министр Австралии М. Фрейзер и премьер-министр Норвегии О. Нурдли. Развивающиеся страны представляли премьер-министр Ямайки М. Мэйли, президент Венесуэлы А. Перес и глава правительства Нигерии О. Обасанджо.

Это совещание явилось «пробным шаром» тех из развитых капиталистических стран, которые в отличие от США одним из орудий политики в развивающихся странах считали создание так называемого совместного сырьевого фонда. Канцлер Г. Шмидт указал на готовность ФРГ принять участие в таком фонде. Соглашаясь в одном пункте, канцлер ФРГ требовал отступления развивающихся стран в другом — он настаивал на преимуществах частных инвестиций. По его словам, развивающимся странам следует расценивать воздействие частных инвестиций выше, чем воздействие государственной помощи для развития. Прибыв после совещания на Ямайке на встречу большой четверки (США, ФРГ, Франция, Англия) на Гваделупе (январь 1979 г.), западногерманский канцлер выступил в пользу подобных частных, менее масштабных и более диверсифицированных инициатив.

Встреча на Ямайке даст основания для размышлений и еще по одному поводу. Западноевропейская социал-демократия стремится использовать тот факт, что в таких развивающихся странах, как Сингапур и Ямайка, у власти находятся социал-демократические партии. Упомянутая встреча на Ямайке имела своим истоком контакты премьер-министра М. Мэйли с Г. Шмидтом во время заседания Социалистического Интернационала весной 1978 г. Соединенные Штаты не имеют, разумеется, подобных возможностей. Здесь проходит еще один водораздел между не имеющей социал-демократических традиций Америкой и владеющей рычагами социал-реформизма Западной Европой.

Но и США частично блокируют отдельную политику Западной Европы. Те же круги в Западной Европе, которые не прочь повести ЕЭС отдельным курсом, ныне в условиях ослаб-

ления Западной Европы признают, что «роль ЕЭС в нынешнем диалоге весьма ограничена обязательствами, связанными с императивами „атлантической солидарности“». В частности, в результате во многом под американским нажимом западноевропейская «двухсторонка», делая некоторые тактические зигзаги, все же склоняется к традиционным инструментам связей Запада с развивающимися странами — аппарату, следящему за выполнением Генерального соглашения по торговле и тарифам (ГАТТ), Международному валютному фонду, МБРР, специализированным учреждениям ООН.

Западноевропейские позиции ослаблены также отсутствием единства в их рядах. В западном лагере твердую по отношению к схеме нового международного экономического порядка линию США поддерживают Западная Германия и Англия. Япония должна думать о своем азиатском окружении; чаще всего отличающуюся во многих аспектах от американской линию проводит Франция. «Равно как США являются страной, склонной говорить „нет“ или воздерживаться, Франция является страной, наиболее склонной отойти от примера других четырех стран (США, Англия, ФРГ, Япония) или голосовать „да“, когда воздерживаются другие. Франция поддерживает взаимосвязь между выпуском специальных прав заимствования (СПЗ) и предоставлением помощи в развитии, а Соединенные Штаты не согласны... Франция выступает за соглашение по сырьевым продуктам, четыре другие страны в общем выступают против»¹⁷.

Общим в западной позиции является отказ от идеи создания единого фонда для финансирования буферных запасов сырья до достижения соглашения по вопросу о товарах развивающихся стран, ни одна западная страна не согласна «легализовать» экспроприации западных компаний.

Итак, в подходе основного блока западных стран имеется как общее, так и различное. Общее — в чувстве солидарности эксплуататоров, желающих продлить благоприятный для себя характер международных экономических связей. Различие в подходе отражает различие экономических структур США и западноевропейских стран, различную степень заинтересованности в связях с развивающимися странами. Обе эти тенденции развиваются и параллельно, и с периодическим преобладанием одной из них. От развивающихся стран, от степени их солидарности, активности, мобильности, дипломатического искусства будет во многом зависеть то, выступит ли против них авангард современного капитализма единым фронтом, или его ждет раскол. Сыграют в будущем свою роль и подспудно зреющие противоречия мировых эксплуататоров.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ США С РАЗВИВАЮЩИМИСЯ СТРАНАМИ

Анализ основных положений стратегической линии США в развивающихся странах показывает, что среди проблем, разделяющих развитые государства капиталистического мира со странами Азии, Африки и Латинской Америки, резко возросло значение вопросов экономического характера. Это можно объяснить по меньшей мере двумя соображениями.

Во-первых, экономика, вопросы хозяйственных отношений всегда играли и будут играть ключевую роль в определении характера политических отношений. Это азбука политического анализа и уже давно не требует доказательства. Следовательно, как бы ни изменялась политическая и военная стратегия США в зоне развивающихся стран под влиянием факторов идеологического и стратегического характера, в основе ее остается экономический базис общественных отношений, диктующий и общий характер отношений между развитыми и развивающимися странами несоциалистического мира, и пределы, в рамках которых могут эволюционировать их тактические позиции по вопросам взаимных связей.

Во-вторых, в целом успешное завершение первой — политической — стадии становления независимых государств Азии, Африки и Латинской Америки неизбежно поставило на повестку дня мировой политики поиски путей к решению второй — экономической — стадии самоопределения бывших колониальных и зависимых стран. Не обеспечив этой экономической декolonизации, молодые государства не могут добиться решения их главной исторической задачи — осуществления полного национального самоопределения, — лежащей в основе всего политического процесса движения за национальное освобождение.

Итак, экономические проблемы объективно, независимо от событий в других областях отношений между развитыми капиталистическими государствами и развивающимися странами, должны были пробить себе путь на авансцену мировой политики. Но — и в этом специфика нынешнего этапа отношений — политические проблемы, в особенности такие, как войны и революции, международные конфликты и агрессия империализма, — активным образом содействовали выдвиганию вопросов эконо-

мического характера на первые места в повестке дня отношений между миром империализма и освободившимися странами.

Это имеет важное значение. Разумеется, на известном историческом этапе, до того, как новая общественная система, отрицающая в принципе какую-либо эксплуатацию, становится господствующей и диктует формы и способы разрешения противоречий, вопросы экономического характера всегда вызывают обострение споров и разногласий, доведение существующих противоречий до уровня конфликта. Но накал политической борьбы между национально-освободительным движением и империализмом, между молодыми государствами и неокolonизмом охватил и сферу экономических разногласий между развитыми капиталистическими и развивающимися странами, внес в нее элементы конфронтации и противоборства.

Спецификой данного процесса является то, что противоборство между империалистическими и развивающимися странами по экономическим вопросам протекает в условиях сложившейся системы хозяйственной взаимодополняемости между ними. Это учитывают правящие круги США, и поэтому стремление воздействовать на развивающиеся страны не только политическими и военными, но и экономическими средствами, используя эту взаимозависимость, становится очень характерным для позиции Вашингтона в области политики в развивающихся странах.

Глава 7

США И НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

Широкое движение за распространение деколонизации на экономическую сферу и перестройку международных экономических отношений на справедливых, демократических началах вплотную ставит перед каждой страной вопрос об определении своего отношения к основным принципам и конкретным требованиям такой перестройки. Это включает и отношение к программе установления в мире нового международного экономического порядка (НМЭП), выдвинутой и отстаиваемой развивающимися странами¹. С особой масштабностью эта проблема стоит перед США как политическим и экономическим лидером западного мира, равно как и крупнейшим торговым партнером развивающихся стран, все более зависящим от поставок из них сырья, топлива и даже части трудоемких и материалоемких готовых изделий.

От игнорирования к «диалогу»

США с самого начала встретили выдвигание программы НМЭП, являющейся антиколониальной и антиимпериалистической в своей основе, с плохо скрытым раздражением. В амери-

канской печати в речах политических деятелей того времени замелькали угрозы в адрес «агрессивных» и «непродуманных» развивающихся стран, которые первоначально предполагалось просто проигнорировать как «утопические». «В противовес новому международному экономическому порядку, — писали эксперты США в Атлантическом совете, — мы защищаем принципы существующего экономического устройства мира, которые уже доказали свою работоспособность и прошли проверку временем», тогда как развивающиеся страны «как будто вступили в спор на приз за наиболее разнузданное публичное осуждение „империализма“ и используют свое большинство в ООН для того, чтобы дезорганизовать ее деятельность политическими резолюциями»².

Однако жизнь достаточно быстро показала правящим кругам США, что раздражение — плохой советчик в политике, а позиции «крепости Америка» в мире уже далеко не так прочны, чтобы подчеркнуто игнорировать программу 120 развивающихся стран, справедливые требования которых были поддержаны социалистическим содружеством, или безнаказанно применять к этим государствам встречные санкции.

Прежде всего при современном соотношении мировых классовых сил освободившиеся страны вполне могут противостоять империалистическому диктату, а процесс разрядки, несмотря на ожесточенные атаки на него со стороны реакционных сил, существенно затрудняет для империалистической дипломатии использование грубой военной силы как орудия внешней политики.

Далее выяснилось, что США при достигнутых масштабах производства уже в такой степени зависят от торговли с развивающимися странами, что о прямой экономической конфронтации с ними не может быть и речи, особенно в условиях кризисных явлений в американской экономике и резкого обострения таких глобальных проблем, как сырьевая и энергетическая. Так, в конце 70-х годов США удовлетворяли за счет импорта свои потребности в нефти почти наполовину, никеле и цинке — на 60%, олове — на 75, бокситах и хrome — на 90, кобальте — на 94%. Массовый импорт дешевой и трудоемкой продукции из развивающихся стран несколько сдерживал темп инфляции в стране. С другой стороны, эти страны поглощали треть американского экспорта, в том числе 40% вывоза авиационного оборудования, изделий электротехники, тяжелого машиностроения и оружия, более половины экспорта хлопка, железнодорожного подвижного состава, металлоизделий, оборудования связи, 65% пшеницы, 70% риса и т. д. При этом готовых промышленных изделий американских фирм развивающиеся страны приобретают ныне даже больше, чем Япония и Западная Европа, вместе взятые³.

Там же находились в начале 70-х годов филиалы трансна-

циональных корпораций США и около четверти их зарубежных капиталовложений. «Среди стран с рыночной экономикой, — признавал профессор Йельского университета Р. Купер, позднее назначенный на пост заместителя госсекретаря по экономическим вопросам, — США сравнительно менее зависимы от мирового хозяйства. Однако наши экономические благосостояние и безопасность не могут быть отделены от экономического состояния других стран и становятся все более взаимно переплетены с ними», в том числе «с торговлей и с инвестициями в развивающемся мире»⁴.

Наконец, чисто политически США не могли долго продолжать игнорирование НМЭП ввиду очевидности ущерба такой политики для и без того низкого международного престижа страны и угрозы ее практической изоляции в ООН. Такая угроза стала реальностью, в частности, после того, как и в рамках ЮНКТАД и ЮНИДО, и на сепаратной конференции «Север — Юг» в Париже американской дипломатии так и не удалось осуществить свою ставку на раскол единого лагеря молодых государств.

Более того, натолкнувшись на нежелание Запада, и в первую очередь США, обсуждать НМЭП по существу, развивающиеся страны начали осуществлять отдельные его мероприятия в одностороннем порядке. Число филиалов американских ТНК, национализированных в развивающихся странах, возросло к середине 70-х годов в среднем до 281 в год против 50 в среднем в год в 1955—1961 гг., причем национализировались прежде всего крупные филиалы, а в 60% случаев речь шла об их экспроприации. В дополнение к ОПЕК (нефть) и СИПЕК (медь) образовались или начались переговоры об образовании еще 17 ассоциаций стран — производителей сырья (тропическая древесина, каучук, бананы, какао, копра, кофе, арахис, перец, сахар, чай, бокситы, железная руда, ртуть, вольфрам и др.), объединяющих в сумме свыше 70 развивающихся стран, чьей первой и прямой функцией было противостояние сырьевым монополиям Запада, т. е. перехват у них контроля над снабжением западных стран сырьем и топливом.

В итоге в деловых, а затем и в политических кругах США стало расти сознание серьезности требований молодых государств, равно как и того, что эти требования опираются на реальную или потенциальную экономическую силу. Соответственно начал срабатывать инстинкт приспособления к новым условиям, складывающимся под воздействием НМЭП, а пасторская голого отрицания стали постепенно уступать место убеждению в неизбежности политического и экономического диалога с развивающимся миром.

Так родился лозунг «более открытой дипломатии» в отношении развивающихся стран, в контексте которой Картер квалифицировал НМЭП уже не только как «одни из важнейших

вызовов, брошенных нам как нации», но и одновременно как «одну из наших величайших возможностей» создать такую «новую систему экономического прогресса и сотрудничества», в которой особые интересы США были бы обеспечены даже в изменившихся условиях экономической деколонизации и безальтернативной зависимости страны от внешней торговли⁵.

Вместе с тем, будучи риторически «свежей», подобная дипломатия столкнулась с весьма значительными трудностями при своем конкретном осуществлении. Кроме присущей внешнеполитическому курсу Картера непоследовательности и авантюризма это объяснялось в основе своей тем, что США строят свой диалог с развивающимися странами не на конструктивных, а на альтернативных принципах по отношению к духу и букве НМЭП.

Принципы диалога по-американски

Концептуальную основу такой альтернативности закладывала прежде всего доктрина «взаимозависимости», выдвинутая американской политологией и дипломатией как кредо участия США в любых многосторонних экономических переговорах. В своем классическом варианте, выдвинутом еще Г. Киссинджером, она вообще исключала сколько-нибудь радикальную перестройку международных экономических отношений, объявляя ее «чреватой опасностями для всех стран», и потому ратовала за сохранение между Западом и развивающимся миром торгово-политического статус-кво.

Позже американская дипломатия попыталась развить эту доктрину и несколько дальше, придав ей более динамичный вид по сравнению со статичной, «неприкасаемой» версией Г. Киссинджера. В частности, Д. Макгейрл, Р. Купер ныне уже не исключают возможности перестройки существующей торговой системы, как таковой, однако не на базе НМЭП как программы, отражающей цели одних лишь развивающихся стран, а на основе неких «общих целей Запада и третьего мира, взаимоприемлемых для всех»⁶.

Главная из этих «общих целей» расшифровывается достаточно просто, а именно как совместное социальное маневрирование, с тем чтобы предотвратить растущий риск политических возмущений, которые могут дать дорогу режимам, «антагонистичным тем социальным ценностям, которые мы на Западе считаем первостепенно важными»⁷, т. е. все та же «смычка» между буржуазией бывших метрополий и бывших колоний с целью уберечь последние от перехода на социалистическую ориентацию. При этом особое внимание предлагается уделить наименее развитым странам, где «средний класс» является пока «рудиментарным»⁸, и поэтому риск потери им политического руководства в случае социальных бурь особенно велик.

Однако за пределами общебуржуазной солидарности «общие цели» тут же обнаруживают свой проамериканский эгоизм. «Ни одна нация или группа наций,— пишет, например, Р. Купер,— не может брать на себя одни лишь обязательства. Ни одна нация или группа наций не может требовать для себя одних лишь выгод. Каждый из нас должен получить свою долю»⁹. Другими словами, на уровне конкретных внешнеэкономических связей развитие доктрины состоит в том, что она фактически требует перехода к такому типу отношений, при котором любая помощь развитию обуславливалась бы встречными уже не только политическими, но и конкретными экономическими уступками развивающихся стран, что, по сути дела, перечеркивает тот принцип взаимных льгот, которого эти страны сумели с таким трудом добиться от Запада в рамках ООН.

Наследственный компонент в «американской альтернативе» резко усиливает и то обстоятельство, что она базируется на традиционной для США политической доктрине неприятия любой формы хозяйственного устройства, кроме «свободного предпринимательства». И хотя Э. Янг в своей речи в ЭКОСОС и говорил, что «любой новый международный экономический порядок должен целиком уважать права наций на выбор и сохранение избранных ими экономических систем»¹⁰, в плане практических переговоров США, по свидетельству Р. Купера, намерены сделать принципиальную ставку на желательность сохранения относительной свободы рынков от «любого контроля со стороны национальных государств и международных организаций»¹¹.

Между тем эта доктрина в современном мире вообще и в развивающемся в особенности отнюдь не признается универсально правильной и эффективной. Более того, она подвергается развернутой и аргументированной критике. «Развивающиеся страны,— признавал такой авторитетный американский экономист, как Ч. Киндлебергер,— все более переходят на позицию, которая отличается от свободной рыночной модели, пропагандируемой США по всему обширному кругу экономических проблем, начиная от торговли и кончая ценообразованием на сырье, выравниванием платежных балансов, внешней помощью, деятельностью многонациональных корпораций и вопросами международной ликвидности. Они разоблачают концепцию либеральной рыночной системы как неокolonialистскую, продолжающую практику экономического подчинения стран даже после того, как они получили независимость»¹².

Несовместимость американской альтернативы с интересами развивающихся стран очевидна еще и потому, что она в конечном счете делает все ту же ставку на раскол в их рядах и вмешательство во внутренние дела средствами внешнеэкономического давления. Так, в США совершенно открыто говорится о согласии на компромисс лишь с «умеренными» лидерами развивающихся стран, проводится особая политика в отноше-

нии ряда экспортеров нефти, а главным препятствием на пути успешных переговоров с развивающимися государствами объявляется «не их число, а их сравнительное единство, особенно на международных форумах, где они противостоят индустриальному миру»¹³.

Наконец, характерной чертой американского подхода к НМЭП является неприятие его как комплексной программы, согласие лишь на «селективное» обсуждение отдельных его положений, что явно призвано, по признанию самих американских экспертов, отвлечь внимание ООН от «всеобщей и всеобъемлющей перестройки» международных экономических отношений и замене ее «поиском прагматических путей» сочетания отдельных требований развивающихся стран и американских интересов¹⁴.

Со всей наглядностью эти принципы диалога по-американски проявлялись в ходе V сессии ЮНКТАД в Маниле, где в основе позиции делегации США лежали, по сути дела, четыре главных положения. Первое — непризнание Арушской декларации развивающихся стран как базы переговоров на сессии. Это непризнание, в частности, касалось требований о структурной перестройке капиталистической экономики, т. е. о переносе в развивающиеся страны из развитых ряда стадий обработки сырья, ускоренной индустриализации развивающихся стран и открытия рынков Запада для их готовых изделий. Второе — избирательный подход к обсуждаемым проблемам, т. е. при констатации невозможности соглашения по ряду вопросов, на время отложить их и сосредоточиться на других. Третье — «градуированный» подход к предоставлению уступок различным категориям молодых государств в зависимости от степени их развития, а точнее, степени их готовности проявлять «солидарность» с США в решении американских экономических проблем. Наконец, особый упор делался на то, чтобы принимаемые решения «не ограничивали» «частной инициативы» и «свободной игры рыночных сил».

Не удивительно, что подобная позиция не встретила понимания со стороны развивающихся стран. «В так называемой свободной рыночной экономике, — заявил на сессии спикер „группы 77“, — где один партнер слаб, а другой силен, единственной свободой является свобода неограниченного грабежа слабого сильным»¹⁵. Эта позиция не встретила полного понимания даже у союзников США по западному блоку, и, например, парижская «Монд» прямо считала одной из причин неуспеха V сессии ЮНКТАД и острой критики, которой там подвергся Запад, «американское высокомерие»¹⁶. Последнее — в отношении как развивающихся стран, так и союзников — требует особых комментариев.

Изучение и сопоставление фактов последних лет убеждает, что в дискуссиях вокруг НМЭП в политических и деловых кру-

гах США всегда было два лагеря. Единые в признании того, что США попали во все возрастающую и безальтернативную зависимость от внешних рынков, эти фракции делали, однако, из данного факта весьма различные выводы.

Реалистически мыслящие бизнесмены и политические деятели выступали, во-первых, за определенный пересмотр внешнеэкономической стратегии США и за отказ от наиболее односторонних видов монополистической практики в отношении развивающихся стран, а во-вторых, в защиту американских интересов в рамках общей позиции Запада, при предварительном согласовании конкретных акций, в том числе в рамках ОЭСР. Они исходили при этом из факта утраты США прежних гегемонистских позиций не только в капиталистической системе хозяйства, но и в лагере империализма. Как отмечал, например, Ч. Киндлебергер в своей статье об истории внешнеэкономической политики США, по чисто экономическим причинам США более не могут играть прежнюю роль в «системе, в которой они были банкиром для всего мира, последним прибежищем не только в вопросах безопасности, но и в сбыте излишков товаров, источником дефицитных изделий и необходимого капитала, хранителем международной денежной системы, включая уровни курсов валют, и заемодателем для стран, достигавших последней черты кризиса»¹⁷. Поэтому «до того, как США определят свою позицию по главнейшим вопросам их отношений с развивающимися странами или по крайней мере до того, как она будет обнародована, — писали эксперты Атлантического совета, — совершенно необходим серьезный обмен мнениями с другими развитыми странами. Их действия по аналогичным проблемам нужны для придания эффективности абсолютному большинству элементов нашей политики и для защиты интересов США»¹⁸.

Однако другая часть деловых и правящих кругов продолжает надеяться, что американской мощи и влияния достаточно для достижения внешнеэкономических целей США и в новых условиях, причем залогом успеха в отношениях с развивающимися странами должна быть «твердость», а с союзниками — «американское лидерство».

В борьбе этих направлений администрация Картера, не обладавшая необходимым внешнеполитическим опытом, сделала один из своих концептуальных «кульбитов», а именно, начав с поддержки первой линии, впоследствии целиком перешла на позицию второй, пытаясь таким путем снять с себя ответственность за провалы своей внутр- и внешнеэкономической политики и сыграть на все той же ксенофобии части американцев в ходе избирательной кампании 1980 г. Наиболее рельефно это проявилось в эскалации экономических санкций против Ирана, предпринимавшихся в одностороннем порядке и без предварительных консультаций даже с союзниками по НАТО. Поэтому современная позиция США является наиболее экстремальной

среди западных стран по отношению к НМЭП, что со всей очевидностью явствует из участия американской дипломатии в обсуждении важнейших его положений.

США и НМЭП: сырье и промышленные изделия

Учитывая, что основу экспорта развивающихся стран формируют сырьевые товары, центральное место в программе НМЭП занимают проблемы стабилизации мировых рынков сырья. Предлагаемая для этой цели интегрированная программа по сырию (ИПС) предусматривала заключение международных товарных соглашений по 18 ведущим сырьевым товарам (кофе, какао, чай, сахар, хлопок, каучук, джут, твердые волокна, медь, олово, марганец, железная руда, тропическая древесина, фосфаты, маслосемена, мясо, бокситы, бананы) с целью ограничения колебаний цен на них определенным диапазоном. В качестве конкретного механизма стабилизации предполагалось манипулирование «буферными запасами» десяти товаров (названных первыми), поддающихся длительному хранению. Эти товары скупались бы при падении цен и, наоборот, продавались бы в случае их повышения. Для финансирования таких запасов предлагалось создать «общий фонд» из взносов экспортеров и импортеров (примерно 30% за счет развивающихся и 70% — развитых стран), причем временно свободная часть средств этого фонда могла бы использоваться на нужды помощи развивающимся странам. Наконец, НМЭП предполагал создать систему «индексации», т. е. привязки уровня цен сырья к уровню цен на 89 основных готовых изделий, с тем чтобы путем регулярного «подтягивания» первых ко вторым сохранять для развивающихся стран благоприятные условия товарообмена.

На протяжении всего послевоенного периода США неизменно выступали за «полную свободу игры рыночных сил» на сырьевых рынках, и потому их первая реакция на ИПС была негативной. На IV сессии ЮНКТАД в Найроби Г. Киссинджер в противовес ИПС предложил свой план создания «международного банка ресурсов», который выступил бы коллективным инвестором в сырьевую промышленность молодых государств и тем способствовал бы увеличению производства и экспорта сырья, а с ним и соответствующих экспортных доходов. Затем позиция страны претерпела определенную эволюцию. Во-первых, ЮНКТАД при голосовании провалила «план Киссинджера» как попытку обходным путем вернуть сырьевые ресурсы развивающихся стран под коллективный контроль все тех же западных монополий. Во-вторых, напряженный сырьевой баланс страны заставлял واشنطنских внешнеэкономических стратегов чаще задумываться над проблемой обеспечения гарантированного импорта сырья в долгосрочной перспективе. В-третьих, другие западные страны, гораздо менее обеспеченные сырьем,

чем США, отказывались становиться на позиции экстремальной конфронтации и требовали достижения компромисса с развивающимися странами с учетом хотя бы отдельных элементов ИПС.

«Мы готовы, — заявлял на XXXII сессии Генеральной Ассамблеи Р. Кунер, — присоединиться к любому товарному соглашению, которое было бы справедливым и эффективным, и мы поддерживаем идею создания какого-то фонда для обеспечения финансирования буферных запасов, связанных с этими соглашениями»¹⁹. Однако эта общая формула с самого начала таила в себе значительное количество условностей. Как выяснилось впоследствии, под «справедливыми» США понимают лишь такие соглашения, которые не ведут к росту цен на сырье, а под «эффективными» — такие, которые страхуют не уровни цен, а уровни доходов экспортеров, т. е. побуждают их увеличивать объем экспорта при низких ценах. Именно поэтому согласие США на участие в переговорах по отдельным соглашениям было не само собой разумеющимся, а селективным, в зависимости от характера предлагаемого соглашения и связанных с ним интересов США. Например, к международному соглашению по кофе США присоединились потому, что половина их импорта идет из Латинской Америки, и в данном случае «США попытались учесть в своей политике, — отмечалось в обзоре внешнеполитической деятельности конгресса США, — особые торговые интересы латиноамериканцев»²⁰. Страна присоединилась также к соглашениям по олову и сахару и согласилась вести переговоры по меди, каучуку, бокситам и железной руде. Вместе с тем США начисто отменяют любую идею «индексации».

Особенно острые противоречия между США и развивающимися странами возникли в ходе переговоров об «общем фонде». США с самого начала выступали против его учреждения, подчеркивая, что для страхования доходов экспортеров сырья должна использоваться существующая система «компенсационного финансирования», находящаяся под контролем ВМФ и предусматривающая предоставление молодым государствам краткосрочных возвратных займов. Лишь откровенное давление со стороны союзников на совещании в верхах в Лондоне в мае 1977 г. и угроза провала Парижской конференции принудили США пойти здесь на видимый компромисс, однако такой, который, по существу, не имеет с предложениями развивающихся стран ничего общего, кроме названия.

Так, сумма средств фонда определена в 750 млн. долл. вместо первоначально предполагавшихся 6 млрд. долл., взносы в его «второе окно» (для оказания экономической помощи) являются добровольными, а сами средства финансируются в основном не из правительственных взносов, а из средств товарных соглашений и займов на денежных рынках.

Неустойчивость доходов от экспорта сырья, равно как и тот факт, что при узости внутреннего рынка индустриализация возможна лишь при высокоэкспортной квоте в производстве, давно уже подвела развивающиеся страны к необходимости всемерно *индустриализовать* их экспорт. Поэтому одним из их приоритетных торгово-политических требований, выдвинутых еще в середине 60-х годов, было создание льготного режима для импорта их готовых изделий на рынки развитых стран. Эти требования были частично реализованы в общей системе преференций (ОСП), согласно которой такие товары (подпадающие под позиции 25—99 Брюссельской таможенной номенклатуры) могли импортироваться в развитые страны по сниженным ставкам пошлин, а в определенных контингентах и без пошлин. Однако ОСП далеко не решила проблем индустриализации экспорта молодых государств, ибо создавала для их товаров лишь ограниченные конкурентные преимущества, а само снижение пошлин «компенсировалось» западными странами введением нетарифных ограничений импорта по «либерализованным» позициям, особенно в торговле текстилем, одеждой и обувью. К тому же сохранилась эскалация уровня импортных тарифов западных стран по мере повышения степени обработки ввозимых товаров, что даже после введения преференций затрудняло развивающимся странам переход от сырьевого экспорта к промышленному.

Поэтому в программе НМЭП меры, принятые в рамках ОСП, были признаны недостаточными, и развивающиеся страны потребовали распространения ОСП также на готовые изделия и полуфабрикаты, подпадающие под позиции 0—24 Брюссельской таможенной номенклатуры, продления преференций за пределы их первоначального десятилетнего срока, запрета ввода нетарифных ограничений по преференциальным позициям и учета их особых интересов, в том числе в части торговли тропическими товарами.

Однако в условиях роста протекционистских настроений в США все эти требования с самого начала нашли весьма неблагоприятную почву. Страна последней (с 1 января 1975 г.) ввела у себя общую систему преференций, к тому же ограничив ее применение рядом существенных оговорок. Так, в США эти преференции (беспшлинный ввоз товаров примерно по 2700 позициям американского таможенного тарифа) были ограничены суммой 25 млн. долл. для каждой отдельной страны по каждому отдельному товару. Кроме того, ОСП в США не распространяется на страны, национализировавшие собственность американских ТНК без компенсации, а также участвующие в экспортных ассоциациях, «нарушающих» снабжение США сырьем, в первую очередь страны ОПЕК. Наконец, эти уступки могут быть в одностороннем порядке отменены президентом в случае «дезорганизации» американского рынка возросшим импор-

том, в первую очередь таких товаров, как обувь, текстиль, чай, сталь, стекло и электроника²¹. В целом же ОСП покрывает лишь 8% импорта из развивающихся стран (без нефти)²², а объем сырья, ввозимого в США в необработанном виде, на 80% превышает ввоз переработанного сырья, хотя еще двадцать пять лет назад это превышение составляло всего 40%²³.

Вместе с тем в протекционистских кругах США даже эти уступки были расценены как крайние и началось движение за их фактический пересмотр на базе исключений, содержащихся в законе 1974 г. «Преференции и другие льготы в области импорта, на которые мы будем готовы пойти», — писал заместитель специального представителя президента на торговых переговорах А. Вольф, — имеют у нас в США весьма резко очерченные пределы», а развивающиеся страны должны «во все большей степени брать на себя полновесные обязательства в рамках нашей торговой системы». Не удивительно, что такой подход завел переговоры между США и развивающимися странами, в частности в ходе «Токю-раунд», в тупик, ибо «протекционистское давление в США концентрируется как раз в тех отраслях, в которых многие относительно передовые развивающиеся страны сумели создать свой экспортный потенциал»²⁴.

США и НМЭП: помощь, передача технологии, транснациональные корпорации

Нерешенность проблем сырьевого экспорта и недостаток средств для развития заставляют развивающиеся страны, особенно не нефтяные, наименее развитые и особо пострадавшие от кризиса 1974—1976 гг., все глубже залезать в долги, общая сумма которых уже превышает 400 млрд. долл. Соответственно программа НМЭП в этой области требует как расширения финансовой помощи, так и особенно облегчения ее условий. В частности, в рамках целевой задачи доведения передачи в развивающиеся страны финансовых средств до 1% ВВП развитых стран она устанавливает «подпотолок» в 0,7% ВВП, который должен быть обеспечен за счет не экспорта капитала или коммерческих кредитов, а льготных межгосударственных займов с максимальной долей безвозвратных субсидий. Кроме того, предлагается списание долгов (хотя бы частичное) с наименее развитых стран, списание процентов со стран, пострадавших от кризиса, продление сроков выплаты и наделение молодых государств средствами СПЗ в размере, большем их официальных квот в МВФ.

США являются главным «донором» капиталистического мира. Однако со временем их доля в общем объеме помощи начала заметно сокращаться, и ныне США занимают по ее относительному объему лишь 12-е место среди западных стран, выде-

ляя на эти нужды 0,25% своего ВВП. Более того, в общем объеме американской помощи постоянно растет частный компонент, тогда как государственные ассигнования на эти цели в середине 70-х годов были такими же, как в 1962 г., и составляли всего около 4 млрд. долл.²⁵ Приход в Белый дом Картера ознаменовался рядом широкозвучающих заявлений о необходимости расширения и упорядочения государственной помощи. Однако достаточно быстро выяснилось, что США готовы расширить помощь молодым государствам, но только на своих собственных условиях, а не на условиях НМЭП. В частности, основное расширение ассигнований было направлено в адрес МБРР и ЮНДЦ, т. е. организаций с преобладающим американским влиянием²⁶. И наоборот, США выступили против любого моратория на платежи или списания долгов развивающихся стран под предлогом, что это «подорвало бы доверие» к этим странам как к заемщикам со стороны частных банков. Кроме того, по мнению США, от такого списания выиграли бы в наибольшей степени те страны, которые набрали наибольшую сумму долгов, т. е. проводили «недостаточно ответственную» финансовую политику. США выступили и против наделяния молодых государств сверхпропорциональными объемами СПЗ; как выразился Р. Кулер, «регулирование валютных дел и передача ресурсов для развития не должны смешиваться»²⁷. Наконец, представителям США в ООН было поручено заявить, что способность США оказывать помощь зависит прежде всего от состояния американской экономики, а сама эта экономика страдает ныне от высоких цен на сырье и топливо²⁸, т. е. вопрос о помощи был вновь «увязан» с требованиями обеспечения гарантированного снабжения страны сырьем по «приемлемым» ценам, что делало перспективы ее дальнейшего расширения (облегчения) достаточно неопределенными.

Программа установления НМЭП уделяет особое внимание необходимости расширения и облегчения передачи развивающимся странам современной технологии как важного фактора ускорения экономического роста и индустриализации их экономики и экспорта.

Молодые государства в своих требованиях настаивают на оказании им содействия в создании собственной базы науки, в праве выбора технологии и приспособления ее к местным условиям, ввоза технологии без ее обязательной привязки к допуску в страну иностранного капитала. Они выступают также за реформу международной патентной системы дабы сбалансировать права иностранных патентовладельцев с их обязанностями практически внедрять запатентованную технологию в местную экономику. Наконец, НМЭП, в том числе решения VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН и IV сессии ЮНКТАД, требует разработки и принятия «Кодекса поведения» в области передачи технологии, устанавливающего ос-

новные справедливые нормы такой передачи, исключаящие неравноправие и ограничительную деловую практику в этой области, причем положения этого кодекса должны распространяться как на международные сделки, так и на передачу технологии с филиалов ТНК внутри развивающихся стран (более подробно см. гл. IX).

Политика США, на долю которых приходится около 60% экспорта технологии, имеет ключевое значение для исхода любых переговоров в этой области. Однако такое технологическое лидерство делает их позицию особенно жесткой. Так, признавая право молодых государств на выбор импортируемой технологии и ее адаптацию, а также согласившись на сотрудничество с рядом региональных центров по передаче технологии, основанных молодыми государствами, США по-прежнему настаивают на том, что главным и оптимальным каналом такой передачи является допуск в их экономику капиталов ТНК. Соответственно США выступают и против сколько-нибудь радикальной реформы международной патентной системы, призывая за ней прежде всего цель «должной охраны технологии, находящейся в частной собственности»²⁹.

Что касается «Кодекса поведения», то, ссылаясь на все те же принципы «свободы предпринимательства», США решительно возражают против его обязательного характера. «Правительство США не может диктовать американским компаниям, куда и как они должны передавать технологию,— заявлял, например, Э. Янг.— Решения этих фирм об экспорте капитала или технологии зависят только от них. Однако в значительной степени они зависят и от условий, созданных для этого самими принимающими странами»³⁰. На этом последнем основании США, даже при факультативном варианте кодекса, настаивают на обусловливании передачи технологии «взаимностью» со стороны развивающихся стран в деле создания благоприятного «инвестиционного климата». Одновременно они резко протестуют против распространения кодекса на операции филиалов ТНК США внутри развивающихся стран, равно как и стремятся всячески сузить перечень видов ограничительной деловой практики, которые кодекс призван поставить вне закона. В частности, из 44 видов такой практики, перечисленных в проекте «Кодекса», представленном «группой 77», американская делегация в ЮНКТАД соглашается вести переговоры лишь о 22³¹. Вывод же из-под кодекса операций филиалов ТНК вообще бы лишил этот документ смысла, ибо 85—90% всего экспорта американской технологии идет именно в адрес связанных с ТНК фирм, в том числе $\frac{3}{4}$ в адрес их филиалов³².

Особенно остро для США в контексте НМЭП стоит вопрос о транснациональных корпорациях. Будучи типично американским явлением, эти корпорации выступают ныне как ведущая сила в удержании экономических позиций США и поэтому поль-

зуются прямой финансовой и дипломатической поддержкой государственного аппарата. В 1976 г. из 422 ТНК-миллиардеров 223 были американскими по базированию или прохождению и обеспечивали около половины экспорта и четверти импорта страны, в том числе львиную долю импорта сырья, а также получения прибыли по иностранным капиталовложениям³³.

Однако подобная роль ТНК как «экспедиционного корпуса» неокolonизма хорошо известна и самим развивающимся странам. «За исключением, пожалуй, ЦРУ,— писал журнал „Тайм“,— ни одно американское изобретение не вызывает в мире столько подозрений, недоверия и нареканий, как международная корпорация»³⁴. Именно поэтому в рамках НМЭП, а также «Хартии экономических прав и обязанностей государств», принятой на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, эти страны при прямой поддержке социалистических потребовали обеспечения своего полного суверенитета над национальными природными ресурсами, безусловного права контролировать и регулировать операции ТНК на своей территории, причем на базе национального законодательства с целью подчинения их планам и нуждам развития. В этой связи Комиссия ООН по транснациональным корпорациям было поручено в качестве первоочередной задачи разработать «Кодекс поведения» для ТНК и создать развернутую систему информации о их деятельности.

Развивающиеся страны при поддержке социалистических требуют, чтобы этот кодекс носил обязательный характер, был направлен в адрес ТНК и содержал развернутый перечень норм, исключающих вмешательство ТНК во внутренние дела суверенных государств, ограничительно-практику в торговле, злоупотребления против профсоюзов и потребителей, а также обязывающих ТНК следовать национальным приоритетам и планам развития государств, строго выполнять налоговое, валютное, процессуальное законодательство и сообщать правительствам объем информации, достаточный для эффективного контроля над их деятельностью. Первоначально США выступали против такого кодекса в принципе, исходя из все той же «вредности» государственного вмешательства в частнопредпринимательские дела. Однако поведение собственных ТНК, в том числе в период энергетического и валютного кризисов, когда оно сплошь и рядом шло вразрез с интересами страны, а также наплыв в США ТНК Западной Европы и Японии побудили правительство пересмотреть свою точку зрения и согласиться с выработкой в ООН какого-то документа, регулирующего их деятельность.

Однако такой документ, в понимании американской стороны, должен быть не обязательным, а факультативным, обращенным не только к корпорациям, но и к правительствам, причем последнее необходимо для того, чтобы обязательства ТНК по кодексу «балансировались» встречными льготами, в том числе созданием для них благоприятного инвестиционного климата,

режима деятельности, одинакового с местными предприятиями, и практической неподсудности споров по инвестициям в местных судах³⁵. Легко заметить, что в данном случае речь идет не об обуздании ТНК, а скорее об обеспечении их реванша в борьбе с молодыми национальными государствами, наделяя частные компании «квазисуверенными» правами за счет ущемления национального суверенитета развивающихся стран. В итоге Комиссия ООН по ТНК пока не продвинулась дальше составления примерных тезисов «Кодекса» и не укладывается в сроки, первоначально отведенные для его разработки.

Контурь политики на будущее

Несмотря на всю «жесткость» фразеологии и акций администрации Картера предложенная ею позиция США в отношении НМЭП не могла быть окончательной. В политических и деловых кругах страны отнюдь не прекращалась дискуссия о путях ее дальнейшей эволюции, ибо американская буржуазия отчетливо осознает, что будущее соотношение классовых сил в мире в сильнейшей степени зависит от того, по какому социальному пути пойдут молодые государства. «Наш долг,— становил в этой связи сенатор А. Рибикофф,— продолжать помощь развивающимся странам, с тем чтобы они стали настоящими партнерами в экономике западного мира»³⁶, т. е. были бы удержаны и закреплены в капиталистической системе хозяйства.

Необходимость заплатить какую-то дополнительную цену для достижения устойчивого компромисса с национальной буржуазией развивающихся стран диктуется для США еще и экономическими соображениями, ибо за последние годы торговля с ними стала самой динамичной зоной внешнего товарооборота США, и, например, Мексика закупает американских товаров больше, чем ФРГ, а Бразилия — больше, чем Франция³⁷.

Основная ставка в достижении возможного компромисса делается на последовательное «обуржуазивание» развивающихся стран изнутри, однако немалая роль отводится и содействию этому процессу извне, в том числе со стороны самих США. Соответственно эксперты Атлантического совета рекомендуют в этой связи своеобразный вариант теории «наведения мостов» с теми развивающимися странами и территориями, «которые на практике убедились, что они разделяют возрастающую общность интересов с развитыми странами по многим проблемам современной экономики»³⁸.

В представлении политических и деловых кругов США, это в первую очередь Саудовская Аравия, Кувейт, Египет, ОАЭ, Пакистан, Филиппины, Таиланд, Южная Корея, Тайвань, Бразилия, Мексика, Аргентина, Уругвай, Заир, Чили и ряд

других стран и территорий, но прежде всего «мы должны, — подчеркивал Р. Купер, — продолжить наши усилия по интеграции в мировую экономическую структуру... ключевых стран ОПЕК», которым Картер соглашался даже предоставить «более полноправное участие в процессе принятия решений на глобальном экономическом уровне»³⁹.

Подобный сценарий развития событий, видимо, несколько меняет и сам взгляд американских политиков на формы расчленения единого блока развивающихся стран. Речь, как подчеркивают эксперты Атлантического совета, сейчас идет не о том, чтобы «заставить... Бразилию или Аргентину вступить в члены ОЭСР» и тем структурно оторвать их от «группы 77». Наоборот, они считают, что эти страны должны по-прежнему организационно оставаться в развивающемся лагере, изменяя изнутри его позицию в целом, что уже проходит проверку на действенность в виде особой роли Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов внутри ОПЕК. При этом самым активным образом предполагается использовать также орудия внешней политики, как поставки оружия, продовольственная помощь и передача технологий.

В свою очередь, применительно к конкретным переговорам с «группой 77» эксперты Атлантического совета предлагают более тщательно прорабатывать все предложения, координировать тактику выступлений на отдельных форумах, чаще применять «пакетные» соглашения, т. е. обмен разнохарактерными уступками, эквивалентными в их общей массе. Тактически рекомендуется делать большую ставку на «прагматические» компромиссы, неофициальные переговоры, предварительные и текущие консультации с «наиболее заинтересованными» членами группы и т. д.⁴⁰. Другими словами, США, полагавшиеся ранее прежде всего на двусторонние инструменты давления, начинают активно учиться искусству многосторонней экономической дипломатии.

В этой связи в стране множатся призывы к отказу от прежней недооценки роли ООН. Критикуя госдепартамент и Белый дом лишь за «эпизодическое» и «маргинальное» внимание к этой организации, известный американский политолог Ч. Мейнс отметил, что дебаты в ООН приобрели такой международный резонанс, что сказывается повсюду вне этого форума, и потому ООН заслуживает «гораздо более серьезного отношения, чем в прошлом», вплоть до выработки особой «основной политики» как части общей внешней политики прежней администрации⁴¹.

Вместе с тем все эти «технические» улучшения упирались во взятый администрацией Картера «жесткий курс», который активно подогревался реакционными кругами внутри страны. «Фактически в своих отношениях со странами третьего мира правительство Картера неоднократно давало слишком много и получало в ответ черную неблагодарность, — писала, например,

„Вашингтон Пост“.— Все страны третьего мира принимают политические уступки со стороны американцев как нечто должное, а затем выдвигают свои требования. Распространилась молва, что противодействие Вашингтону безнаказанно сходит с рук»⁴². В итоге в лице США развивающиеся страны сталкиваются ныне с «партнером... замкнувшимся в национальном эгоизме»⁴³, да еще вновь размахивающим «большой дубинкой».

Как представляется, подобная политика имперского, старокolonиального типа не имеет будущего. Она может лишь раз подтвердить известную формулу Ф. Энгельса о том, что, если государственная политика направлена «против экономического развития, тогда... она терпит крах через известный промежуток времени»⁴⁴.

В этих условиях дипломатия США, находя в этом живейшую поддержку Пекина, все чаще пытается прибегать к отвлекающим демонстрациям, рассуждая на тему о том, что Запад не должен начинать выполнение перед развивающимися странами никаких обязательств, пока они не будут в аналогичном объеме приняты и социалистическими странами. «Никакая группа стран, — заявлял Э. Янг, — не может отвергать ответственности за участие в общих усилиях», направленных на развитие, а З. Бжезинский и эксперты Атлантического совета при этом прямо поясняли, что речь идет о «странах с централизованно планируемой экономикой»⁴⁵. При этом конкретно социалистическим странам предписываются «обязательства» о выделении на помощь в 1% их ВВП, причем даже не в двустороннем порядке, а во многом через каналы контролируемой Западом многосторонней помощи, в том числе через МБРР, о «либерализации» монополии внешней торговли, о присоединении к МВФ и т. д.

Однако подобные инсинуации дают их инициаторам все меньший эффект. Набираясь политического опыта, развивающиеся страны, движение неприсоединения все четче различают своих естественных союзников и противников, убеждаются, что в современном мире налицо не только две противоположные социально-экономические системы, но и два принципиально разных подхода с их стороны к хозяйственным отношениям с развивающимися странами. Что касается стран социализма, то «борьба за равноправные политические и экономические отношения и сотрудничество развитых государств с бывшими колониальными и зависимыми странами — отношения, какие уже давно установились с ними у социалистических государств, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — есть важная часть общего интернационального долга наших партий»⁴⁶. Что же касается США, то, например, на V сессии ЮНКТАД они голосовали против шести из 32 резолюций, предложенных развивающимися странами, и еще по трем воздержались от голосования, противопоставив себя этим странам почти в каждом третьем случае⁴⁷.

С тех пор курс США в отношении освободившихся стран стал еще более жестким и агрессивным. И потому все вышесказанное — лишь преддверие тех испытаний, которые еще предстоит пройти американской политике, игнорирующей реальности современной эпохи.

Глава 8

НЕКОТОРЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОЛИТИКА США В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Глубокие качественные сдвиги в расстановке сил на мировой арене в 70-е годы наряду с появлением у человека вследствие научно-технического прогресса небывалых возможностей воздействия на окружающую среду привели к обострению и выдвиганию на уровень мировой политики так называемых глобальных проблем.

Наиболее серьезными из них американские ученые и политические деятели считают нераспространение ядерного оружия, сырьевую, энергетическую, валютно-финансовую и продовольственную проблемы, проблемы регулирования роста народонаселения планеты, развития освободившихся стран, исследования и использования ресурсов Мирового океана, морского дна, космоса, Антарктики, охраны окружающей среды, контроля над производством и сбытом наркотиков и некоторые другие.

Очевидна неоднородность проблем, включенных в этот список. Но прежде чем говорить об особенностях, надо попытаться дать определение тому общему, что их объединяет. Суть этих проблем состоит в столкновении интересов различных государств или их группировок в использовании или недопущении использования экономического, научно-технического и военно-стратегического потенциалов других государств, их групп или «общечеловеческого достояния» (Мирового океана, космоса и т. п.) в условиях невозможности применения военной силы в качестве средства принуждения.

Что же касается особенностей, то по ним можно было бы выделить две основные группы проблем. К первой можно отнести проблемы, порожденные научно-техническим прогрессом, достигшим уровня, делающего возможным и необходимым участие большинства, а впоследствии и всех государств планеты в организации использования его достижений в интересах и на благо всего человечества.

Ко второй группе следует отнести такие проблемы, как валютно-финансовая, сырьевая (включая энергетическую), продовольственная, ограничения темпов роста населения в развивающихся странах и их развития в целом. Эти проблемы и их обо-

стрение до кризисного состояния порождены не столько научно-техническим прогрессом и природно-географическими условиями, сколько господством стихийных частнокапиталистических отношений. Научно-технический прогресс, стимулируя потребление природных ресурсов Земли, в то же время способствует созданию новых материалов, источников энергии и т. п. Научкой созданы высокоэффективные средства увеличения сельскохозяйственного производства и контроля над рождаемостью. Внедрить же их в действительно глобальных интересах мешают имманентные законы капитализма. Проблемы второй группы порождены глубокими структурными кризисами мирового капиталистического хозяйства, тесно связаны с широким экономико-политическим кризисом в отношениях двух входящих в него групп государств. Поэтому трактовка подобных проблем американскими учеными и политиками как глобальных требует двух серьезных оговорок, касающихся, во-первых, определения того, что понимается ими под глобальными интересами при поисках решения этих проблем, и, во-вторых, места и роли социалистических стран в этом процессе¹.

Как внешнеполитическая мысль Соединенных Штатов, так и их конкретная политика при постановке этих проблем и поисках их решения исходят прежде всего из изменившегося международного положения США в 70-е годы. А оно определялось тремя основными факторами: общим изменением соотношения сил в мире в пользу социализма, обострившимся кризисом в отношениях между развитыми капиталистическими и развивающимися странами и ослаблением ведущих позиций США в группе империалистических государств. Исходя из этого США стремились использовать как сами эти проблемы, так и пути и методы их решения для укрепления системы капитализма в целом и своих позиций в ней. Глобальные интересы поэтому отождествляются с интересами сохранения и укрепления мирового капитализма, а значит, и с долгосрочными интересами США.

Подробное рассмотрение подхода США к решению сырьевой и продовольственной проблем представляет в данной книге особый интерес по нескольким причинам. Во-первых, эти проблемы в отличие, например, от валютно-финансовой непосредственно и в первую очередь затрагивают отношения США с развивающимися странами. Во-вторых, эти проблемы тесно взаимосвязаны, поскольку увеличение сельскохозяйственного производства в развивающихся странах, как, впрочем, и в других, невозможно без обеспечения их в достаточном количестве горючим и удобрениями. И, в-третьих, общие социально-экономические истоки этих двух проблем в сочетании с природно-географической спецификой и особенностями исторического развития стран, входящих в мировое капиталистическое хозяйство, обусловили, по сути дела, диаметрально противоположность в расстановке сил.

Соединенные Штаты, являясь крупнейшим экспортером продовольствия, зависят в то же время от импорта многих видов минерального сырья и нефти. Многие страны — члены ОПЕК и экспортеры минерального сырья сохраняют крайне отсталую и неэффективную систему сельскохозяйственного производства, покрывая по мере возможностей нехватку продовольствия за счет импорта. В то же время большинство развивающихся стран вынуждено импортировать как сырье, особенно энергетическое, так и продовольствие.

Сырьевая (включая энергетическую) и продовольственная проблемы стали для американских исследователей и политиков ярким примером глубокой взаимозависимости как самих проблем, так и государств в процессе их решения. Тот факт, что они являются интегральной частью более широкой проблемы развития освободившихся стран, определил общность предлагаемых в долгосрочном плане организационных форм и методов их решения. Основной задачей здесь выдвигается создание международного организационного механизма, адекватного характеру и масштабам проблемы, который бы осуществлял регулирование мирового производства и распределения сырья и продовольствия. Необходимым условием для этого, по мнению американских специалистов, становится, очевидно, передача государствами национального суверенитета в этих вопросах или его части международным организациям.

Основной целью в решении продовольственной проблемы является устранение голода и обеспечение нормального питания населения Земли. Средством достижения этой цели американские специалисты считают решение трinedной задачи: резко увеличить сельскохозяйственное производство в развивающихся странах и одновременно снизить темпы, а затем и остановить рост их населения, а также упростить и рационализировать диету населения развитых стран. Поскольку технические возможности решения первых двух тесно взаимосвязанных задач, как показала, в частности, «зеленая революция», в принципе имеются, на первый план выдвигается устранение социальных препятствий на пути ее реализации. Основной вклад в увеличение сельскохозяйственного производства, по мнению американских специалистов, должны внести мелкие фермы в развивающихся странах, а для этого нужны глубокие социальные реформы, прежде всего земельная, в области здравоохранения, образования, пересорентация всей социально-экономической политики государства на обеспечение интересов крестьянства. Улучшение материального положения основной массы населения развивающихся стран наряду с социальным освобождением женщин приведет к снижению рождаемости².

Отсюда следует, что Соединенные Штаты должны использовать свою позицию крупнейшего экспортера продовольствия для того, чтобы побудить правительства развивающихся стран

к проведению необходимых реформ. По мнению Л. Брауна, например, США должны оказывать продовольственную помощь главным образом в случаях стихийных бедствий, поскольку ее доступность «позволяла правительствам откладывать трудные сельскохозяйственные реформы». Более того, в моменты «международных критических ситуаций» с продовольствием, когда оказание такой помощи для лидеров развитых стран политически осложняется, США вправе потребовать в обмен от правительства развивающихся стран заверений в том, что они «предпримут серьезные и искренние усилия для быстрого и существенного уменьшения рождаемости»³.

В международном плане США должны возглавить усилия по созданию системы мировых резервов продовольствия, обмену информацией и прогнозированию потребностей, а также по выработке принципов, определяющих международные обязательства экспортеров продовольствия в критических ситуациях. Выработка таких принципов в области, где доминируют США, «создала бы важный прецедент большого потенциального значения в поисках решения проблемы доступа к продовольственным ресурсам»⁴, т. е. в обмен на это можно было бы потребовать от развивающихся стран подобных обязательств по доступу к источникам сырья и энергии.

Обеспечение этого доступа объявляется главным направлением решения сырьевой и энергетической проблемы. Цель здесь состоит в достаточном снабжении всех стран сырьем и энергией по «разумным ценам», а для этого необходимо обеспечение эффективного с глобальной точки зрения их производства. Поскольку необходимым для этого капиталом, технологией и оборудованием обладают западные, и прежде всего американские, монополии, им должен быть предоставлен беспрепятственный доступ к месторождениям во всем мире и даны гарантии от национализации. В этом случае, по мнению американских специалистов, рыночный механизм, освобожденный от внешнеэкономических ограничений, приведет к удовлетворению мирового спроса на сырье и энергию по оптимальным с глобальной точки зрения ценам.

«Учитывая потенциальную важность американской технологии в решении мировой энергетической проблемы, — пишет, например, Дж. Хоу, — достойно всеобщего сожаления, что американские и глобальные интересы часто не воспринимаются как в конечном счете идентичные. Существующая смесь глобально неэффективных энергетических политик есть часть цены, которую мир платит за нефтяной картель (имеется в виду ОПЕК. — Авт.), цены, которую надо сравнить с ценностью картеля как средства возмещения — хотя и очень неравномерного — за прошлые несправедливости в распределении глобального дохода»⁵.

Таким образом, не обладая в вопросах минерального и энергетического сырья позицией явного превосходства, США

выдвигают тезис о тождественности своих и глобальных интересов. А раз так, то развивающиеся страны должны быть заинтересованы в обеспечении свободы действий американских и других транснациональных монополий на их территории.

Конкретная политика США в 70-е годы в области сырья и продовольствия представляла собой серию противоречивых акций, отражавших как борьбу новых идей, основанных на глобальном подходе к проблемам с традиционным политическим мышлением, так и определенное несоответствие между долгосрочными и краткосрочными политическими и экономическими целями.

Сырьевые аспекты политики США в развивающихся странах

В настоящее время Соединенные Штаты обладают запасами многих полезных ископаемых, но по ряду причин экономического порядка считают более рациональным импортировать их в значительных количествах из-за границы. Огромным потенциальным резервуаром сырья для США являются развивающиеся страны. В конце 70-х годов развивающиеся страны давали треть общего объема американского сырьевого импорта⁶. Две трети сырья вывозилось из развитых капиталистических стран, в основном из Канады, ЮАР и Австралии. Но уже в ближайшем будущем картина может измениться. Что касается Канады, то ее ресурсы быстро истощаются, поскольку они интенсивно эксплуатируются в течение длительного времени; в ЮАР политические осложнения не позволяют строить долговременные расчеты на стабильные поставки сырья.

Анализ динамики роста добывающей промышленности в самих США в 70-е годы показывает очень незначительное ее увеличение. Индекс производства минерального сырья в США в этот период составил (1970 г.—100): 1971 г.—98, 1972 г.—101, 1973 г.—102, 1974 г.—103, 1975 г.—101, 1976 г.—102, 1977 г.—105, 1978 г.—111⁷. В то же время в большинстве развивающихся стран добывающие отрасли развивались быстрыми темпами. В связи с этим Соединенные Штаты будут вынуждены в будущем постоянно увеличивать объем своего сырьевого импорта из развивающихся стран.

В основе обостряющейся проблемы нехватки сырья на мировом капиталистическом рынке лежат три причины: во-первых, непрерывный, хотя и неравномерный рост промышленности и в связи с этим колоссальный расход сырья и энергии, что привело к относительному истощению их в Соединенных Штатах; во-вторых, дальнейшее неконтролируемое техническое развитие капиталистических стран, результатом которого стало нерациональное и часто хищническое расходование сырьевых и

Таблица 1

Сырьевой импорт США из развивающихся стран
в % от общего импорта сырья*

Сырье	1976 г.	Январь—октябрь 1979 г.**
Железная руда	41	35
Марганец	82	76
Хром	50	57
Вольфрам	64	52
Бокситы	97	100
Медь	33	81
Свинец	42	59
Цинк	30	35
Олово	100	85
Бериллий	48	64
Колумбий	62	50
Каучук	100	100

* Подсчитано по: «U. S. General Imports. Schedule of Commodity by Country». 1977, January 1980 (Таможенная статистика США).

** Показатели импорта из развивающихся стран за 1979 г. неполные, только за 10 месяцев, но они свидетельствуют о том, что в целом импорт не сокращается, а в отдельных случаях возрастает.

энергетических ресурсов; в-третьих, распад колониальной системы, нарушивший уже установившуюся схему извлечения сырья крупными капиталистическими странами из недр своих бывших колоний, которые сейчас проявляют все большую самостоятельность в решении проблемы использования собственных природных ресурсов.

Именно поэтому американские правящие круги ставят вопрос о возможности какой-то альтернативы, которая бы ослабила их перспективную сырьевую зависимость от развивающихся стран. Поиск идет в двух направлениях: во-первых, создание синтетических заменителей — это не новый метод, он применяется давно и успешно, но его негативная сторона состоит в том, что для производства синтетических заменителей тоже требуется сырье, в основном нефть и газ; во-вторых, освоение ресурсов Мирового океана (разработка марганцевых конкреций⁸ на больших глубинах). Это, как считают ученые, очень многообещающее, но пока слишком дорогостоящее предприятие. Когда начнется коммерческая разработка глубинных месторождений, то полученный из конкреций металл будет много превышать его мировое потребление.

В конце 70-х годов на развивающиеся страны приходилось от 30 до 80% американского импорта железной руды, хрома, марганца, вольфрама, свинца, цинка, меди, более 80% — оло-

ва, кобальта, каучука и т. д. Эти страны поставляют значительную часть редких металлов — стронция, фтора, ртуты, селена, висмута, бария, тантала, ванадия, бериллия, ниобия, теллура, тория и др., которые имеют широкое применение в современных отраслях, непосредственно связанных с научно-техническим прогрессом. Цифры (даже без главного энергетического сырья — нефти) свидетельствуют о том, что сырьевая продукция развивающихся стран является неотъемлемой частью американской экономики (табл. 1).

Основными поставщиками сырья в США среди развивающихся стран являются три региона: Латинская Америка, Африка, Южная и Юго-Восточная Азия. Они располагают всеми видами полезных ископаемых. Правда, условия добычи и транспортировки сырья, удаленность месторождений от портов и самих этих регионов от потребителей в США очень различны. Это обуславливает степень и объем связей американских монополий с добывающими отраслями этих регионов, но только отчасти. Существуют еще политические факторы (смена режимов, национализация имущества американских компаний, ограничение правительства ряда развивающихся стран добычи и использования природных ресурсов компаниями иностранных государств и т. д.), которые в последний период сильно изменили структуру взаимоотношений США с развивающимися странами в сырьевой области.

Первое место среди названных регионов как источник различного сырья занимает Латинская Америка. Ее ведущая роль объясняется, во-первых, территориальной близостью, во-вторых, исторически сложившимися связями, поскольку колонизация региона началась Соединенными Штатами еще в XIX в. и американские монополии пустили здесь прочные корни. Экономика региона существенно зависит от американского капитала и в большинстве стран носит экспортно-сырьевой характер. Американские инвестиции в добывающую промышленность стран Латинской Америки в 1976 г. составили 1600 млн. долл.⁹

Африка представляет относительно новую сферу деятельности для американского капитала в добывающей промышленности. До сих пор в этом регионе сильные позиции сохраняют западноевропейские монополии. Но американские компании в силу своей финансовой мощи и разветвленных связей с международным капиталом за 70-е годы достигли больших успехов во внедрении в различные отрасли африканской промышленности. В 1976 г. американские капиталовложения в горнодобывающую промышленность Африки составили 534 млн. долл. из общей суммы американских капиталовложений более 4,0 млрд. долл. Американские монополии заняты в африканских странах добычей таких ценных полезных ископаемых, как кобальт, алмазы, железная руда, медь и др.

Страны Африки располагают большими запасами урана, ко-

торый, как полагают американские специалисты, в недалеком будущем составит значительную часть американского сырьевого импорта из Африки. Соединенные Штаты заключили соглашения о разработке урановых месторождений с Центральноафриканской Республикой и рядом других стран Тропической Африки, закрепляя свои позиции в этой важной отрасли.

Юго-Восточная и Южная Азия сравнительно давно используются Соединенными Штатами как источники различных видов сырья. Это регион, хорошо освоенный американскими монополиями. Его страны обладают большими запасами (в % от мировых запасов) олова — 51, вольфрама — 24, железной руды — 15, меди — 7, хрома — 2, марганца — 3, слюды — 20; около 90% натурального каучука США вывозят из Юго-Восточной Азии¹⁰.

В первой половине 70-х годов отмечалось некоторое ослабление интереса Соединенных Штатов к использованию сырьевых ресурсов данной группы стран. Это объясняется прежде всего политической нестабильностью в этом районе мира, которая создала серьезную угрозу американским инвестициям, и прежде всего в горнодобывающей промышленности.

Во второй половине 70-х годов в американской сырьевой политике наметилась новая тенденция. Речь идет о «разделе сфер влияния» с Японией, которая из всех крупных промышленных развитых государств, союзников и партнеров США, является ближайшим соседом стран, расположенных в Южной и Юго-Восточной Азии. Финансовое состояние японских монополий позволяет им осуществлять крупные капиталовложения в добывающие отрасли. К тому же эта сфера чрезвычайно интересна Японии, не имеющую собственного сырья.

Возрастание участия японских капиталов в добывающей промышленности азиатских стран не противоречит в целом американской сырьевой политике, так как Япония — основной союзник и партнер США в Тихоокеанском бассейне, который призван обеспечить экономическую и политическую «стабильность» стран ЮВА, чтобы способствовать созданию здесь зоны капиталистического развития и ограничению экономического общения стран региона с социалистическими странами.

В 70-е годы в отношениях США с развивающимися странами наблюдаются явления, изменяющие формы американской зависимости от сырьевых ресурсов этих стран.

Монополии США нуждаются не только в увеличении производства сырья в этих странах, но и в своем более непосредственном участии в процессе промышленного производства, для чего они вынуждены способствовать развитию необходимой производственной инфраструктуры, т. е. определенной индустриализации этих стран. Это ведет к тому, что американские монополии резко увеличивают инвестиции в обрабатывающую промышленность по сравнению с добывающей, так как обработка сырья и даже производство целого ряда продуктов из него происходят

на месте. Создается единая цепь от добычи сырья до производства полуфабриката, а иногда и готового продукта.

Сосдиненные Штаты импортируют уже полуфабрикат или готовый продукт, что в данном случае становится скрытой формой импорта сырья. Это явление получает распространение прежде всего в странах Латинской Америки с их относительно более высоким уровнем развития по сравнению с большинством стран Азии и Африки. Существует другой вариант, когда сырье из отрасли, в которой преобладают американские капиталы, направляется в третью страну и затем в виде готового продукта ввозится в США. Примером этого может служить хромодобывающая промышленность Юго-Восточной Азии, контролируемая американским капиталом. Импорт хрома с Филиппин составляет приблизительно 11—13%¹¹ американского импорта, большая часть хрома вывозится в Японию, а потом в виде высококачественной стали поступает в США. В сущности, это тоже завуалированная разновидность импорта сырья, приобретающая все более широкое распространение.

Таким образом, нет серьезных оснований утверждать, что американская зависимость от развивающихся стран в сырьевой области уменьшается, как это иногда пытаются изобразить государственные деятели в Вашингтоне. Новые противоречивые процессы, происходящие в капиталистическом обществе, новые способы и средства, применяемые американскими монополиями в развивающихся странах, создают благоприятную обстановку для таких утверждений, хотя на деле прямой импорт сырья Соединенными Штатами из развивающихся стран всего лишь уступает место новым формам и выступает в замаскированном варианте.

Для ограждения своих сырьевых ресурсов от разграбления их монополиями развивающиеся страны вынуждены предпринимать определенные действия. К ним можно отнести:

1) создание региональных организаций. В Юго-Восточной Азии это Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в Латинской Америке — Андская группа, Латиноамериканская экономическая система (ЛАЭС), Карибский общий рынок (КОР) и др., в Африке — Организация стран бассейна р. Сенегал, «Союз реки Мапо» (в Западной Африке) и др.

Пока что в развивающихся странах слабо проявляются интеграционные процессы. По существу, интеграция находится в состоянии становления, и ее экономическая отдача для развивающихся стран невелика. Кроме того, Соединенные Штаты ведут двойственную политику. С одной стороны, они поддерживают некоторые из этих организаций, например АСЕАН, с другой — американские государственные деятели при всяком удобном случае пытаются внести раскол в совместные действия развивающихся стран, предотвратить их координированные акции;

2) создание ассоциаций производителей, которое отразило особенность новой расстановки сил в сфере международной торговли сырьем, когда прежде зависимые страны, обретя политическую самостоятельность, встали на путь ограждения своих экономических интересов.

В настоящее время функционирует уже много ассоциаций стран — экспортеров сырья: Международная ассоциация бокситодобывающих стран (МАБС), Межправительственный совет стран — экспортеров меди (СИПЕК), Ассоциация стран — производителей натурального каучука и др. Правда, пока их деятельность менее эффективна, чем результаты деятельности ОПЕК. Это объясняется, во-первых, наличием ряда важных видов сырья и в развитых капиталистических странах, во-вторых, значительными разногласиями между самими развивающимися странами, что и используют Соединенные Штаты. Тем не менее можно видеть уже определенные результаты: алюминиевые фирмы, например, вынуждены сейчас платить добывающим странам, объединившимся в МАБС, втрое больше, чем раньше, в результате повышения налога на добычу;

3) национализация собственности американских компаний. Эта мера, как и другие, не может пока проводиться последовательно, так как финансовые и технологические рычаги остаются в руках американских монополий. Но она является свидетельством того, что на более высоком уровне экономического развития эти страны смогут заставить США платить истинную цену за их природные богатства.

Так, правительство Гайяны национализировало с компенсацией две американские компании по добыче бокситов. Правительство Ямайки установило повышенный налог на экспорт бокситов, что увеличило поступления в бюджет на 428%, оно приобрело также 51% акций в горнорудных предприятиях компаний «Кайзер Алюминум», «Рейнолдз Металз» и «Алкоа». В Замбии установлен контроль над предприятиями горнорудной промышленности путем выкупа контрольного пакета акций американских горнорудных и местных компаний. В 1974 г. правительство Замбии завершило приобретение контрольного пакета акций в горнорудной промышленности страны, создало национальную корпорацию по сбыту металлов (меди, кобальта, германия) и добилось соглашения с американскими монополиями о полной передаче замбийскому государству контроля над медными рудниками.

Таких примеров, где национальными правительствами осуществляется более или менее эффективный контроль над деятельностью американских компаний в сфере добычи и вывоза сырья, достаточно.

Именно это послужило основой острой борьбы между Соединенными Штатами и развивающимися странами, ведущейся в ООН и других международных организациях. Новой и опреде-

ляющей чертой позиции всех развивающихся стран стало их растущее единство по вопросам национального суверенитета над сырьевыми ресурсами и контроля над ценами на рынках сырьевых товаров. Эту черту отметили сами американцы: «Солидарность Южного блока исключительно велика, хотя силы и интересы, которые разделяют его представителей, кажется, должны бы быть больше, чем связующие элементы; очевидно, их поведение в отношении высокоразвитых стран символизирует стремление бывших колоний взять реванш»¹².

С начала 70-х годов развивающиеся государства Латинской Америки, Азии и Африки добились больших успехов в признании их полного и неотъемлемого суверенитета над своими природными ресурсами, что было зафиксировано в принятой VI специальной сессией Генеральной Ассамблеи ООН (май 1974 г.) «Декларации об установлении нового международного экономического порядка», а также в «Хартии экономических прав и обязанностей государств».

Основной международной организацией, где рассматриваются вопросы нормализации рынков сырья и происходят главные баталии между Соединенными Штатами и развивающимися странами, является ЮНКТАД, где ведется разработка интегрированной программы для сырьевых товаров с «общим фондом» (см. гл. 7).

Несколько иной аспект сырьевой проблемы был представлен на III Конференции по морскому праву. Она стала ареной борьбы между США и развивающимися странами за право владеть богатейшими ресурсами морского дна. По существу, конференция явилась продолжением решения проблемы сырья в контексте «диалога Север — Юг». Речь идет о праве добывать металлические руды со дна океана, заключенные в марганцевых конкрециях (никель, кобальт, медь и марганец). Зависимость США от импорта этих металлов из развивающихся стран такова: кобальт — около 100%, марганец — 50—60, медь — 60—70, никель — около 10%.

Позиция, занятая США на конференции, характеризуется следующими положениями:

американское правительство предлагает дать приморским странам исключительное право на освоение ресурсов в пределах 200-мильной, так называемой экономической зоны. По оценке доклада Трехсторонней комиссии, в таком случае под юрисдикцию приморских государств попадает территория, равная площади всей земной суши. При этом особенно выпрыгивают США. Территория мировой экономической зоны в целом равна 25 279 тыс. кв. миль, экономическая зона США в случае принятия американских предложений составит 2222 тыс. кв. миль¹³. Надо иметь в виду, что главная концентрация марганцевых конкреций приходится на Тихий океан, и в частности на ту его часть, что расположена между Гавайями и Микронезией. Это

как раз район, где Соединенные Штаты чувствуют себя наиболее уверенно;

американское правительство препятствует попыткам развивающихся стран поставить под международный контроль использование сырьевых ресурсов Мирового океана. Позиция США в данном вопросе характеризуется стремлением защитить интересы американских монополий, готовых приступить к добыче металлов из марганцевых конкреций. Еще 11 августа 1975 г. на Конференции по морскому праву Г. Киссинджер заявил: «Мы не можем откладывать добычу сырья со дна океана слишком надолго. В этом смысле мы и другие нации, способные вести добычу, могут обсуждать соответствующие шаги для защиты своих капиталовложений и гарантии их защиты в будущем договоре»¹⁴. В США эта проблема неоднократно рассматривалась в различных комиссиях конгресса, и каждый раз господствующим было мнение об одностороннем решении американским правительством вопроса о добыче руд со дна океана. Неиреклонную решимость американского правительства освободить минеральные ресурсы океана независимо от исхода Конференции по морскому праву выразил в одном интервью Э. Ричардсон, глава американской делегации на этой конференции. На вопрос американского корреспондента, могут ли США откладывать разработку ресурсов морского дна на неопределенный срок из-за чрезмерно затянувшейся конференции, Ричардсон ответил: «А мы не откладывали, и я думаю, что не будем откладывать разработку технологии или добычу минеральных ресурсов из-за этой конференции. Компании продолжают исследование. И именно по моей рекомендации администрация Картера поддерживает законодательство США, предусматривающее разработку недр в глубоководных секторах океанского дна американскими компаниями при отсутствии международного соглашения»¹⁵. В 1980 г. конгресс принял, а президент Картер подписал закон о предоставлении американским горнодобывающим компаниям права в одностороннем порядке приступить к разработке марганцевых конкреций.

Столь бурная деятельность американских компаний и американского правительства, направленная на скорейшее использование минеральных богатств Мирового океана, что будет обходиться намного дороже, чем добыча этого же сырья в месторождениях на суше, объясняется необходимостью иметь гарантированные поставки, независимые от политической конъюнктуры в развивающихся странах. В 70-е годы многие страны провели национализацию имущества американских компаний или меры, ограничивающие их доходы. А некоторые, наиболее развитые, выразили намерение уменьшить добычу сырья с целью обеспечения собственных запасов. Так, Бразилия заявила, что она собирается ограничить экспорт марганца (а она поставляет США около 40% американского импорта этой руды), чтобы

законсервировать высококачественную марганцевую руду для собственной промышленности¹⁶.

Настойчивое желание Вашингтона диверсифицировать источники сырья, ослабляя при этом зависимость от развивающихся стран, свидетельствует о том большом месте, которое занимают эти страны в обеспечении США сырьем. Это подтверждается в американском исследовании, проведенном Международным институтом экономических исследований, «Сырье и внешняя политика». Авторы пишут: «Иногда доказывают, что США могут обеспечить себя достаточным количеством наиболее важных минералов, полагаясь на такие страны, как Канада, Австралия и Южная Африка, и избранную группу наиболее развитых стран третьего мира. Этот аргумент заслуживает внимания лишь для довольно короткого периода. Что касается долгосрочной перспективы, то такая позиция не привлекает во внимание будущую тенденцию мирового развития и потребность в дополнительных источниках снабжения»¹⁷.

Скорее всего, следует ориентироваться на долгосрочные тенденции, которые усиливают взаимозависимость всех стран мира в сырьевой сфере. Отношения Соединенных Штатов и развивающихся стран являются одним из компонентов этого общего процесса.

Энергетические аспекты политики США в развивающихся странах

Энергетическая проблема занимала ведущее место среди факторов, определявших политику США в отношении развивающихся стран в 70-е годы. Прежде всего именно в сфере энергоресурсов, энергетического сырья произошли наиболее глубокие изменения в характере отношений между странами — производителями и странами — импортерами этого вида сырья. Объединению группы развивающихся стран — производителей нефти — ОПЕК впервые в истории удалось установить национальный контроль над добычей нефти. Эта перестройка добавила в реестр валютно-финансовых проблем капиталистического мира (в результате более чем четырехкратного¹⁸ повышения цен на нефть) проблему нефтедолларов — накопления и рециркуляции долларовых излишков стран — производителей нефти. Крупные дефициты торгового баланса, повышение цен на удобрения привели к осложнению продовольственной проблемы.

Таким образом, энергетическая проблема сопрягается как с некоторыми наиболее актуальными глобальными проблемами (сырьевой, продовольственной), так и со специфическими проблемами капиталистического мира. Обострение до кризисного состояния энергетической ситуации в капиталистическом мире в 70-е годы вызвано отчасти некоторыми объективными реаль-

ностями: истощением природных ископаемых энергоресурсов, быстрым ростом потребления энергии в эпоху научно-технической революции, отсутствием в настоящее время равноценного нефти альтернативного источника энергоресурсов.

По основные причины коренятся в специфике развития мирового хозяйства за пределами социалистической системы.

В течение длительного времени ведущие капиталистические страны предпочитали ориентироваться на хищническую эксплуатацию природных ресурсов развивающихся стран, где комбинация различных факторов (низкая себестоимость добычи и транспортировки нефти, «благоприятный» политический климат в виде прозападных режимов) обеспечивала высокую норму прибыли для нефтяных транснациональных компаний. Но «на рубеже 70-х годов контроль над сырьем, особенно сырой нефтью, стал переходить от западных многонациональных компаний к нефтепроизводящим государствам. Этот сдвиг изменил весь геополитический контекст» — так интерпретировал это изменение один из буржуазных ученых¹⁹.

Начиная с 50-х годов нефть (и отчасти газ) вытеснила уголь, стала наиболее важным энергетическим сырьем капиталистического мира. В 1960 г. на ее долю в энергобалансе приходилось 48%, в 1975 г. — 67%, к 1990 г. ожидается, что эта величина составит 58% всего потребляемого энергетического сырья²⁰. К 1985 г. на долю нефти в этом случае будет приходиться 40% энергобаланса США (50% нефти будет импортироваться), 50% энергоресурсов Западной Европы (70—85% спроса будет удовлетворяться за счет импорта). Для Японии соответствующие цифры составляют 70—75% (70—100% будет приходиться на долю импорта)²¹. Усилится зависимость от импорта нефти развивающихся не нефтяных стран. Таким образом, наиболее характерной чертой экономики капиталистического мира и его периферии на 70-е годы является усиливающаяся зависимость от импорта нефти. А если принять во внимание географическое распределение запасов нефти и газа за пределами социалистической системы (более 70% ее сосредоточено на Ближнем Востоке — табл. 2), то становится ясно, что ближневосточные страны — производители нефти в ближайшие 10—12 лет будут находиться в центре внимания всего капиталистического мира, а отношения с ними — важный военно-стратегический фактор для США.

Соединенные Штаты давно вели борьбу за дешевую ближневосточную нефть как важный источник прибылей нефтяных монополий и рычаг давления на западноевропейские страны, Японию и не нефтяные развивающиеся страны. С 1964 г. прибавилась заинтересованность США в физическом импорте нефти для собственных нужд, а с 1970 г. в связи с отставанием темпов роста внутренней добычи от темпов потребления нехватка нефти в США стала покрываться только за счет импорта, доля ко-

Таблица 2

Основные источники американского нефтяного импорта (1973—1976 гг.)*

Источник импорта	% от импорта США в 1973 г.	% от импорта США в 1976 г.
Западное полушарие		
Канада	21,2	9,4
Венесуэла	18,1	8,5
Карибский бассейн	23,0	17,7
Прочие	1,6	2,3
Всего	63,9	37,9
Восточное полушарие		
Саудовская Аравия	7,8	16,8
Другие ближневосточные страны	5,4	7,6
Нигерия	7,3	13,7
Другие африканские страны	2,6	13,6
Индонезия	3,4	7,6
Прочие	9,6	2,8
Всего	36,1	62,1

* „National Journal“, 1977, vol. 9, с. 447.

торого в потреблении выросла с 23% в 1970 г. до 48% в 1977 г.²²

Одновременно происходит сокращение импорта нефти в США из Западного полушария (импорт из Канады с 1973 по 1976 г. сократился на 54%; из Венесуэлы — на 38%).

Главным источником удовлетворения растущего спроса капиталистической системы на нефть на 80-е годы, по-видимому, будет оставаться Ближний Восток. Особенно ускорился процесс переориентации США на арабские источники нефти после 1973 г., когда были отменены импортные квоты на нефть.

Начиная с 1940 г. ведущие позиции в добыче, переработке и сбыте нефти в капиталистическом мире захватили 7 крупнейших межнациональных нефтяных монополий, так называемые 7 сестер («Стандарт Ойл оф Калифорния», «Эксон», «Тексако», «Галф», «Мобил» со штаб-квартирой в США, «Бритиш Петролеум» и «Ройял-Датч Шелл» — первая английская, вторая — англо-голландская, но обе в значительной степени контролируемые США).

До начала 70-х годов «7 сестер» сосредоточивали в своих руках 80% производства нефти, 70% мощностей по очистке нефти, 65% тоннажа международного танкерного флота²³. Ос-

новным источником огромных прибылей нефтяных монополий были концессии на эксплуатацию нефтеносных полей Саудовской Аравии, шахского Ирана, Кувейта, расположенные на Ближнем Востоке, в районе Персидского залива. Около 90% добываемой нефти вывозилось в сыром виде. Деятельность компаний была практически экстерриториальна.

В условиях обострения общего кризиса капитализма нефтепроизводящие освободившиеся страны в 60-е годы объединились в ОПЕК — организацию стран — экспортеров нефти²⁴, и с этого момента давление на неограниченную власть западных нефтяных монополий стало нарастать. Кульминацией их были события на Ближнем Востоке начала 70-х годов, суть которых состоит в следующем. В 1968 г. была создана ОПЕК — организация, объединившая арабские страны — производители нефти. Если сферой деятельности ОПЕК являлась выработка общей стратегии стран — производителей нефти в отношении многонациональных нефтяных монополий и стран-потребителей, то ОПЕК координировала на региональном уровне политику арабских нефтедобывающих стран. С 1970 г. Ливия начала осуществлять повышение цен на нефть (с 1,6 долл. до 4,6—6 долл. за баррель). Опасаясь, что другие страны ОПЕК последуют ее примеру, «7 сестер» были вынуждены сесть за стол переговоров. В Тегеране и Триполи в 1971 г. страны ОПЕК добились права самостоятельно определять цену, которую они будут устанавливать на свою нефть, квоты и условия добычи.

Следующий раунд переговоров с ОПЕК начался в 1972 г. Попытка нефтяных компаний расколоть единый фронт государств — производителей нефти не увенчалась успехом. В ответ Ливия, Алжир, Ирак, Сирия осуществили национализацию собственности нефтяных компаний, а в Кувейте, Катаре, ОАЭ, Саудовской Аравии государство или стало акционером нефтяных компаний, или в ряде случаев получило в свои руки контрольный пакет акций. В 1973 г. была осуществлена национализация иранской нефти.

В 1978 г. арабские страны контролировали уже 70% добычи нефти в своих странах, в то время как 7 лет назад такого контроля практически не существовало²⁵. Для нефтепроизводящих освободившихся стран открылись широкие возможности увязки доходов от нефтяной промышленности с национальными экономическими планами.

Анализируя причины «мирной» победы ОПЕК, американские историки и политологи отмечают, что кроме исторических сдвигов в характере борьбы развивающихся стран с тактической точки зрения ОПЕК удачно выбрала момент для решительного противоборства: опережающими темпами росло потребление нефти в капиталистических странах, отсутствовал равноценный альтернативный источник энергии. Кроме того, многонациональные нефтяные монополии в связи с угрозой энергетического кризи-

са испытывали сильное давление со стороны «независимых» нефтяных компаний, которые в 70-е годы особенно активизировали борьбу за доступ к нефти и были готовы идти на компромисс в отношениях со странами — производителями нефти по вопросу о ценах на нефть²⁶.

Нефтяные компании на Ближнем Востоке	1940 г.	1950 г.	1960 г.	1974 г.
«Большие»	7	7	7	7
Американские «независимые»	0	10	18	34
Иностраные «независимые компании»	2	2	6	58

На начало 1970 г. доля 15 крупнейших «независимых» в мировой нефтедобыче составила 13,5%, в переработке — 27,7, в сбыте — 31,5%.

II, конечно, большую роль в победе ОПЕК сыграло использование противоречий между империалистическими державами.

Следующий этап борьбы начался в 1973 г., когда на Ближнем Востоке вспыхнула четвертая арабо-израильская война. Стремясь изменить проамериканскую позицию США и некоторых других стран, ОПЕК в октябре 1973 г. объявила о введении эмбарго на поставки нефти США, Нидерландам, Португалии и ЮАР. Затем последовало четырехкратное повышение цен на нефть (чтобы уравнивать стоимость нефти со стоимостью товаров, импортируемых в страны — производители нефти из промышленно развитых стран) и снижение уровня добычи нефти на 5%. Бурное развитие событий поставило Соединенные Штаты перед необходимостью пересмотра отношений с нефтепроизводящими странами.

Чтобы оказать моральное давление на страны ОПЕК, Соединенные Штаты приняли программу «Независимость», в соответствии с которой США брали обязательство достичь к 1980 г. самообеспеченности энергоресурсами. Одновременно предпринимались шаги для сколачивания блока стран — потребителей нефти и раскола фронта развивающихся стран. В феврале 1974 г. по инициативе США созывается Вашингтонская конференция индустриальных стран — потребителей нефти. На Вашингтонской конференции была сформулирована новая стратегия США в отношении развивающихся стран в связи с энергетической ситуацией в мире. Сотрудничество, а не конфронтация было официально провозглашено основой отношений индустриальных стран с нефтедобывающими.

Однако последовавшая затем встреча в Рамбуэе (ноябрь 1975 г.), где Соединенные Штаты предприняли неудачную попытку создать единый фронт против развивающихся стран, и открытие Парижской конференции по международному эконо-

мическому сотрудничеству («диалог Север — Юг») в декабре 1975 г., где США попытались противопоставить страны — экспортеры нефти остальным государствам, взвалив на них ответственность за повышение цен и ухудшение положений на нефтяных развивающихся стран, в этом направлении ощутимых результатов не принесли. Тактика США на сколачивание блока нефтепотребляющих стран против нефтепроизводящих дала США известный выигрыш во времени, который они использовали для усиления своих реальных позиций в нефтепроизводящих странах. В плане координации усилий индустриальных стран последовало создание Международного энергетического агентства (МЭА), своего рода «сырьевого банка» энергоресурсов. Официальной целью МЭА была провозглашена подготовка к возможному новому эмбарго — создание совершенной информационной службы о положении на нефтяном рынке на случай перераспределения энергоресурсов и накопление стратегических запасов нефти (в 1980 г. объема его должно хватить на 90 дней). МЭА объединило 19 стран.

Таким образом, свою реальную политику Соединенные Штаты сконцентрировали на развитии отношений с нефтепроизводящими странами. Прежде всего был сделан упор на установление прочных двусторонних отношений с наиболее влиятельными нефтепроизводящими странами. Роль таких «привилегированных клиентов» была отведена Саудовской Аравии и шахскому Ирану. Выбор США не был случаен.

Саудовская Аравия располагает богатейшими концентрированными нефтеносными полями. Суммарная добыча нефти Саудовской Аравией, составляющая треть добычи ОПЕК, открывает перед ней возможность контролировать политику этого объединения; были учтены и стойко консервативная линия этого монархического государства, и влияние — экономическое, политическое, религиозное, — которым располагает страна в регионе.

На региональном уровне политика Саудовской Аравии (задержка Египта в его отдельных переговорах с Израилем, финансирование вмешательства в интересах США в локальные конфликты в Африке) объективно отвечает интересам США.

Подобные же черты носили вплоть до революции 1978 — 1979 гг. отношения США с Ираном, на долю которого приходилась десятая часть американского импорта нефти. Иран также был превращен для США в емкий рынок сбыта: после 1973 г. США продали Ирану на несколько миллиардов долларов оружия, по данным печати, осуществлялись или намечались военные и гражданские поставки еще на 40 млрд. долл.

Проблемой, порожденной самостоятельной политикой стран — производителей нефти, стало накопление в руках некоторых развивающихся стран — производителей нефти долларовых излишков. Нефтяные доходы одних только арабских стран — про-

производителей нефти возросли с 1973 по 1977 г. в 6 раз (с 12,7 млрд. до 80 млрд. долл.)²⁷. И здесь определился известный парадокс: увеличение доходов ряда развивающихся стран само по себе не только не обеспечило независимого развития этих государств, но способствовало усилению их зависимости от конъюнктуры капиталистического рынка. Ибо в конечном счете США сумели подчинить себе поток нефтедолларов и эти рециклированные нефтедоллары использовать для стабилизации своей экономики, а также для предоставления займов развивающимся странам, не имеющим собственных энергоресурсов, для форсирования их импорта из США и оплаты их импорта энергоресурсов.

В 1977 г. был завершен ряд исследований относительно перспектив энергетической ситуации в мире вплоть до 2000 г. В докладе ЦРУ утверждалось, что рост добычи нефти до 1985 г. будет отставать от роста спроса на нее и потому к 1990 г. мировая цена на нефть повысится втрое по сравнению с нынешней. В другом исследовании, выполненном 35 руководителями деловых и правительственных кругов и учеными с помощью Массачусетского технологического института и опубликованном одновременно в США и 14 других странах, участвовавших в его выполнении, выводы в основном совпадают с выводами ЦРУ, однако сроки начала кризиса переносятся на 1981—1983 гг. В этом исследовании, однако, дается оптимистический прогноз относительно положения с природным газом и утверждается, что нехватка его не будет ощущаться до конца столетия, если появятся достаточные финансовые стимулы для развития сети его межконтинентальной транспортировки.

Основные запасы газа в капиталистическом мире сосредоточены в Северной Америке и Западной Европе. На долю Ближнего Востока приходится всего 22% мировых запасов, которые нефтяными монополиями не осваивались и сжигались у источника. Газ более экономичен, чем нефть, но его хранение и транспортировка представляют сложную техническую проблему. До настоящего времени стоимость доставки сжиженного природного газа (наиболее перспективная) в 7 раз выше в расчете на тонну, чем стоимость перевозки нефти. Среди развивающихся стран наиболее продвинулся в освоении газовых запасов Алжир. К добыче и переработке алжирского природного газа государственная компания «Сонатрак» привлекла американскую корпорацию «Бечтел». Если программа строительства заводов по сжижению газа будет выполнена, то Алжир в 80-е годы планирует выйти на первое место в мире по производству сжиженного газа и превратится в крупнейшего экспортера газа в США — 26,6 млрд. куб. м газа в год²⁸ в течение 20 лет.

Передача ядерной технологии развивающимся странам

Передача Соединенными Штатами ядерной технологии является одной из наиболее сложных проблем в отношениях США с развивающимися странами. С середины 60-х годов ядерным реакторам отводится (в среднесрочном и долгосрочном планах) роль наиболее перспективного источника энергоресурсов, несмотря на их высокую стоимость, угрозу загрязнения окружающей среды, вопросы безопасности и связь с важнейшим политическим аспектом проблемы — вопросом о нераспространении ядерного оружия. Нефтяной кризис 1973—1974 гг. ускорил осуществление ядерных программ во многих странах, и, по расчетам Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), в производстве ядерной энергии доля развивающихся стран к 1990 г. должна будет увеличиться с 3 до 14%.

Заинтересованность в приобретении ядерной технологии проявляется не только по соображениям развития альтернативных источников энергии. Так, Саудовская Аравия развертывает строительство системы опреснителей морской воды на ядерных источниках питания.

Среди развивающихся стран и территорий наиболее продвинулись в области освоения ядерной технологии Индия, Аргентина, Иран, Бразилия и Южная Корея. Индия начала осуществление своей ядерной программы в 1955 г. Первый экспериментальный ядерный реактор в Аспаре был сконструирован и построен самостоятельно. К началу 80-х годов в Индии действовало 5 атомных электростанций (3 сооружены с помощью США), Аргентина располагает 5 реакторами, работающими на обогащенном американском уране, и в ближайшие годы планирует достичь независимости от США в импорте топлива.

С начала 70-х годов налаживается сотрудничество между развивающимися странами в этой сфере. Индия подписала с Бразилией и Аргентиной соглашения об обмене опытом и технологией, Аргентина консультирует 6 латиноамериканских стран в их ядерных программах и является первой латиноамериканской страной — экспортером реакторов (поставка Перу реактора мощностью 10 мегатонн). С середины 70-х годов общее повышение цен на ископаемые энергоресурсы распространилось на сферу ядерной энергетики. Анализ, проведенный корпорацией РЭНД, показал, что в течение 70-х годов стоимость 1 кВт электроэнергии, снятого с ядерного реактора, выросла на 188%; крупные ядерные реакторы первого поколения (топливо — уран) подорожали с 1,5 млрд. до 2 млрд. долл., поэтому США переходят на производство экономически более выгодных крупных реакторов, что затруднит для многих развивающихся стран освоение АЭС; стоимость урана с 1973 по 1978 г. выросла с 8 до 40 долл. за фунт²⁹. Тем не менее США сократили (до

380 АЭС, т. е. в 5 раз) собственные первоначальные планы развернуть к 2000 г. 2 тыс. ядерных электростанций³⁰ и за 1977—1978 гг. не продали ни одного ядерного реактора за границу.

В начале 70-х годов подход администрации Никсона к проблеме передачи ядерной технологии определялся необходимостью предложить развитым и развивающимся странам в связи с обострением энергетической ситуации перспективный альтернативный источник энергии. В краткосрочном плане администрация Никсона использовала также передачу ядерной технологии в качестве «поощрения» некоторых развивающихся стран за их политическую линию, например решение о поставке ядерного реактора Египту за согласие на переговоры с Израилем, проекты освоения Катарфской впадины в Египте с помощью направленных ядерных взрывов и т. д.

Активизация западноевропейских союзников в сфере передачи технологии (соглашение, заключенное ФРГ и Бразилией в 1975 г., о поставке ядерных реакторов и технологии на сумму 10 млрд. долл. в обмен на поставки урана из Бразилии во Францию)³¹, а также планы продажи Францией Пакистану и Южной Корее заводов по переработке ядерных материалов³² отодвинули бы США на второе место на мировом рынке ядерных реакторов. Это круто изменило подход администрации США в отношении передачи ядерной технологии. Оценивая это изменение, влиятельный американский журнал «Форин Полиси» писал: «Немногие решения имели столь важное международное значение, как те, которые были приняты Соединенными Штатами в области ядерной энергетики в среднем 70-х годов»³³.

В 1974 г. Соединенные Штаты отказались от обмена опытом по технологии обогащения урана с Бразилией и некоторыми другими странами. Затем последовало временное административное эмбарго на экспорт расщепляющихся материалов.

28 октября 1976 г. президент Форд предложил трехлетний мораторий на экспорт ядерных материалов и заключение нового международного соглашения, усиливающего контроль над плутоном и хранением обработанного ядерного топлива.

Президент Картер, сделавший одним из основных своих лозунгов в период предвыборной кампании дальнейшее нераспространение ядерного оружия, на основе анализа, проведенного группой экспертов, в начале 1977 г. внес на рассмотрение конгресса законопроект, предусматривавший отказ Соединенных Штатов оказывать помощь и осуществлять совместные ядерные программы с теми странами, которые получили или передали технологию обогащения или переработки урана или перерабатывали поставленное из США ядерное топливо без предварительного одобрения США. Законопроект был одобрен в марте 1978 г.

Новое законодательство было направлено на усиление пози-

ций США в области передачи и продажи ядерной технологии, на максимальное использование монополии США на рынках реакторов и ядерного топлива. Новое законодательство уже стоило подход США к условиям передачи ядерной технологии развивающимся странам и усилило их зависимость от США, улучшило позиции США по отношению к европейским конкурентам (ФРГ, Франции), так как предусматривало прекращение сотрудничества США в любой форме (включая поставки урана) с третьими странами, которые в обход двусторонних соглашений с США продадут американским партнерам по ядерной сделке технологию переработки ядерного топлива.

Продовольственная проблема и позиции США

Острота продовольственной проблемы очевидна при анализе современного уровня обеспеченности продовольствием населения земного шара. Этот уровень определяется количественно (по среднему душевому потреблению различных продуктов питания, калорийности рациона) и качественно (по потреблению белка населением и т. д.).

По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), энергетические потребности человека определяются из расчета 46 ккал на 1 кг веса тела для мужчин и 44,3 ккал на 1 кг веса тела для женщин. Выведенный ФАО по этим показателям средний уровень энергетических потребностей для индустриально развитых стран определяется примерно в 3 тыс. ккал в день, а для развивающихся стран — в 2284 ккал³⁴. Причем, как считают специалисты ФАО, для сбалансированности внутрирегиональных диспропорций в распределении энергетических ресурсов для населения среднечеловеческое потребление энергии должно составлять 110% нормы.

Однако ни в одном из районов концентрации развивающихся стран не достигается этот уровень энергетического обеспечения, лишь в странах Латинской Америки он приближается к 105%. Практически в 61 из 97 развивающихся стран на душу населения в день приходится меньше 2284 ккал, причем население стран Дальнего Востока и Африки в среднем потребляет ежедневно лишь 2040 и 2110 ккал соответственно, что свидетельствует о хроническом голоде подавляющей части населения стран этих регионов. По различным оценкам, число голодающего населения мира определяется от 460 млн. до 1,03 млрд. человек (от 12 до 21% населения земного шара).

Еще острее стоит проблема белкового голодания населения. Оптимальные нормы потребления белка для одного человека в день, по различным оценкам, колеблются от 80 до 100 г, в ряде работ подсчитывается оптимальный уровень потребления белка из расчета 1,5 г на 1 кг веса человека. Данные по по-

треблению белка в различных районах мира свидетельствуют о том, что большинство населения развивающихся стран практически белком не обеспечено. Душевое потребление белка в день в развивающихся странах в начале 70-х годов составляло 58% душевого потребления белка в индустриально развитых странах. Причем белок животного происхождения, наиболее легко усваиваемый, практически отсутствует в рационе населения большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Эти данные свидетельствуют об остроте и масштабах мировой продовольственной проблемы. Нужно отметить, что в последнее десятилетие в ее развитии произошли важные качественные сдвиги, которые в значительной степени способствовали ее углублению.

Согласно последнему обзору продовольственного положения, проведенному ФАО, с 1961 по 1976 г., несмотря на значительные успехи, достигнутые в развитии сельскохозяйственного производства в мире, темпы роста производства продовольствия в расчете на душу населения сократились с 0,8% в 1960—1970 гг. до 0,5% в 1970—1976 гг., причем в развивающихся странах они в последний период составили только 0,3%. При этом в некоторых развивающихся странах этот показатель свидетельствует об абсолютном сокращении производства продовольствия на душу населения: например, в странах Африки, расположенных южнее Сахары, среднегодовой темп прироста производства продовольствия в расчете на душу населения упал с 0,1% в 1960—1970 гг. до отрицательной величины — 1,4% в 1970—1976 гг.³⁵

Рост сельскохозяйственного производства в развивающихся странах шел главным образом за счет экстенсивного расширения посевных площадей при незначительном росте урожайности и возрастающей зависимости производства от климатических условий, которые в последние десятилетия отличались значительными колебаниями. В то же время в развитых капиталистических странах рост производства продовольствия продолжался практически целиком за счет его интенсификации и осуществления ряда мер, снижающих его зависимость от погоды. В итоге на протяжении последних 15 лет в мире наблюдалось особенно быстрое углубление разрывов в урожайности сельскохозяйственных культур в отдельных странах. В развитых странах урожайность зерновых была в середине 70-х годов уже примерно в 2,5 раза выше, чем в развивающихся.

Надежды, возлагавшиеся многими западными экономистами на «зеленую революцию» в развивающихся странах, потерпели провал. Стало очевидным, что основной преградой на пути к достижению продовольственной самообеспеченности этих стран является не рост их населения, а сохранение колониального наследия и феодальных пережитков. Именно архаичные системы землепользования и отсталость экономики затормозили приме-

нение здесь техники, использование в необходимых масштабах удобрений, достижений генетики и селекции, строительство ирригационных каналов и т. п.

Вторым важным моментом в современном продовольственном положении является то, что потребление сельскохозяйственной продукции в отдельных районах мира претерпело существенные изменения. В развивающихся странах, приступивших к социальным реформам и развитию собственной промышленности, заметно увеличился спрос на товарную сельскохозяйственную продукцию, главным образом на пшеницу и рис. Однако наиболее резкое увеличение спроса на зерно, являющееся основным элементом продовольствия, наблюдалось со стороны индустриально развитых стран, население которых перешло на потребление высокобелковых животноводческих продуктов питания. Современные нормы потребления зерна при производстве продукции животноводства колеблются от 2,5 кг при производстве 1 кг мяса птицы до 20 кг при производстве 1 кг говядины. Очевидно, что увеличение потребления продукции животноводства непропорционально резко увеличивает потребность в зерне и меняет всю структуру мирового зернового баланса. По данным ФАО, в настоящее время около 500 млн. т, или треть всего производимого зерна, ежегодно идет на фуражные нужды.

Ежегодное потребление всех зерновых в расчете на душу населения в Канаде и США составляло в начале 70-х годов около 800 кг, из которых непосредственно в пищу шло только 90 кг, а остальное зерно шло главным образом в корма для животных. В развивающихся же странах душевое потребление зерна составляло около 227 кг, причем почти все зерно шло непосредственно в пищу³⁶.

В этой обстановке любое изменение в объеме производства в мире (в том числе в результате стихийных бедствий и других кратковременных явлений) особенно сильно отражается на развивающихся странах. Примером может служить продовольственный кризис 1972—1973 гг., выразившийся в сокращении темпов прироста мирового производства зерна; в 2—3-кратном увеличении цен на основные виды зерновой продукции на мировом рынке; истощении мировых запасов зерна (со 164 млн. т в 1972 г. до 116 млн. т в 1976 г.); острым дефиците продовольствия и голоде в ряде стран мира (в 1973 г. голод угрожал населению ряда стран Африки, расположенных южнее Сахары, северо-восточной части Бразилии, Индии, Бангладеш).

Продовольственный кризис начала 70-х годов подчеркнул возросшую роль и значение для развивающихся стран международной торговли сельскохозяйственной продукцией (особенно зерном) и усиливающуюся зависимость этих стран от импорта продовольствия из развитых капиталистических стран.

Развивающиеся страны (без стран социалистической ориен-

тании) импортировали в 1973--1975 гг. свыше 10% потребляемого ими зерна. Импорт же всей сельскохозяйственной продукции этими странами увеличился с 6,09 млрд. долл. в 1956—1960 гг. до 21,39 млрд. долл. в 1971—1975 г., причем доля развитых капиталистических стран в этом импорте увеличилась с 47,8 до 58,9%.

Среди всех развитых капиталистических стран особое место занимают США, которые являются крупнейшим поставщиком сельскохозяйственной продукции в развивающиеся страны. Особенно резко увеличился импорт продовольствия этими странами из США в 70-е годы. Только импорт зерна возрос к 1977 г. по сравнению с 1970 г. на 47%³⁷.

В целом позиция США в производстве и экспорте продовольствия, а также их отношения в данной сфере с развивающимися странами являются важной стороной мировой продовольственной проблемы и заслуживают самого глубокого анализа.

Материально-техническая база сельского хозяйства, обширные земельные площади и благоприятные природно-климатические условия обеспечивают за США лидерство в мировом производстве продовольствия. В частности, в 1977 г. доля США в мировом производстве зерна составила 20,3% (в том числе пшеницы — 16,7%, кормового зерна — 29,2%), в мировом производстве важнейшей кормовой культуры — соевых бобов — 70%.

Такая монополия на производство важнейших видов сельскохозяйственной продукции позволила США не только обеспечить внутренние потребности страны, но и экспортировать значительную долю продукции. По предварительным расчетам, в 1979 г. США экспортировали 35% всего урожая зерновых 1978 г., в том числе 66% урожая пшеницы, 28% кормового зерна, 56% риса, 41% соевых бобов³⁸.

Осложнение обстановки на рынке продовольствия в 1972—1973 гг., рост мировых цен на сельскохозяйственную продукцию послужили толчком к резкому увеличению объема американского сельскохозяйственного экспорта, главным образом экспорта зерна и соевых бобов. С 1972 по 1979 г. экспорт сельскохозяйственной продукции США в стоимостном выражении в текущих ценах увеличился с 8,2 млрд. до 32,0 млрд. долл., в том числе экспорт зерна, соевых бобов и соевой муки вырос с 4,2 млрд. до 16,5 млрд. долл., что составило соответственно 59,7 млн. и 121,7 млн. т. На долю США в этот период пришлось 76% прироста мирового экспорта зерна (включая рис), в результате чего уже в 1978 г. доля США в мировом экспорте пшеницы составила 43,0%, кормового зерна — 62, соевых бобов и муки — 73,6%³⁹. США в настоящее время являются основными экспортёрами продовольствия в мире и, что особенно важно, основными поставщиками продовольствия в развивающиеся страны.

Гегемония США на мировом рынке продовольствия послужила базой для выработки стратегии в области внешней торговли продовольствием. По мнению американских идеологов продовольственной экспансии и правящих кругов США, продовольствие может дать странам, обладающим этим товаром, весьма существенную власть над другими народами, вынужденными этот товар покупать. Наиболее решительной точки зрения придерживался в этом вопросе бывший министр сельского хозяйства США Эрл Батц, считавший, что «продовольствие — это оружие. Это один из главных инструментов при переговорах. Продовольственная помощь станет объектом внешнеполитических целей»⁴⁰. По мнению Э. Батца, решение продовольственных вопросов на международном уровне должно быть подчинено интересам внешней политики США⁴¹.

Более умеренные сторонники данной концепции, отказываясь от термина «продовольственное оружие», считают, что с помощью продовольственного нажима можно добиться в развивающихся странах создания удобной для США социально-классовой обстановки.

На деле «продовольственное оружие» может использоваться Соединенными Штатами лишь в ограниченных масштабах. Прежде всего потому, что главными потребителями американского сельскохозяйственного экспорта являются развитые капиталистические страны, в том числе на страны ЕЭС приходится 26% сельскохозяйственного экспорта США, на Японию — 14,8%. Экспорт американской сельскохозяйственной продукции играет весьма существенную роль в торговых отношениях США с этими странами, однако вряд ли здесь может идти речь о слишком резком политическом давлении, тем более что фермеры США в значительной степени заинтересованы во внешних рынках сбыта своего кормового зерна и сои (около 60% экспорта всей сельскохозяйственной продукции из США), а рынок индустриально развитых стран считается наиболее емким, хотя и наименее динамичным.

Кроме того, доля США в общем объеме импортной сельскохозяйственной продукции в индустриально развитых странах колеблется в пределах 6—12%. Она выше лишь в Нидерландах и Японии.

Практически применение «продовольственного оружия» ограничивается теми развивающимися странами, которые традиционно ориентируются на поставки продовольствия из США. Около 90 развивающихся стран являются импортерами продовольствия из США, в том числе некоторые страны действительно оказались в 70-е годы практически в полной зависимости от импорта американской сельскохозяйственной продукции. Доля импорта сельскохозяйственной продукции из США в общем объеме импорта данной продукции в некоторых из этих стран и территорий составляла 30—50%, в том числе в Иране (до на-

чала «исламской революции») — 32%, в Индии — 43, Южной Кореи — 60, АРЕ — 32, Мексике — 72%⁴².

Политизация условий продовольственных поставок США именно этим развивающимся странам стала на современном этапе особенно характерной чертой американской политики. В послевоенные годы вся государственная программа поставок продовольственных товаров из США была разбита на три раздела: первый регулировал вопросы продажи продовольствия на коммерческой основе; второй рассматривал вопросы предоставления продовольствия в дар на условиях «помощи»; третий охватывал вопросы сделок с продовольствием на товарообменной основе. В 70-х годах во всех этих разделах произошли весьма серьезные изменения. В рамках первого раздела (коммерческие поставки) в 50—60-е годы поставки производились в основном за местную валюту стран — получателей помощи (которая накапливалась на американских счетах и поступала в распоряжение правительства США). Однако начиная с 1971 г. практически единственным путем получения продовольственных товаров на коммерческих условиях стали закупки ее на доллары и другую конвертируемую валюту.

Поставки на условиях «помощи» (бесвозмездные поставки) не только резко сократились (за первую половину 70-х годов они снизились больше чем вдвое — до 1,1 млн. т), но и приняли откровенно выраженный политический характер. Они стали непосредственно связываться с поддержкой угодных монополиям США реакционных режимов, с политическими, экономическими, военными и другими уступками получателей. Не удивительно, что более 60% этих поставок в 1975 г. пошло в Южную Корею, Чили, Камбоджу и некоторые страны Ближнего Востока. Однако и в этом вопросе стратегия американского империализма часто сталкивается с проводимой развивающимися странами политикой обеспечения хотя бы мнимой самостоятельности, в результате чего в последнее время на первый план в «помощи» выступает не продовольствие в товарной форме, а предоставление государственных кредитов для финансирования закупок продовольствия. Предоставление кредитов в современных условиях может служить инструментом скорее политического давления, чем ограничения на поставки зерна. В то же время в области кредитования США в меньшей степени, чем в сфере поставок продовольствия, могут считаться монополистами.

Третий вид государственных поставок продовольствия (поставки в обмен на другие товары) существенной роли до последнего времени не играл. Однако ныне идеологи американской экспансии все чаще обращаются к рассмотрению возможностей использования этой формы в целях решения проблем сырьевого обеспечения американской промышленности. Поставки продовольствия отдельным странам начинают увязываться

ими с требованиями преимущественного снабжения США некоторыми видами дефицитного сырья, нефтью и другими энергоносителями. В американской печати высказывается мнение, что в перспективе это может стать одним из наиболее эффективных способов использования продовольственных поставок в качестве инструмента экономического принуждения некоторых партнеров США.

Несмотря на модификацию американской продовольственной политики, ее перспективное использование в качестве инструмента давления на развивающиеся страны имеет определенные границы.

Во-первых, производство сельскохозяйственной продукции, необходимой для питания населения, в отличие от невозобновляемых природных ресурсов, в частности нефти, при благоприятных ценах и соответствующих капиталовложениях может существенно увеличиться в подавляющем большинстве развивающихся стран. В значительной степени это было бы возможно при изменении структуры посевных площадей и переводе площадей под экспортными культурами (арахисом, какао, кофе, каучуконосами и др.) под зерновые. Но в первую очередь сами США не заинтересованы в таком потрясении системы международного разделения труда в сельском хозяйстве, ибо это затруднило бы обеспечение их рядом тропических и субтропических продуктов.

Во-вторых, развивающиеся страны могут закупать продовольствие на международном рынке, в том числе и у основных конкурентов США — Канады и Австралии. Как показывает опыт стран — членов ОПЕК, главным фактором во многих случаях является наличие финансовых ресурсов, позволяющих покупать продовольствие на мировом рынке, причем эти финансовые средства могут быть получены не только от США.

В-третьих, сами Соединенные Штаты заинтересованы в расширении экспорта продовольствия как для стабилизации своего платежного баланса, так и для увеличения доходов фермеров и компаний, специализирующихся на поставках зерна на внешний рынок.

Таким образом, продовольственный экспорт из США нельзя рассматривать как абсолютное, универсальное оружие. Однако, с другой стороны, нельзя и недооценивать это средство политического нажима в некоторых ситуациях. Исторический опыт показывает, что в сочетании с другими мерами эмбарго на экспорт продовольствия может служить средством нарушения устойчивости неугодных американскому империализму правительств и режимов. Интересные факты были приведены в одном из номеров журнала «Форин Аффферз» за 1976 г.: «В начале 1974 г. правительство Бангладеш заключило контракты на покупку зерна у Канады, Австралии и США. Эти закупки по высоким коммерческим ценам должны были финансироваться

краткосрочным кредитом. Летом 1974 г. правительство Бангладеш, отчаянно нуждающееся в иностранной валюте, не смогло получить кредит. Между тем соглашение о продовольственной помощи в рамках программы Закона 480 также было отложено, главным образом потому, что американские должностные лица совещались по поводу того, не должна ли Бангладеш быть вычеркнута из списка получателей помощи, поскольку она продала в начале года джут Кубе... Когда помощь пришла, было уже поздно»⁴³.

Голод, который принял в это время в Бангладеш огромные масштабы, был одним из существенных факторов, приведших к военному перевороту 15 августа 1975 г. и падению правительства М. Рахмана. Политика США, безусловно, внесла немалую лепту в развитие кризисных событий в этой стране.

Другим примером такого рода является политика правительства США по отношению к Чили в 1972—1973 гг. По свидетельству Л. Брауна, американское правительство в 1973 г. отказалось удовлетворить просьбу Чили о предоставлении зерна в кредит. «Поскольку чилийские резервы иностранной валюты были исчерпаны, а нехватка хлеба все увеличивалась, то эта американская акция, несомненно, внесла свой вклад в падение правительства Альенде в сентябре 1973 г.»⁴⁴.

Установка на использование продовольствия в качестве инструмента экономического и политического давления в 70-е годы отличалась своим размахом и тем, что монополистический аграрно-промышленный комплекс США пытался, во-первых, выработать общую стратегию в этом вопросе и, во-вторых, найти и разработать средства установления долгосрочных и прочных отношений зависимости стран — импортеров американского продовольствия от американской сельскохозяйственной технологии и капитала. Второй момент характерен, в частности, тем, что в США усилилась ориентация на разработку комплексных программ развития сельскохозяйственного производства в развивающихся странах, предусматривающих, как правило, привлечение американского капитала, специалистов, программ, ориентированных на поддержание капиталистических форм ведения хозяйства, на рост капиталистических отношений в сельском хозяйстве освободившихся стран. Именно в этом направлении действует созданный в 1975 г. Совет по международному развитию в области продовольствия и сельского хозяйства, который призван координировать проведение федеральных программ научных исследований в этой области.

Заметно усилилось участие США в деятельности различных международных организаций, занимающихся разработкой и проведением международных программ развития сельского хозяйства освободившихся стран. Ассигнования на развитие сельского хозяйства и сельскохозяйственную помощь развивающимся странам из международных фондов увеличились со

171,5 млн. долл. в 1963—1964 гг. до 737,4 млн. долл. в 1969—1970 гг. В последующие годы они продолжали расти и достигли в 1975 и 1976 гг. 2443,6 млн. и 2355,6 млн. долл. соответственно⁴⁵. В этих ассигнованиях США играют доминирующую роль. Только по линии ФАО доля США в финансировании сельскохозяйственных программ составляла в 1972—1973 гг. 31,5%, а в 1975 г. — 25%. Естественно, что это дает США возможность оказывать существенное влияние на направление расходования средств, на проведение различных международных программ в области развития сельского хозяйства.

Соединенные Штаты также выступили инициатором проведения Мировой продовольственной конференции в Риме в 1974 г., которая была призвана заложить основы механизма для международных действий по трем основным направлениям: создание современной системы мирового обеспечения продовольствием, развитие программ продовольственной помощи, повышение производства сельскохозяйственной продукции в освободившихся странах. На конференции было принято много решений, из которых определяющим было создание четырех международных органов, призванных координировать международные усилия в области сельскохозяйственного развития и снабжения мира продовольствием. Этими органами являются Мировой совет по продовольствию, учрежденный для координации усилий по созданию продовольственных резервов и оказанию продовольственной помощи, Консультативная группа по производству продовольствия и инвестициям, Координировавшая международная система национальных зерновых резервов (структура и детали этого органа определены не были), информационная Система раннего оповещения для обнаружения очагов голода. Создание этих органов отражает усилия по выработке единого подхода и механизма решения мировой продовольственной проблемы, в котором Соединенные Штаты Америки отвели себе роль координатора «управляющего» в этой системе для достижения своих определенных внешнеполитических целей.

США также активизировали свою деятельность по созданию резервной продовольственной системы с меньшей долей непосредственного участия США, но при сохранении их руководящей роли. В частности, это нашло отражение в предложении американской делегации, внесенном на рассмотрение Международного совета по пшенице в сентябре 1975 г. Согласно предложению США резерв в 30 млн. т должен поддерживаться странами — участниками резервной системы. Доля США определялась в 6,1 млн. т (20,4%), однако это давало США преимущества в определении страны — получателя помощи и ряда других важных моментов деятельности Совета. В самих США в последние годы все больший упор делался на хранение зерна непосредственно на фермах, что практически не дает никаких гарантий по быстрой мобилизации продовольственных ресурсов

для оказания экстренной и безвозмездной международной продовольственной помощи.

В целом, несмотря на то что определяющим моментом в сельскохозяйственной политике американского правительства являются внутренние интересы монополистического аграрно-промышленного комплекса (об этом свидетельствует хотя бы принятое правительством Картера в 1978 г. ограничение производства пшеницы и кормового зерна в целях удержания цен внутри страны на высоком уровне), развитие экспортной ориентации американского сельского хозяйства и разработка общей экспансионистской правительственной стратегии в вопросах торговли продовольствием стали одним из важнейших направлений деятельности американского правительства.

И нынешним американским правительством экспорт продовольствия рассматривается не только как важное средство стабилизации торгового и платежного балансов страны, но и как веский аргумент в дипломатии. В частности, в 1977 г. министр сельского хозяйства США Р. Берглэнд заявил, что продовольствие может стать важным средством в проводимой президентом Д. Картером кампании «содействия правам человека за границей». «Соблюдение прав человека» в качестве критерия предоставления Соединенными Штатами какой-либо стране продовольственной помощи легло в основу принятого летом 1977 г. закона о продовольственной помощи. При этом в 1978 г. основные ассигнования по данной программе были направлены в АРЕ, Индонезию, Южную Корею, Заир, Гаити, т. е. в те страны и территории, где регулярно нарушаются права человека.

Примеры индо-пакистанского конфликта в 1971 г., переворотов в Чили, в Бангладеш, в которых поставки американского продовольствия сыграли очень существенную роль, а также реализация Соединенными Штатами всех возможностей, связанных с использованием продовольственных трудностей развивающихся стран, свидетельствуют о том, что в 70-е годы от разрозненных мероприятий в этой области Вашингтон перешел к последовательной стратегии, в основу которой положено преднамеренное использование поставок продовольствия в качестве инструмента политического давления.

Глава 9

НТР и политика США в развивающихся странах

Научно-техническая революция, вызвав новые тенденции в развитии мировой экономики и в политике, потребовала изменений в стратегии империализма США в освободившихся странах. Основным смыслом этих изменений состоит в том, что США,

пытаясь взять под контроль процесс перестройки международных экономических отношений, делают ставку на широкое использование американских достижений современной науки и техники, проводя политику так называемого технологического колониализма. В этой политике налицо как элементы ярко выраженного экспансионизма, так и стремление приспособиться к международной обстановке 70-х годов, учесть ряд реальностей, в основе которых лежит изменившееся соотношение сил на мировой арене в пользу социализма.

Стремление правящих кругов США поставить на службу внешней политики достижения научно-технического прогресса не является чем-то совершенно новым. Такие попытки активно применялись и в 50-х и в 60-х годах. Новым моментом в 70-е годы в отличие от предшествующих лет явились характер и масштабы использования науки в практической сфере внешней политики. «Суть этого явления,— отмечает советский ученый В. Ф. Петровский,— сводится к попыткам государства использовать с максимальной эффективностью научный потенциал страны в интересах господствующего класса»¹.

Развивающийся в современных условиях в США и других капиталистических государствах небывалый по своим масштабам процесс концентрации научно-технического потенциала и монополизации производства неизменно приводит к усилению зависимости молодых государств от империализма, к дальнейшему увеличению разрыва в сфере науки и техники между империалистическими центрами и хозяйственной периферией системы капитализма. А этот разрыв поистине волюнтарий. В США, например, тратится около 50% общего объема расходов на научные исследования и опытно-конструкторские работы (НИОКР) всех капиталистических государств, а во всех развивающихся странах — лишь 4%. В 1975 г. расходы США на научные исследования и разработки составили 35,2 млрд. долл., или 180 долл. на душу населения, в то время как подобные расходы по развивающимся странам были 1,9 млрд. и 1,0 долл.² Однако даже незначительный научно-технический потенциал развивающихся стран в основном сосредоточен примерно в десяти странах. Так, из 350 млн. долл., затраченных 38 развивающимися странами в 1972 г. на научные исследования и разработки, половина пришлось на три страны (Индию — 145,5 млн. долл., Филиппины — 100 млн. долл. и Аргентину — 62,5 млн. долл.)³. В то же самое время большинство развивающихся стран начинают с нуля создавать свой научно-технический потенциал. В результате по абсолютной сумме расходов на научные исследования и разработки разрыв между США и развивающимися странами составляет 18:1, а в расчете на душу населения — примерно 250:1.

Велика диспропорция между США и освободившимися странами и по обеспечению кадрами научных работников и ниже-

неров. В середине 70-х годов на 10 тыс. жителей в Азии приходилось 22 ученых и инженера, в Африке — 6, в Латинской Америке — 69 против 112 в США. В 1975 г. во всех развивающихся странах научными исследованиями и разработками было занято 210 тыс. человек, в то время как в США в этой сфере было занято 534,8 тыс., а в 1979 г. — уже 610 тыс. ученых и инженеров⁴. Закреплению технологического разрыва между развивающимися странами и США способствует и то, что из 200 тыс. патентов, зарегистрированных в странах Азии, Африки и Латинской Америки, 175 тыс. сосредоточено в руках иностранных корпораций, главным образом американских, которые, как правило, либо используют их только для охраны импорта своих товаров в эти страны, либо не используют вовсе, тем самым блокируя внедрение результатов местных исследований в производство.

Итак, в мировом капиталистическом хозяйстве сложилась крайне неблагоприятная для развивающихся стран обстановка в сфере научно-технического прогресса.

Империализм США пытается использовать техническое отставание молодых государств для того, чтобы как можно прочнее привязать их к своему научно-техническому потенциалу. Поэтому он делает упор на проведение в широких масштабах политики технологической экспансии в этих странах, широко применяя для этого экспорт государственного и частного капитала. С этой целью США используют социально-экономическую неоднородность развивающихся стран, известные противоречия между ними, проявляют индивидуальный, дифференцированный подход. Все это определяет активный поиск новых, более гибких и замаскированных форм внешней экспансии государственно-монополистического капитала США, транснациональных корпораций при сохранении и даже наращивании абсолютных масштабов их проникновения в развивающиеся страны в интересах увеличения прибылей, расширения рынков, получения сырья, а также в политических целях.

В условиях НТР Соединенные Штаты отводят важную роль такой форме экспорта государственного капитала, как научно-техническая помощь. США стремятся направить усиливающуюся тягу освободившихся стран к преодолению экономической отсталости и получению доступа к новейшим достижениям науки и техники в русло, нужное им. Увеличение ассигнований на научно-техническую помощь служит укреплению внешнеэкономических связей американских монополий со странами — получателями помощи, созданию предпосылок для ускорения темпов экспортной экспансии на рынках этих стран, расширению сфер прибыльного приложения капитала. Расходы США на научно-техническую помощь быстро увеличиваются. Если в 1970 г. они составляли 261,7 млн. долл., то в 1979 г. достигли уже 674 млн. долл.⁵. По абсолютным размерам научно-техническая

помощь США занимает первое место среди развитых капиталистических государств.

Научно-техническая помощь включает в себя направление в развивающиеся страны специалистов и экспертов, подготовку кадров для этих стран, передачу технической документации, поставки техники и оборудования для показательных предприятий и т. д. Особое значение стало придаваться в последние годы такой форме, как командирование специалистов. Усиление внимания со стороны правительства США к этой форме помощи объясняется главным образом тем, что американские специалисты, работая советниками при чиновниках государственного аппарата освободившихся стран на предприятиях частного и государственного секторов, имеют возможность оказывать влияние на формирование экономической, научно-технической и внешнеэкономической политики этих стран.

Тем же целям служит и другая форма помощи — подготовка национальных кадров для развивающихся стран. США используют самые разнообразные формы и методы для формирования и расширения своей социальной опоры в этих государствах.

Большие половинки специалистов из развивающихся стран (около 60%), проходящих подготовку в США, являются работниками идеологической сферы, государственными чиновниками, а также учителями, врачами. Именно эти специалисты призваны обеспечить то необходимое воздействие (особенно через государственные каналы) на процесс развития, который способствовал бы укреплению капитализма путем формирования и поддержания в этих странах соответствующих социальных сил. Специалисты, готовящиеся для работы в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, составляют около трети общего числа проходящих подготовку в США специалистов. Однако здесь прослеживается тенденция увеличения их численности, особенно в области сельского хозяйства.

Помощь в подготовке кадров для развивающихся стран выполняет также и экономическую функцию обслуживания монополистического капитала США: она обеспечивает американские инвестиции необходимыми кадрами специалистов из этих стран. Использование подготовленных в США специалистов из местных граждан, труд которых оплачивается значительно ниже, чем труд иностранных граждан, позволяет удешевить производство и обеспечить американскому капиталу более высокие прибыли в развивающихся странах.

Техническая помощь предусматривает определенное содействие развитию и проведению научных исследований и разработок (НИР) в освободившихся странах. Оказание содействия этим странам в области НИР выгодно для США, ибо, во-первых, последние привлекают средства развивающихся стран к выполнению программ, представляющих интерес для США, во-вторых, участие в совместных программах позволяет американским

корпорациям быть в курсе научно-исследовательских работ, проводимых в этих странах, и зачастую использовать результаты исследований в своих интересах.

За 1961—1979 гг. помощь США развивающимся странам в проведении НИР составила 430 млн. долл. Начиная с 70-х годов ассигнования США на эти цели увеличиваются. Если в 1965 г. расходы США на проведение НИР в развивающихся странах составили 11,3 млн. долл., то в 1979 г. они достигли 61,5 млн. долл., причем в отдельные предшествующие годы эти расходы были еще выше. Подавляющая часть этих средств остается, однако, в США. Например, в 1972 г. из 43,5 млн. долл., предоставленных развивающимся странам на проведение НИР, только 11% было выделено научно-исследовательским центрам этих стран. Преобладающая часть средств (80%) была направлена в распоряжение научно-исследовательских учреждений США, которые по соглашению с Управлением международного развития (УМР) выполняют исследования для развивающихся стран.

Научно-исследовательские работы по американским программам помощи проводятся главным образом в области сельского хозяйства, здравоохранения и проблем регулирования роста народонаселения, образования. На эти цели выделяется более 80% ассигнований УМР на помощь развивающимся странам в проведении НИР. Некоторое внимание уделяется исследованиям в области социально-политических и естественных наук.

Таким образом, анализ научно-технической помощи, получивший в условиях НТР широкое распространение, свидетельствует о том, что она ориентирована не на создание или укрепление современных отраслей экономики, а главным образом на развитие социально-политической инфраструктуры развивающихся стран в таком направлении, которое отвечало бы интересам США.

С развитием научно-технической революции, ускорившей рост потребностей в специалистах высокой квалификации, в политике США обозначилось и другое новое направление. Речь идет о неокOLONиалнстской экспансии в сфере национальных кадров развивающихся стран, о широко используемой в США практике переманивания высококвалифицированных специалистов из этих стран, о стимулировании и поощрении особого рода миграционных процессов, известного в советской литературе как «утечка умов». Этот процесс начался с середины 50-х годов, когда отмечались отдельные случаи эмиграции ученых в США и другие развитые капиталистические страны. Однако в 70-е годы миграция квалифицированных специалистов представляла весьма значительный по интенсивности и развивающийся по восходящей линии процесс. В середине 70-х годов страны Азии, Африки и Латинской Америки поставляли в США в год около 12 тыс. квалифицированных специалистов.

Одним из крупнейших поставщиков специалистов для США являются страны Азии. Только за 1970—1975 гг. доля стран Азии в общей численности иммигрантов в США составила 68,3 тыс. человек, или около 70%. Наибольший приток иммигрантов из азиатских стран приходится на Индию — 4—5 тыс. человек в год, в основном научные сотрудники, врачи и инженеры. Второе место по иммиграции в США квалифицированных специалистов занимают Филиппины. Особенность иммиграции специалистов из Филиппин — это преобладание медицинских кадров.

Другими крупными поставщиками квалифицированных специалистов в США являются Пакистан, Южная Корея, Турция, Колумбия, Бразилия, Чили, АРЕ, Нигерия. Из прочих стран «утечка умов» по численности невелика. Однако опасность состоит в том, что по мере социально-экономического развития освободившиеся страны все больше вовлекаются в этот процесс, что крайне отрицательно воздействует на те страны, где число квалифицированных кадров незначительно.

Выгоды, которые получают США от притока иностранных специалистов из развивающихся стран, огромны и оцениваются сотнями миллионов долларов. По оценке, произведенной Комитетом по иностранным делам палаты представителей конгресса США, только за 1971—1972 гг. сумма средств, сэкономленных США лишь на подготовке специалистов-иммигрантов, составила почти 2 млрд. долл.

Еще большие выгоды получают США вследствие использования специалистов из развивающихся стран. По мнению американских ученых, потенциальная ценность высококвалифицированного специалиста в 20 раз больше затрат на его подготовку. На основе этих оценок была рассчитана потенциальная стоимость квалифицированных специалистов, иммигрировавших в США из развивающихся стран в 1961—1972 гг. Сумма оказалась равной 33,9 млрд. долл.⁶ Однако эта приблизительная оценка является чисто экономической, она не включает социальных и политических выгод, которые связаны с результатами деятельности работников в области науки, техники, образования, здравоохранения.

Большое влияние оказала НТР и на экспорт частного капитала США в развивающиеся страны, который становится основной формой экономической экспансии США. Обмен товарами, внешняя торговля все больше приобретают второстепенный характер, зачастую производный от обмена капиталами. Размеры экспорта капитала из США, являющихся главным финансовым полюсом и основным центром сосредоточения новейшей технологии, превышают объем экспорта капитала из всех других капиталистических стран (табл. 3).

К началу 1976 г. общая сумма частных и государственных инвестиций США в развивающихся странах достигла огромных

Таблица 3

Инвестиции США в развивающихся странах*,
млрд. долл.

Форма инвестиций	1961 г.	1965 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
Всего	4,55	5,33	6,21	6,89	7,57	8,35	10,27	17,37
Частные	1,10	1,86	2,99	3,38	4,03	4,91	6,01	12,41
В том числе:								
прямые	0,8	1,26	1,74	2,01	1,97	2,88	3,76	7,08
портфельные	0,27	0,57	0,57	0,58	1,05	0,83	1,04	4,1
экспортные кредиты	—	0,01	0,08	0,19	0,33	0,27	0,44	0,39
прочие	—	—	0,59	0,60	0,67	0,90	0,73	0,86
Государственные	3,45	3,47	3,22	3,51	3,54	3,44	4,26	4,96

* International Economic Report of the President 1977. Wash., 1977 с. 172.

размеров — 110 млрд. долл., из которых примерно $\frac{2}{3}$ приходилось на частные вложения.

Произошли существенные изменения в структуре экспорта капитала. Если в 60-е годы в притоке финансовых средств из США в развивающиеся страны на долю государства приходилось от 60 до 75%, то в 70-е годы характерной чертой становится преобладание экспорта частного капитала над государственным. За 1970—1975 гг. размеры частного капитала увеличились в 4 раза — до 12,4 млрд. долл. в 1975 г., а его доля — до 71%. И хотя национализация в большинстве освободившихся стран продолжается, американские монополии неуклонно наращивают темпы экспорта капитала.

Важную роль в экспорте частного капитала играют политика и мероприятия правительства США. В 70-е годы оно предприняло немало шагов для содействия американским корпорациям в их заграничной инвестиционной деятельности и укрепления конкурентных позиций вообще, для использования американского частного капитала в целях более прочного пристегивания развивающихся стран к системе мирового капиталистического хозяйства.

Так, была расширена система государственных гарантий американских инвестиций в связи с риском политических и коммерческих осложнений в развивающихся странах, отменена в 1974 г. программа обязательных ограничений и контроля над экспортом частных инвестиций, ужесточена политика предоставления помощи государствам, экспроприрующим американскую частную собственность, в Закон о торговле 1974 г. внесен ряд дискриминационных положений, которые лишают развивающиеся страны таможенных преференций в случае национализации американской собственности.

Быстрый приток частного капитала вызвал к жизни измененные методы финансирования. Если в конце 50-х — начале 60-х годов здесь преобладал чистый приток новых инвестиций из США, то с середины 60-х годов увеличилась доля реинвестиций прибылей — до 40—50% новых капиталовложений, а в отдельных странах еще больше.

Характерными особенностями экспорта американского частного капитала в 70-е годы являлись преобладание прямых инвестиций, обеспечивавших наибольшие прибыли, финансовый и административный контроль и наилучшие возможности для экономического и политического влияния. Так, их удельный вес в общем объеме ежегодных инвестиций США возрос с 50,5% в 1967 г. до 63% в 1974 г., а доля портфельных инвестиций сократилась с 46 до 17%.

Однако американская статистика искусственно занижает размеры прямых капиталовложений. Чтобы оценить их реальные размеры, следует иметь в виду, что годовые объемы новых прямых инвестиций значительно превышают объемы экспорта капитала непосредственно из США. Общий объем новых инвестиций включает помимо капитала, переведенного из США, реинвестиции прибылей американских филиалов, отчисления из их амортизационных фондов, заемный капитал и т. д. В итоге, скажем, в 1974 г. общая сумма новых инвестиций в филиалы и дочерние компании составила 6 млрд. долл., что в 3,5 раза больше капитала, экспортированного из США (1,7 млрд. долл.)⁷.

Наконец, произошли серьезные сдвиги в структуре американских капиталовложений в развивающихся странах, которые были вызваны научно-технической революцией, углублением международного разделения труда, а также важными социально-экономическими изменениями во многих освободившихся странах. Эти факторы сделали объективно необходимым для империализма США подтягивание бывших колоний и полукolonий, находящихся на гораздо более низкой ступени экономического и технического развития, на несколько более высокий уровень. Отсюда все большая заинтересованность государственно-монополистического капитализма США в определенной модернизации производственного аппарата молодых государств, приспособлении его к потребностям капиталистического хозяйства.

Политика США в этой области направлена на то, чтобы создать в развивающихся странах «периферийные» производства и отрасли, подчиненные центрам индустрии на Западе, по возможности перебазировать туда наиболее трудоемкие отрасли промышленности (главный стимул — дешевизна местной рабочей силы). Аналогичный сдвиг в политике сырьевых монополий вызван и принятием в Соединенных Штатах законов об охране окружающей среды. В развивающихся странах и территориях создаются заводы по производству железорудных окатышей (Либерия, Берег Слоновой Кости), нефтеперерабатывающие

предприятия (страны Ближнего Востока), заводы по рафинированию меди (Замбия, Перу), по выплавке стали (Бразилия, о-в Тайвань) и т. д.⁸

Американские корпорации намерены создать также широкую систему межотраслевой и даже внутриотраслевой производственной специализации и кооперирования между США и развивающимися странами. Речь идет о создании в этих странах с помощью монополистического капитала, там, где это для него экономически целесообразно и выгодно, ряда новых производств, в частности предприятий по выпуску радио- и электронного оборудования, химических товаров и другой продукции, предназначенной главным образом для экспорта в США и другие развитые капиталистические государства. Однако такая система, как правило, не отвечает первоочередным задачам структурной перестройки и технической реконструкции национальной экономики: процесс производства рассредоточивается таким образом, чтобы на месте выпускалась «частичная» продукция, которая не имеет законченной товарной формы без дополнительной обработки или сборки с комплектующими изделиями, выпускаемыми на заводах других стран. Решение всех основных вопросов деятельности подобных предприятий, представляющих собой географически разбросанные цехи гигантских производственных объединений, находится вне контроля национальных государств. Таким образом, их сознательно и целенаправленно втягивают в новый тип международного капиталистического разделения труда, который лишает их какой-либо производственной самостоятельности.

В этих новых условиях меняются соотношения инвестиционных потоков в разные отрасли экономики (табл. 4). Так, если в 1965 г. на нефтяную и горнодобывающую промышленность приходилось около 57% всех прямых частных капиталовложений США, на обрабатывающую индустрию — 22,5 и на все прочие отрасли — 21%, то в 1978 г. удельный вес обрабатывающей промышленности составил уже 34,8%, доля нефтяной и горнодобывающей промышленности снизилась до 17%, а доля всех прочих отраслей хозяйства, главным образом финансов, страхования и торговли, увеличилась до 48,2%. Эти изменения связаны с преимущественными темпами роста инвестиций в обрабатывающую промышленность по сравнению с нефтяной: за то же десятилетие инвестиции в нефтяную промышленность выросли всего на 32%, а в обрабатывающую промышленность — на 170%. При этом следует учесть и то, что, по статистике, процент инвестиций США в обрабатывающую промышленность развивающихся стран даже несколько ниже реального, ибо нефтяные монополии значительные суммы вкладывают не только в добычу нефти, но и в ее переработку, т. е. в отрасль обрабатывающей индустрии, а статистика все это заносит в графу «нефтяная промышленность».

Таблица 4

Структура прямых частных капиталовложений США в развивающихся странах⁹, %

Год	Горнодобывающая и металлургическая промышленность	Нефтяная промышленность	Обрабатывающая промышленность	Прочие отрасли		
				всего	финансы и страхование	торговля
1960	13,0	44,6	15,4	27,0	—	7,6
1965	11,6	44,9	22,5	21,0	—	—
1970	11,8	38,9	25,6	23,8	—	—
1973	9,0	33,4	30,9	26,7	9,1	7,9
1974	7,9	29,9	32,0	30,2	13,0	9,2
1975	8,2	8,6	40,0	42,2	19,0	11,6
1976	7,9	9,9	40,0	42,2	20,3	11,1
1977	6,7	10,2	35,7	47,4	25,7	10,7
1978	5,8	11,2	34,8	48,2	27,4	10,5

* «Survey of Current Business», 1960—1979.

Вместе с отмеченной частичной переориентацией частных инвестиций произошло и другое изменение. Если до второй половины 60-х годов американские филиалы в обрабатывающей промышленности развивающихся стран работали главным образом на местные рынки, то затем они переходят к производству товаров или отдельных компонентов для сбыта на рынках США и других промышленно развитых капиталистических государств. Иначе говоря, они переходят от создания низкоэффективного по мировым стандартам производства готовых изделий для местных рынков к международной специализации своих филиалов на отдельных операциях, выполнение которых обходится здесь дешевле, нежели в США.

К отраслям обрабатывающей промышленности, переводимым в развивающиеся страны, относятся изготовление одежды, обуви, консервов, сборка электронных и оптических приборов, электроаппаратуры и другие трудоемкие производства. Например, в Гонконге, Мексике, Южной Корее, Сингапуре и на Тайване американские фирмы создали свои предприятия по выпуску радио- и телеаппаратуры, электротехнических и других готовых изделий специально для экспорта в США. На предприятиях «Дженерал Инструментс» в странах Юго-Восточной Азии уже в 1971 г. было занято больше рабочих, чем на всех заводах этой корпорации в США.

Следует отметить, однако, что рост инвестиций в экспортные предприятия обрабатывающей промышленности пока не привел к качественному изменению всего характера деятельности американских корпораций в этой области. Изменения заметны лишь в отдельных отраслях и регионах развивающегося

мира. Так, значительный рост доли экспорта в продажах машиностроительных филиалов наблюдается в странах Азии, что в значительной степени объясняется отсутствием достаточно емкого индустриального рынка. Здесь эта доля увеличилась с 20,9% в 1966 г. до 40,3% в 1976 г. против 2,4 и 4,6% в Латинской Америке. При этом в 1976 г. около половины такого экспорта из этих регионов направлялось в США⁹.

Пытаясь удержать развивающиеся страны в орбите капитализма, получить беспрепятственный доступ к их природным богатствам, США сочтают старые методы и средства для достижения своих целей с разнообразными новыми. Они все шире используют такие формы проникновения, как создание транснациональных корпораций, смешанных компаний, налаживание организационных, технологических и иных связей, обеспечивающих им нередко доминирующее влияние при минимальных затратах. Для таких корпораций характерна комплексная экономическая стратегия, установление контроля над всеми стадиями производства и реализации товаров и услуг.

Все большее развитие получает практика заключения «управленческих контрактов» американских корпораций с промышленными и другими местными компаниями, в которых они не имеют права собственности. Это — «предпринимательство без капитала», торговля знаниями, опытом в данной области. Использование этой новой формы бизнеса связано как с повышением роли управления в эпоху научно-технической революции, так и с ограничениями импорта капитала во многих развивающихся странах, возможностью национализации собственности американских корпораций, все чаще превращающейся в действительность. Подобные контракты приносят компании-подрядчику помимо прибыли за выполнение работ по управлению также доходы от продажи оборудования для нового предприятия, где вводится рекомендованная система управления, и дополнительные возможности проникновения на новые рынки, доступа к тем или иным источникам сырья и т. п. При этом компания-подрядчик, управляя предприятием, на которое она не имеет права собственности, и фактически не рискуя в связи с вложением капитала, в то же время может контролировать хозяйственную деятельность предприятия. Такая практика получает широкое распространение в нефтяной и горнодобывающей промышленности развивающихся стран¹⁰.

Научно-техническая революция оказывает влияние и на торговлю США с освободившимися странами, которое носит, однако, противоречивый характер.

Статистика внешней торговли США позволяет подвергнуть проверке на прочность устоявшуюся и в свое время, бесспорно, правильную формулу, согласно которой бывшие колонии и зависимые страны являются для США и других капиталистических государств важными источниками сырья и рынками сбы-

Таблица 5

Динамика и удельный вес развивающихся стран во внешней торговле США^{*}, млрд. долл.

	1950 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1973 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.
Весь экспорт	9,8	20,3	27,5	42,5	71,3	108,0	115,3	121,2	143,6	175,3
В том числе в развивающиеся страны	3,6	6,3	8,9	12,6	20,9	37,3	38,3	40,9	50,2	60,1
Весь импорт	8,9	15,0	21,4	39,9	69,8	98,0	124,0	151,7	175,8	203,5
В том числе из развивающихся стран	4,4	5,6	7,1	10,4	20,3	41,3	55,4	70,7	74,4	90,6

* Overseas Business Report. October 1978. Wash., с. 3; Economic Report of the President. Wash., 1980, с. 319.

та. Оценить этот тезис с современных позиций можно, опираясь на данные за период с начала 50-х годов, кануна массовой политической деколонизации, до конца 70-х годов.

Итоги таковы: доля развивающихся стран в товарообороте США упала с 42,8% в 1950 г. до 29% в 1973 г., но в связи с ростом цен на нефть увеличилась до 39,9% в 1978 г. Это свидетельствует об относительном уменьшении значения развивающихся стран в экономике США, хотя и не дает еще оснований для безоговорочного вывода о соответствующем ослаблении заинтересованности империализма США в экономических связях с развивающимися странами. Товарооборот США с освободившимися странами в текущих ценах увеличился за тот же период в 15 раз, достигнув в 1978 г. 124,6 млрд. долл. (табл. 5).

Важнейшим направлением структурных сдвигов в американской внешней торговле на протяжении всего послевоенного периода было ослабление роли сырья при усилении значения продукции обрабатывающей промышленности, особенно машин и оборудования. С 1965 по 1976 г. американский экспорт продукции обрабатывающей промышленности в развивающиеся страны увеличился в 5 раз, а импорт — в 8,6 раза. Особенно резко увеличился американский экспорт продукции обрабатывающей промышленности в страны Ближнего и Среднего Востока (в 9,2 раза) и Африки (в 3,4 раза), хотя по абсолютным размерам крупнейшим покупателем изделий американской обрабатывающей промышленности среди развивающихся стран остаются страны Латинской Америки (43,2% всего экспорта этих изделий из США в развивающиеся страны в 1976 г.).

Если исключить из подсчетов энергоресурсы, то доля изде-

лий обрабатывающей промышленности в экспорте США в развивающиеся страны за 1971—1976 гг. поднялась с 67,7 до 71,6%, а в развитые капиталистические — незначительно понизилась (с 69,8 до 69,1%). В американском импорте удельный вес этих изделий увеличился в торговле с развивающимися странами с 41,6 до 58,2%, а с развитыми — с 79,1 до 81,4%. Следовательно, в целом можно говорить о наличии тенденции к сближению структур торговли США с развитыми и развивающимися партнерами. Однако повышение цен на нефть привело к тому, что доля продукции обрабатывающей промышленности в импорте США из развивающихся стран, возросшая только за 1966—1972 гг. с 24,4 до 40,6%, понизилась затем до 26,7% к 1976 г. Кроме того, по абсолютным размерам торговля США с развивающимися странами указанной продукцией пока еще очень сильно уступает объему торговли с развитыми капиталистическими странами (в 1976 г. экспорт составил соответственно 28,5 млрд. и 46,3 млрд. долл., а импорт — 14 млрд. и 50,2 млрд. долл.)¹¹.

Указанные процессы объясняются прежде всего резкой интенсификацией обмена между США и другими развитыми капиталистическими государствами преимущественно за счет роста взаимной торговли продукцией передовых отраслей. В экспорте США в условиях НТР наблюдается снижение доли традиционных промышленных товаров за счет расширения вывоза продукции новых, бурно развивающихся наукоемких отраслей промышленности. Новые американские товары — ЭВМ, станки с программным управлением, энергетическое и атомное оборудование, авиационная техника и средства автотранспорта, — которые имеют относительно небольшой спрос в большинстве развивающихся стран, направляются главным образом в страны Западной Европы, Канаду, Японию. Эти государства в наибольшей степени связаны с научно-техническим прогрессом и являются основной сферой интернационализации производства и капитала. Так, за 1965—1976 гг. экспорт США наукоемкой продукции обрабатывающей промышленности в развитые капиталистические государства увеличился с 5,4 млрд. до 19,8 млрд. долл., а импорт — с 1,3 млрд. до 7,5 млрд. долл.

Вместе с тем анализ торговых отношений США с развивающимися странами 70-х годов свидетельствует о явном повышении степени наукоемкости продукции обрабатывающей промышленности в торговле США с развивающимися странами. Если в 1965 г. на долю развивающихся стран приходилось лишь несколько более 3% всей закупаемой США наукоемкой продукции, то в 1975 г. — уже около 19% (хотя бесспорно, что развивающиеся страны поставляют менее наукоемкие виды продукции, чем развитые капиталистические государства). В экспорте США подобного же рода показатель увеличился с 30 до 40%. Таким образом, в конце 70-х годов более трети наукоемкой про-

дукции обрабатывающей промышленности, экспортируемой США за границу, направлялось в развивающиеся страны.

Модификация роли освободившихся государств как источников сырья более противоречива. Научно-технический прогресс вносит существенные поправки в структуру потребления промышленного сырья в Соединенных Штатах. Быстрое развитие науки и техники привело к появлению заменителей некоторых видов натурального сырья — искусственного волокна, искусственного каучука, пластмасс и других материалов, — что вызывает тенденцию к сокращению потребления натурального сырья.

Наряду с этим научно-технический прогресс резко повысил спрос на отдельные виды сырья и материалы, в том числе на алюминий, атомное сырье, редкие металлы, нефть. Энергетический и сырьевой кризисы, разразившиеся в 70-е годы, внесли новые элементы в отношения США с развивающимися странами (см. гл. 8).

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что сдвиги в торговле США с развивающимися странами представляются не только и не столько результатом ломки колониальной структуры внешнеэкономических связей империализма США. Они являются прежде всего следствием во многом обусловленной научно-техническим прогрессом быстрой интернационализации хозяйственной жизни развитых капиталистических государств и соответствующей интенсификации их взаимной торговли, а также изменения в этой обстановке политики неокolonнализма Соединенных Штатов Америки.

В этой связи показательны маневры, к которым прибегают США в отношении требований освободившихся стран об улучшении доступа их готовых изделий на американский рынок. Развивающиеся страны, форсируя индустриализацию, поставили задачу производить к 2000 г. по крайней мере 25% мировой промышленной продукции. Однако, учитывая узость внутренних рынков большинства этих стран (60 из них имеют население менее 5 млн.), налаживание там современного крупносерийного производства возможно только при ориентации на широкий экспорт готовых изделий. В то же время основной рынок сбыта готовых изделий — США и другие развитые капиталистические государства, на долю которых приходится около 70% экспорта этой группы товаров. В связи с этим развивающиеся страны возлагали большие надежды на получение льготного доступа на американский рынок.

Однако принятый в декабре 1974 г. конгрессом закон о торговле, в который включен раздел о предоставлении развивающимся странам тарифных преференций на ввоз их готовых изделий на рынок США, явился типичным примером использования таможенных льгот в целях неокolonналистской политики империализма США. Являясь заложником по сравнению с дру-

гими развитыми странами капитализма практическим осуществлением решений ЮНКТАД в отношении тарифных преференций, этот режим в новом издании закона формально содержит ряд положений, которые декларативно объявляют такие преференции одинаковыми для всех.

На самом деле они преследуют совершенно определенные цели политики США в отношении развивающихся стран: получение в конечном счете от развивающихся стран встречных экономических, политических и социальных выгод.

Ряд оговорок, которыми сопровождается предоставление таковых преференций, делает новый торговый закон США в высшей степени политическим документом, призванным обеспечить правовую основу для проведения избирательной внешнеэкономической политики в отношении развивающихся стран, включая использование его как средства прямого политического и экономического давления.

В 70-е годы, когда с особой отчетливостью проявилось несоответствие интересов развивающихся стран с экспансионистскими планами американского империализма и ему становится все труднее утверждать свое политическое и экономическое влияние, правящие круги США вынуждены изыскивать новые пути осуществления неоколониалистской политики и использовать новые инструменты расширения своего влияния и власти во взаимоотношениях с освободившимися странами. Особая роль в этой связи отводится новым направлениям практической деятельности США, возникшим в результате развития НТР. К ним относятся помощь развивающимся странам в вопросах использования достижений «зеленой революции», в освоении ресурсов Мирового океана, содействие в использовании атомной энергии и в осуществлении посредством спутников связи общеобразовательных программ. Важно, однако, подчеркнуть, что независимо от того, оказывается помощь на двусторонней основе или через международные организации, суть ее сводится к тому, чтобы сохранить эти страны в рамках мировой капиталистической системы.

США предоставляют помощь освободившимся странам в проведении научно-исследовательских работ в области сельского хозяйства, в выведении новых сортов пшеницы, риса, проса и кукурузы, в распространении новых семян. По оценке ФАО, новыми сортами только в странах Азии засеивается 40% площадей под пшеницей и 11% площадей под рисом. Всего в развивающихся странах под новыми сортами зерновых уже в 1973 г. было занято 33,6 млн. га¹².

Другое важное направление в научно-технической деятельности США заключается в оказании помощи развивающимся странам в освоении ресурсов Мирового океана. Активизация усилий в этой области объясняется стремлением США получить двусторонние преимущества в отношении прав и практиче-

ских возможностей освоения и использования ресурсов и пространств океана.

Расчет США по отношению к развивающимся странам строится на практически полном отсутствии у них знаний, научно-технического потенциала и кадров, необходимых для развертывания не только глубоководных работ, но и деятельности, связанной с использованием минеральных ресурсов прибрежных районов. В этих условиях США стремятся обеспечить себе доступ не только к глубоководному сырью, но и к морским ресурсам, расположенным на континентальных шельфах освободившихся стран, а также получить международные гарантии того, что проводимые ими в этих районах работы не будут поставлены под национальный контроль. Для достижения своих целей США используют так называемые программы помощи развивающимся странам при обследовании прибрежных районов, содействуют развитию национальной базы освоения экономического потенциала океана, щедро обещают финансовые средства, которые якобы поступят в распоряжение этих стран в виде отчислений от прибылей американских корпораций, осваивающих минеральные ресурсы океана.

Именно эти факторы учитываются в развитии океанографической кооперации США с теми развивающимися странами, которые стремятся развернуть морские исследования возле своего побережья, но не обладают ни научной, ни материальной базой для проведения крупномасштабных морских работ, ни высококвалифицированными специалистами-океанографами. В отношениях с такими странами практикуется привлечение местных ученых к участию в американских экспедициях и оказание содействия в интерпретации полученных данных и материалов, участие США в подготовке океанографов для развивающихся стран и передача им морской технологии¹³. Но совершенно очевидно, что американская помощь в проведении океанографических исследований диктуется отнюдь не благотворительными целями, а рассматривается правящими кругами США как одно из средств получения доступа к прибрежным морским пространствам развивающихся стран, как курс, открывающий возможности воздействия на их национальные программы освоения океана, как первый этап подключения американского капитала к освоению природных богатств этих государств.

Используя в своих интересах проблему нехватки пресной воды в ряде стран Азии и Африки, США оказывают содействие этим государствам в осуществлении проектов по опреснению морской воды. Научно-техническая помощь в этой области предоставляется Израилю, Ирану (до 1979 г.), Камеруну и другим странам¹⁴. Ввод в действие этих объектов (а их строительство планируется закончить в конце 70-х — начале 80-х годов), несомненно, разрешит проблему обеспечения водой этих стран, как питьевой, так и водой для технических целей.

Однако сооружение этих объектов также нельзя рассматривать как акт благотворительности. И здесь налицо трезвый расчет. Техническая помощь США в сооружении подобных объектов ведет к усилению торгово-экономической экспансии США в этих странах, выражающейся в передаче американским корпорациям крупных заказов на поставку машин и оборудования.

Новым важным направлением в практической деятельности США, связанным с развитием НТР, является оказание содействия развивающимся странам в проведении научно-исследовательских работ в области ядерных исследований. В соответствии с программой «Атом для мира», провозглашенной президентом Д. Эйзенхауэром в 1953 г., и положениями Закона об атомной энергии 1954 г. США на начало 1978 г. оказывали помощь 29 развивающимся странам в области мирного использования ядерной энергии, в том числе с 17 странами заключены соглашения о сотрудничестве в этой области (Аргентиной, Бразилией, Венесуэлой, Израилем, Индией, Иракским Ираном, Пакистаном и др.)¹⁵.

Ведущей организацией, оказывавшей содействие развивающимся странам в проведении научно-исследовательских работ в области ядерных исследований по контрактам с УМР, была Комиссия по атомной энергии (КАЭ) (с января 1975 г. ее функции переданы Управлению энергетических исследований и разработок). Основные направления ее помощи заключались в разработке методов мирного использования ядерной энергии в медицине, биологии, физике, сельском хозяйстве, энергетике. Комиссия осуществляла также обмен научно-технической информацией в области мирного использования ядерной энергии с развивающимися странами, содействовала подготовке национальных кадров, направляла в эти страны американских ученых.

КАЭ осуществляла свою деятельность главным образом на основе контрактов, заключаемых с промышленными компаниями и университетами. Большая часть помощи, которую КАЭ предоставляла развивающимся странам, осуществлялась через лаборатории, подчиненные комиссии. Например, Аргонская национальная лаборатория, которая управляется Чикагским университетом, оказывает содействие в поставках атомных реакторов для научно-исследовательских работ, а также в проведении исследований по физическим, биологическим и медицинским проблемам. Окриджская национальная лаборатория, управляемая фирмой «Юнион Карбайд», предоставляет помощь развивающимся странам в пуске атомных реакторов и контроле за их работой, в применении изотопов в различных сферах хозяйства.

Для проведения научных исследований в области использования ядерной энергии КАЭ по контрактам с УМР направляла в развивающиеся страны атомные реакторы мощностью не

более 300 кВт, необходимое для них урановое топливо, оборудование по иррадиации, радиоактивные изотопы и т. д. До 1974 г. США поставили на льготных условиях атомные реакторы для проведения научных исследований в 16 развивающихся странах и подготовили 4197 специалистов по ядерной физике и смежным с ней областям из 18 стран¹⁶. Оказание содействия в области НИР объясняется стремлением США держать под своим контролем развитие научной мысли и основные элементы осуществляемых проектов.

Во второй половине 70-х годов США прекратили оказывать содействие развивающимся странам в области мирного использования ядерной энергии на двусторонней основе, однако расширили свою помощь через Международное агентство по атомной энергетике. В 1979 г. взносы США в эту международную организацию достигли 12 млн. долл. Около половины этой суммы предназначено на оказание научно-технической помощи, в том числе на подготовку инженеров — специалистов по атомной энергетике, а также на мирное использование ядерной энергии в сельском хозяйстве и медицине.

Другой аспект технологической дипломатии США заключается в предоставлении помощи развивающимся странам и территориям в создании атомных электростанций, построенных при американском участии в Южной Корее и на о-ве Тайвань, а в 1978 г. — в АРЕ и Израиле.

Оказание помощи развивающимся странам в области мирного использования атомной энергии США стремятся перевести на коммерческую основу, что объясняется усиливающимся в условиях энергетического кризиса спросом на ядерную энергию в качестве альтернативного источника как со стороны стран, испытывающих дефицит собственных топливно-энергетических ресурсов, так и со стороны нефтедобывающих государств.

После прихода к власти администрации Картера в США было объявлено о новых принципах американской политики в области передачи ядерной технологии. Заявляя о стремлении ограничить распространение в мире ядерного оружия, которое может быть создано в результате мирного использования ядерной технологии, основанной на плутонии, США выступили за усиление контроля над использованием ядерного оборудования и топлива, экспортируемого из США как в развитые капиталистические, так и в развивающиеся страны. В марте 1978 г. президент США Дж. Картер подписал закон, который определяет непосредственные условия экспорта ядерных материалов и технологии из США; в частности, в нем предусматриваются ограничения, вплоть до аннулирования лицензий, на передачу технологии по обогащению и регенерации ядерного топлива странам, отказывающимся дать свое согласие на проведение международной инспекции¹⁷. Однако наряду с этим закон сохраняет за президентом право делать исключения из принятых общих пра-

вил. Подтверждением этого служит разрешение правительства США, принятое в марте 1979 г., поставить Индии 40 тыс. фунтов обогащенного урана для атомной электростанции в Тарапуре (около г. Бомбея).

Правительство США активно прибегает к использованию космической техники при проведении своей неокOLONиалистской политики в развивающихся странах. Значительная часть совместных мероприятий по различным проблемам космических исследований, которые организуют США, приходится на развивающиеся страны. Паземные станции для приема данных с американских метеорологических спутников, со спутников для ионосферных исследований и для ряда других экспериментов размещены, например, в Кении, АРЕ, Судане, Заире, Береге Слоновой Кости, Индии, Таиланде и ряде других стран. Возможность строительства на территориях освобожденных государств станций слежения и других объектов наземного обеспечения американских космических экспериментов дает США целый ряд научно-технических и военно-стратегических преимуществ.

США придают большое значение применению космической техники для оказания воздействия на различные отрасли экономики и общественной жизни развивающихся стран. Используя острый недостаток в квалифицированных кадрах, ряд этих стран стремится создать национальные общеобразовательные программы, которые позволили бы поднять культурный уровень населения. Такую возможность открывают спутники связи. США охотно предлагают развивающимся странам такие спутники в рамках двусторонних соглашений. Показателен в этом отношении пример с Бразилией.

Для создания системы спутников связи бразильское правительство подписало в 1972 г. контракт с американской корпорацией «Хьюз Эйркрафт» — крупнейшим в капиталистическом мире строителем спутников военного назначения. Официально речь идет о создании системы образования с использованием трех спутников, которые были запущены в 1977 г. и охватили 86% национальной территории. Каждый спутник имеет в своем распоряжении 3 телевизионные и 20 радиовещательных станций. Главная передающая станция находится в Институте космических исследований в Сан-Пауло; 9 центров программирования дают материал для передач, предназначенных для школьников первых 12 лет обучения; 150 тыс. станций непосредственного приема обеспечивают трансляцию в сельских зонах¹⁸.

Подобный же проект США подготовили для Индии. В 1975 г. на основе соглашения между двумя странами был использован спутник связи Национального аэрокосмического управления (НАСА), на котором находилась телевизионная станция. Образовательная программа, передаваемая с этого спутника, охватила жителей 2,4 тыс. индийских деревень, которым были ро-

даны телевизионные приемники. Правительство Индии, приняв во внимание эффективность и дешевизну обучения населения по телевидению, намерено распространить эту образовательную программу на территорию всей страны¹⁹. Несомненно, что использование космической техники для проведения общеобразовательных программ позволяет США оказывать влияние на подбор и подачу материалов в угодном для США духе и даже протаскивать проамериканские материалы. Тем самым под маркой национальных телепередач угодные правящим кругам США взгляды проникают в сознание граждан, а развивающиеся страны «втягиваются во всемирную систему массовой коммуникации», т. е. в систему производства и распространения информации капиталистического мира.

Космические средства связи широко используются в пропагандистских целях и по другим направлениям. Министерство обороны США при тесном сотрудничестве с Управлением по международным связям (бывшее ЮСИА) проводит передачу информации на развивающиеся страны через систему ИНТЕЛСАТ, в которой участвуют более 40 развивающихся стран. Контрольный пакет акций в этой многонациональной корпорации по разработке и эксплуатации систем космической связи принадлежит американской корпорации коммуникационных спутников КОМСАТ. Как отмечалось в докладе бывшего государственного секретаря У. Роджерса, США придают большое значение космическим средствам связи во внешнеполитической пропаганде для оказания непосредственного воздействия на видных государственных и общественных деятелей, включая глав государств и правительств²⁰. В сочетании с другими средствами массовой информации космические средства связи оказывают сильное воздействие на формирование мировоззрения масс и, следовательно, на идеологическую борьбу и социальные процессы в развивающихся странах.

США разрабатывают также систему мероприятий, связанных с использованием развивающимися странами американских спутников для исследования природных ресурсов земли, способных определить залегание полезных ископаемых, следить за ходом развития сельскохозяйственных культур, определять подверженность их болезням, следить за миграцией рыбы в океане и т. д.

США разрабатывают также мероприятия, связанные с использованием американских спутников для исследования природных ресурсов развивающихся стран из космоса, для получения конкретной информации в таких областях, как геология, экология, сельское и лесное хозяйство, землепользование, океанография, водные ресурсы и др. Для этой цели используются космические аппараты серии «Лэндсат», запущавшиеся в США в 1972, 1975 и 1978 гг. по линии программ Национального управления по авиации и космонавтике (НАСА). Метод работы спут-

ников заключался в поиске эмпирических корреляций между структурой земной коры и ее отображением и распознаванием в различных спектральных диапазонах. Данный метод, несмотря на его простоту, открыл широкие возможности спутников в самых различных областях исследования природных ресурсов. Приведем ряд примеров.

Геология. С помощью спутника «Лэндсат» в АРЕ были открыты запасы нефти и урана, в Боливии — лития и калия, в Пакистане — меди²¹. Примером экономической рентабельности может служить такой факт: информация по Боливии стоила 10 тыс. долл., а американские корпорации после обнаружения лития и калия вложили в их разработку 136 млн. долл.

Сельское хозяйство. В Индии была опробована методика определения мест, где при соответствующих приращивающих мероприятиях можно будет собирать по два урожая в год, основанная на сопоставлении снимков, сделанных в сухой сезон и в конце сезона дождей²². Также с помощью искусственных спутников была доказана возможность составления почвенных карт с идентификацией определенного типа почв. Например, такая карта была составлена по области Аруша (Танзания). Эта информация используется в Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО).

Представляет интерес эксперимент, начавшийся в 1974 г. под эгидой НАСА, министерства сельского хозяйства и управления по исследованию океана и атмосферы по прогнозированию урожая на больших площадях. В 1977 г. была сделана попытка предсказать урожай сои в Бразилии. Планируется дальнейшее расширение этого эксперимента. Советник президента США по вопросам науки Ф. Пресс объявил в 1979 г. о том, что принята шестилетняя программа предсказания урожая во всем мире. Расширение коснется также и номенклатуры сельскохозяйственных культур²³.

Землепользование. Считается доказанным, что с помощью спутников можно проводить инвентаризацию земельных участков и леса при меньших расходах, чем с самолета. Так, в Индии намечены районы для установления дамб, проведены оценки масштабов вырубки лесов, определены изменения русел рек, в частности р. Маханди. В Африке обнаружены районы, пригодные для выпасов, что позволит наметить пути наиболее эффективного вложения средств в пастбищное скотоводство. В труднодоступных районах Перу, Чили, Аргентины и Боливии обнаружены неизвестные озера, солевые бассейны, кратеры вулканов.

Океанография. Использование космических аппаратов «Лэндсат» позволило провести ряд наблюдений за прибрежными районами в интересах навигации и рыболовства, определить изменение глубины каналов и проливов. Разработана методика определения загрязнения поверхностей воды. Например, было ис-

следовано влияние производства олова в Малайзии на чистоту прибрежных вод.

Водные ресурсы. Ряд исследований показал хорошие возможности использования спутников для уточнения поступления воды при снеготаяниях и связанных с ним явлений: была определена граница районов наводнений в бассейнах крупных рек на примере р. Инд в Пакистане; доказана возможность составления гидрологических карт (Парагвай); информация со спутников позволила наметить мероприятия по осушению болот в Северной Колумбии.

Информация со спутников по исследованию природных ресурсов как одна из форм научно-технической помощи США приобретает все большую роль в условиях НТР. США предоставляют развивающимся странам субсидии для строительства станций, непосредственно принимающих информацию, обучают их обслуживающий персонал, устанавливают льготные тарифы на использование этой информации.

Применение новейших достижений науки и техники становится в современных условиях фактором давления на развивающиеся страны, который используется США в нужном для них направлении.

**ПОЛИТИКА США
В ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНАХ
РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ МИРА**

Анализ общих вопросов политики США в развивающихся странах дает возможность определить самые главные тенденции в подходе американских правящих кругов к проблемам политики в Азии, Африке и Латинской Америке. Это имеет свою бесспорную положительную сторону: политика США в отношении развивающихся стран как специфическая отрасль глобальной стратегии Вашингтона имеет свои закономерности, и раскрыть их можно лишь на разборе общих специфических черт, присущих именно данному явлению в целом.

Вместе с тем без более конкретного фактологического анализа исследование этих общих черт будет иметь несколько умозрительный характер, уместный в теоретической разработке, но являющийся недостатком при изучении текущей реальности. Поэтому разбор основных проблем взаимоотношений США с развивающимися странами в 70-х годах необходимо дополнить исследованием конкретных форм и средств американской политики в отдельных странах и субрегионах Азии, Африки и Латинской Америки.

В связи с этим в данном разделе предпринята попытка рассмотреть политику Соединенных Штатов в отдельных районах развивающегося мира, расчленив их для удобства анализа на пять частей: Латинскую Америку, Африку, Ближний Восток, Южную Азию и зону Индийского океана, Юго-Восточную Азию. Каждый из этих районов служит объектом экспансии США. Но в каждом из них эта экспансия проявляется в разных формах в зависимости от местных условий и целей американского правящего класса.

Из всех районов развивающегося мира Латинская Америка является наиболее давним, традиционным районом империалистической экспансии США. По Ближний Восток, Южная Азия и зона Индийского океана, Юго-Восточная Азия, Африка — все эти районы становятся сферами активной политики США лишь после второй мировой войны, что, естественно, придает известную специфичность этой политике и формам ее осуществления.

Порегионное исследование политики США в зоне развивающихся государств дополняет разбор ее главных и основных черт в предыдущих разделах и призвано в определенной мере служить иллюстрацией сделанных в них выводов.

Глава 10

США И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Латинской Америке всегда отводилось важное место в американской внешней политике. Однако на рубеже 60—70-х годов произошло относительное снижение значения этого региона в шкале внешнеполитических приоритетов Соединенных Штатов. Это проявилось как в падении удельного веса Латинской Америки в общем объеме внешней торговли и зарубежных капиталовложений США, так и в дальнейшем смещении политических интересов Вашингтона на Ближний и Дальний Восток. Данные обстоятельства во многом определили особенности подхода Соединенных Штатов к Латинской Америке как к своему стратегическому тылу и сфере традиционного влияния, что нашло практическое выражение в политике администрации Никсона, имевшей своей целью главным образом сохранение статус-кво на континенте и отказ от активного латиноамериканского курса демократов.

По оценкам большинства американских специалистов в данной области, «вовлеченность» правительства республиканцев в латиноамериканские дела в первой половине 70-х годов была одной из самых низких за послевоенную историю взаимоотношений США с их южными соседями. Постепенное проведение подобной политики пришло в противоречие с основными направлениями развития стран региона: ростом национально-освободительного движения, усилением их борьбы за полную экономическую и политическую независимость, развитием интеграционных процессов на континенте. Эти факторы наряду с начавшимся возрастанием значения развивающихся стран для США с середины 70-х годов привели к постепенному восстановлению прежней роли Латинской Америки как одного из важнейших объектов стратегии Соединенных Штатов и способствовали активизации латиноамериканской политики Белого дома во второй половине 70-х годов.

В целом последнее десятилетие прошло под знаком постоянного поиска американским руководством такого курса в отношении стран к югу от Рио-Гранде, который бы, учитывая динамику их развития, позволял прочно удерживать Латинскую Америку в орбите капитализма и в сфере американского влияния, решительно противодействуя любой реальной социалистической альтернативе в регионе. На протяжении 70-х годов в ла-

тиноамериканской политике Вашингтона сменялось несколько курсов и «подходов», и, хотя контрнаступление империализма на континенте и достигло некоторых частных успехов, добиться своей главной цели Соединенным Штатам не удалось. Общая политическая ситуация в Латинской Америке по-прежнему оценивается в США как напряженная и близкая к революционной.

После широкообсуждаемых реформистских программ и большого интереса США к латиноамериканским делам в период правления администраций Дж. Кеннеди и Л. Джонсона подход республиканцев к южным соседям — «новое партнерство» — справедливо получил название «политики низкого профиля». Латиноамериканская политика правительства Р. Никсона в целом укладывалась в рамки «доктрины Никсона», снижавшей уровень официального присутствия США в развивающихся странах. Переход к подобному курсу в отношении Латинской Америки был обусловлен как общими изменениями во внешней политике Соединенных Штатов в этот период, так и недостаточной эффективностью американских реформистских программ «Союза ради прогресса», невозможностью осуществления «мирной регулируемой революции» на континенте¹, что фактически было признано американским руководством в 1969 г. после поездки Д. Рокфеллера по странам региона.

Сыграв определенную роль в снижении революционного подъема на континенте в конце 60-х годов, реформистский курс не смог в полной мере стимулировать развитие капитализма в Латинской Америке по западному пути и в условиях продолжавшейся войны во Вьетнаме и обострившегося социально-экономического кризиса в самих США был признан не оправданным ожиданиями. Все это вынуждало республиканскую администрацию искать менее дорогостоящие и более прагматические средства для достижения своих стратегических целей в регионе, которые к тому же в большей мере соответствовали республиканскому, традиционно консервативному подходу к данной проблематике.

«Новое партнерство» Никсона для Латинской Америки означало прежде всего сокращение программ экономической помощи (с 378 млн. долл. в 1970 г. до 170 млн. долл. в 1974 г.²), замедление притока государственного капитала США на континент при усилении экспорта частного. Если в начале 70-х годов государственное финансирование США в Латинской Америке вдвое превышало частное, то в 1974 г. оно составило всего 26% общего объема экспортированного в Латинскую Америку капитала Соединенных Штатов. Для политики правительства республиканцев была характерна и все большая ориентация на международные банки и ТНК во всей сфере экономических отношений с южными соседями. Официально Вашингтон воздерживался от громких обещаний странам региона, говорил об ограничении экономической экспансии. Однако, как показало

начало 70-х годов, экономическая зависимость Латинской Америки от США заметно усилилась. Задолженность стран континента международным банкам возросла с 20 млрд. долл. в 1970 г. до 30 млрд. долл. в 1974 г., резко увеличилась степень эксплуатации региона транснациональными корпорациями. По подсчетам советских исследователей, в конце 60-х годов ежегодный вывоз прибылей ТНК из Латинской Америки достигал 1943 млн. долл., в 1970 г. он поднялся до 2058 млн. долл., а в 1974 г. составлял уже 6734 млн. долл.³

В начале 70-х годов в определенной мере проявились и результаты экономического привязывания Латинской Америки к США, осуществлявшегося еще в предыдущем десятилетии. Широко распространение американских капиталов в Бразилию, Мексику, Венесуэлу, растущие инвестиции США в обрабатывающую промышленность стран региона вели к тому, что в начале 70-х годов более 30% стоимости продукции производилось корпорациями США и их филиалами. А в наиболее развитых государствах региона — Аргентине, Бразилии, Мексике — иностранный, в основном американский, капитал контролировал от 50 до 75% производства продукции в самых динамичных отраслях экономики. Усиление неравноправного характера отношений между Соединенными Штатами и странами континента в начале 70-х годов усугублялось и действиями американского правительства в области торговли. Из-за протекционистских мер США экспорт не облагаемой тарифами продукции латиноамериканских государств в эту страну сократился вдвое, что во многом определило хронический дефицит торгового баланса стран Латинской Америки (1160 млн. долл. в 1973 г., 3518 млн. долл. в 1975 г., 1630 млн. долл. в 1978 г.⁴).

Создание в Соединенных Штатах такого органа, как Корпорация частных инвестиций, страховавшего капиталовложения американских банков в развивающихся странах, в том числе и в Латинской Америке, безоговорочная защита интересов частного бизнеса правительством США, грозившим принятием экономических санкций в ответ на национализацию собственности корпораций (поправки Хикенлупера и Гопсалеса), растущая технологическая зависимость государств континента от северного соседа — все это усиливало недовольство в Латинской Америке.

В области политических отношений со странами региона правительство республиканцев исходило из целесообразности единого подхода к Латинской Америке, который практиковался в 60-е годы. Фактически с самого начала администрация Никсона пыталась строить свою латиноамериканскую политику на выборочной, дифференцированной основе. Уже в своем послании конгрессу в 1970 г. президент США отметил, что отныне американская помощь в регионе будет предоставляться только друзьям. В условиях «политики низкого профиля» Соединенные Штаты стремились найти поддержку и опору среди тех госу-

дарств континента, которые, имея большое политическое и экономическое значение, шли бы в фарватере американской внешней политики. Такой подход означал, что, несмотря на сопротивление либеральной части конгресса, правительство Никсона все более делало ставку на военные режимы проамериканской ориентации, хотя заявляло и о поддержке тех буржуазных демократий, которые обеспечивают стабильность и «порядок».

В 1971 г. Соединенные Штаты удвоили военную помощь странам Латинской Америки, которая достигла 150 млн. долл.⁵, начали активную подготовку контрреволюционного переворота в Чили. Американские разведывательные службы в немалой степени способствовали свержению прогрессивного правительства Торреса в Боливии в 1971 г. Помимо традиционной «защиты» американских интересов подобные действия республиканской администрации во многом вытекали из самого существа «прагматического подхода» — помогать в первую очередь тем, кто лучше обеспечивает подавление революционных сил, охраняет американские инвестиции и интересы. При этом само понятие интересов США в регионе было значительно сужено и практически сведено, как отмечали многие американские исследователи, к краткосрочным политическим целям, для достижения которых требовались минимальные издержки. По мнению ряда советских ученых, это позволяло говорить об известной «латинизации» политики США в регионе (по примеру «вьетнамизации»), достижения нужных Вашингтону целей руками латиноамериканцев⁶.

В целом политика «выборочного фаворитизма», во многом продиктованная желанием США расколоть формирующийся фронт государств континента, получила достаточно широкое освещение в советской литературе. Авторами отмечалось стремление США установить контроль над процессом объединения усилий латиноамериканских стран, направленных на выработку общей платформы, единой позиции по многим международным вопросам, расколоть интеграционные группировки.

Вместе с тем дифференцированный подход США к государствам региона, даже по справедливой оценке некоторых американских исследователей, все же не означал полностью «отсутствия единой политики в отношении Латинской Америки»⁷. В основе единого подхода по-прежнему лежали патернализм, признание исключительности положения Соединенных Штатов в Западном полушарии, стремление рассматривать Латинскую Америку как сферу особых американских интересов, что в совокупности с отмеченным выше прагматическим подходом формировало «жесткий курс».

Наиболее характерными его чертами на практике выступили: во-первых, поиски предпочтительного союзника (на его место была выдвинута Бразилия, которой президент Никсон отводил роль лидера континента, призванного проводить государ-

ственно-монополистическую модернизацию в рамках зависимого капитализма). Во-вторых, переориентация США в поддержке сил на арене внутривосточной борьбы в Латинской Америке (правительство Никсона откровенно поддерживало крупную буржуазию, связанную с ТНК, олигархию, реакционное офицерство; такое положение вещей означало отказ от опоры на средние слои, мелкую буржуазию, интеллигенцию, что было присуще политике «Союза ради прогресса»). В-третьих, расширение вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран и нежелание считаться с их общими интересами (правительство республиканцев уклонялось от решения важных политических проблем, существовавших между Соединенными Штатами и Латинской Америкой: тормозило переговоры о Панамском канале, противилось перестройке межамериканской системы в сторону большего учета потребностей государств региона, продолжало курс непризнания Кубы, расширяло масштабы подрывной деятельности на континенте).

Следует отметить, что в отдельных аспектах курс Никсона и в краткосрочном плане был небезуспешным для правящих кругов Соединенных Штатов. Усилилась финансово-экономическая зависимость стран региона от американского капитала (хотя все большую конкуренцию США в Латинской Америке составляли ЕЭС и Япония); удалось на время сбить подъем революционного движения в Чили, Уругвае, Боливии, где к власти с помощью США пришли реакционные военные режимы. В итоге, по замечанию исследователя политики Соединенных Штатов в регионе К. Митчела, «политика низкого профиля», внешнее невнимание к латиноамериканским делам обернулось «впечатляющей картиной активности, интервенционизма и непоследовательности»⁸.

Однако активность политики республиканской администрации проявилась лишь в «разрушительной» сфере, и до 1973 г. эта политика характеризовалась почти полным отсутствием конструктивного элемента. Практически за четыре года правительство США не только не попыталось осуществить, но и не выдвинуло ни одной реальной программы в области латиноамериканской политики. Поэтому в главном — в снижении общего уровня противоречий между Соединенными Штатами и Латинской Америкой — курс правительства Никсона полностью цели не достиг.

Дифференцированный подход к странам континента, стремление США решать проблемы в отношениях с «младшими партнерами» на двусторонней основе, малой ценой или воздерживаться от их решения приводили к накаливанию противоречий между Вашингтоном и Латинской Америкой. Более того, обострение отношений США со странами, проводящими политику национализации иностранной собственности, прежде всего в 1972 г. с Перу, кризис межамериканской системы, во мно-

гом связанный с нежеланием США участвовать в ее реформе, острые экономические проблемы фактически способствовали складыванию к 1974 г. такой ситуации, когда Соединенные Штаты оказались перед лицом единого фронта латиноамериканских государств, в который входили по отдельным вопросам и их традиционные союзники.

Перемены, происшедшие к югу от Рио-Гранде, ускорили выработку в Вашингтоне нового подхода к Латинской Америке, который бы соответствовал «духу времени» и учитывал некоторые стремления государств континента. В конце 1973 г. государственный секретарь Г. Киссинджер объявил о намерении США начать «новый диалог» с Латинской Америкой, который американское правительство обещало вести с позиций «равенства и уважения» интересов и прав своих партнеров.

В так называемой «Декларации Боготы» страны региона сформулировали в общих чертах совместную программу для переговоров с Соединенными Штатами. Центральное место в ней занимали требования облегчения доступа латиноамериканских товаров на рынки США и ограничения экспансии ТНК, требования демократизации устава Организации американских государств (ОАГ) и положительного решения «панамского вопроса». Государства Латинской Америки настаивали также на прекращении вмешательства Соединенных Штатов в их внутренние дела. Требования об отмене санкций ОАГ против Кубы не вошло в программу из-за противодействия Бразилии, Чили, Уругвая. Большое значение для постановки латиноамериканскими странами решительных требований к США имело общее улучшение климата международных отношений в это время, распространение в мире принципов разрядки.

Открывшиеся в начале 1974 г. переговоры в Тлателолко (Мексика) и Вашингтоне продемонстрировали всю глубину противоречий между Соединенными Штатами и латиноамериканскими странами. Нежелание правительства республиканцев предоставить латиноамериканским странам преференции на своих рынках, участвовать в разработке статуса деятельности ТНК на континенте вызвали разочарование и недовольство в Латинской Америке. К этому времени достаточно четко определилось и отношение республиканской администрации к латиноамериканской интеграции. Фактически поддержку и одобрение Вашингтона получали центральноамериканские и Ла-Платское объединения, открывавшие большие возможности для проникновения иностранного капитала. Что касается Андской группировки и Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ), то экономическая политика США сводилась к подрыву их единства. В 1973—1974 гг. американские монополисты пытались использовать Чили как «тройного коня» в Андской группе. В результате в Латинской Америке все более укреплялось убеждение в невозможности равноправного экономического и техниче-

ского сотрудничества с Соединенными Штатами. Поэтому все большее число стран объединялось в рамках чисто латиноамериканской интеграции, свидетельством чему явилось создание в 1975 г. Латиноамериканской экономической системы (ЛАЭС) не только без участия Вашингтона, но и при его неодобрении.

Вместе с тем к грузу прежних политических и экономических разногласий между Соединенными Штатами и Латинской Америкой к середине 70-х годов добавились новые противоречия.

Они были связаны, во-первых, с полной неудачей совещания министров иностранных дел стран — членов ОАГ в Кито в ноябре 1974 г., где обсуждался кубинский вопрос. К этому времени большинство государств континента решительно выступило за отмену санкций ОАГ против Кубы, которые давно стали анахронизмом в межамериканских отношениях. Однако из-за противодействия США и их союзников — правых режимов (в первую очередь Чили) совещание не смогло положительно решить эту проблему, в результате чего кризис ОАГ обострился настолько, что эта организация оказалась на грани развала.

Во-вторых, в Соединенных Штатах в конце 1974 г. был принят дискриминационный торговый закон, который вызвал резкое недовольство Латинской Америки и был с полным основанием квалифицирован как «не просто недружественный акт, а грубое нарушение основных принципов межамериканских отношений»⁹.

В момент обострения конфликта между Соединенными Штатами и их южными соседями немалую роль сыграло и обострение разногласий в самом латиноамериканском лагере. Тот факт, что ряд государств занял антикубинские позиции в ОАГ, а некоторые (Чили) фактически поддержали дискриминационный торговый закон, в определенной степени способствовал ослаблению позиций стран региона в их конфликте с США.

Тем не менее для только что пришедшей к власти в тот момент администрации Дж. Форда оказалось практически невозможно продолжать «новый диалог». Не состоялся следующий этап переговоров между Вашингтоном и латиноамериканскими странами в Буэнос-Айресе, сорвался конференция по научно-техническому сотрудничеству, на неопределенный срок была отложена поездка Г. Киссинджера по государствам региона. В итоге кризис в отношениях между партнерами не только не был преодолен, но даже усилился. В значительной степени его углубление было вызвано противоречивостью и несбалансированностью американской политики. Выдвинув, наконец, программу и предложив «диалог» на пятом году пребывания у власти, правительство республиканцев, явно недооценило ни уровень противоречий между США и Латинской Америкой, ни возможности ее выступления единым фронтом, несмотря на существенные разногласия в латиноамериканском лагере.

В определенной степени такое положение было вызвано

серьезными разногласиями между исполнительной и законодательной властями США по вопросам латиноамериканской политики в этот период. Действия секретных служб США в Чили, откровенная поддержка правых диктатур, поощрение гегемонизма Бразилии в регионе не получали одобрения значительной части конгресса, в то же время вопрос о защите «прав человека», который все больше привлекал внимание американских законодателей, органы исполнительной власти игнорировали. Наглядным примером существовавших противоречий между конгрессом и администрацией может служить и принятие уже упоминавшегося торгового закона 1974 г. Президент Дж. Форд, а также Г. Киссинджер неоднократно отмечали, что он наносит вред латиноамериканской политике Соединенных Штатов. Тем не менее, руководствуясь узкими протекционистскими соображениями, конгрессмены одобрили соответствующий законопроект.

Достаточно примечательным является тот факт, что часто проблемы взаимоотношений США с латиноамериканскими странами оказывались за пределами интересов и компетенции членов подкомиссии по межамериканским делам палаты представителей и подкомиссии по делам Западного полушария сената. К примеру, за 4 года деятельности конгресса 93-го созыва около 40% слушаний и докладов по латиноамериканской проблематике вышли из стен комиссий, вообще не имевших отношения к внешней политике¹⁰. Многие конгрессмены и сенаторы либо интересовались Латинской Америкой с узкой точки зрения, как, например, сенатор Ф. Чёрч — с 1969 по 1973 г. председатель подкомиссии по делам Западного полушария (круг интересов которого находился в сфере военной помощи и деятельности транснациональных корпораций и мало затрагивал область политических взаимоотношений США со странами региона), либо проявляли не только непонимание, но и незнание латиноамериканских проблем.

Новые конфликты между США и Латинской Америкой произошли в момент, когда Соединенные Штаты, быть может как никогда раньше, были заинтересованы в стабилизации своих отношений с государствами региона. Одной из важнейших причин этого явился возросший интерес Вашингтона к энергетическим и сырьевым ресурсам континента, порожденный всемирным энергетическим кризисом. Буквально за год структура экономических отношений между США и Латинской Америкой претерпела существенные изменения. Если в 1973 г. импорт США из стран континента составлял 9607 млн. долл., то в 1974 г. он поднялся сразу до 18424 млн. долл.¹¹ и впервые за многие годы в стоимостном выражении превысил американский экспорт в Латинскую Америку, что главным образом объяснялось ростом цен на нефть и увеличением ее закупок Соединенными Штатами в Венесуэле и Эквадоре. К попыткам улучшить

взаимоотношения американское руководство вынуждал и ряд политических соображений, связанных с поражением в Юго-Восточной Азии, ослаблением позиций США в других районах, стремлением укрепить традиционные тылы.

Весной — летом 1975 г. Вашингтон предпринял шаги, направленные на смягчение напряженности в отношениях с латиноамериканскими странами. В «примирительной речи» в Хьюстоне 1 марта 1975 г. Г. Киссинджер объявил о желании американского правительства «вдохнуть жизнь» в «новый диалог»¹². В результате США активизировали переговоры с Панамой о канале, обещали увеличить помощь наиболее бедным странам региона, были предприняты попытки контактов с Кубой. В июне того же года в Сан-Хосе на Генеральной ассамблее ОАГ американская делегация проголосовала за отмену эмбарго ОАГ на торговлю с Кубой и пошла навстречу латиноамериканским странам в вопросе о реформе этой организации. Хотя предпринятые на сессии меры были довольно ограниченными и не изменили, да и не могли изменить характер этой организации, показательным, что Соединенным Штатам пришлось уступить по нескольким важным вопросам.

В феврале 1976 г. состоялся визит Г. Киссинджера в страны региона, во время которого с американской стороны были выдвинуты предложения, не выходящие за рамки «нового диалога», хотя в них появились и новые моменты, а именно: идеи о «взаимозависимости двух Америк», акцент на необходимость избегать конфронтации во взаимоотношениях. Однако на практике США оказались не готовы к тому, чтобы поддержать предложение латиноамериканских стран о внесении в устав ОАГ принципа «экономической безопасности», т. е. обязательства не предпринимать таких действий, которые могли бы нанести экономический урон партнерам (эмбарго, санкции и пр.). В целом в 1975—1976 гг. действия американского правительства носили «рефлекторный» характер, являясь в основном реакцией на требования латиноамериканских стран, на развитие событий на континенте.

В итоге к моменту ухода из Белого дома республиканской администрации состояние отношений США с Латинской Америкой продолжало оставаться весьма напряженным, существенного пересмотра не оправдавшего себя курса сделано не было, что вызывало не только недовольство в странах региона, но и растущее беспокойство в правящих кругах Соединенных Штатов.

Именно это беспокойство послужило причиной создания в первой половине десятилетия ряда авторитетных комиссий, деятельность которых была направлена на разработку нового внешнеполитического курса США в отношении их южных соседей, на выявление тех проблем, которые могут возникнуть перед Соединенными Штатами в этой области в будущем. К ним относятся

прежде всего Комиссия по вопросам отношений между США и Латинской Америкой, или так называемая Комиссия Линовица (по имени ее председателя, видного американского дипломата С. Линовица), Комиссия по организации политической деятельности в целях проведения внешней политики, или Комиссия Мэрфи, и Комиссия по критическим вызовам для американистов, созданная бывшим вице-президентом США Н. Рокфеллером.

Создание этих комиссий по времени совпало с периодом активизации борьбы развивающихся стран за подлинную экономическую и политическую независимость, за новый международный экономический порядок. Именно тогда такие латиноамериканские страны, как Мексика, Венесуэла, некоторые государства Карибского бассейна не только присоединились к лагерю развивающихся стран, но и стали играть в нем видную роль. Такой поворот дел заставил наиболее дальновидных представителей американских правящих кругов по-новому взглянуть на латиноамериканские страны, не только как на союзников по Западному полушарию, но и как на представителей развивающихся государств.

Результатом деятельности Комиссии Линовица, куда вошли крупные американские политические деятели, бизнесмены, ученые, была публикация в 1974 и 1976 гг. двух докладов: «Обе Америки в меняющемся мире» и «США и Латинская Америка: неотложные меры».

Подчеркивая, что существует настоятельная необходимость пересмотра латиноамериканского курса, так как «база традиционных представлений Соединенных Штатов в Западном полушарии... подорвана драматическими переменами, происшедшими в Латинской Америке и на международной арене, а также немаловажными событиями в самих Соединенных Штатах»¹³, комиссия предложила 33 направленные на достижение этой цели рекомендации.

Прежде всего, по мнению комиссии, американское правительство должно отказаться от соблазна разглагольствовать о «региональном сообществе» и об «особых отношениях», поскольку это неизбежно означало бы, что США рассчитывают на особое отношение стран полушария в обмен на взятые ими на себя обязательства. На практике Соединенные Штаты должны начать строить свои взаимоотношения со странами Латинской Америки с того, чтобы немедленно заявить о своем полном уважении суверенитета каждого государства континента и дать обязательство не допускать военного или тайного вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран, незамедлительно начать переговоры о заключении нового договора с Панамой, искать пути нормализации отношений с Кубой, активизировать политику в «защиту прав человека» в регионе, ограничить продажу обычных вооружений странам континента,

добиваться ратификации Договора Тлателолко о превращении Латинской Америки в безъядерную зону.

Наряду с этим комиссия рекомендовала не выделять Латинскую Америку как особый регион и в процессе разработки нового курса исходить из того, что «большинство проблем в отношениях между США и странами региона могут быть решены лишь в глобальном плане»¹⁴. Это прежде всего создание более благоприятных и надежных основ обмена между производителями и потребителями сырья, разработка мер по погашению внешней задолженности латиноамериканских стран, облегчение передачи научных достижений и технологии, увеличение производства продуктов питания и энергии и т. д.

Тем не менее комиссия все же отдала Латинской Америке особую роль в деле решения основных проблем по линии «Север — Юг», предложив рассматривать отношения США с государствами континента как своего рода «опытную модель» во взаимоотношениях между развитыми капиталистическими и развивающимися странами.

Рекомендации двух других комиссий, а также предложения большинства американских специалистов в области латиноамериканской политики во многом совпадали с рекомендациями комиссии под председательством С. Линовица¹⁵. Выводы и предложения экспертов неоднократно представлялись президенту Дж. Форду, государственному секретарю, обсуждались в конгрессе, однако в основном не были приняты к сведению, хотя в 1975 - 1976 гг. администрация в практической политике учла некоторые из них. Это в значительной степени объяснялось существовавшим в кругах республиканской партии сильной оппозиции пересмотру принципов отношений с Латинской Америкой, особенно в таких вопросах, как заключение договора с Панамой о канале, нормализация отношений с Кубой, а также любыми уступкам странам континента в экономической области. Наиболее жесткую линию по вопросам латиноамериканской политики занимали и многие видные политические деятели США — губернатор Р. Рейган, сенатор Р. Тэрмонд, конгрессмены Н. Смит, Р. Дорнан и др.

Хотя программу взаимоотношений со странами континента президент Дж. Картер объявил еще в апреле 1977 г., во время выступления на Генеральной Ассамблее ООН¹⁶, оформление латиноамериканского курса произошло к началу 1978 г., и в его основу во многом легли рекомендации, выработанные американской внешнеполитической мыслью к середине 70-х годов.

Судя по программе демократической партии 1976 г., официальным выступлениям представителей правительства, а также действиям администрации Дж. Картера в 1977 - 1978 гг., Соединенные Штаты намеревались выступить с новым реформистским курсом в отношении Латинской Америки, воплощение в жизнь которого должно было, по мнению американского

руководства, подкрепить сильно пошатнувшиеся позиции США на континенте.

Основной задачей правительства демократов было снять напряжение в отношениях с южными соседями, сочетая уступки по ряду вопросов с проведением более активной латиноамериканской политики. Наряду с этим выдвигалась задача укрепления капитализма как системы в Латинской Америке путем создания более прочных мирохозяйственных связей между этой частью развивающегося мира и Западом и совершенствованием форм политического господства буржуазии на континенте. В определенной мере латиноамериканский курс вырабатывался с прицелом на будущее, с учетом наметившихся в развитии Латинской Америки тенденций.

С этой целью Вашингтон пришел к выводу о целесообразности рассматривать государство, лежащее к югу от Рио-Гранде, как представителей развивающихся стран в целом, а не только как традиционных союзников, связанных «особыми отношениями». Вашингтон постепенно начал отход от открытого империализма, от явных гегемонистских притязаний в регионе, что открыло некоторые дополнительные возможности для заключения договоров с Панамой о канале и для дальнейшего развития двусторонних отношений с латиноамериканскими странами. Хотя процесс отхода США от панамериканизма, «доктрины Монро» и пр. не принял необратимого характера, он все же свидетельствовал о благоприятном влиянии прогрессивных тенденций на мировой арене на развитие межамериканских отношений.

Вместе с тем администрация Дж. Картера продолжила «дифференцированный» подход к странам континента, переместив его, однако, с регионального в глобальное измерение. Уделяя, как и раньше, главное внимание ключевым странам Латинской Америки — Венесуэле, Мексике, Бразилии, что подтвердил визит в регион президента США, состоявшийся в марте 1978 г., Вашингтон стремился вести с ними дела не только в духе «двусторонних отношений», но и как с лидерами развивающихся стран, что вполне отвечает американской стратегии расчленения, разобщения фронта этих государств вообще и Латинской Америки в частности в расчете одновременно и на более тесный их союз с империализмом в будущем в рамках «зависимого капитализма».

Достаточно наглядный пример в этом отношении являет эволюция подхода Соединенных Штатов к Бразилии. По мере роста экономического и политического потенциала Бразилии «лидер» Латинской Америки и главный проводник интересов США на континенте стал приобретать все большую самостоятельность, что привело к росту противоречий между ним и Вашингтоном. Ряд этих противоречий приобрел черты межимпериалистических (политика Бразилии в области ядерной энерге-

тики, борьба с США за сферу экономического влияния в регионе). Вместе с тем экономическая зависимость Бразилии от международного капитала, делающая ее самым крупным должником развивающегося мира, огромный дефицит в торговле с США неизбежно ставят ее в зависимое положение. Поэтому политика администрации Картера в отношении этой страны нацелена на то, чтобы, с одной стороны, ограничить самостоятельность Бразилии там, где ее политика не совпадает с интересами США, а с другой — попытаться оторвать ее от лагеря развивающихся стран. По мнению большинства американских экспертов, если речь пойдет о выборе между лидерством Бразилии в развивающемся мире и привлечении ее в капиталистический, Соединенным Штатам, безусловно, надо выбрать последнее¹⁷.

Характерной чертой латиноамериканской политики Дж. Картера являлось и стремление более гибко сочетать не только глобальный и дифференцированный подходы, но и подход субрегиональный, примером чему может быть и особая политика в отношении стран Карибского бассейна. Этот регион, где уровень прямых капиталовложений США приближается к 5 млрд. долл., привлекает все большее внимание администрации демократов. Во время ряда визитов высокопоставленных представителей администрации в страны Карибского бассейна им была обещана щедрая помощь и содействие Вашингтона в экономическом развитии, что, с одной стороны, продиктовано заинтересованностью Соединенных Штатов в богатых залежах полезных ископаемых (Ямайка — один из крупнейших в мире производителей бокситов), а с другой — вызвано стремлением США нейтрализовать растущее в Карибском районе влияние революционной Кубы и обеспечить «политическую стабильность» важнейшего стратегического региона.

Важное место в латиноамериканской политике правительства Дж. Картера заняли попытки смягчить напряженность в отношениях с рядом государств региона. Одновременно руководство Белого дома рассчитывало перехватить инициативу в отношениях с Латинской Америкой. Этой цели в определенной степени должны были отвечать такие мероприятия США, как заключение и ратификация договоров с Панамой о канале, прогресс на пути нормализации отношений с Кубой и проведение политики защиты «прав человека». Хотя каждая из этих внешнеполитических акций Вашингтона была продиктована вполне конкретными мотивами, несомненно и их тесная связь с общими задачами латиноамериканской политики демократов по оживлению «бывших традиций», улучшению «облика США на континенте».

Проблема заключения нового соглашения с Панамой еще до прихода к власти администрации демократов находилась в центре взаимоотношений Соединенных Штатов с Латинской Америкой. В 1977 г. Панама и Соединенные Штаты уже выра-

богали некоторые принципы нового соглашения, и затяжка переговоров была чревата для американского правительства не только острой кризисной ситуацией в этом районе, но и серьезным конфликтом со всей Латинской Америкой, страны которой единодушно поддерживали Панаму.

В итоге политическая цепа господства США в зоне канала оказалась слишком высокой и американское правительство пошло на подписание договоров, означавших постепенную ликвидацию господства Соединенных Штатов — одного из последних колониальных анклавов современного мира.

Последовавшая после ожесточенной борьбы в сенате ратификация договоров весной 1978 г. явилась свидетельством важных сдвигов в отношении правящих кругов Соединенных Штатов к «панамскому вопросу» в 70-х годах. Однако, несмотря на поражение правых сил, превративших дискуссию о канале в своего рода «поле сражения» с администрацией, им все же удалось добиться включения в договоры двух поправок, ущемляющих суверенитет Панамы. Первая поправка предоставляет американским военным кораблям право внеочередного прохода через канал в случае чрезвычайного положения, а вторая разрешает вооруженное вмешательство США под предлогом «обороны канала» и после того, как в 2000 г. он перейдет под полный контроль панамского правительства.

Тем не менее заключение и ратификация договоров, даже с поправками, — победа Панамы, а также шаг Соединенных Штатов, хотя и вынужденный, в сторону установления более равноправных отношений с южными соседями.

Развитие американо-кубинских отношений в 1977—1978 гг. еще в большей степени, нежели «панамский вопрос», продемонстрировало сложности и трудности отхода США от традиционных представлений о том, какими должны быть международные отношения в Западном полушарии.

Развитие американо-кубинских отношений в 1977 г., обмен дипломатическими представительствами, расширение деловых связей, заключение соглашения о рыболовстве в территориальных водах могло составить хорошую основу для последующей быстрой нормализации отношений, однако по вине американской стороны этого не произошло.

Налаживание контактов между США и Кубой объективно шло в русле основных тенденций эволюции международных отношений. Оно означало улучшение общего внешнеполитического климата, способствовало снижению напряженности в Карибском бассейне, было выгодно ряду американских торговых фирм. Но постепенно становилось очевидно, что администрация Дж. Картера пытается извлечь из разрядки в отношениях с Гаваной односторонние выгоды: навязать кубинцам американскую концепцию «защиты прав человека», обусловить развитие отношений отказом Кубы от проведения независимой политики

в Африке, постараться оторвать первое в Западном полушарии социалистическое государство от мира социализма. Отказ кубинского правительства принять «условия игры», предлагаемые Белым домом, затормозил дальнейший процесс нормализации американо-кубинских отношений.

Стремление Соединенных Штатов оказать давление на Кубу, связать проблему нормализации двусторонних отношений с вопросом о помощи Советским Союзом и Кубой Эфиопии и Анголе, пострадавшим от агрессии, свидетельствовало о неспособности администрации демократов избавиться от предвзятости в подходе к «кубинскому вопросу», вести диалог с позиций равенства и невмешательства во внутренние дела суверенного государства, а также говорило об уступке правительства правым силам, поднявшим яростную антикубинскую кампанию в сенате и за его пределами.

В итоге в 1979—1980 гг. в американо-кубинских отношениях произошло новое обострение. Администрация Картера развернула в отношении Кубы кампанию клеветы и запугивания, были возобновлены разведывательные полеты над островом, в октябре 1979 г. на американскую военную базу на территории Кубы Гуантанамо был высажен учебный десант.

Важным элементом латиноамериканской политики демократов в конце 70-х годов стала и развязанная Вашингтоном кампания в «защиту прав человека». Являясь региональным вариантом общего политического курса США, эта политика в отношении стран к югу от Рио-Гранде была обусловлена и собственно латиноамериканскими факторами.

Прежде всего известную роль сыграло пропагандистское значение данной кампании, когда Соединенные Штаты начали осуждать режимы, грубо попирающие элементарные права и свободы, режимы, которые традиционно являлись союзниками Вашингтона и пользовались полной поддержкой правительства республиканцев.

Вместе с тем данная политика демократов в Латинской Америке преследовала также более долгосрочные цели. Ее основной задачей состояла в том, чтобы побудить правые военные режимы искать более приемлемые формы политического правления, что в перспективе связано, по мнению руководства США, с необходимостью постепенного возвращения к «системе представительной демократии» на континенте, поскольку военные в ряде стран (Чили, Бразилия) исчерпали свои возможности и уже выполнили миссию по «государственно-монополистической модернизации общества»¹⁸.

Разумеется, это вовсе не означало отказа Соединенных Штатов от помощи своим союзникам, наиболее рьяно охраняющим американские экономические и политические интересы. Напротив, хотя военная помощь Чили запрещена, а экономическая ограничена, эта страна за 1976—1978 гг. получила от между-

народных банков и организаций, где США играют ведущую роль, около полумиллиарда долларов в виде займов и кредитов. Но помощь Вашингтона репрессивным военным режимам обуславливалась рядом требований. Они побуждались к передаче власти гражданским правительствам, хотя при этомажим США носил явно выборочный и лицемерный характер.

Восстановление буржуазных демократий в Латинской Америке при расширении социальной базы господства буржуазии как более надежной альтернативы социализму, по мнению администрации Картера, потенциально было бы выгодно Западу¹⁹. Особые надежды возлагались на использование национал-реформизма, имеющего достаточно прочные корни на латиноамериканской почве. Однако, поскольку демократизация, даже в рамках буржуазного государства, неизбежно означает выход на политическую арену широких прогрессивных сил, активизирует действия трудящихся масс, создает возможности для участия в политической борьбе непосредственно коммунистических и социалистических партий, она таит для империализма США и большую опасность, особенно в Латинской Америке, где разворачивается широкое революционно-освободительное движение. Находясь в связи с этим в крайне противоречивом положении, американское руководство начиная с 1978 г. пыталось подходить к вопросам демократизации «практически». Как показала реакция Соединенных Штатов на революцию в Никарагуа и события в Сальвадоре в 1979—1980 гг., демократизация, так же как и лицемерная кампания в «защиту прав человека», не распространялась правительством Дж. Картера на те случаи, когда «вакуум социально-политической гегемонии», образовавшийся на месте диктатуры, могли заполнить радикальные силы в условиях политической слабости национальной буржуазии.

Для предотвращения дальнейшего неблагоприятного для США развития обстановки в Центральной Америке руководство США, с одной стороны, предприняло ряд мер реформистского характера — оказало революционному правительству Никарагуа экономическую помощь, содействовало замене обанкротившейся диктатуры Ромеро в Сальвадоре, настаивало на спешном проведении ограниченных реформ и выборов в тех центральноамериканских странах, где у власти находились военные режимы. С другой стороны, за этот же период США увеличили свое военное присутствие в регионе: создали штаб «корпуса быстрого реагирования» (в Ки-Уэсте), возобновили приостановленную ранее военную помощь центральноамериканским военным режимам.

Характерно, что во многих рекомендациях, авторы которых в принципе поддерживали идею постепенного восстановления демократических форм правления в регионе, отмечалось, что проведение кампании в «защиту прав человека» и борьба за демо-

кратизацию сопряжены с большими трудностями и опасностями для США, ибо они неизбежно придут в противоречие с основными тенденциями в умонастроениях и взглядах определенных групп населения в развивающихся странах, задев их национальные чувства.

Во многом так и оказалось на самом деле. Проведение политики в «защиту прав человека» в регионе объективно продемонстрировало сужение возможностей Соединенных Штатов навязывать латиноамериканским странам готовые политические решения. Эта политика пришла в противоречие с выдвинутыми администрацией демократов лозунгами «невмешательства» во внутренние дела соседей и уважения их суверенитета, что вызвало более острую, нежели того ожидали в Вашингтоне, реакцию в Латинской Америке.

Попытка увязать «права человека» в Латинской Америке со многими другими вопросами, и особенно с решением различных проблем экономического сотрудничества между Соединенными Штатами и государствами региона, была вызвана в определенной мере и неспособностью Вашингтона заняться хотя бы частичным разрешением большого количества экономических и торговых проблем, накопившихся в межамериканских отношениях. Сместив акценты с экономической сферы на политическую, Соединенные Штаты попытались уйти от принятия важных решений в области экономики, которых от них с нетерпением ждут в латиноамериканских странах. В итоге политика администрации Дж. Картера внесла мало нового в этой области. Фактически она продолжила линию предыдущего американского правительства, не предложив крупных программ помощи и развития и не проявив желания пойти навстречу странам Латинской Америки в вопросах торговли, кредитования, выработки статуса деятельности ТНК на континенте. В частности, несмотря на обещания Картера, ничего не было сделано для того, чтобы облегчить доступ латиноамериканских товаров на рынки США. По мнению большинства специалистов в области латиноамериканской политики Вашингтона, именно это обстоятельство являлось главной причиной ухудшения отношений США со всеми государствами региона, независимо от их политического строя и ориентации²⁰. В США продолжал действовать дискриминационный торговый закон 1974 г. (который, по словам бывшего президента Венесуэлы К. Переса, «никак не вяжется с тоном официальных заявлений Дж. Картера»²¹), а в 1977 г. Вашингтоном были приняты дополнительные протекционистские меры, ограничивающие импорт сахара из Латинской Америки.

В области экспорта капитала правительство США продолжает политику экспансии частных инвестиций на континенте. За последнее время объем частных прямых инвестиций США в регионе возрос в несколько раз и составил в 1977 г.

30 млрд. долл.²². При этом для правительства Дж. Картера характерна все большая координация действий с ТНК, которые, по его мнению, остаются «одним из созидательных частных механизмов для передачи капитала и технологии в наше время...»²³. Причем под давлением латиноамериканских стран Белый дом вынужден признать необходимость принятия «кодекса поведения» ТНК на континенте. Однако, в свою очередь, латиноамериканским странам пытаются навязать кодекс их поведения, что, по сути дела, не только не ограничит экспансию ТНК, но и создаст для них еще более благоприятные возможности для ограбления континента.

Еще большую возможность маневра, с точки зрения администрации Дж. Картера, дает так называемый глобальный подход, т. е. решение экономических и других существующих в межамериканских отношениях проблем на глобальном уровне. Под прикрытием этого «глобального подхода» администрация демократов стремилась вынести торгово-экономические проблемы, и прежде всего кризисные вопросы, за пределы межгосударственных отношений со странами Латинской Америки и решать их на различных всемирных форумах и конференциях совместно с другими развивающимися странами, что пока не привело к сколько-нибудь ощутимым результатам.

В значительной мере, как представляется, такое положение вызвано тем, что при углублении кризиса «зависимого капитализма» в регионе в 70-е годы и в условиях растущих требований латиноамериканских государств по установлению более справедливых экономических отношений правящие круги США стремились, с одной стороны, снять с себя ответственность в принятии решений, ущемляющих интересы корпораций, а с другой — не обострять официальные отношения с отдельными латиноамериканскими странами, как это было в начале десятилетия, когда защита интересов ТНК привела Соединенные Штаты к конфликтам с правительствами Перу, Чили и других стран континента. При этом явный расчет делался и на трудности латиноамериканских стран, их зависимость от иностранного капитала.

По замыслу Белого дома, важным элементом латиноамериканской политики должны были стать конкретные мероприятия в области увеличения помощи и размеров кредитования. Однако никаких реальных шагов (за исключением увеличения ассигнований странам Карибского бассейна, помощь которым по линии Агентства международного развития возросла с 32 млн. долл. в 1975 г. до 79 млн. долл. в 1977 и 1978 гг.²⁴) в этой области сделано не было. При этом представителями правящих кругов США, как правило, обходится молчанием тот факт, что латиноамериканские государства требуют на данном этапе не увеличения помощи, а равноправия в торгово-экономических отношениях. Между тем факты показывают, что, гово-

ря об увеличении займов и кредитов, правительство демократов по-прежнему рассматривало их как средство экономического и политического давления на латиноамериканские страны, не останавливаясь и перед грубым нажимом. В 1977 г. международные банки, используя тяжелое финансовое положение Перу, обусловили предоставление займа в 220 млн. долл. принятием в этой стране мер «жесткой экономии», что в итоге серьезно осложнило внутриполитическую ситуацию в Перу.

Возрастание внимания к Латинской Америке со стороны США, наблюдаемое со второй половины 70-х годов, достаточно наглядно выражается в распределении американских займов и кредитов, как краткосрочных, так и долгосрочных, в различных частях развивающегося мира. В 1977 г. на Африку приходилось 614,336 млн. долл., на Азию — 1,4 млрд. долл., а на Латинскую Америку — 1,687 млрд. долл.²⁵, что значительно выше объема начала 70-х годов для этого региона.

Таким образом, Латинская Америка остается важным объектом экспансии империализма США. Стремление Вашингтона вести экономические и торговые отношения с ней в рамках «глобального подхода» оставляет в повестке дня все спорные вопросы в области экономики и торговли. Правительству демократов так и не удалось увязать региональный и глобальный подходы в латиноамериканской политике, что вытекает из существования вполне конкретных противоречий и разногласий между странами Латинской Америки и США, особенностей их отношений, глубокого характера американского проникновения в страны континента.

Фактически политика правительств республиканцев и демократов в 70-е годы была нацелена на консервацию «неравноправного партнерства», отказ от уступок латиноамериканским странам, сохранение их в рамках «зависимого капиталистического развития». Попытка демократов проводить «реформистский курс», не подкреплённая конкретной экономической программой, потерпела неудачу. Хотя между США и Латинской Америкой и нет сейчас столь острого политического кризиса, как на рубеже 60—70-х годов, общий уровень противоречий между ними продолжает возрастать. Если еще 10—15 лет назад Вашингтон мог диктовать условия и разрешать разногласия односторонними действиями, то сейчас это практически невозможно. Все большая ассоциация Латинской Америки с другими развивающимися странами, рост их совместных требований ведут к тому, что узел противоречий между Северной и Южной Америкой угрожает не только самой системе «неравноправного партнерства», но и важным позициям США на международной арене.

**ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ
РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА**

В основе исключительной важности Ближнего Востока для западного мира лежит факт обладания рядом стран этого региона крупнейшими в капиталистическом мире запасами основного энергетического сырья — нефти. Развивающиеся страны Ближнего Востока, в большинстве своем арабские, которым принадлежат эти нефтяные богатства, имеют самое различное политическое устройство и ориентацию: от феодально-монархических, прозападных режимов (Саудовская Аравия, ряд стран Персидского залива, Иордания и др.) до прогрессивных (Алжир, Сирия и др.). Также различной является история взаимоотношений США с этими странами — с некоторыми США связаны договорными, даже союзническими обязательствами, с другими поддерживают лишь номинальные дипломатические контакты. Ряд стран региона не имеет крупных нефтяных запасов (Сирия, Египет, Иордания, ИДРЙ), однако их позиция в международных и ближневосточных делах не безразлична для США — от политической ориентации этих стран во многом зависят эволюция региона и поведение стран-нефтепроизводителей.

Подобная региональная взаимообусловленность во многом связана с вовлеченностью большинства государств Ближнего Востока — как нефтепроизводителей, так и не производящих нефть на экспорт — в так называемый ближневосточный конфликт между рядом арабских стран (Египтом, Сирией, Иорданией, Ливаном), с одной стороны, и государством Израиль, созданным в районе Палестины по решению ООН в 1948 г., — с другой. Этот конфликт был связан с главными внутриполитическими процессами в регионе и в значительной степени определял их, оказывал воздействие на политику большинства арабских стран и на их взаимоотношения с капиталистическим миром. Проблема ближневосточной нефти и связанная с нею проблема ближневосточного конфликта делают Ближний Восток не похожим ни на один другой регион.

США проводили и проводят свою политику в отношении отдельных ближневосточных государств с учетом многообразия их политических структур, различных уровней их экономической развитости и экономического потенциала, а также степени участия в ближневосточном конфликте.

Вместе с тем наиболее существенными факторами, определившими подход США ко всем развивающимся странам Ближнего Востока без исключения, как и к странам любого другого отдельно взятого региона и всех вместе регионов развивающе-

гося мира, были соображения глобальной конфронтации — в идеологической, военно-политической, экономической областях — с миром социализма, а также отношение американского империализма к национально-освободительной борьбе народов независимо от того, на каком континенте и в какой стране она развивалась.

Характерны в этом смысле ведущие доктрины американского империализма применительно к Ближнему Востоку, разработанные в 50—60-х годах, — «доктрина Трумэна» (1947 г.) и «доктрина Эйзенхауэра» (1957 г.), во главу угла которых было поставлено препятствование установлению «советского господства» на Ближнем Востоке. Практически любые явления внутриполитической жизни государств Ближнего Востока оценивались по стандартам этих доктрин; рост национального самосознания и тем более национально-освободительное движение в странах региона рассматривались правящими кругами США не как проявления глубинных, внутренних процессов в этих странах, а как следствие «внешнего коммунистического влияния» и «проигрыш» в конфронтации с миром социализма.

Экономические и политические противоречия, накопившиеся в отношениях США и других стран Запада с арабским миром со времени второй мировой войны, — неравенство в условиях и темпах развития западных стран — потребителей нефти и арабских стран — производителей этой нефти, ножицы цен на энергетическое сырье и на промышленные товары, экспортируемые капиталистическими странами, а также всесторонняя поддержка Соединенными Штатами и их союзниками израильской агрессии легли в основу так называемого «нефтяного кризиса», возникшего в начале 70-х годов в отношениях между капиталистическим Западом и арабскими странами-нефтепроизводителями. Непосредственным толчком для него послужили очередная вспышка военных действий на Ближнем Востоке в октябре 1973 г. и тот факт, что США вновь, как и в 1967 г., заняли явно выраженную произраильскую позицию, начали массированные военные поставки Израилю, оказали ему политическое и дипломатическое содействие, тем самым поставив себя, в который раз, в положение противника арабских интересов.

В ходе этой четвертой арабо-израильской войны арабские страны-нефтепроизводители впервые с успехом использовали средство нефтяного бойкота западных стран, прежде всего США, в стремлении добиться урегулирования положения на Ближнем Востоке на своих условиях.

Попытки использовать «нефтяное оружие» — эмбарго на поставки нефти западным странам, выступившим на стороне Израиля, прекращение или сокращение производства нефти и т. п. — имели место и в прошлом, во время арабо-израильских войн 1948 и 1967 гг. Однако тогда они были непоследователь-

ными и не принесли ощутимых результатов. В 1973 г. ситуация была кардинально иной.

Решающую роль в успехе нефтяного эмбарго сыграло то, что еще до 1973 г. сложился механизм взаимодействия стран — нефтепроизводителей и экспортеров нефти из числа развивающихся стран — организация ОПЕК.

Реакция ОПЕК на события октябрьской войны 1973 г. на Ближнем Востоке показала, что к этому периоду среди развивающихся стран — членов этой организации, очень разных по своей политической ориентации и проводящих различную национальную политику в одной и той же области, вырабатывается определенный консенсус по наиболее общим вопросам взаимоотношений с западным миром, который может выливаться в достаточно единодушные и решительные действия в определенных политических ситуациях. Следует подчеркнуть тот факт, что единство арабских стран-нефтепроизводителей в «нефтяном бойкоте» имело именно политическую основу. Отмечая эту особенность, американский автор Дж. Ленчовски писал: «Среди нефтепроизводящих стран арабские государства представляют специальную группу, которая отличается от других производителей большей чувствительностью к политическим вопросам. Наиболее важным из них был арабо-израильский конфликт. В широких рамках национализма и антиимпериализма исрабские члены ОПЕК часто могли полностью концентрироваться на экономических соображениях. Однако арабские государства имели дополнительную мотивировку — чисто политический фактор, который подчас брал верх над экономическими соображениями»¹.

Несмотря на то что эмбарго было постепенным, к июлю 1974 г., снято (в частности, в признание «заслуг» США в достижении соглашений о разъединении войск между Израилем, с одной стороны, и Египтом и Сирией — с другой), сам факт его установления имел далеко идущие последствия.

Именно в связи с «нефтяным кризисом» (эпизентром которого стал Ближний Восток) США переходят к разработке новой тактики в отношении развивающихся стран.

В результате успешного для развивающихся стран-нефтепроизводителей исхода нефтяного конфликта на Ближнем Востоке наиболее быстрыми темпами по сравнению с другими отдельными регионами формировалась новая структура экономических и политических взаимоотношений между развитыми странами капиталистического мира и развивающимися странами: происходила концентрация валютно-финансовых средств в руках последних, у них появились реальные возможности для ускоренного развития национальной экономики.

После 1973 г. зависимость США от импорта ближневосточной нефти продолжала расти. В апреле 1976 г. «Нью-Йорк Таймс» сообщала, что на арабские страны приходилось два из

каждых пяти баррелей нефти, импортируемых в США, т. е. почти 41% всего импорта нефти (в сентябре 1973 г., за месяц до октябрьской войны, — 31%)².

Сосредоточение золотых и долларовых запасов в странах-нефтепроизводителях в результате повышения цен на нефть породило серьезные проблемы политического и экономического характера для США и всего западного мира: во-первых, нефтепроизводящие страны получили дополнительное (кроме «нефтяного оружия») средство влияния на мировой экономический рынок; во-вторых, даже если исключить возможность преднамеренного использования этого средства для дестабилизации экономики Запада, оставалась опасность того, что растущие дефициты платежных балансов западных стран в результате существенных расходов на закупку нефти, утечка валюты из этих стран все равно будут иметь кумулятивный, дестабилизирующий эффект.

Частично меры США по преодолению негативного воздействия зависимости от импорта нефти носили внутривнутриполитический и экономический характер: еще при республиканских администрациях Никсона и Форда началась разработка новой американской программы в области энергетики, направленной на развитие альтернативных источников энергии, снижение уровня потребления энергии в США, создание стратегических энергетических запасов и т. д. Однако из-за того, что первые результаты осуществления этой программы могли сказаться (да и то весьма ограниченно) лишь в середине 80-х годов (а с учетом того, что как республиканская администрация, так впоследствии и администрация демократов «увязли» в дебатах с конгрессом и различными лоббистскими группами по вопросу о национальной энергетической программе, даже еще позже), принципиальное значение для США приобретало обеспечение бесперебойных поставок нефти из-за рубежа, прежде всего с Арабского Востока, и при этом во все больших объемах.

Именно поэтому в энергетической программе США принципиальное значение имели меры внешнеполитического характера. Конкретно речь шла о том, чтобы обеспечить с помощью разнообразных средств стабильность поставок нефти из-за рубежа (прежде всего с Ближнего Востока из района Персидского залива), добиться постоянного наращивания производства нефти зарубежными нефтепроизводителями (опять же в первую очередь арабскими странами) при незначительных повышениях цен на нефть и гарантировать сохранение этих условий на достаточно длительный период времени.

Однако попытки США разработать «новый» курс своей ближневосточной политики не исчерпывались экономическими соображениями. Правящие круги США, да и всего западного мира, были напуганы политическими и идеологическими последствиями «эмансипации» развивающихся стран-нефтепроизводите-

лей от неоколониалистского подчинения Западу. В США забили тревогу по поводу идеологической «радикализации» режимов в развивающихся странах, вступивших единым фронтом в активное экономическое противоборство с иностранным капиталом.

Внешнеполитические ведомства США и американская пропаганда начали настойчивые усилия по «культивированию симпатий» к Америке среди общественности и правящих кругов арабских стран. Завершения в «дружбе» подкреплялись посулами экономической, финансовой и военной помощи. Американские монополии пристально следили за развитием миссий американских дипломатов и готовы были устремиться со своими капиталами в те страны, где будут созданы благоприятные для этого условия.

Американское «миротворчество» на Ближнем Востоке распространялось отнюдь не на все страны региона. Основной акцент был сделан на нефтепроизводящие страны капиталистической ориентации, и в первую очередь на те из них, где существовали прозападные, реакционные феодально-монархические режимы. В значительной степени благоприятным для США обстоятельством было то, что их наибольшие экономические интересы на Ближнем Востоке находились как раз в странах с подобными режимами — Саудовской Аравии, шахском Иране, княжествах Персидского залива, в которых сосредоточены самые значительные запасы нефти.

Соединенные Штаты заявили о том, что они готовы предоставить статус «равноправного партнерства» этим странам, повысить их значение в иерархии своей клинтуры. С одной стороны, «новый статус» отражал объективный рост экономического и финансового потенциала этих стран, и США скорее не «предоставляли» его, а вынуждены были с ним мириться, с другой — шаг в сторону существенного расширения экономических, политических и военных отношений с такого рода государствами должен был принести выгоду прежде всего американскому империализму: еще больше и всесторонне «привязать» эти страны к экономической, военно-политической структуре Запада, шире вовлечь их в мировой капиталистический рынок, предотвратить тем самым возможные попытки с их стороны дестабилизировать этот рынок.

Кроме того, одной из основных целей данной политики было превращение этих стран в своеобразные «плацдармы» Запада с целью использовать их для раскола единства развивающихся стран, для осуществления с помощью этой группы государств, их силami и с их территорий всевозможных акций и мероприятий (включая военные) против прогрессивных режимов в соседних с ними развивающихся странах. Эта тактика «тройного коня» не нова в арсенале империализма; применительно к Ближнему Востоку она наглядно отражала растущую (особенно после провала вьетнамской авантюры) тенденцию пра-

влящих кругов США добиваться удовлетворения своих интересов в отдельных регионах без расширения (или даже при сокращении) своего прямого «вовлечения» (иными словами, общего объема военно-политических обязательств или же участия своими вооруженными силами в регулировании региональных ситуаций). Вместо этого Вашингтон предпочитал действовать руками своих посредников-сателлитов, «клиентов».

Характерную рекомендацию упомянутых целей американского империализма дает известный американский специалист по проблемам развивающихся стран Т. Фарер: «Очень легко удовлетворить третий мир в его стремлении получить большую часть мирового „диплога“ — ведь для этого надо лишь подключить к международному процессу принятия решений незначительное число лидеров некоторых стран третьего мира»³. Фарер приводит список стран, которые, по его мнению, могут быть «допущены» к этому международному процессу. Не вызывает удивления, что применительно к Ближнему Востоку он назвал Саудовскую Аравию и шахский Иран.

Отношения США с этими двумя странами могут служить примером новых направлений американского неоколониализма на Ближнем Востоке, иллюстрацией усложнившегося баланса интересов и потребностей, а также вынужденных уступок «пурошам» среди развивающихся стран.

Одновременно с развитием экономического потенциала, особенно после 1973 г., росли и политические требования режимов этих стран: у них появились опасения насчет того, что в определенный момент может произойти истощение их нефтяных ресурсов, а их экономика останется слаборазвитой. В случае с Саудовской Аравией ее правительство, кроме того, занимает критическое отношение к произранльскому «крену» американской политики (как показало ее участие в нефтяном эмбарго 1973 г.) и все настойчивее требует, чтобы США пересмотрели свою позицию по ближневосточному конфликту.

Со своей стороны, шахский режим Ирана использовал возросшие финансово-экономические возможности для удовлетворения своих военно-политических амбиций: Тегеран закупал в массовом количестве вооружение в США и странах НАТО и, обладая немалыми людскими ресурсами, постепенно превращался во влиятельную силу в ближневосточном регионе.

Вместе с тем, делая расчеты на то, что такие прозападные государства, как Саудовская Аравия и шахский Иран, будут в целом содействовать их интересам, Соединенные Штаты отнюдь не предоставляли им полную свободу действий и не «устраивались» от пристального наблюдения за эволюцией событий в этих странах, особенно в главном районе нефтедобычи — районе Персидского залива. Основопологающим при этом соображением было то, что «Персидский залив будет во все большей, может быть жизненно важной, степени иметь значение

для экономических и политических интересов США. США должны проявлять исключительную осторожность в формулировании соответствующей политики в отношении индивидуальных государств и в отношении района в целом в силу динамики внутренней ситуации в большинстве этих государств, которые сталкиваются с быстрыми социальными изменениями»⁴.

Идя в определенном смысле навстречу требованиям Саудовской Аравии и шахского Ирана, США учитывали и то, что в их руках оставались существенные рычаги влияния на эти страны. Несмотря на увеличившиеся финансово-экономические и даже военные возможности, режимы этих стран, являясь антинародными по своей сущности, сохраняли свою зависимость от американского империализма. Правящие круги Саудовской Аравии и шахского Ирана более всего опасались роста национально-освободительного, антифеодального, антимонархического движения в своих странах и искали опоры в международном антикоммунизме. Вот как описывала реакционную взаимосвязь саудовской монархии и американского империализма «Интернешнл Геральд Трибюн»: «Семья Сауда... постоянно боролась с коммунизмом и Советским Союзом ... как вирусам, которые могут привести арабский радикализм в Саудовскую Аравию... ее действия направлены на то, чтобы отбросить их от своих границ и границ ее ближайших союзников. Эти цели почти полностью совпадают с целями США. Саудовцы ясно видят подразумеваемое *quid pro quo* в отношениях с США, когда последние обеспечивают защиту королевской семье и не допускают проникновения Советского Союза и радикальных арабских государств, в то время как сами они обеспечивают приток нефти в США и более общую экономическую стабильность»⁵.

Идеологическая и политическая ориентация режимов Саудовской Аравии и шахского Ирана на Запад, а также экономическая взаимосвязь этих стран с мировым капиталистическим рынком и с экономикой США сделали их ведущей опорой в достижении целей американской внешней политики.

Действуя через свою «агентуру» среди развивающихся стран, Соединенные Штаты используют самые различные объективные и субъективные противоречия, возникшие в их среде, при этом они поддерживают как непосредственное участие своих «клиентов» в различных конфликтных ситуациях (например, Египет против Ливии, Саудовскую Аравию против Северного Йемена), так и косвенное их участие в подобных ситуациях на той стороне, которой симпатизируют США. В этом плане обращает на себя внимание, например, то, что в 70-е годы при содействии США Саудовская Аравия все активнее использует свои финансовые возможности для поддержания правых режимов на Африканском континенте, она охотно содействовала усилиям США, направленным на отрыв Египта от прогрессивной

ориентации, поддержала сомалийскую агрессию против Эфиопии и т. д. По планам Вашингтона огромные денежные ресурсы Саудовской Аравии и ряда идентичных режимов в сочетании с людскими ресурсами таких стран, как, например, АРЕ (и не только на Ближнем Востоке, но и в примыкающих районах, в частности в Африке), могли бы стать основой для новых прозападных военно-стратегических и политических блоков в развивающемся мире.

На базе растущей проамериканской ориентации и зависимости, а также увеличения военного потенциала таких стран, как шахский Иран, в США появились надежды на активизацию ранее созданных, но впоследствии утративших свое значение блоков типа СЕНТО. Поэтому США поощряли гегемонистские устремления шахской монархии.

Из всего сказанного понятно, почему антимонархическая революция в Иране явилась тяжелым ударом для правящих кругов США. Эта революция означала не только крушение одного из основных «столпов» американской политики в районе Персидского залива и на всем Ближнем Востоке, но и поставила под вопрос один из главных тезисов внешней политики США 70-х годов о возможности защиты американских интересов в различных регионах при помощи местных проамериканских режимов. Американские политики, дипломаты, представители разведслужб в Иране были буквально потрясены размахом и быстротой, с которой пошла революция. Еще накануне иранских событий им, как и всему официальному Вашингтону, казалось немислмым падение режима, обладавшего значительным военным потенциалом, безжалостно подавлявшим любую оппозицию в течение десятилетий. Характерно, что основой для возникновения широкой национальной антишахской коалиции, совершившей революцию (включаяшей и религиозные, и светские круги, представителей самых различных социальных слоев), явились антиимпериалистические, и конкретнее, антиамериканские настроения. Правление Пехлеви тесно ассоциировалось в представлениях иранцев с засильем американских монополий, военным диктатом США.

Правящие круги Соединенных Штатов не смогли (или не хотели) понять существа иранской революции. Они объясняли ее чем угодно (просчетами в оценке антишахской оппозиции, возрождением ислама), выразившемся в «радикализации» мусульманских стран и т. д.), только не процессом борьбы народов за национальное самоопределение и экономическую независимость. Отсюда и реакция США на иранскую революцию — стремление подавить ее любыми средствами (в том числе подавляя ее военными). Под различными предложениями (в том числе под предложением захвата американского посольства в Тегеране) США вершили сначала к демонстрации своей военной силы у берегов Ирана, а затем и к проведению боевых операций на террито-

рии этой страны (провалившаяся попытка возвращения американских заложников). США пытались организовать и своих союзников на антииранские меры, в частности, на экономический бойкот Ирана.

Американские действия в связи с событиями в Иране должны рассматриваться однако и в более широком контексте: они символизировали определенный качественный переход в глобальной стратегии американского империализма в развивающихся странах. Как бы преодолевая свой «вьетнамский синдром», в начале 80-х годов США вновь переходят к использованию собственных вооруженных сил для достижения целей своей внешней политики. Политическое и военное руководство в Вашингтоне занялось разработкой методов реагирования на ситуации иранского типа при помощи мобильных боевых подразделений «быстрого развертывания», которые могли быть посланы в любой район земного шара в короткие сроки (своего рода обновленная «дипломатия канонерок»).

В самом районе Персидского залива к октябрю 1980 г. США разместили военную технику и снаряжение для 12 тыс. морских пехотинцев и боеприпасы для 500 самолетов и дополнительно в Индийском океане — два авианосных ударных соединения, продолжая наращивать напряженность вокруг Ирана.

США благоприятно отнеслись к ирано-иракскому конфликту, начавшемуся осенью 1980 г., ожидая от него ослабления антиимпериалистического режима в Иране. Этот конфликт, истощая материальные и людские ресурсы обеих стран, играл на руку американскому империализму, соответствовал их политике в развивающемся мире в духе тезиса «разделяй и властвуй».

Развитие экономических, политических, военных отношений США с группой арабских стран-нефтепроизводителей, рост значения этих стран в американской ближневосточной политике имело самое непосредственное отношение к позиции США в ближневосточном урегулировании.

Общий рост дипломатической активности США на Ближнем Востоке после событий 1973 г. начался именно в рамках конфликта между арабскими странами и Израилем. При этом стала очевидной еще одна цель маневров американской дипломатии — добиться улучшения отношений не только с арабскими странами-нефтепроизводителями, находящимися (как в географическом, так и в военно-политическом отношении) на «периферии» района конфликта, но и с некоторыми непосредственными участниками конфликта из числа арабских стран. Причем «улучшение» отношений в данном случае понималось как изменение ориентации этих стран с курса независимого экономического и политического развития, с курса отпора израильскому экспансионизму на курс прозападный, антинародный, курс пораженческий: в том, что касается борьбы с последст-

виями обращенной против них агрессии. Соединенные Штаты стремились по-своему «урегулировать» конфликт, расколов фронт арабских государств, нейтрализовав некоторых из его в прошлом активных участников. Нет необходимости говорить о том, что такого рода «урегулирование» полностью играло на руку правящим кругам Израиля.

Соединенные Штаты, выступив после войны 1973 г. в роли так называемого «посредника» между Израилем и его арабскими противниками (начало этому «посредничеству» было положено так называемой челночной дипломатией тогдашнего госсекретаря США Г. Киссинджера), стремились заигрывать с режимами ряда арабских стран, постепенно «подталкивать» некоторых лидеров этих стран на отход от линии арабского единства в борьбе с империализмом и сионизмом. Одновременно США пытались «вытеснить» из сферы урегулирования любые другие заинтересованные стороны, несмотря на то что на первых шагах урегулирования после октябрьской войны 1973 г. возник международный форум — Женевская конференция, который мог проложить путь к истинному и прочному разрешению конфликта с учетом законных прав и требований всех народов региона, включая арабский народ Палестины.

Наибольшего успеха в срыве справедливого урегулирования ближневосточного конфликта, в расколе единого фронта арабских государств американская дипломатия достигла в связи с изменением внутри- и внешнеполитического курса Египта.

Еще до войны 1973 г. США начали пристально следить за политикой президента Египта А. Садата, во многом означавшей отход от «арабского социализма» его предшественника — президента Г. А. Насера. Как писал обозреватель «Нью-Йорк Таймс» У. Сэфар, «Америка заинтересована в Египте... мы получаем выгоду, когда Египет отворачивается от социализма»⁷.

Крупная буржуазия Египта настойчиво содействовала тому, чтобы правительство Садата встало на курс все большей прозападной ориентации. Египет успешно согласился с так называемым поэтапным планом ближневосточного урегулирования, предложенным США, и на посредничество США в переговорах между Израилем и Египтом о разъединении войск на Синайском полуострове, и это несмотря на то, что подавляющее большинство арабских стран и оппозиция внутри самого Египта с подозрительностью отнеслись к односторонним и частичным мерам урегулирования конфликта, требуя его принципиального и всеобъемлющего решения, включая решение кардинально важного палестинского вопроса.

С нескрываемой радостью было встречено в США сообщение об одностороннем разрыве Египтом в 1975 г. советско-египетского договора о дружбе. Вашингтон использовал разнообразные методы для «подталкивания» Египта по пути так называемой либерализации его экономики, в том числе были обе-

шаны займы МВФ и экономическая помощь капиталистических государств, реакционных арабских режимов и резкий рост частных капиталовложений. «Либерализация» экономики и рост зависимости от иностранного капитала углубили политические и социальные проблемы Египта. В сентябре 1975 г. «Нью-Йорк Таймс» свидетельствовала: «Режим Садата пытается превратить социалистическую экономическую систему страны в смешанную экономическую систему, в которой местные и иностранные капиталисты должны, как полагается, занять свое место, не нанося слишком большого удара по национальному сектору... все это привело к противоречиям и социальным проблемам. Экономическая либерализация сделала многих богатых богаче, но пока что очень мало сделала для большинства бедных... С 1973 г. — начала „либерализации“ — 2 тыс. египетских семей имели доходы в 80 тыс. долл. и больше, в то время как более чем 90 тыс. семей получало менее 120 долл.»⁷.

Отход правительства Садата от самостоятельного и прогрессивного курса завел его в капитулянтские сепаратные переговоры с Израилем, вершиной которых стала закулисная сделка между египетскими и израильскими лидерами при посредничестве США в Кэмп-Дэвиде.

В этих переговорах Садат полагался на поддержку Соединенных Штатов: «Я бы с сомнением начал эти усилия (переговоры с израильским правительством М. Бегина), если бы не был уверен, что могу рассчитывать на Вашингтон и его мощную поддержку»⁸.

Как, однако, показал весь ход переговоров Египта с Израилем, США отнюдь не намеревались отказываться от поддержки Израиля в пользу Египта. Основная цель привлечения Египта к сепаратным переговорам — раскол арабского единства — была уже достигнута. «Нейтрализовав» Египет как участника антиимпериалистического фронта, силы империализма и сионизма развязали себе руки, о чем свидетельствует, например, израильская агрессия в Ливане в марте 1978 г.

Пример Египта при правительстве А. Садата красноречиво говорит о неустанных попытках империализма остановить ход национально-освободительной борьбы, применяя для этого традиционную стратегию колониализма под лозунгом «разделяй и властвуй». Именно это отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев во время его встречи с Президентом Сирийской Арабской Республики Х. Асадом 21 февраля 1978 г.: «Все мы хорошо видим: чем прочнее становятся на ноги государства, добившиеся независимости, тем настойчивее становятся попытки империалистов помешать их развитию, повернуть их вспять»⁹.

Рост зависимости США от импорта ближневосточной нефти, развитие тесного политического и экономического сотрудниче-

ства США с рядом правых арабских режимов вызвали значительные опасения в Израиле и в произраильских кругах США. «Диверсификация» американской клиентуры на Ближнем Востоке, когда некоторые из арабских стран начинали оспаривать «особые» американо-израильские отношения, сами претендуя на «исключительный» статус в американской внешней политике, страшилась сионистов перспективой сокращения американской военной, политической и финансовой помощи Израилю и развития такого рода помощи арабским странам, противоборствующим ему в конфликте. Активизация деятельности американской дипломатии на Ближнем Востоке была чревата, по мнению израильских правящих кругов и их сторонников, опасностью того, что США попытаются и смогут оказать давление на Израиль с целью добиться от него уступок в пользу арабской стороны.

Однако, как показало развитие событий после 1973 г., идеологические и политические основы американо-израильского альянса не утратили своего значения, несмотря на тот вполне очевидный факт, что глобальные цели американского империализма и его интересы на Ближнем Востоке были и остаются гораздо более разнообразными, чем цели израильского экспансионизма. Разногласия, возникавшие между правящими кругами США и Израиля, при всей своей остроте касались в основном тактических, а не стратегических вопросов.

С достаточной очевидностью об этом свидетельствуют американо-израильские отношения 1977—1980 гг., когда Белый дом заняла демократическая администрация Дж. Картера, а в Израиле к власти пришла правая группировка «Ликуд» во главе с М. Бегинном. Правительство Картера фактически продолжило курс своих республиканских предшественников на содействие сепаратным израильско-египетским переговорам; Дж. Картер в определенной степени даже поставил на карту свою политическую репутацию, стремясь обеспечить успех этих переговоров (в частности, организовав кэмп-дэвидскую встречу между Садатом и Бегинном). Политика администрации Картера по отношению к Израилю свидетельствовала и о том, что правящие круги США отнюдь не собирались менять своего принципиального отношения к Израилю как верному сателлиту, партнеру по борьбе с национально-освободительным движением, союзнику в антикоммунистической деятельности в масштабах всего мира.

По достаточно меткому выражению У. Куандта, директора отдела ближневосточных дел в аппарате Совета национальной безопасности США, «антисоветская тема была, конечно, доминирующей в американской политике в (ближневосточном) регионе, но она могла меняться в соответствии с общим уровнем американо-советских отношений»¹⁰. Например, несмотря на то что попытка военных действий на Ближнем Востоке в 1973 г. могла

привести к крупному международному конфликту, благодаря советско-американским договоренностям, в том числе по вопросу о предотвращении опасности ядерной войны, удалось установить действенную систему консултации между правительствами двух великих держав о приостановлении военных действий, в результате которых в Совете Безопасности ООН Советским Союзом и Соединенными Штатами совместно и впервые в подобных обстоятельствах был внесен проект резолюции о прекращении огня и последующем мирном урегулировании. Впоследствии была созвана Женевская конференция по Ближнему Востоку с участием СССР, США (как ее сопредседателей) и непосредственно вовлеченных в конфликт сторон. С другой стороны, в годы пребывания у власти в США демократов советско-американское сотрудничество в урегулировании на Ближнем Востоке оказалось гораздо менее действенным в связи с ухудшением общих отношений между двумя странами и в свете сознательных попыток американской администрации «оттеснить» СССР от процесса переговоров, отказаться от некоторых весьма эффективных средств ведения этих переговоров, как, например, от механизма Женевской конференции. Более того, параллельно с сепаратными соглашениями, заключенными Египтом и Израилем при участии американской дипломатии, американская сторона выступала с определенными заявлениями, которые недвусмысленно давали понять, что острее израильско-египетских договоренностей направлено против СССР.

Можно отметить, что еще в 1975 г. в связи с заключением так называемого второго синайского соглашения между Египтом и Израилем США высказались в том смысле, что они будут с особым вниманием рассматривать угрозу безопасности и суверенитету Израиля со стороны «любой великой державы». Известный американский специалист по американо-израильским отношениям Бернард Райш пишет в этой связи: «Цель данного заявления заключалась в том, чтобы заверить Израиль в американской поддержке против советской угрозы... Это обязательство походило на те, которые содержались в договорных соглашениях, определивших основные союзнические системы США»¹¹.

Учитывая сложное переплетение таких противоречивых целей, как обеспечение бесперебойных поставок нефти и поддержка израильского экспансионизма, США, по всей вероятности, будут пытаться и дальше «дозировать» свои обязательства по отношению к режимам прозападных арабских стран и Израиля, идти, по выражению американского журналиста П. Якобса, «на наиболее приемлемую сделку — не только с Израилем, но и с арабскими странами»¹².

Народы Ближнего Востока по достоинству оценивают такого рода «сделки» за их спиной. Маневрам американского империализма, направленным на сколачивание альянсов реакцион-

ных сил в регионе, на увековечивание экономической эксплуатации богатств арабских стран, отнюдь не гарантирован успех. Показательно, что сепаратная сделка в Кэмп-Дэвиде привела к результатам, обратным тем, на которые рассчитывали США. Состоявшееся в ноябре 1978 г. совещание арабских государств в Багдаде (в котором приняли участие фактически все арабские государства, кроме Египта) вновь показало, что развивающиеся страны, несмотря на различия в ориентации, могут достигать значительного единства перед лицом угрозы их национальным экономическим и политическим интересам со стороны империализма. В своей политике в отношении развивающихся стран Ближнего Востока Соединенные Штаты уже не могут игнорировать это обстоятельство.

Глава 12

ПОЛИТИКА США В АФРИКЕ

В 70-е годы американская политика в Африке претерпела ряд существенных изменений, выразившихся как в повышении приоритетности африканского направления во внешнеполитической стратегии США, которое долгое время рассматривалось как глубоко периферийное, так и в выработке новых подходов к решению африканских проблем американской дипломатии, осуществленной в рамках приспособления к изменившейся международно-политической ситуации и росту мировой роли развивающихся стран. Эта политика прошла два этапа: от жесткого и равнодушного подхода Р. Никсона — Дж. Форда — Г. Киссинджера в первой половине десятилетия к более гибкому и корыстно-интересованному стилю Дж. Картера — во второй.

Администрация Р. Никсона считала, что сложившаяся в Африке в начале 70-х годов ситуация не требовала сколько-нибудь значительных изменений в американском подходе потому, что интересы США, с ее точки зрения, не стояли под угрозой. В результате на первом этапе отношение к Африке как к придатку их глобальной стратегии практически не менялось. Как говорил Г. Киссинджер, «различные районы мира имеют разную срочность для США», причем Африка — наименьшую¹. Поэтому в начавшейся в свете провала вьетнамской авантюры очередной переоценке тактики американского подхода к развивающимся странам Африка вновь оказалась на последнем месте. Характерно, что первые полтора года республиканцы, по словам государственного секретаря США У. Роджерса, «главным образом продолжали политику, доставшуюся им в наследство»². Лишь в 1970 г. Вашингтон считал своевременным распро-

странить и на Африку основные идеи «доктрины Никсона». В Африке этот шаг нес минимальный элемент новизны, что Вашингтон стремился компенсировать пышностью своей риторики. Это отразилось уже в значительном расширении сферы личной дипломатии в Африке. Начало было положено в феврале 1970 г. первым в истории визитом госсекретаря США в Тропическую Африку, охватывавшим 10 стран. В то же время характер американской программы для Африки, объявленной в 1970 г., и содержание этих переговоров свидетельствовали об убеждении американского руководства в том, что можно будет еще долгое время отделяться туманными обещаниями относительно настоящих проблем Африки, содействуя прогрессу лишь в области американского экономического проникновения на континент. Стержнем африканского варианта «доктрины Никсона» были концепции «дифференцированного подхода», «регионального сотрудничества» и «партнерства».

Сутью «дифференцированного подхода» было стремление США опереться в своей политике на «ключевые» страны, которые, обладая экономической и военной силой и разделяя западные идеалы, могли бы стать региональными центрами силы. Их же зависимость от Запада позволяла последнему рассчитывать на то, что они будут проводить в своих регионах выгодный ему политический курс. В свете подобных расчетов упор при Р. Никсоне на принцип «регионального сотрудничества» был вполне естественным. Приспосабливаясь к объективным тенденциям региональной интеграции, получившим развитие и в Африке, США прежде всего стремились привязать к упомянутым «центрам силы» окружающие страны.

Все эти расчеты, преломленные к конкретным условиям Африки начала 70-х годов, и вобрала в себя концепция «партнерства», предложенная Р. Никсоном. Речь шла о необходимости выработать тактику, «обеспечивающую США долгосрочную позитивную роль в африканском будущем» в условиях существования «новых независимых государств», что открывало перед США «новые возможности»³. Другими словами, США стремились приспособиться к свободной от колониализма, но все еще экономически зависимой от Запада Африке, в которой к тому же процесс освободительной борьбы вышел на качественно новый уровень. Это позволяло США расширить экономическую экспансию на континент, потеснив своих империалистических конкурентов, но и вынуждало искать пути блокирования политической борьбы в странах континента в союзе с этими конкурентами и местными реакционными силами. Именно поэтому на первый план в политике Соединенных Штатов вышли не столько экономические проблемы, сколько политические. «Такой курс, — писал советский исследователь С. Смит, — является составной частью общей стратегической цели США, сущность которой заключается в сохранении мировой системы им-

периализма и который основан в конечном счете на системе прибылей»⁴.

Если экономический аспект «партнерства» Р. Никсон называл «наиболее подходящей сферой для активной американской роли в африканских делах» и «первостепенной» проблемой для Африки⁵, то тем самым он лишь обнаруживал чисто прагматический подход своей администрации к странам континента, направленный на сохранение их в качестве аграрно-сырьевого придатка Запада и высокоприбыльного места приложения капитала. Ведь основной постулат концепции «партнерства» гласил, что «центральную роль в процессе развития должны играть частные инвестиции», которые президент и обещал «всемерно поощрять» с условием, что африканцы создадут для этого благоприятный климат⁶. С 1970 по 1972 г. прямые частные инвестиции американских корпораций в Африке (без ЮАР) увеличились с 2614 млн. до 3091 млн. долл. Хотя в последующие два года они несколько снизились (до 2223 млн. долл. в 1974 г.), как результат волны национализации в ряде африканских стран, в 1975 г. они вновь начали возрастать (2414 млн. долл.)⁷.

Важно подчеркнуть, что новые инвестиции производились за счет реинвестирования примерно $\frac{1}{5}$ прибыли, получаемой в Африке, тогда как остальные $\frac{4}{5}$ переводились в США⁸. Таким образом, в действительности происходил отток капитала из африканских стран. Наконец, исходя исключительно из собственных интересов, монополии направляли подавляющую часть своего капитала в сырьевые районы. В 1975 г. 75% американских инвестиций было сосредоточено в нефте- и горнодобывающей промышленности и лишь 9% — в обрабатывающей⁹. Тем самым «предприятия монополий, как правило, имеют характер «анклавов», которые, поглощая национальные ресурсы африканских стран, работают прежде всего на внешний рынок, а не в интересах развития местной промышленности»¹⁰.

Торговля США со странами Африки увеличилась с 1970 по 1975 г. в 6 раз и составила 11,1 млрд. долл.¹¹. Основой ее было опять-таки сырье, что еще более закрепляло односторонность развития африканской экономики и тем самым вело к усилению ее зависимости от Запада. Рост инвестиций, резкое увеличение стоимости торговли и изменение ее номенклатуры, в которой наряду с традиционными сырьевыми товарами значительную роль стала играть нефть, наконец, увеличение доли Тропической Африки по сравнению с ЮАР — все это повышало экономическое значение Африки для США.

Тем не менее, ориентируясь лишь на интересы монополий, США намеренно заморозили помощь Африке по государственному каналу. Если в начале 60-х годов доля Африки в американской помощи составляла 15%, то с 1962 по 1975 г. она снизилась до 10%. В первой половине 70-х годов она сохранялась на уровне 200 млн. долл. в год, а количество стран-полу-

чателай сократилось до II¹². Стараясь оправдать свое равнодушие, Р. Никсон упрекал Африку в том, что «се надежды на модернизацию распространяются быстрее, чем выявляются средства для их реализации»¹³. На деле США считали, что лояльность африканских стран можно будет купить достаточно дешево, что и определяло скромные размеры их помощи. Что же касается проблем развития, то США и не ставили перед собой такой задачи. «Если в 70-х годах Африка хочет двигаться вперед,—предупредил Р. Никсон,—она должна будет сделать это в основном собственными силами»¹⁴.

Политические интересы США реализовывались по линии сохранения прозападного статус-кво, того, что Р. Никсон предпочитал именовать словом «мир». Именно этой цели он подчинял проблему развития, ибо «процветающая Африка сама будет иметь большую ставку в поддержании прочного мира»¹⁵. Расчет строился на том, что дальнейшее втягивание в капиталистическую систему торгово-экономических отношений политически «дисциплинирует» эти страны в прозападном духе, будет способствовать развитию капиталистических отношений внутри этих стран и создаст социальную опору в лице местной буржуазии и «среднего класса».

Свою более неотложную задачу США видели в блокировании национально-освободительной борьбы на континенте на стадии уже достигнутой политической независимости и в расколе союза этого движения со странами социализма, который и являлся основной гарантией успешной борьбы с неокOLONИализмом. Африканцы, поучал президент США, не должны «предоставлять возможности для эксплуатации местных конфликтов» и обязаны добиваться сокращения «постоянных политических изменений» в своих странах¹⁶. Они также не должны «использовать нереальные (!) обвинения в американском вмешательстве в их политические дела в своих внутривполитических целях», ибо позиция США якобы строится на «политической сдержанности» и «взаимном уважении». Несмотря на это, президент тут же подчеркнул, что США «могут и будут поддерживать приверженность Африки тем ценностям, которые мы разделяем». В итоге, заявил он, «африканские страны стоят перед суровым выбором: либо политика, включающая сотрудничество с другими (т. е. с США.—*Авт.*), которая сулит реальные перспективы роста, либо ревнивая защита абсолютного суверенитета»¹⁷. Тем самым программа США для Африки включала отказ последней от любой прогрессивной политической эволюции, социальное, политическое и экономическое развитие только в направлении капиталистических отношений при сохранении полной зависимости от Запада и разрыве связей с социалистическими странами.

К «ключевым» странам Тропической Африки США относили Нигерию, Республику Конго (с 1971 г.—Заир), Кению, Эфио-

пию, Замбию, Либерию, а также Марокко. Магистральным направлением отношений США с этими странами было полное привязывание их к своей экономике. Именно Кению, Либерию, Нигерию, Заир, а также Берег Слоновой Кости Р. Никсон упоминал как наиболее благоприятно относящиеся к американским инвестициям страны¹⁸. Нигерия, Марокко и Заир занимали после ЮАР ведущее место в торговле США с Африкой. Львиная доля американской военной помощи Африке приходилась на Эфиопию (до 1974 г.—90%), Либерию и Заир. Однако в соответствии с установками «доктрины Никсона» опора на «ключевые» страны как основной стратегический принцип политики США в Африке приняла в первой половине 70-х годов форму жесткой борьбы за сохранение существующих прозападных режимов или насаждение таковых в этих странах. Правда, делать это США предпочитали чужими руками, придерживаясь тактики «низкого профиля». В этом плане показателен их подход к Заире и Нигерии. Реакционный режим генерала Мобуту в Заире, неизменно проводивший проамериканский курс во внешней и внутренней политике, Вашингтон рассматривал как своего «единственного открытого союзника в Центральной Африке»¹⁹. Антипародная политика режима, ведшая страну к экономическому краху, но зато широко открывавшая двери перед американскими монополиями, характеризовалась президентом США как «поразительный прогресс»²⁰. Что же касается Нигерии, то попытки ее руководства контролировать экономическое ограбление страны и проводить независимый внешнеполитический курс, привели к тому, что Вашингтон не преминул воспользоваться гражданской войной в Нигерии (1967—1970), ибо США устранил раскол или просто ослабление страны, которая могла стать мощной, но не подконтрольной им силой в Африке. Именно поэтому, оказывая биафрским сепаратистам «гуманитарную» помощь, США отказали в такой же помощи Лагосу. Госсекретарь Д. Раск объяснил это оскорбительным доводом о том, что «за Нигерию отвечает Англия»²¹. США также не препятствовали помощи «Биафре» со стороны союзников по НАТО — Франции и Португалии. После восстановления мира в Нигерии Р. Никсон пытался неуклюже утверждать, что его «неправильно поняли», ибо США занимали нейтральную позицию²². На деле же эта позиция была по крайней мере «нейтрально неблагоприятной» по отношению к Лагосу²³. Стремление любой ценой воспрепятствовать проявлению независимости Африки США продемонстрировали и в период вооруженного нападения Португалии на Гвинею в ноябре 1970 г. и в период гражданской войны в Судане в 1971 г.

Неотъемлемой частью никсоновского варианта «дифференцированного подхода» было расширение американской поддержки португальских колонизаторов и расистских режимов ЮАР и Южной Родезии. «Крен» США в сторону расистского Юга был

отличительным моментом всей их политики в Африке. Учитывая, что оправдать существование этих режимов и их поддержку было невозможно, Р. Никсон предпринял пропагандистский маневр, на словах выступив за самоопределение в Южной Африке. Уже в первом послании конгрессу он заявил, что «не будет мириться с насилием ни как со средством навязывания подчинения большинства меньшинству, ни как с формулой осуществления необходимых социальных перемен»²⁴. Тем самым уравнивая две явно неравные стороны и выступив против излюбленной белых режимов, Р. Никсон выдвинул пресловутую политику «контактов» с ними. Она-то якобы и должна была «способствовать переменам» путем «поощрения экономического прогресса» и «морального давления»²⁵. Ключом к ней был секретный²⁶ «Меморандум 39 по изучению национальной безопасности (СНБ)», подготовленный в 1969 г. Советом национальной безопасности (СНБ). Установки этого документа сводились к тому, что «американские интересы в Южной Африке не являются жизненно важными для безопасности США, но имеют политическую и материальную ценность», а «эскалация насилия поставит их под возрастающую угрозу»²⁷.

Из предложенных в этом документе пяти вариантов политики Вашингтон взял за основу «Вариант 2». По меткому выражению А. Лейка, впоследствии шефа политического планирования госдепартамента, он и стал тем «чучелком», которое определяло реальную политику США в Южной Африке²⁸, хотя официально это и отрицалось²⁹. На том основали, что «у черных нет надежды завоевать политические права с помощью насилия», ибо «белые останутся здесь навечно, и конструктивные перемены могут произойти только через их посредство», «Вариант 2» рекомендовал «избирательное ослабление позиции США в отношении белых режимов» и «более значительную помощь черным странам на сумму до 5 млн. долл.». Это и была та «приемлемая политическая цена», которую предлагалось заплатить за «сохранение американских материальных интересов, составляющих основу политики США»³⁰.

Действия Вашингтона выполнялись в полном соответствии с рекомендациями «Варианта 2». Прежде всего США наряду с Англией, Францией, ФРГ и другими странами усиленно укрепляли экономический и военный потенциал ЮАР и Родезии. С 1970 по 1975 г. инвестиции США в ЮАР выросли почти в 2 раза — с 868 млн. до 1578 млн. долл., а торговля — в 3 раза, достигнув 2,18 млрд. долл.³¹. Если в 1968 г. США подчинились решению ООН о введении экономических санкций против Родезии, то уже в 1971 г. сенат принял поправку Р. Берда к закону о военных закупках, позволявшую правительству возобновить импорт родезийского хрома. Эта акция явилась средством материальной и моральной поддержки режима Я. Смита в один из самых сложных для него периодов, став в глазах народов

Тропической Африки «символом американского лицемерия», как выразился сенатор Ч. Перси. Поправка Берда, отмечая сенатор Р. Кларк, «сделала насилие единственной альтернативой для сторонников расового равенства»³².

Вопрос об эмбарго на оружие при Р. Никсоне был так и не пересмотрен в пользу ЮАР и Португалии. «Импорт оружия из Англии и США имел место вопреки эмбарго, хотя количество его значительно уменьшилось и он был ограничен определенными типами». Так, в 1963—1971 гг. США продали ЮАР 1967 летних самолетов на сумму 192,5 млн. долл.³³. Даже представители администрации не рисковали утверждать, что «никогда ничего не экспортировалось»³⁴. С 1970 г. и Португалия смогла получить в США свои арсеналы для ведения войны в Африке³⁵. В декабре 1971 г. в обмен на продление Португалией арсенала американских баз на Азорах Экспортно-импортный банк предоставил ей заем на 436 млн. долл., что в 4 раза превышало все ее займы Лиссабону за 1946—1971 гг.

Существование «крена» США в сторону белого Юга подтверждает и последовательное использование ими права вето в Совете Безопасности ООН в пользу этих режимов. В марте 1970 г., в мае 1973 г., в октябре 1974 г., в июне 1975 г. и в ряде других случаев США блокировали соответствующие резолюции, причем в двух последних США, Англия и Франция демонстративно применили тройное вето. Были также значительно расширены официальные контакты с расистами. С января 1970 г. действовала инструкция, запрещавшая американским официальным лицам критику апартеида и расизма.

Таким образом, отдавая словесную дань поддержке принципов правления большинства и самоопределения, США на практике проводили твердый курс на удержании у власти белых меньшинств в ЮАР, Родезии, Намибии, Мозамбике и Анголе. Чисто африканские проблемы были в полном соответствии с выводами «Меморандума 39» подчинены более широкому глобальному проблематике. Политика же в Африке продолжала строиться на приоритетности американских интересов в режимах белого меньшинства и Португалии перед интересами в странах Тропической Африки, не говоря уже об интересах самих этих стран. «Белый бастион» во главе с ЮАР США считали единственной «субимпериалистической» силой, способной эффективно влиять на свою «периферию» в лице всей Тропической Африки и стать каналом для продвижения туда американских интересов.

Необходимость изменения американской политики в Вашингтоне осознали лишь тогда, когда вслед за португальской революцией 1974 г. рухнула ее колониальная империя, и только и американская установка на «вечное» присутствие белых в Южной Африке. Еще в сентябре 1973 г. Г. Киссинджер отдался бессодержательными намеками на то, что и дальней-

шем США будут посвящать проблемам Африки «больше энергии», подчеркивая, что не может назвать ни сроков, ни того, «что конкретно США смогут предпринять»³⁶. Но уже весной 1974 г. президент Дж. Форд отдал приказ о пересмотре африканской политики США, с тем чтобы «учесть изменения на международной арене»³⁷.

Этот момент и следует считать началом второго этапа в американской политике в Африке в 70-х годах. Однако, еще не родившись официально, «новая африканская политика» уже отличалась имманентной двойственностью. Разработка под руководством Г. Киссинджера некоего нового курса уживалась в ней с проводившимся тем же Г. Киссинджером на практике «кризисным реагированием» в попытке взять под контроль процесс деколонизации португальских колоний — Гвинеи-Бисау, Мозамбика и Анголы. Тот факт, что уже в сентябре 1975 г., когда вмешательство США в Анголе достигло апогея, Г. Киссинджер изложил основы «нового» курса перед представителями африканских стран на сессии ООН³⁸, свидетельствует о том, что «дестабилизация» Анголы была не просто попыткой заморозить ситуацию до тех пор, пока не будет выработан новый политический курс, а составной частью этого курса. Это вмешательство давало ясно понять, что между «старой» и «новой» политикой нет и не будет существенной разницы. Как сказал один нигерийский наблюдатель, «вся беда в том, что новая администрация Форда — это все та же старая администрация Киссинджера»³⁹.

США рассматривали ангольский конфликт главным образом в рамках глобальной политики. «Не удовлетворенный последними мировыми событиями и уязвленный нашим унижением во Вьетнаме, Киссинджер искал возможности бросить вызов Советам, — писал руководитель опергруппы ЦРУ в Анголе Дж. Стоквелл. — Следует подчеркнуть, что он отверг предложения своих советников начать поиски дипломатического решения в Анголе»⁴⁰. Исходя из этого, Вашингтон стремился любой ценой поставить у власти в стране «своих людей», игнорируя национально-освободительную борьбу народа Анголы.

Вслед за подписанием 15 января 1975 г. Алворского соглашения о создании переходного правительства и предоставлении Анголе независимости 11 ноября 1975 г., «Комитет сорока» в том же месяце утвердил тайную помощь ФНЛА в размере 300 тыс. долл., что «в 30 раз превышало любую сумму, когда-либо ранее передававшуюся США Роберто»⁴¹. Помощь ФНЛА, «наиболее из всех трех движений склонному следовать военной, а не политической стратегии»⁴², была призвана сорвать участие подлинного представителя народа — МПЛА в правительстве и уничтожить его физически. Не случайно, что принятое Вашингтоном в июле 1975 г. решение о расширении тайной войны в Анголе, в результате которого к осени того же года ее об-

щий бюджет достиг 35 млн. долл.⁴³, совпало с выходом УНИТА из коалиционного правительства (ФНЛА покинуло его ранее) и с началом интервенции ЮАР, организованной опять-таки Вашингтоном. Последнее спустя год признали тогдашние премьер-министры ЮАР Форстер⁴⁴ и министр обороны П. Бота. «США были прекрасно осведомлены о военных действиях, предпринятых южноафриканским правительством в Анголе, и полностью их одобрили»⁴⁵ — заявил П. Бота, выступая в парламенте.

Когда же законное правительство А. Нето обратилось за помощью к СССР и Кубе, США прибегли к шантажу против них. Президент Дж. Форд заявил, что их действия «могут поставить под угрозу разрядку»⁴⁶. Г. Киссинджер угрожал, что «США не потерпят дальнейшего коммунистического военного вмешательства в Африке», и приказал даже разработать ряд кризисных вариантов ведения войны в Анголе⁴⁷. Вся эта пропагандистская шумиха возымела обратное действие, встревожив американский конгресс и вынудив его запретить дальнейшую тайную помощь раскольническим группировкам в Анголе. Тогда Вашингтон немедленно изменил тактику, развернув интенсивную дипломатическую деятельность с целью сорвать принятие Анголы в ОАЕ. В декабре 1975 — январе 1976 г., накануне сессии ОАЕ в Аддис-Абебе, заместитель госсекретаря по африканским делам У. Шафел спешно посетил Заир, Габон, Камерун, Берег Слоновой Кости и Сенегал для обработки их правительств. Президент Форд направил ряду стран Африки циркулярное письмо, потребовав не признавать правительство А. Нето. Все американские послы в Африке получили инструкцию вести закулисную работу в духе послания Форда. «ЦРУ послало в Аддис-Абебу всех агентов, каких только могло собрать»⁴⁸. Хотя эта деятельность и вызвала раскол в ОАЕ, затормозив принятие Анголы до следующей сессии на Маврикий, в конечном счете и военный и дипломатический варианты «дестабилизации» Анголы обернулись для США крупным фиаско.

Разоблачив себя как прямого пособника южноафриканских расистов, готового использовать любые грязные методы в Африке, чтобы навязать ей собственные решения, США не только не смогли удержать ситуацию под своим контролем, но и добились падения своего престижа в странах континента до самого низкого за послевоенный период уровня. В этих условиях США безо всякого перерыва переходят ко второму раунду «новой африканской политики». В апреле — мае 1976 г. Г. Киссинджер совершает свой первый визит в Африку и 27 апреля в столице Замбии Лусаке официально провозглашает «новую африканскую политику», сформулированную уже с учетом «уроков Анголы». В действительности с апреля 1976 г. Г. Киссинджером осуществлялась не «новая африканская политика» (она началась раньше), а лишь вариант урегулирования кризиса в Родезии, продолжавший, в основном дипломатическими мето-

дами, ангольский этап его деятельности и направленный на то, чтобы избежать повторения «новой Анголы» в Родезии, т. е. не допустить победы революционно-демократических сил. Другими словами, «Киссинджер стремился спасти с помощью дипломатии кое-что из того, что ему не удалось спасти силой»⁴⁹.

Таким образом, итогом инициатив Г. Киссинджера в Африке в 1974—1976 гг. были крупные поражения политики США в Анголе и Родезии, дальнейшее отчуждение африканских стран, резкое падение престижа США в Африке. Несмотря на это, именно Г. Киссинджер наметил концептуальные рамки нового подхода США к Африке. После победы ангольской революции США осознали, что их политика не может строиться только на поддержке белых режимов в их прежнем виде, так как их активность блокирована, а нуждается в расширении своей базы за счет опоры на прозападный консервативный национализм «умеренного» блока в Африке как основной антикоммунистической силы. Стремясь завоевать на свою сторону «умеренные» режимы и даже антиамерикански настроенные страны, США впервые выступили под лозунгом поддержки принципа правления большинства в Родезии и Намибии.

Но, хотя «новая африканская политика» была уже провозглашена и сформулирована концептуально, на практике преобладала инерция прежних внешнеполитических установок. Это удачно подметил помощник заместителя госсекретаря по африканским делам Д. Болен, писавший, что подход Г. Киссинджера «основан на тех же принципах и той же политике, которых придерживались все четыре последние администрации... Новым является лишь уровень американской вовлеченности»⁵⁰. Г. Киссинджер продолжал проводить свой курс традиционными методами «челночной дипломатии» и заключенных сделок по типу ближневосточных, все еще рассматривая африканские страны как пассивные объекты для применения своих доктрин, но не как независимые субъекты международной жизни, а Африку — как фактор в глобальном балансе сил между Востоком и Западом, лишенный самостоятельных проблем и значения. В результате риторическая солидарность США с принципом правления большинства, провозглашенная тем же человеком, который всего несколько месяцев назад пытался свергнуть правительство Анголы, вызывала обоснованные подозрения африканцев в том, что Родезия готовится та же участь. Все это предопределило неудачу «новой африканской политики» США при Г. Киссинджере.

Долгосрочные интересы американского империализма диктовали новому правительству Дж. Картера переход к более широкой комплексной африканской политике. В сущности, перед Картером стояла задача реализации на практике «нового» подхода к Африке, теоретически уже осмысленного Киссинджером. Недаром, по словам тогдашнего представителя США в ООН

Э. Янга, демократы считали свой курс в Африке «частью продолжающегося процесса, опирающегося на попытки, предпринятые в прошлом году бывшим госсекретарем Киссинджером»⁵¹. Однако успех, по мнению новой администрации, был гарантирован лишь в случае восстановления доверия африканцев к политике США, создания впечатления резкого отхода от прагматичного и лицемерного стиля Г. Киссинджера, что обеспечило бы США выгодное положение нейтральной стороны без смены основных стратегических установок.

Основной движущей силой США по-прежнему были их политические интересы. Дело не ограничивалось только Южной Африкой, где ширилась освободительная борьба против расистских режимов Родезии, Намибии и ЮАР. Рост влияния идей социализма и прогрессивных течений в национально-освободительном движении, реальные успехи стран социалистической ориентации создали, по мнению США, серьезную опасность движения всей Африки по негодному США пути развития. Возросла роль африканских государств на международной арене, например в ООН, где они составляли треть делегаций. Более независимый курс африканских государств вызвал тревогу в кругах американской и западноевропейской буржуазии. Наконец, определилась тенденция повышения заинтересованности afroамериканцев в африканской политике Вашингтона. Возросли и экономические интересы США. В середине 70-х годов США вывозили из Африки 100% необходимых им алмазов, 58% урана, 44% марганца, 40% сурьмы, 39% платины, 36% кобальта⁵². Африка также давала 47% американского импорта хрома и 38% нефти. За 15 лет (1960—1975) инвестиции США в Африке, по официальным данным, выросли в 6 раз, составив в 1976 г. (без ЮАР) 2802 млн. долл., а уже в 1978 г. — 3411 млн. долл.; торговля — в 12 раз, достигнув в 1976 г. 17,8 млрд. долл. и в 1977 г. 22,6 млрд. долл. Если в 1960 г. торговля с ЮАР составляла 39% американской торговли с Африкой, то с 1976 г. торговля с одной Нигерией превышает в 2 раза торговлю с ЮАР⁵³.

С учетом этих интересов и провала «челночной дипломатии» Киссинджера администрация Картера и построила свою политику. Впервые наиболее полно она была изложена в речи тогдашнего госсекретаря США С. Вэнса в Сент-Луисе 1 июля 1977 г. С. Вэнс стремился отождествить американскую политику с африканским национализмом, исходя из убеждения, что «добившись независимости, африканцы будут защищать ее от любой угрозы, откуда бы она ни исходила». Следовательно, «негативная, реагирующая политика, направленная исключительно на то, чтобы противодействовать советскому и кубинскому участию в африканских делах, будет одновременно и опасной и бесплодной». Вместо этого, чтобы подобным образом ограничиваться только реакцией на действия СССР в Африке, говорил

госсекретарь, «для нас правильнее всего помогать в решении проблем, создающих предлог для вмешательства извне, и в укреплении способности африканцев самим обеспечить свою оборону». В этой тактике, отметил С. Вэкс, США будут полагаться на такие «наиболее долговечные» аспекты, как экономические и культурные связи. Было также подчеркнуто намерение активно использовать идеологические рычаги в виде лозунга «прав человека»⁵⁴.

Таким образом, с первых шагов программа Картера имела самую широкую общеафриканскую направленность. Ее ключевыми моментами, по выражению американского исследователя М. Самуэляса, были «стиль и тон»⁵⁵, т. е. подчеркнуто «проафриканская» фразеология, определявшаяся озабоченностью новой администрации в первые полтора года прежде всего восстановленном изрядно потускневшем моральном имидже США в Африке. Это достигалось целым комплексом мер: эксплуатацией доктрины «прав человека» в африканском варианте, деятельностью Э. Янга, ставшего как бы «послом США в Африке», и внешне более реалистичной программой урегулирования южноафриканских проблем.

Доктрина «прав человека» идеально вписывалась в контекст этой задачи. Провозгласив условием сотрудничества с США вместо соответствия африканских стран американским «национальным интересам» их соответствие доктрине «прав человека» — что одно и то же, — США придали более респектабельную форму своему «дифференцированному подходу». Это позволило США, не поступаясь своими неокOLONиалистскими интересами, приобрести идеологическое средство сплочения «умеренных» режимов и обосновать борьбу против прогрессивных сил, облеченные в морально более привлекательную упаковку. На практике же, писала газета «Интердепендент», эта доктрина рассматривалась в США чисто утилитарно, как «ряд мер дисциплины и порядка», отчасти заменивших методы более грубого диктата, т. е. как «цена, которую третий мир должен заплатить за свое развитие»⁵⁶.

Первое время основной фигурой в указанной кампании был Э. Янг, приступивший к массовой обработке африканского общественного мнения, используя для этого трибуну ООН, прессу, телевидение, свои встречи с государственными деятелями Африки. Э. Янг дважды посетил Африку в 1977 г. и трижды в 1978 г., полностью использовав преимущества, которые давали ему черный цвет кожи и участие в прошлом в борьбе за гражданские права негров, усилив их «нестандартным» для официального представителя США стилем выступлений. Этим он снискал там известное расположение не только к себе лично, но и к «новой» политике США. С помощью Э. Янга администрация в полуофициальном порядке апробировала основные положения своей будущей политики, выяснила возможную реак-

цию представителей самых различных течений в Африке, постоянно сохраняя возможность корректировать свою политику «по Янгу». Его позиция, отмечал М. Самуэльс, хотя и имела вполне самостоятельное значение, была прежде всего отражением важной внешнеполитической цели президента Дж. Картера⁵⁷.

Частью этого идеологического наступления были и предложения США по урегулированию в Южной Африке. Вынужденное внимание к этим проблемам объяснялось, кроме того, «поиском административной Картера с самого начала путей... захвата инициативы в мировых делах... перехвата морального лидерства в мире»⁵⁸. Южная Африка была наиболее эффективным местом для этого «захвата инициативы», и, добиваясь расположения стран Тропической Африки, Вашингтон стремился извлечь здесь максимальный пропагандистский эффект из своей кампании возврата к идеалам «расового равенства». Разумеется, помимо идеологической нагрузки эти предложения преследовали и цели практической политики. Например, как утверждал Э. Янг, проблема Южной Африки является «едва ли не единственной, по которой Африка едина»⁵⁹. США, таким образом, считали, что после ее решения Африку будет значительно легче расколоть и заставить принять американский диктат. Однако идеологическая атака была, в сущности, основным новшеством администрации Картера, с помощью которого она пыталась реализовать все ту же политическую программу Г. Киссинджера, практически не внося в нее ничего нового⁶⁰. Одну из своих главных задач США по-прежнему видели в том, чтобы, выражаясь словами Э. Бжезинского, «не допустить перерастания конфликта между черными и белыми в конфликт между красными и белыми»⁶¹, сохранив глобальные антикоммунистические цели на первом месте в своем подходе. Их пытались достичь «одновременным» урегулированием проблем всех трех стран региона — Родезии, Намибии и ЮАР, — отчетливо обнаружив тот факт, что центром тяжести проблемы является для США сохранение в лагере империализма прежде всего ЮАР. Стремление превратить ЮАР в прямую опору своей политики в регионе совместно с навязанными Родезии и Намибии «умеренными» режимами с последующим включением их в клуб «умеренных» Африки и определило намерение США склонить ЮАР к «либерализации» апартеида. Впрочем, объем последней не превышал намеченного Г. Киссинджером.

Если вначале США заявили о поддержке ими принципа правления большинства как основы конституционного урегулирования в ЮАР⁶², то уже в мае 1977 г. на встрече с Форстером в Вене вице-президент США У. Мондейл говорил только о «полном политическом участии всех рас», правда подчеркнув, что оно идентично принципу «один человек — один голос»⁶³. Сомнительность этой оговорки подтвердилась после поездки в июне

1977 г. в США министра иностранных дел ЮАР. «Полное участие означает, — писала тогда „Вашингтон Пост“, — что черные будут участвовать в политической жизни в рамках унитарного государства (а не только в пределах хоумлендов), но от белых не будут требовать немедленного подчинения господству небелых»⁶⁴. Таким образом, именно здесь проходила грань максимальных требований США, что подтвердил и Дж. Картер, выступая в Лагосе 1 апреля 1978 г.⁶⁵.

Ограниченность этих требований усугублялась и малоэффективностью мер, которые использовались для их достижения. Так, ЮАР, заявил У. Мондейл, не следует питать «иллюзий», что США в конечном счете вмешаются, чтобы спасти режим апартеида⁶⁶. 4 ноября 1977 г. США поддержали решение ООН об эмбарго на военные поставки ЮАР. Однако нестойкое сопротивление ЮАР весьма ограниченным требованиям США, особенно усилившееся после прихода к власти в октябре 1978 г. П. Боты, наряду с собственным нежеланием изолировать ЮАР от Запада и серьезно обострять отношения с ней заставили правительство Дж. Картера воздержаться от принятия более эффективных мер, не говоря уже об экономических санкциях. Постепенно была приглушена и кампания критики режима апартеида, с таким усердием проводившаяся Картером вначале для поддержания своего реноме в Африке.

В октябре 1978 г. на переговорах в Претории С. Вэнс передал премьер-министру ЮАР П. Боте личное послание Картера, где, по сообщениям западной печати, говорилось о необходимости установления «более конструктивных» отношений между двумя странами и не упоминался вопрос о перестройке режима⁶⁷. Последовавший в декабре визит в Вашингтон министра иностранных дел ЮАР Р. Боты и его встреча с Картером подтверждали возврат США к курсу Г. Киссинджера на умиротворение ЮАР. С этого времени США практически перестали рассуждать о необходимости «либерализации» апартеида, вернувшись к попыткам заручиться содействием ЮАР в урегулировании проблем Родезии и Намибии. Высылка из ЮАР двух американских дипломатов в начале 1979 г., что должно было продемонстрировать независимость ее позиции, вряд ли могла скрыть сближение двух стран. Зато подход США к зарегистрированному американским спутником у берегов ЮАР 22 сентября 1979 г. ядерному взрыву, в проведении которого США отказались обвинить ЮАР вопреки мнению большинства экспертов, вполне доказал готовность администрации Картера пойти на мировую с Преторией. Такой курс лишь поощрил ЮАР к усилению репрессивного характера режима параллельно с проведением «реформ», укрепляющих существующий строй. «Бота дал понять, — писала газета „Нью-Йорк Таймс“, — что он рассматривает изменение американского подхода как победу точки зрения ЮАР, согласно которой Вашингтону следует меньше за-

ниматься правами африканцев и больше ценить ЮАР как богатого природными ресурсами союзника Запада»⁶⁸.

В сравнении с ЮАР урегулирование в Родезии и Намибии имело, с точки зрения США, более локальное значение, хотя фактор времени воздействовал здесь на их политику значительно сильнее. Учтя уроки Женевской конференции 1976 г., администрация Картера сочла в принципе менее желательным для себя такое урегулирование, в котором ставка была бы сделана на соглашательские элементы в освободительном движении и из которого было бы исключено его прогрессивное крыло — Патриотический фронт в Родезии и СВАПО в Намибии. Однако, добиваясь, как и прежде, лишь номинального введения правления большинства, США, с одной стороны, проявили готовность несколько смягчить условия, вызвавшие ранее наибольшее возражение патриотических сил, а с другой — оказывали на них мощный нажим, как непосредственно, так и через своих европейских союзников и африканских «друзей», с целью заставить их отказаться от продолжения бескомпромиссной борьбы с расистскими режимами. При этом в Родезии США действовали в паре с Англией, а в Намибии — в составе «пятерки» западных стран — членов Совета Безопасности ООН (США, Англия, Франция, ФРГ, Канада).

Второй англо-американский план по Родезии (сентябрь 1977 г.) в основных чертах повторял их «компромиссные предложения» в Женеве. В феврале 1978 г. появился и план «пятерки» по Намибии. В нем предлагалось сохранить на переходный период оккупационные войска ЮАР в стране, сократив их до 1500 человек (исключая полицию), разрешить присутствие партизан лишь на севере страны, привлечь группу ООН по оказанию помощи (ЮНТАГ), но в тесном сотрудничестве с властями ЮАР. Но даже эти перегруженные гарантии для белых планы не устранивали расистов. 3 марта 1978 г. было подписано соглашение о «внутреннем урегулировании» между Смитом и черными соглашателями Музорекой, Ситоле и Чирау. Этот акт, который лишь отдалил достижение подлинного урегулирования, ибо, по условиям соглашения, белые сохраняли господствующие позиции в стране, а Патриотический фронт исключался из урегулирования, был немедленно охарактеризован Вашингтоном как «шаг в правильном направлении», «не мешающий англо-американскому плану». Летом американский конгресс принял поправку Кейса — Джавитса, требовавшую от президента отменить санкции против Родезии через месяц после выборов, если он сочтет их «свободными и честными». Апофеозом этого курса было приглашение в США Смита в октябре 1978 г. В свою очередь, ЮАР накануне начала переговоров по Намибии в Нью-Йорке, запланированного на 8 мая 1978 г., совершила бандитское нападение на территорию Анголы, где размещались лагеря намибийских беженцев. В декабре 1978 г.

ею были организованы в Намибии «внутренние выборы», после которых она передала новоизбранному парламенту некоторые исполнительные функции, но власть в стране по-прежнему оставалась в руках генерального администратора ЮАР.

Хотя эти акции иногда ставили Вашингтон в затруднительное положение перед лицом Африки, они вполне укладывались в планы США, заинтересованных в ослаблении освободительных движений, с одной стороны, и в создании контрсилы против них из соглашателей — с другой. В сущности, именно создание в течение 1978 г. в Родезии и Намибии марионеточных «внутренних правительств» явилось непосредственным результатом политики США и Англии⁶⁹.

Если до этого момента события в Родезии и Намибии шли как бы параллельно, то в 1979 г. основные усилия Запада сосредоточились на Родезии. Это объяснялось тем, что ЮАР намеренно завела дальнейшие переговоры по Намибии в тупик, выдвигая все новые условия своего согласия с планом Запада: отторжение от Намибии зоны порта Уолфиш-бей, участие в переговорах марионеточного Демократического альянса Турнхалле, сокращение контингента Сил по поддержанию мира ООН и усиление войск ЮАР на переходный период и т. д. Стремясь выиграть время для укрепления соглашателей, она придерживалась той же тактики и после выдвижения президентом Анголы А. Нето незадолго до его кончины плана создания демилитаризованной зоны на границе Намибии и Анголы. В Родезии же «внутреннее урегулирование» продвинулось уже достаточно далеко. На апрель 1979 г. были намечены «выборы» в парламент, которые рассматривались Западом как важнейший способ поднять авторитет своих марионеток. Давая им зеленую улицу, Англия после «трехсторонней» встречи на Гваделупе в январе 1979 г. объявила о временном замораживании всех западных инициатив по Родезии.

Апрельские «выборы» принесли победу Музореве, ставшему марионеточным премьером страны, переименованной в Зимбабве-Родезию. Этот фарс был отвергнут Патриотическим фронтом, ОАЕ и Советом Безопасности ООН (США, Англия и Франция воздержались). Последующая политика Музорева окончательно разоблачила его как марионетку в руках Смита. Вашингтон и Лондон отдавали себе отчет в нежизнеспособности этого правительства, которое не смогло прекратить войну и не имело шансов на международное признание. Однако, способствуя его приходу к власти, они рассматривали его как ядро, вокруг которого будет создано будущее «умеренное» правительство путем присоединения к соглашателям патриотических сил на правах «младшего партнера».

Подобная стратегия была окончательно согласована на встрече С. Вэнса с министром иностранных дел Англии лордом Каррингтоном 21—22 мая 1979 г. в Лондоне, после которой ос-

новную роль в проведении ее в жизнь взяла на себя Англия. За США осталась функция оказания скрытой поддержки. На конференции Британского содружества, состоявшейся в августе в Замбии по инициативе Англии, было принято так называемое «дусакское соглашение», которое предусматривало созыв новой конференции по Родезии, планировавшейся Западом с 1978 г. Проходившая с 10 сентября по 21 декабря 1979 г. в Ланкастер-хаусе (Лондон), эта конференция приняла конституцию независимого Зимбабве и основные принципы переходного периода. Хотя конференция проходила без участия США, «их тень незримо присутствовала на переговорах»⁷⁰, — писала «Вашингтон Пост», что вылилось в оказание закулисного давления на делегацию Патриотического фронта в дополнение к нескрытому шантажу английского председателя. Той же тактики придерживались США в переходный период (декабрь 1979 — март 1980 г.), когда страной управлял английский губернатор лорд Соумс, сделавший все, чтобы максимально ухудшить положение патриотических сил.

После этого можно понять почти шоковую реакцию США и Англии на результаты состоявшихся 27—29 февраля 1980 г. первых подлинных выборов в парламент страны, на которых вопреки всем стараниям Запада впечатляющую победу одержал Патриотический фронт, получивший 77 из 100 мест в парламенте (учитывая, что 20 мест были зарезервированы за белыми). 18 апреля 1980 г. была провозглашена независимость Республики Зимбабве, премьер-министром которой стал Р. Мугабе. Это, отмечалось в приветствии Л. И. Брежнева по случаю дня освобождения Африки, явилось «выдающимся успехом национально-освободительного движения африканских народов... результатом многолетней самоотверженной борьбы патриотических сил Зимбабве против колониально-расистского гнета»⁷¹. Однако, как признают и сами руководители страны, в наследство им достались серьезные экономические и политические проблемы. Эти обстоятельства и собирается использовать Запад для ведения подрывной работы против Зимбабве, после того как они вместе со своими марионетками потерпели там политическое поражение.

Негативная реакция даже «умеренных» африканских стран против расистских режимов вынудила США отказаться от прямого, прежде всего военного вмешательства на их стороне и добиваться своих целей в Южной Африке политическими и экономическими средствами. Однако применительно к странам Тропической Африки этот комплекс мер был значительно разнообразнее, включая существенный военный аспект, что отчетливо отразилось на реакции США на сомалийско-эфиопский конфликт, начавшийся летом 1977 г., и восстания в заирской провинции Шаба в 1977 и 1978 гг. «Новым и опасным моментом этой политики, — говорилось в Заявлении Советского прави-

тельства от 23 июня 1978 г., — является переход ведущих западных держав к коллективным и агрессивным военно-политическим акциям. Руководящая роль в их осуществлении принадлежит Соединенным Штатам Америки, которые широко используют в своих целях механизм НАТО»⁷².

Политика США в сомалийско-эфиопском конфликте была логической реакцией на победу демократической революции в Эфиопии в сентябре 1974 г., с которой США никогда не могли примириться и уничтожить завоевания которой они поставили своей целью. Поскольку подрывная деятельность внутри страны, идентичная практиковавшейся в Анголе, не дала результатов, ставка была сделана на внешнюю реакцию в лице Сомали. «Открыто поддержав сомалийцев, — писала „Вашингтон Пост“, — президент Картер в немалой степени способствовал тому, что дело дошло до военных действий»⁷³, начатых Сомали 23 июня 1977 г. Не решившись открыто выступить на стороне агрессора, Бэйли дом втайне рассчитывал, что «сомалийцы достаточно хороши вояки»⁷⁴ и добьются быстрой победы, поставив всех перед свершившимся фактом. Когда произошло обратное, США вновь отказались от прямого участия, избрав путь закулисного руководства действиями своих партнеров. В январе 1978 г. на совещаниях США, Англии, Франции, ФРГ и Италии в Вашингтоне и Лондоне был выработан план «спасательной операции». После этого в Сомали стало в массовом порядке поступать оружие западного производства из Саудовской Аравии и шахского Ирана (в том числе французские танки «АМХ» и американские «М-48»). Те же страны наряду с Объединенными Арабскими Эмиратами и ФРГ финансировали поставки оружия из Египта и Пакистана. Значительные партии оружия поставил также Китай, в очередной раз разоблачив проимпериалистический курс своего режима. Одновременно страны НАТО во главе с США развернули шумную антисоветскую кампанию, стремясь обеспечить внешнеполитическое прикрытие своих акций. Со своей стороны, США организовали внушительную военно-морскую демонстрацию у побережья Эфиопии, а для оказания дипломатического давления направили заместителя помощника президента по национальной безопасности Д. Аарона. Уже через три дня после вынужденного заявления Сомали об отводе войск в Могадишо прибыл помощник госсекретаря по африканским делам Р. Мус. США выразили намерение восстановить военный потенциал этой страны, желая сохранить его в качестве постоянного фактора давления на Эфиопию. Трудно не согласиться с мнением, что все эти мероприятия США «в смысле прагматизма ничем не уступали, несмотря на показную нравоучительность правительства, дорогой Киссинджеру политике равновесия сил»⁷⁵.

Последующие события подтвердили такую оценку. Затяжка поставок оружия Сомали, которую Вашингтон пытался объяснить

существованием у Сомали территориальных претензий помимо Эфиопии также к Кении и Джибути и непредсказуемостью поведения лидера Сомали С. Барре, на деле была вызвана более широкими планами США по вовлечению всего восточноафриканского региона в их глобальную военно-политическую стратегию. С одной стороны, продажа в 1978 г. Кении американских истребителей (за которой на следующий год последовала закупка ею английских танков и зенитных ракет) наряду с сохранением значительного военного присутствия Франции в Джибути отчетливо показали намерение США канализировать агрессивные устремления Сомали прежде всего на север, против Эфиопии, и заменить монархическую Эфиопию в качестве регионального жандарма не Сомали, а Кенией. С другой стороны, открытие в начале 1980 г. переговоров о создании американских военных баз в Кении, Сомали и Омане не только не противоречило этим целям, но и доказывало намерение США втянуть названные страны в военные приготовления в зоне Персидского залива и Индийского океана. Наконец, именно создание военных баз было, с точки зрения Вашингтона, той ценой, которую придется заплатить Сомали за американское оружие, и той политической целью, которая оправдывала в глазах американских стратегов такие поставки. «Прямые вызовы Африке» названы в приветственном послании Л. И. Брежнева по случаю Дня освобождения Африки «попытки империализма создать новые военные базы на ее земле, втянуть в свои опасные авантюры африканские страны, с тем чтобы отвлечь их от решения действительно важных проблем, затрагивающих коренные интересы их народов»⁷⁶.

Как и на Африканском Роге, в период восстания в Заире роль активной прозападной силы взяли на себя европейские союзники и африканские «друзья» США: в 1977 г. — войска Марокко, перебросенные на самолетах ВВС Франции, в 1978 г. — французские и бельгийские парашютисты, переброшенные на американских самолетах, а позже — «межафриканские силы» в составе частей Марокко, Сенегала, Центрально-африканской Империи, Того, Габона, Берега Слоновой Кости, Египта и Сомали. В качестве поставщика оружия и советников активную роль на стороне Запада сыграл и Китай. США оказали в первом случае «несмертоносную помощь» Киншасе на 2 млн. долл., которая через два месяца выросла до 16,5 млн. долл., а во втором — предоставляли уже непосредственную военную помощь в размере 20 млн. долл., организовав собственный «воздушный мост». На этот раз уже не скрывали существования тщательно разработанного заранее плана агрессии, в котором ведущую роль играл Вашингтон. Если в 1977 г. можно было еще только предполагать, что США делают ставку «на существование внешних консервативных сил, которые могут защитить интересы Соединенных Штатов, не вынуждая их предпринимать какие-либо

действия самим»⁷⁷, то через год стало очевидно, что речь идет об одном из сложившихся аспектов «новой африканской политики» США. Журнал «Форчун» со ссылкой на «Президентское решение 18» утверждал, что осуществляется новая стратегия, означающая «меньшую демонстрацию силы, чем прежде». «Очевидно, теперь вместо этого упор будет делаться на демонстрацию поддержки по типу спасательной операции в заирской провинции Шаба, когда США предоставили самолеты, а Франция и Бельгия — войска»⁷⁸. Так было не только в Заире, но и на Африканском Роге и в Анголе, где американские интересы защищали войска Сомали и ЮАР наряду с раскольниками и наемниками. Тот же лейтмотив прозвучал и на вашингтонской сессии совета НАТО летом 1978 г. Все это является яркой иллюстрацией слов С. Вэнса о том, что, хотя США «не видят выгоды во вмешательстве в региональные конфликты в Африке», они «ни в коем случае не забудут своих старых друзей»⁷⁹, т. е. реализацией на практике установки на блокирование с «умеренными» режимами.

В рамках сколачивания «умеренного» блока в Африке «все более явственно прослеживается современная линия неоколониализма, — писал К. Н. Брутенц, — на создание „субимпериалистических“ очагов»⁸⁰. Разумеется, такая политика неоднозначна, ибо направлена на страны, весьма различные как по своим возможностям и характеру своих режимов, так и по целям, которые преследуют в них США. По американским оценкам, на подобную роль в Африке могли бы претендовать Египет, Нигерия, ЮАР, Кения и некоторые другие страны⁸¹. ЮАР охотно готова стать плацдармом американского экономического проникновения на континент и региональным жандармом США. Этому препятствует лишь система апартеида, что и определяет старания Вашингтона сделать его менее видимым, обеспечив более активное внедрение ЮАР в политику и экономику стран Африки южнее Сахары под провозглашенным ею лозунгом создания «созвездия южноафриканских государств».

В Египте, Кении, Тунисе, Заире, Сенегале, Габоне, Марокко — этих давних и не столь давних союзниках США — установка на блокирование с «умеренными» режимами осуществляется в основном по линии укрепления военных связей. Именно на эти государства падает основной объем четырехкратного увеличения американской военной помощи — с 36,2 млн. долл. в 1974 г. до 125,4 млн. долл. в 1978 г.⁸². Американское оружие продается главным образом также этим странам. Основная тема переговоров с посетившими Вашингтон президентами Сенегала (июнь 1978 г.), Габона (июнь 1979 г.), Заира (сентябрь 1979 г.), Кении (февраль 1980 г.) наряду с экономической помощью также сводилась к военным вопросам. Недаром костяк «межафриканских сил» в Заире составляют войска именно указанных стран. США добиваются активного сотрудничества названных

стран в коллективных жандармских акциях в Африке, в частности путем перевода «межафриканских сил» на постоянную основу под эгидой НАТО. «Это интересная идея, — говорил С. Вэнс в 1978 г. — Если она будет выдвинута, то мы, разумеется, хотели бы ее обсудить. Я, конечно, не стал бы исключать возможности какой-то экономической помощи этим силам»⁸³. В 1979—1980 гг. планы создания таких сил, уже по инициативе африканских стран, активно обсуждались в ОАЕ и на ряде региональных форумов. Активность, проявляемая в этих дискуссиях Сенегалом, Того, Заиром, усиливает опасность того, что Запад не расстался с идеей подчинить их своему контролю. Военная политика США в Африке раскрывает основную цель создания «умеренного» блока, острие которого направлено против стран, избравших курс независимости и прогресса.

С дальним прицелом проводится курс на подведение экономической базы под это реакционное сотрудничество. Наряду с увеличением американской помощи по государственному каналу (с 271 млн. долл. в 1976 г. до 450 млн. долл. в 1978 г.⁸⁴), усиливается поток американских инвестиций. Эти мероприятия направлены на развитие зависимого капитализма в освободившихся странах, на привязывание стран, охотно пошедших в кабалу к Западу (Сенегал, Берег Слоновой Кости, Заир и др.), к капиталистической экономике, что еще больше закрепляет их сотрудничество с Западом. Экономические рычаги активно используются США не только для вознаграждения своих «друзей», но и для запугивания со странами, стремящимися проводить нейтральный курс и даже придерживающихся некапиталистического пути. Большое внимание уделяется в последнее время Гвинее, президент которой посетил Вашингтон в августе 1979 г., Танзании, президент которой нанес визит в США в августе 1978 г., Гане, Мадагаскару, Мозамбику и некоторым другим странам.

Особое место в планах США отводится Нигерии. Располагая значительными экономическими возможностями, эта страна заняла второе после ЮАР место в Африке по ВВП, обогнав ее в два раза по объему торговли с США, и вышла на второе место в области американских инвестиций, превысивших 1 млрд. долл. Не позитивный и активный особенно во второй половине 70-х годов внешнеполитический курс в Африке заслужил ей авторитет на континенте и на международной арене, заставляя империализм прислушиваться к голосу Лагоса. Все это и определило активные ухаживания администрации Картера за Нигерией, отношения США с которой были резко испорчены неоднократными попытками Вашингтона подчинить ее своему контролю. Изменение подхода объясняется тем, что в современных условиях США уже не могут диктовать таким «новым влиятельным силам», как Саудовская Аравия, Нигерия и Бразилия, но могут рассчитывать на их дружбу, если внешняя политика США бу-

дет чувствительна к их целям»⁸⁵. Другими словами, США стремятся выступить своеобразным «гарантом» обеспечения влияния этих стран в региональном масштабе. Приглашение в октябре 1977 г. в Вашингтон главы государства Нигерии О. Обасанджо и ответный визит Картера в Лагос 31 марта — 2 апреля 1978 г., первый визит президента США в Тропическую Африку, имели своей целью прежде всего «навести политические мосты на основе общих экономических интересов»⁸⁶.

Однако разнообразные реверансы США рассматриваются в столицах многих стран Африки с большим подозрением. Если пропагандистская кампания Вашингтона и породила там определенные надежды на возможность изменения курса США в сторону большего уважения к африканским нуждам и интересам, то по прошествии короткого времени стало очевидно, что разговоры о новой солидарности и равном партнерстве с Африкой на деле оказываются солидарностью и партнерством только с «умеренными» режимами, с теми, кто готов взять на себя неблагоприятную роль проводников политики Запада и широко открыть дверь для западных монополий. На континенте находится все меньше желающих вступать в партнерство на таких условиях. Являющиеся его следствием обогащение верхушки правящей элиты и обнищание масс ведут к дальнейшему нарастанию борьбы против современного американского неокolonизма и его маршпосток. Восстания в Заире, волнения в Сенегале, наконец, первый за 130-летнюю историю Либерии государственный переворот в апреле 1980 г. свидетельствуют именно об этом.

Президент США Дж. Картер признавал, что США «оказались вовлеченными в дела Африки гораздо глубже, чем когда-либо прежде в их истории»⁸⁷. Действительно, уровень американского вмешательства в дела континента начиная с середины 70-х годов значительно возрос. «Налицо, — констатировалось в Заявлении Советского правительства, — новая фаза в развитии политики держав, для которых колониалистские и расистские порядки — это, как говорится, „бальзам на душу“, политики, нацеленной на то, чтобы любыми средствами сбить накал антиимпериалистической борьбы в Африке, не только сохранить, но и укрепить там свои позиции, направить развитие африканских государств в приемлемые для себя рамки неокolonизма „партнерства“»⁸⁸.

Хотя экономические и военные интересы США имели на протяжении десятилетия постоянную тенденцию к росту, непосредственной угрозы им не существовало, а их размеры не достигли таких величин, которые позволяли бы говорить об их жизненно важном значении для США. Поэтому решающую роль сыграли политические интересы США. Рост влияния идей социализма и прогрессивных течений в национально-освободительном движении, реальные успехи стран социалистической ориен-

тации в Африке — все это угрожало прежде всего политическим позициям американского империализма на континенте, а уже опосредованно и его материальным интересам. Поэтому «новая африканская политика» была прежде всего рассчитана на расширение политического влияния в Африке и превращение позиций Запада на континенте в важный актив капитализма в глобальном соотношении сил. Представляется, что Африка останется постоянной сферой активной внешнеполитической деятельности США, опирающейся на союз с их европейскими партнерами, особенно Францией, и создаваемым блоком «умеренных» режимов континента, а также на растущий параллелизм интересов США и Китая. Все это является новым вызовом и опасной угрозой для революционно-демократических сил, всей прогрессивной Африки. «Когда Белый дом или государственный департамент проявляют интерес к Африке, — предупреждала ведущая нигерийская газета, — они, как и во времена Никсона, Форда и Киссинджера, делают это главным образом из соображений сохранения режимов меньшинства в Южной Африке и защиты американских инвестиций в Черной Африке»⁸⁹. Несмотря на известную упрощенность, эта мысль является квинтэссенцией всей политики США в Африке южнее Сахары в 70-х годах.

Глава 13

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН И ЮЖНАЯ АЗИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Акватория Индийского океана вместе с прилегающими к нему государствами составляет так называемую зону Индийского океана. Согласно классификации ООН, в эту зону входят 36 стран с общей территорией более 30 млн. кв. км и населением около 1234 млн. человек. Наиболее крупными из них по населению являются Индия — 586,3 млн. человек, Индонезия — 177,6 млн., Бангладеш — 75 млн., Пакистан — 68,2 млн., Таиланд — 41 млн., Иран — 32 млн., Эфиопия — 27,2 млн., ЮАР — 20 млн. человек.

Район Индийского океана с давних времен является сосредоточением важных морских, а позднее и воздушных линий, связывающих Европу с Восточной Африкой, Южной и Юго-Восточной Азией, Дальним Востоком, Австралией и Океанией. Особенно сильно значение Индийского океана как важного центра мировых морских коммуникаций возросло в последние десятилетия.

Зона Индийского океана представляет собой богатый природными ресурсами район земного шара. На его долю в целом приходится 77,3% мирового производства природного каучука,

76,2% чая, 42% шерсти, 26,7% хлопчатобумажной пряжи и 19% кофе. Все эти коммерческие культуры пользуются широким спросом в развитых странах мира¹.

В связи с возросшим значением прибрежных государств Индийского океана на международной арене американский империализм стремится усилить свое влияние в этом регионе и ослабить позиции социалистических стран, национально-освободительного движения при решении как региональных, так и глобальных проблем. Это стремление находит выражение в попытках Вашингтона утвердить свое военно-политическое присутствие в зоне Индийского океана, которое давало бы возможность беспрепятственно вмешиваться во внутренние дела прибрежных государств, влиять на их международные позиции, сдерживать развитие дружественных отношений этих стран с миром социализма.

Несмотря на то что наиболее открыто о своих притязаниях на право доминировать в Индийском океане в последние годы заявила администрация Картера, этот регион стал привлекать внимание Соединенных Штатов еще до второй мировой войны. Реальная же возможность для проникновения сюда появилась у Вашингтона во время войны, когда под предлогом выполнения союзнических обязательств перед Великобританией американское правительство предложило ввести свои вооруженные силы в Индийский океан. Вместе с тем разработка и попытки реализации основных положений индийскоокеанской стратегии США приходится на последние пятнадцать лет, что обусловлено рядом факторов.

Прежде всего Вашингтон стремился заполнить так называемый «вакуум силы», который, по его мнению, образовался в начале 70-х годов в бассейне Индийского океана в связи с вынужденным выводом английских войск в этот период из района «к востоку от Суэца». Во-вторых, безуспешные попытки правящих кругов США оказать давление на Индию во время индо-пакистанского конфликта 1971 г. и тем самым изменить соотношение сил в Южной Азии с выгодой для себя (путем подавления национально-освободительной борьбы бенгальского народа и укрепления военного режима Пакистана) заставили Вашингтон пересмотреть свой внешнеполитический курс в этом районе. В-третьих, после арабо-израильской войны 1973 г. и энергетического кризиса в капиталистических странах зона Индийского океана стала рассматриваться в США как важный экономический и военно-стратегический район, способный содействовать обеспечению американских интересов на Ближнем и Среднем Востоке. И, наконец, революция в Иране, которая привела к свержению антинародного проамериканского режима шаха, заставила Вашингтон пересмотреть некоторые военно-политические концепции, связанные с проведением американской стратегии в регионе, и принять на вооружение агрессивную

«доктрину Картера», оправдывающую вмешательство США везде, где сочтет нужным это сделать вашингтонская администрация.

Анализ этих факторов, их влияние на международные отношения в бассейне Индийского океана и в мире в целом выявил, по мнению американских ученых, политических и военных деятелей, большое значение этого обширного района земного шара для США в таких областях, как политическая, экономическая и военно-стратегическая.

Одним из важнейших факторов повышения американского интереса к району Индийского океана является рост его экономического значения для США. Начиная с 70-х годов резко усилилась зависимость США от нефтяных источников стран Персидского залива и возросла роль экономического фактора в азиатской политике Вашингтона. Экономические отношения США со странами бассейна Индийского океана становятся одним из главных факторов, способствующих поддержанию американского влияния и сохранению рычагов политического давления Вашингтона на правительства прибрежных государств с целью оказания влияния на их внутреннюю и внешнюю политику. Исходя из этого, экономическая экспансия США приобретает весьма важное значение.

Американская зависимость от сырьевых источников прибрежных стран особенно заметно проявилась в проблеме нефти.

В бассейне Индийского океана находятся и другие природные богатства, которые привлекают сюда Соединенные Штаты. Большой интерес для них представляют крупные месторождения ильменита и циркония в Индии, Австралии и Шри-Ланке. Южно-Африканская Республика является одним из главных поставщиков в США урана, лития, бериллия, циркония и других видов стратегического сырья, поставляет она также для американской промышленности алмазы, медь и цветные металлы. Значительны поставки в США стратегических материалов из Мозамбика и других африканских стран. Соединенные Штаты в больших количествах ввозят сырье из бассейна Индийского океана. Из приблизительно 40 видов стратегического сырья, импортируемого в США, около 20 ввозятся из района Индийского океана.

Важным показателем американской экономической экспансии в странах бассейна Индийского океана могут служить размеры прямых американских капиталовложений, которые превышают 10 млрд. долл.²

Стратегическое значение зоны Индийского океана определяется на современном этапе в первую очередь тем, что этот район привлекает внимание империалистических кругов США, других развитых капиталистических стран богатыми нефтяными запасами Персидского залива, способными в значительной степени удовлетворить растущие нефтяные потребности Запада.

Нефтью и нефтепродуктами стран этого района пользуются американские войска, расположенные в Западной Европе, в бассейнах Средиземного моря и Тихого океана. Основным источником получения горючего для американских вооруженных сил, которые вели войну в Юго-Восточной Азии, была также ближневосточная нефть. Нефтью стран Персидского залива снабжалась армада американских ВМС, дислоцированная в 1980 г. у берегов Ирана с целью проведения агрессивных военных акций против этой суверенной страны.

Стремясь оправдать свое растущее проникновение в зону Индийского океана наличием «жизненных интересов», Вашингтон продолжает укреплять и модернизировать военные базы и центры связи, предназначенные для осуществления контроля за передвижением морского и воздушного транспорта в акватории океана, а также демонстрации военной силы у берегов независимых государств.

В то же время Пентагон рассматривает бассейн Индийского океана как удобный плацдарм для размещения там стратегического оружия, нацеленного против Советского Союза.

Таким образом, военно-политическое значение нефти стран Персидского залива, географическая близость территории Советского Союза, кризис в американо-иранских отношениях, обостривший острые противоречия между интересами американского империализма и стран, отстаивающих свою независимость, существование неурегулированных конфликтов в прибрежных странах, способных в периоды их обострения вылиться в международно-политический кризис, — все это делает зону Индийского океана важным политико-географическим и военно-стратегическим районом. Одновременно в связи с возросшим значением этого района в системе внешнеполитических приоритетов США и в мировой политике в целом перед Вашингтоном в 70-х годах встала задача определить свои позиции и приступить к формированию внешнеполитического курса по отношению к прибрежным странам.

Особое внимание в этом плане уделяется странам Южноазиатского субконтинента. Важность Южной Азии определяется для Соединенных Штатов рядом факторов долгосрочного характера. Во-первых, с политической и стратегической точек зрения Южная Азия важна для США, поскольку то, что происходит в Индии, Пакистане и других южноазиатских странах, оказывает непосредственное влияние не только на соседние районы, но и на безопасность морских коммуникаций, по которым идет снабжение ближневосточной нефтью США, Японии, Западной Европы и американских союзников в Юго-Восточной Азии. Во-вторых, для Соединенных Штатов имеет значение также географическое положение Южной Азии в качестве «подбрюшья» Советского Союза.

Кроме того, американские политологи подчеркивают, что

Южная Азия является своеобразной «лабораторией», в которой сконцентрированы все основные проблемы развивающегося мира. И от того, как эти проблемы будут решаться в этом регионе, во многом зависит, по какому пути пойдут и развивающиеся страны в других регионах. Отсюда делается вывод о том, что Южная Азия имеет для Соединенных Штатов гораздо большее значение, чем это можно предположить, исходя лишь из геополитической важности этого региона.

В 70-е годы в политике США в Южной Азии обозначились новые тенденции, явившиеся результатом пересмотра американским руководством обанкротившегося курса, который в период индо-пакистанского конфликта 1971 г. привел к резкому ослаблению позиций Вашингтона в регионе.

Напомним, что отношение США к странам Южной Азии в 60-е годы определяло стремление осуществлять политику «баланса сил», используя противоречия между Индией и Пакистаном. США были заинтересованы в своеобразном «замораживании» конфликтных отношений между этими странами, а также Индией и Китаем. США, хотя и оказывали военную помощь Пакистану, избегали активно вмешиваться в дела субконтинента, опасаясь окончательно оттолкнуть Индию.

После того как 3 декабря 1971 г. начались военные действия между Индией и Пакистаном, только быстрые и эффективные меры могли предотвратить опасное развитие событий. Поэтому правительство Индии обратилось к миролюбивым странам мира с призывом содействовать прекращению конфликта. Советский Союз поддержал обращение Индии. Правительство же США заняло совсем иную позицию, обвинив Индию в «агрессии»³ и приостановив оказание ей экономической помощи. Вашингтон прибегнул к политике активной поддержки Пакистана и направил к индийским берегам военно-морскую оперативную группу во главе с авианосцем «Энтерпрайз», что явилось акцией грубого давления на Индию в духе империалистической «дипломатии канонеров».

Позиция США во время конфликта на субконтиненте сделала очевидным тот факт, что хотя новая американская политика в отношении развивающихся стран и была концептуально очерчена, но при столкновении с действительностью еще во многом сказывалась инерция внешнеполитических установок прежних лет. Соединенные Штаты, с одной стороны, не смогли полностью отказаться от старых методов силового воздействия, по-другой — не решились ввязаться в новый конфликт по типу вьетнамского.

В 1972—1973 гг. в политике США в Южной Азии появились некоторые новые моменты. Упрочение позиций Индии на субконтиненте, расширение базы сотрудничества между Советским Союзом и странами региона и их совместные усилия по поддержанию мира и стабильности в обширной зоне Индийского

океана — все это потребовало от Соединенных Штатов переосмотра своих первоочередных задач в Южной Азии.

Именно в это время в конгрессе США состоялся целый ряд специальных слушаний, посвященных проблемам американской политики в отношении расположенных в Южной Азии стран⁴. Результаты их показали полный провал американской политики безоговорочной поддержки Пакистана в противовес Индии и несостоятельность отказа США признать Индию в качестве регионального центра силы в Южной Азии. На слушаниях, в частности, отмечалось, что для проведения успешной американской политики в Южной Азии следует в первую очередь учитывать превращение Индии в «решающий политический и стратегический фактор» в этом районе⁵.

Таким образом, американская дипломатия была поставлена перед необходимостью выработать новый подход к Южной Азии на широкой компромиссной основе, включающей как пресметенность классической политики балансирования, так и существенную корректировку своего курса в соответствии с новыми условиями в этом регионе.

В основу этого нового подхода США легла концепция «выравнивания» отношений со странами субконтинента, предусматривавшая в долгосрочной перспективе усиление американских позиций в Южной Азии. Укрепление американских позиций в регионе, по замыслу Вашингтона, должно было осуществляться в рамках политики «малозаметного присутствия», т. е. используя не столько американскую военную мощь, сколько дипломатические, экономические и пропагандистские рычаги давления, а также опираясь на проамериканские силы внутри стран. Неотъемлемой частью американской стратегии становится тактика дестабилизации положения на Индостанском субконтиненте с особым упором на ослабление конструктивной роли Индии в мирном урегулировании спорных проблем путем «отдаления» Дакки от Дели, поощрения крайне националистических, шовинистических кругов как в Индии, так и в Пакистане.

Особое внимание было уделено самому молодому государству региона — Бангладеш, своеобразному «подбрюшью» Южной Азии и наиболее уязвимому в экономическом отношении члену южноазиатского сообщества.

В функциональном плане действия США в Бангладеш носили вспомогательный характер, но тем не менее играли и важную стратегическую роль, так как успех или провал американской политики в Бангладеш оказал бы значительное воздействие на развитие событий во всей Южной Азии.

Бангладеш попала в центр внимания американских стратегов по целому ряду тактических и стратегических соображений. Во-первых, вашингтонскую администрацию привлекала важность географического положения Бангладеш на стыке Южной и Юго-Восточной Азии. Во-вторых, это государство было только

что образовано, и его внешне- и внутривнутриполитический курс еще не устоялся. В-третьих, крайне тяжелое экономическое положение страны, полная зависимость от иностранной помощи, отсутствие четкой политической и социально-экономической структуры и опыта государственного управления у правительства Муджибура Рахмана создавали условия, которые позволяли использовать в широких масштабах весь комплекс рычагов давления американской дипломатии.

Бангладеш стала одной из первых стран Азии, заявившей о социалистической ориентации, которой США тем не менее начали оказывать массированную экономическую помощь. С 1971 по 1976 г. США предоставили Бангладеш помощь на сумму 1,4 млрд. долл.⁶, что составило более 35% всей помощи, предоставленной Бангладеш за этот период.

Путем активного использования экономических и политических трудностей молодого государства Соединенным Штатам удалось навязать выгодные для себя модели сотрудничества и оказать воздействие на социально-политическое и экономическое развитие Бангладеш, а также на формирование внешнеполитического курса этой страны.

В результате переворота 15 августа 1975 г. в Бангладеш к власти пришли силы, провозгласившие курс на расширение сотрудничества со странами Запада, и прежде всего с США. Начались широкие репрессии против прогрессивных деятелей страны, полностью была запрещена деятельность всех политических партий, включая КПБ. Военная администрация отказалась от лозунгов построения социализма⁷ и провозгласила курс на развитие частного капитала, широкое привлечение иностранного капитала. По инициативе бангладешской стороны значительно снизился уровень отношений между Индией и Бангладеш.

Переворот в Бангладеш вызвал ценную реакцию обострения внутривнутриполитических ситуаций, захватившую другие страны региона. В этом сыграли свою роль факторы взаимозависимости тенденций внутреннего развития в государствах Южной Азии.

В то же время действие системы рычагов, особенно экономических и пропагандистских, пущенных в ход США и их партнерами, ясно обозначило поощряемое Западом направление на ослабление позиций прогрессивных сил, изменение социалистической ориентации в Бангладеш, расшатывание индийско-бангладешской дружбы — важного стабилизирующего фактора в Южной Азии. С этим логически были связаны попытки подтолкнуть эволюцию социально-политического развития Индии в сторону сближения с Западом, поощрение правых сил в оппозиционных кругах этой страны, а также покровительство национальной монополистической буржуазии Индии.

И, наконец, Пакистан, поддерживавший на протяжении ряда десятилетий дружественные отношения с США, оказался последней страной субконтинента, ставшей объектом американ-

ской политики дестабилизации. Пакистанское правительство, выступившее за последовательное развитие связей с СССР и пытавшееся придерживаться более независимого политического курса, вызвало недовольство Вашингтона.

Резкая активизация правой оппозиции в стране сразу же после выборов в марте 1977 г., по мнению правительства Пакистана, была вызвана среди прочих причин и попытками США ослабить позиции законного правительства⁸.

Концепция «выравнивания» отношений, которую Соединенные Штаты активно применили в Южной Азии в первой половине 70-х годов, фактически была направлена не только на расширение внутривосточного положения, но и на разъединение и ослабление межгосударственных связей стран региона. Такая политика прежде всего отвечала интересам американских правящих кругов, так как обеспечивала почву для проникновения империализма США в экономику и социально-политическую жизнь государств Южной Азии и укрепления его позиций после 1971 г. позиций.

Деятельность администрации Дж. Картера в странах субконтинента свидетельствовала о том, что США стремились проводить в отношении этих стран еще более активный курс.

Тот факт, что Южная Азия вновь оказалась в фокусе американского внимания, объясняется рядом причин.

Во-первых, в середине 70-х годов ускорился процесс превращения Индии в крупнейшую региональную державу Южной Азии. Значительно возросло и влияние Индии как в развивающихся странах, так и в целом на международной арене.

Во-вторых, возросла роль южноазиатского региона в военно-стратегических планах США послевьетнамского периода. Эти планы предусматривают реорганизацию опорных пунктов Пентагона, создание новых и расширение старых баз, в частности ряда баз в районе Персидского залива и базы в Индийском океане на о-ве Диего-Гарсиа.

В-третьих, по прогнозам американских специалистов, в ближайшие десять лет два государства Южной Азии — Индия и Пакистан — будут способны производить ядерное оружие. Этот факт вызывает повышенное внимание Вашингтона по нескольким причинам. С одной стороны, в Соединенных Штатах понимают, что в случае возникновения ядерного конфликта в Южной Азии его последствия выйдут далеко за рамки этого региона. Кроме того, обладание Индией и Пакистаном ядерным оружием шло бы вразрез с провозглашенной внешней администрацией политикой укрепления режима нераспространения ядерного оружия, принципы которой, впрочем, постоянно нарушаются в угоду конъюнктурным соображениям Вашингтона.

В-четвертых, продовольственный кризис 1972—1973 гг. в Южной Азии с новой остротой выдвинул на повестку дня вопрос о поставках американского продовольствия в страны суб-

континента. Дело в том, что южноазиатские страны являются одним из основных потребителей излишков американской сельскохозяйственной продукции и это приводит к появлению определенной «взаимозависимости» в отношениях между этими государствами и США.

Сразу же после прихода к власти демократическое правительство, исходя из учета реально сложившейся ситуации на субконтиненте, при которой Индия превратилась, по словам Дж. Картера, в новый региональный «центр силы», предприняло ряд шагов для активизации отношений с Дели и поиска общих точек соприкосновения между двумя странами по ряду основных проблем международной жизни.

Как показал визит в Индию президента Дж. Картера, состоявшийся в январе 1978 г., США стремились выступить в роли, по сути дела, «гаранта» обеспечения ведущей роли Индии на субконтиненте. Такая переориентация в политике должна была, по мысли Вашингтона, подтолкнуть Индию в сторону дальнейшего сближения с США.

Однако, заявив о «новом» подходе к Индии, США по-прежнему пытались вести диалог с Индией с позиции силы и строить свои отношения с этой страной, учитывая лишь свои интересы. Так, Вашингтон не скрывал своего желания, чтобы были внесены «коррективы» во внешнюю политику Индии, явно в ущерб ее традиционным связям с другими дружественными державами, в первую очередь с Советским Союзом. Это вызывает обоснованную осторожность Дели.

Определенное напряжение в американо-индийские отношения вносят противоречия между этими странами по вопросу о деятельности в стране транснациональных корпораций со штаб-квартирой в Вашингтоне.

Эти компании стремятся проникнуть в самые перспективные и прибыльные отрасли индийской экономики — они прочно закрепились в химической промышленности, утверждают в электронной промышленности, в фармацевтической, активизировались в сфере производства продуктов питания, текстиля, металлоизделий, кожевенных товаров. В конце 1977 — начале 1978 г. противоречия по этому вопросу опять обострились в связи с деятельностью в Индии таких крупных американских частных компаний, как «Кока-кола Экспорт Корпорейшн», «Интернешнл Бизнес Мэшинз Уорлд Трейд Корпорейшн» и др., не желавших подчиниться контролю со стороны индийского правительства и принявших решение о закрытии своих предприятий в Индии.

Однако попытка США подменить диалог с Индией о развитии равноправного и взаимовыгодного сотрудничества тактикой нажима на Индию с целью расширить проникновение на индийский рынок американского частного капитала и транснациональных корпораций потерпела провал.

Правительство Индии заявило, что оно не намерено менять политику в отношении иностранных капиталовложений, и исключило возможность предоставления американским инвесторам особых условий при заключении с США отдельных соглашений об американских капиталовложениях.

Серьезные разногласия между Индией и США существуют в сфере двусторонних торгово-экономических отношений.

В последние годы проблема поставок американского уранового топлива в Индию значительно осложняет отношения между Вашингтоном и Дели⁹.

Одной из первых акций администрации Дж. Картера было объявление о возобновлении прекращенных в апреле 1976 г. поставок уранового топлива для индийской атомной электростанции в Таралуре. Хотя это решение впоследствии было подтверждено, одновременно обнаружились острые противоречия между Вашингтоном и Дели в связи с попытками США усилить контроль за индийской ядерной программой.

Позиция США по вопросу о поставках урана Индии весьма противоречива.

С одной стороны, США действовали, как это подчеркивал Вашингтон, в соответствии с требованиями Договора о нераспространении ядерного оружия, с другой — они не избежали соблазна использовать заинтересованность Индии в американском уране в своих интересах, возобновляя поставки в тех ситуациях, когда это соответствует задачам американской политики в Индии, и откладывая поставки, когда надо оказать давление на правительство Индии.

Таким образом, широко разрекламировав намерения улучшить отношения с Индией, США, однако, не внесли никаких конструктивных изменений ни в позицию по нерешенным проблемам американо-индийских двусторонних отношений, ни по другим кардинальным вопросам международной обстановки в Южной Азии.

В отношении Пакистана правительство Картера несколько раз кардинально меняло свою политику, прибегая то к «кнуту», то к «прянику» в ответ на те или иные действия правительства Зия-уль-Хака.

Сложность внутривосточной обстановки в Пакистане, попытки правительства этой страны выработать внешнеполитическую ориентацию, учитывающую нужды страны и отвечающую интересам взаимоотношений Пакистана с другими странами региона, — все это наталкивалось на противодействие со стороны США и обуславливало нарастание американо-пакистанских противоречий.

В свою очередь, именно рост противоречий во взаимоотношениях между этими странами и вызывал те зигзаги в политике США в отношении Пакистана, которые наблюдались на протяжении этого периода.

В последнее время, заявляя о том, что события в Иране и Афганистане якобы представляют угрозу безопасности Пакистана, Соединенные Штаты пытаются вовлечь Пакистан в свои планы возрождения «холодной войны» в этом регионе.

Решение Белого дома использовать Пакистан в качестве основного звена при реализации в Южной Азии своей агрессивной политики не случайно. После развала СЕТО и СЕАТО Пакистан — единственная страна в этом регионе, имеющая союзнические связи с США в виде заключенного в 1959 г. «соглашения о сотрудничестве», носящего к тому же военный характер.

Кроме того, как откровенно признала недавно газета «Вашингтон Пост», «географически Пакистан расположен очень удачно, ибо он обеспечивает потенциальную базу поддержки афганских мятежников, удобные места для авиабаз и военно-морских объектов для защиты Персидского залива и возможности для размещения таких технических разведывательных объектов, которые прежде находились в Иране»¹⁰.

Выбор пал на Пакистан еще и потому, что на протяжении последнего десятилетия Исламабад поддерживал тесные связи не только с Вашингтоном, но и с Пекином. «Параллелизм» интересов США и Китая в Южной Азии наметился еще в конце 60-х — начале 70-х годов. Сегодня же Пекин и Вашингтон все больше сближаются и координируют свои усилия в деле нагнетания обстановки в Южной Азии.

К удивлению Вашингтона, правительство Зия-уль-Хака отвергло предложенную Соединенными Штатами военную помощь. Подобный шаг Исламабада объясняется целым рядом причин. Во-первых, очередной поворот в политике США был слишком резким и неподготовленным. Во-вторых, в Исламабаде опасались, что американо-пакистанское военное сближение приведет к ухудшению отношений Пакистана с Индией и Советским Союзом. Кроме того, становилось бы проблематичным дальнейшее участие Пакистана в движении неприсоединения.

В Пакистане были также озабочены проблемой взаимоотношений с мусульманскими странами. В Исламабаде отдавали себе отчет в том, что в столицах мусульманских государств весьма отрицательно посмотрят на дальнейшее сближение Пакистана с Соединенными Штатами. А именно мусульманские страны, такие, как Саудовская Аравия, Кувейт, Арабские Эмираты, оказывали в последние годы серьезную финансовую поддержку Исламабаду.

И, наконец, администрация Зия-уль-Хака понимала, что американская военная помощь не повысит безопасность Пакистана, поскольку большая часть проблем, стоящих перед страной, — это внутренние проблемы, а не внешние.

Несмотря на отказ Пакистана от американской военной помощи, такие его действия, как продолжающееся участие в аг-

рессии против Афганистана, сотрудничество с Китаем в подрывных действиях против Индии, предоставление льготных условий для захода и обслуживания американских и западных военных кораблей в пакистанских портах, активизация военно-сотрудничества с Пекином, свидетельствуют о том, что объективно Пакистан продолжает оставаться важным звеном в агрессивной политике США и Китая в Южной Азии.

Подводя итоги анализу американской политики на субконтиненте, следует отметить, что в последнее время к основополагающим факторам долгосрочного характера, определяющим значение Южной Азии для Соединенных Штатов, о которых писалось выше, добавились два новых момента.

Во-первых, подчеркивается, что в условиях намечающейся оси Вашингтон — Пекин Южная Азия оказывается своеобразным мостом на пути от стратегических опорных пунктов США в Индийском океане и в зоне Персидского залива к Китаю. II, во-вторых, Южная Азия выдвигается в качестве альтернативного района, где возможен реванш за победу национально-освободительных движений в Камбучии, Иране, Афганистане.

Все это ведет к тому, что в 80-е годы место Южной Азии в приоритетах американской политики будет возрастать. Следует отметить, что если в 70-е годы политика США в этом регионе строилась в значительной степени в зависимости от расстановки сил на глобальном уровне, а также от политики в соседних регионах и в Индийском океане, то в конце 70-х — начале 80-х годов в Вашингтоне пришли к пониманию необходимости выработать самостоятельный долгосрочный подход к Южной Азии. Формирование этой политики еще только началось. Настораживает то, что по времени этот процесс совпал с нарастанием агрессивных тенденций в политике США на международной арене и активизацией попыток США создать для себя ситуацию военного превосходства в глобальном масштабе.

В 70-е годы Соединенные Штаты стали уделять заметное внимание островным государствам в районе Индийского океана, которые недавно освободились от колониального господства и стали на путь независимого политического развития. Наиболее крупными из них по населению являются Малагасийская Республика (7 млн. человек), Маврикий (более 800 тыс.), Тимор (600 тыс.), Коморские острова (280 тыс.), Мальдивская Республика (119 тыс.), Сейшельские острова (53 тыс.).

В основном это государства, придерживающиеся в своей внешней политике принципов неприсоединения и стремящиеся поддерживать дружественные отношения со всеми странами, независимо от их социального строя.

В связи с ростом значения Индийского океана эти островные государства стали привлекать Вашингтон своим стратегическим местоположением на пересечении морских и воздушных линий.

В результате повысилась роль станций связи и слежения за спутниками, которыми в настоящее время пользуются США, на Сейшельских островах, на о-ве Маврикий, а также на о-ве Реюньон. Пентагон располагает крупной военной базой на о-ве Диего-Гарсиа, который был насильно отторгнут от Маврикия Великобританией и Соединенными Штатами. В военных целях американские ВВС используют также авиационную базу на Кокосовых островах, принадлежащих Австралии.

Несмотря на прилагаемые Вашингтоном постоянные усилия вовлечь независимые островные государства Индийского океана в орбиту своего влияния, чтобы более активно использовать их в своей индийскоокеанской стратегии, правительства этих государств стремятся к проведению независимого внешнеполитического курса и борются за превращение Индийского океана в зону мира, за ликвидацию иностранных военных баз в регионе.

С таких позиций выступает нынешнее правительство Малагасийской Республики, которое, отказавшись от ориентации на западные страны, решительно проводит антиколониалистскую и антиимпериалистическую политику. В результате этого на малагасийской территории были ликвидированы иностранные военные объекты, в частности в июле 1975 г. была закрыта военная база США и высланы американские военнослужащие. Меры, направленные на ограничение контроля США над станцией слежения за спутниками на о-ве Маэ, предприняло в конце 1979 г. правительство Сейшельских островов, которое возложило охрану этой станции на местную полицию.

Однако, как показывает развитие международных отношений в районе Индийского океана, американский империализм не отказывается от своих экспансионистских намерений установить контроль над всеми ключевыми, стратегически важными территориями региона, что представляет серьезную опасность для независимости и суверенитета всех прибрежных государств, включая островные.

Наряду с проведением американской политики в отношении стран, расположенных в отдельных субрегионах района Индийского океана, Вашингтон активно занимался в последние годы разработкой общей индийскоокеанской стратегии, периодизацию которой можно условно разделить на три этапа. Первый охватывает период с конца 60-х годов и до октябрьской войны на Ближнем Востоке в 1973 г., второй — с 1973 по 1977 г. до начала советско-американских переговоров по ограничению военной деятельности в Индийском океане, а третий по времени совпадает с правлением администрации демократической партии.

На первом этапе формирования американского подхода к зоне Индийского океана ввиду резкой критики вьетнамской политики республиканской администрации внутри страны и за ее пределами, а также чрезмерных обязательств за рубежом тенденция к активизации американской военной деятельности там

не нашла поддержки. Несмотря на постоянное давление со стороны милитаристских кругов, требовавших усиления американского военного присутствия в Индийском океане, в американском конгрессе в основном высказывалось мнение, что любые американские цели, а также безопасность стран региона могут быть обеспечены лучше всего невоенными — экономическими и политическими средствами.

Стремление США увеличить свое влияние и контроль в зоне Индийского океана наиболее явно проявилось на втором этапе разработки американской стратегии в зоне Индийского океана, который тесно связан с арабо-израильской войной и нефтяным кризисом. В значительной степени результаты этой войны были использованы военными кругами США для того, чтобы развернуть кампанию по увеличению ассигнований на строительство крупной военной базы на о-ве Диего-Гарсиа. Именно при обсуждении проблемы расширения этой базы на различных законодательных, правительственных, академических уровнях выяснились истинные цели американской политики, а также возможные последствия американского присутствия в данном районе.

В декабре 1973 г. министр обороны США объявил о том, что Соединенные Штаты «намерены направлять свои военно-морские силы в Индийский океан более часто и регулярно, чем это имело место в прошлом»¹¹. А в феврале следующего года Пентагон запросил 29 млн. долл. на расширение центра связи на о-ве Диего-Гарсиа и создание на его основе крупной военно-морской и военно-воздушной базы США. В связи с запросом министерства обороны США в конгрессе начался новый раунд дебатов относительно американской стратегии в зоне Индийского океана, который длился с перерывами более полутора лет.

Пропагандистская истерия, поднятая вокруг мнимых советских баз в бассейне Индийского океана, и сильное давление со стороны Пентагона на американский конгресс способствовали наращиванию военного потенциала США в этом районе и увеличению продажи крупных партий современных видов американского оружия проимпериалистическим режимам прибрежных стран. К середине 70-х годов Соединенные Штаты располагали в Индийском океане собственными военными базами и центрами связи или продолжали добиваться права пользоваться военными базами прибрежных государств¹². Эти опорные пункты обеспечивают материально-техническую основу военно-морским соединениям США, постоянно находящимся в водах Индийского океана.

К началу объявленного «свертывания» американского присутствия в Юго-Восточной Азии, где патриотические силы одержали полную победу над войсками США и их марионеточными режимами, Вашингтон фактически создал новый военный плацдарм в зоне Индийского океана, предназначенный для подавления национально-освободительной борьбы, поддержки проамер-

риканских режимов, обеспечения американского влияния в прибрежных странах.

Третий этап разработки индийскоокеанской стратегии США приходится на конец 70-х — начало 80-х годов. Именно в период правления администрации Картера проявились противоречивость и непоследовательность подхода Вашингтона к дальнейшей разработке этой стратегии. С одной стороны, Соединенные Штаты выразили готовность вести переговоры с Советским Союзом об ограничении военной деятельности в районе Индийского океана, с другой — из-за сиюминутной и односторонней выгоды они приостановили движение в направлении достижения соглашения, а затем свели на нет уже достигнутый, хотя и небольшой, прогресс в этой области. Параллельно в Вашингтоне шла интенсивная выработка мероприятий по наращиванию военной силы в небывалых для этого района мира масштабах, призванной открыто и грубо вмешиваться во внутренние дела народов приморских государств в интересах американского империализма.

Естественным следствием военной экспансии на протяжении многих лет в районе Индийского океана стало появление «доктрины Картера», согласно которой весь район Персидского залива стал сферой американских «жизненных интересов», где США могли использовать «любые необходимые средства» для их защиты. Следовательно, администрация Картера в своей внешнеполитической стратегии придала этому региону такое же значение, как Атлантическому или Тихому океанам.

Военно-политическая активность США в бассейне Индийского океана, определяющая реальное содержание и контуры новой американской доктрины для региона, протаскает по двум направлениям. Во-первых, усиливается американский военный потенциал, предназначенный для «демонстрации силы», а также для организации морской блокады или открытого военного вмешательства в прибрежные страны; во-вторых, предпринимаются поиски новых опорных пунктов и военных баз для обеспечения длительного пребывания ВМС и ВВС США и для их технического обслуживания.

Военная активность Соединенных Штатов выражается в небывалом наращивании военно-морских сил, в целенаправленном курсе на создание военной напряженности, под предлогом которой можно было бы вести дело к закреплению военного присутствия США в регионе на постоянной основе. За короткий период в первой половине 1980 г. Пентагон увеличил число своих военных кораблей более чем на 30 единиц, объединенных в несколько авианосных ударных групп.

В январе 1980 г. в разгар американо-иракского кризиса США увеличили свое присутствие в Индийском океане на две авианосные группы, возглавляемые атомным авианосцем «Нимц» и авианосцем «Корал си». В марте 1980 г. в Индийский

океан, направляясь в Аравийское море, вошло оперативное соединение корпуса морской пехоты США во главе с вертолетоносцем «Окиннава». И хотя в апреле того же года авианосцы «Китти Хок» и «Мидуэй» покинули Индийский океан, они были заменены авианосцем «Констеллэйшн» (того же класса, что «Китти Хок») в сопровождении шести военных кораблей и авианосцем «Эйзенхауэр» (класса «Нимиц») в сопровождении ракетных крейсеров «Южная Каролина», «Вирджиния» и других боевых и вспомогательных кораблей.

Таким образом, в первой половине 1980 г. в Индийском океане одновременно было сосредоточено 4 авианосца, 7 ракетных крейсеров, а также большое число эсминцев, фрегатов и вспомогательных судов. Общее водоизмещение кораблей, крейсировавших у берегов прибрежных стран, главным образом Ирана, составило 440 тыс. т. На борту они имели 325 самолетов, 38 вертолетов, около 28 тыс. человек личного состава, 1800 морских пехотинцев на вертолетоносце «Окиннава» и 1 тыс. десантников на сопровождающих судах.

Вторым направлением военно-политической активности США в зоне Индийского океана является стремление создать расширенную сеть опорных пунктов и военных баз с использованием военных объектов прибрежных государств, расположенных в непосредственной близости от района Персидского залива. Основное назначение военных баз должно состоять в обеспечении регулярного обслуживания авианосных ударных групп, которые будут постоянно находиться в Индийском океане, а также в обеспечении действий «сил быстрого реагирования» в периоды кризисных ситуаций. Американские стратеги считают, что близкое географическое расположение этих баз к Ближнему и Среднему Востоку (например, Бербера почти на тысячу миль ближе к ним, чем о-в Дисго-Гарсна) позволит более эффективно поддерживать соединения ВМС и ВВС США, действующие в Красном море, Аденском заливе, Аравийском море и Персидском заливе.

Крупномасштабное наращивание военно-морских сил Соединенных Штатов и их активизация по другим направлениям в данном районе мира свидетельствуют о наличии у американского империализма долгосрочных планов установления своего господства, не связанных только с американо-иранским кризисом. Как отмечала «Вашингтон Пост», решение «добиваться баз в Омане, Кении и Сомали было принято до афганских событий и является частью реакции США на события в Иране»¹⁸.

Расширение военной активности американского империализма в зоне Индийского океана усиливает напряженность в международных отношениях не только в регионе, но и во всем мире. Неудавшаяся попытка, предпринятая Пентагоном в апреле 1980 г. с целью, как утверждают официальные лица в Вашингтоне, освобождения американских заложников, свидетельствует

о том, что концентрация огромной военной мощи США в Аравийском море служит не только средством запугивания иранского народа, равно как и народов других прибрежных государств, но и орудием прямой агрессии против миролюбивых, отстаивающих свою независимость стран Индийского океана.

Против экспансионистских устремлений американского империализма, стремящегося превратить район Индийского океана в сферу своего безраздельного влияния, выступает большинство прибрежных государств. Их борьба нашла яркое отражение в движении за превращение этого района в зону мира. Уже на III Конференции неприсоединившихся государств, состоявшейся в Лусаке в 1970 г., в принятой резолюции содержалось обращение ко всем государствам «рассматривать и уважать Индийский океан как зону мира». А начиная с 1971 г., когда ООН одобрила Декларацию об объявлении Индийского океана зоной мира, этот вопрос ежегодно включался по инициативе прибрежных государств в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН и по нему принимались резолюции в поддержку объявления Индийского океана зоной мира.

Дальнейшее развитие концепция зоны мира получила на IV Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Алжире в 1973 г., на совещании министров иностранных дел неприсоединившихся стран в Лиме в 1975 г., а также на V Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, проходившей в Коломбо в августе 1976 г. Участники V Конференции решительно высказались за принятие конкретных шагов с целью реализации идей и предложений, заложенных в предыдущих решениях международных форумов. В резолюции конференции резко осуждается создание, поддержание и расширение таких иностранных баз, как Диего-Гарсна. В июле 1979 г. в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке проходило совещание прибрежных и материковых государств Индийского океана, на котором была выработана общая платформа относительно практических шагов, направленных на осуществление концепции превращения Индийского океана в зону мира, а в конце того же года Генеральная Ассамблея ООН приняла решение созвать в 1981 г. в Коломбо международную конференцию для осуществления этой цели.

Стремление народов стран бассейна Индийского океана обеспечить себе мирное развитие получает твердую и последовательную поддержку со стороны Советского Союза, для которого этот обширный водный бассейн имеет также большое значение. Через Индийский океан пролегает единственный незамерзающий морской путь, соединяющий европейскую и азиатскую части нашего государства, и его активно использует торговый флот СССР. В соответствии с установившейся мировой практикой советские военные корабли заходят с визитами в порты дружественных государств. Все это осуществляется с полным

соблюдением норм международного права. Защищая свои законные интересы, Советский Союз вместе с тем стремится всемерно оказывать помощь странам, борющимся за создание зоны мира в Индийском океане. Позиция нашей страны по этой проблеме нашла отражение как в ряде коммюнике и деклараций, подписанных во время встреч советских руководителей с руководителями прибрежных государств на высшем уровне, так и в выступлениях советских представителей в ООН и на других международных форумах. Этот подход четко и ясно изложен в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии. Говоря о борьбе ряда государств за то, чтобы район Индийского океана «не стал ареной создания военных баз тех или иных держав», Л. И. Брежнев подчеркивал: «Мы сочувствуем этим выступлениям. Что касается Советского Союза, то мы не имеем и не имеем намерения строить военные базы в Индийском океане»¹⁴.

Во время советско-американских переговоров на высшем уровне в Вене в июне 1979 г. была достигнута договоренность о скорейшем обсуждении вопроса о возобновлении переговоров по Индийскому океану, однако США на состоявшейся месяц спустя встрече представителей двух стран дали отрицательный ответ, считая, очевидно, что подстегивание гонки вооружений и сохранение напряженности в Индийском океане лучшим образом соответствует укреплению американских позиций. Нежелание Вашингтона достигнуть взаимопонимания по вопросам ограничения военной деятельности и прекращения военной экспансии в регионе объясняется стремлением американского руководства сделать значительный рывок в изменении регионального баланса сил в свою пользу, создать там мощный «железный кулак» для проведения политики экспансии и гегемонизма, использовать советско-американские переговоры как средство давления на Советский Союз с целью побудить его ослабить или прекратить поддержку движения за политическую и экономическую независимость в регионе.

Прилагая значительные усилия, направленные на обеспечение американских экономических, политических и военных интересов в регионе, на укрепление и расширение влияния в расположенных там странах, руководство Соединенных Штатов стремится использовать свое военное и иное присутствие в зоне Индийского океана в качестве фактора глобального значения. Затягивание Вашингтоном решения проблемы ограничения вооружений в районе Индийского океана, его попытки отложить на неопределенный срок ратификацию договора об ОСВ-2, используя для этого локальные конфликты в этом районе мира, свидетельствуют о том, что империалистические круги США и их пособники в странах Индийского океана и за его пределами делают все возможное, чтобы отсрочить наступление момента, когда Индийский океан станет зоной мира и сотрудничества, обеспечивающей безопасность огромного района земного шара.

Поражение США во Вьетнаме в 1975 г., установление мира в Индокитае и изменение общестратегической обстановки в Юго-Восточной Азии в значительной степени свидетельствовали о завершении послевоенного периода в политике в этом районе мира.

После второй мировой войны Юго-Восточная Азия являлась одним из региональных направлений военно-политической и экономической экспансии США. Различные американские администрации, формировавшиеся как республиканской, так и демократической партиями, в течение всего послевоенного периода рассматривали этот регион как важный с точки зрения «национальных интересов» Соединенных Штатов в Азии. На протяжении четверти века после второй мировой войны политика США в этом районе была подчинена глобальной задаче борьбы против социализма и национально-освободительного движения.

Усиление акцента в политике США в начале 70-х годов на Северо-Восточную Азию, в оценке Вашингтона «более важную» для американских интересов в сравнении с Юго-Восточной Азией, в известной степени отражало стремление американского руководства заиметь значение региона ЮВА для внешней политики США и тем самым смягчить остроту провала многолетних попыток направить политическое развитие в Индокитае в нужную для Вашингтона сторону.

Победа патристических сил Индокитайской весной 1975 г. привела к утрате Соединенными Штатами значительной части своих позиций и серьезному подрыву престижа США. События 1975 г. вновь поставили Юго-Восточную Азию в фокус внимания американских политологов и политических деятелей, заставили в новых условиях дать оценку роли и места этого региона во внешнеполитической стратегии США.

Профессор Р. Скалапино, отмечая взаимосвязь интересов США в различных районах, подчеркнул, что «Юго-Восточная Азия как регион тесно связана с Тихим океаном и Северо-Восточной Азией», т. е. с районами традиционной экспансии США. Что же касается собственно государств ЮВА, то, по мнению Скалапино, ряд стран региона, в частности Индонезия, Малайзия, Сингапур, «становятся более важными для Соединенных Штатов по причинам как экономическим, так и политико-стратегическим»¹.

Представители администрации Никсона, Форда, Картера подчеркивали стремление Вашингтона проводить в послевьетнамский период активную политику в Азии, в том числе в ЮВА. И действительно, как в экономической, так и в военно-полити-

ческой областях США продолжают экспансию в этом регионе. В экономической области наибольшую активность проявляют американские нефтяные монополии. Они развернули разведку и разработку нефти в этом регионе, на шельфах морей Юго-Восточной Азии — в Спалском заливе, Южно-Китайском, Яванском морях.

Особая роль в планах американского капитала отводится Индонезии с ее богатыми ресурсами:

Объектом экспансии американских монополий являются и другие отрасли хозяйства развивающихся стран ЮВА. Следует особо отметить активность электротехнических компаний в ряде стран этого региона.

Бурная деятельность американских компаний финансируется американскими банками, которые, в свою очередь, заинтересованы в расширении деловой активности американских фирм в развивающихся странах.

На протяжении последних лет значительно расширились торговые отношения Соединенных Штатов с развивающимися странами ЮВА. Объем торговли США со странами АСЕАН вырос примерно с 4,5 млрд. долл. в 1973 г. до более 14 млрд. долл. в 1979 г.

Рост интереса США к ЮВА обусловлен и значительным динамизмом политического развития в странах региона, усилением в 70-е годы национального самосознания, стремлением развивающихся государств дополнить политическую независимость экономической. В 70-е годы расширились связи государств ЮВА с освободившимися странами других регионов и движением неприсоединения в целом, была поддержана идея создания «нового мирового экономического порядка». Как экспортеры сырья, страны ЮВА постоянно испытывают несправедливость от экономических отношений с промышленно развитыми капиталистическими странами.

Пример действий нефтедобывающих стран, проводящих согласованную политику в рамках организации ОПЕК, привлек внимание развивающихся государств ЮВА, активизировал их усилия, направленные на ограничение экономической зависимости от крупных капиталистических государств и империалистических монополий.

Тенденция к большей самостоятельности государств ЮВА, проявившаяся в середине 70-х годов, нашла отражение и в отношениях этих государств с США. Если раньше для многих политических деятелей азиатских стран Вашингтон представлялся основной и решающей силой в Азии, то в результате поражения его во Вьетнаме США все более рассматриваются только как один из нескольких элементов, составляющих нынешнюю международно-политическую структуру в Азии и бассейне Тихого океана.

Страны ЮВА предприняли шаги по приспособлению к реаль-

ностям международной обстановки. Были установлены дипломатические отношения Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда с СРВ. Серьезной эрозии подверглась система американских военно-политических союзов, распался блок СЕАТО.

Администрация Картера, пришедшая к власти в 1977 г., сохранила в основном политику прежних администраций в ЮВА. Специальный представитель президента США Э. Ричардсон в марте 1977 г. заявил, что после прихода к власти президента Картера в политике США в отношении этого региона никаких кардинальных изменений не произошло. В политике демократов в Юго-Восточной Азии не только сохранились концептуальные основы предшественников-республиканцев в их наиболее жестком варианте, но фактически был сделан шаг к даллесовскому курсу «сдерживания коммунизма».

Так же как и предшествовавшая администрация, правительство Картера выдвинуло цель поддержания «стабильности» в регионе, стабильности на капиталистической основе. По мнению правящих кругов США, обеспечение такой стабильности должно строиться на путях разработки внутренних программ развития, согласования и укрепления регионального сотрудничества через Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Эта ассоциация, в которую вошли Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, была создана в августе 1967 г. Целью ее деятельности провозглашалось развитие сотрудничества в области экономики, торговли, просвещения и других экономических и культурных вопросах.

С первых дней существования АСЕАН подход Вашингтона к оценке значения этой организации для азиатской политики США определялся в значительной степени их военно-стратегическими интересами.

В стремлении США направить региональное сотрудничество АСЕАН на военные рельсы учитывались внутривнутриполитическая расстановка сил в этих странах, роль прозападных элементов, а также тот факт, что правящие круги стран, входящих в АСЕАН, в той или иной степени поддерживали агрессию США во Вьетнаме, а также являлись участниками империалистических военных блоков и соглашений.

Однако успехи национально-освободительного движения в Азии, провал агрессии США в Индокитае и возрастание роли развивающихся стран в мировых делах открыли возможности для государств АСЕАН содействовать укреплению мира в ЮВА и на этой основе осуществлять свое развитие.

Вместе с тем администрации Картера предприняла усилия с целью использовать возросшую роль АСЕАН в международных делах для обеспечения внешнеполитических интересов США в Азии. В апреле 1977 г. делегация конгресса США посетила Индонезию, Малайзию, Сингапур, Таиланд, Филиппины. Гла-

ва этой делегации Л. Вольф, председатель подкомиссии палаты представителей по делам Восточной Азии и Тихого океана, заявил журналистам в Маниле, что в ходе поездки обсуждалась программа американской военной помощи странам ЮВА.

В мае 1978 г. США предприняли новый шаг на пути дальнейшего развития отношений со странами АСЕАН. Вице-президент США У. Мондейл, совершивший поездку по странам ЮВА и бассейна Тихого океана, подчеркнул намерение Соединенных Штатов оставаться сильной тихоокеанской державой.

Для политики администрации Картера в отношении стран АСЕАН было характерно стремление привлечь Японию к разделению ответственности за «обеспечение стабильности» в Азии. Вопрос об активном подключении Японии к реализации внешнеполитического курса США в этом районе мира обсуждался в ходе переговоров премьер-министра Т. Фукуды с президентом Дж. Картером в марте 1977 г. в Вашингтоне и нашел отражение в совместном коммюнике².

Япония согласилась принять на себя больше обязательства в качестве одного из гарантов «стабильности» Юго-Восточной Азии путем расширения экономических связей со странами АСЕАН.

Используя различные рычаги экономического и политического давления, США стремятся подтолкнуть АСЕАН к выполнению роли военного блока, поощряют правые милитаристские круги в этих странах. Однако такие шаги противоречат идее мира и нейтралитета, в пользу которой выступали некоторые страны — члены АСЕАН; милитаризация этой региональной группировки, сколачивание нового военного блока было бы чревато серьезными осложнениями для дела мира в Юго-Восточной Азии. Этого не могут не учитывать правящие круги государств, входящих в Ассоциацию. В заключительном коммюнике Куала-Лумпурского совещания АСЕАН в августе 1977 г. выражалась готовность развивать мирные и взаимовыгодные отношения со всеми странами региона.

Изложенное дает возможность более четко понять особенности американской экономической и военно-политической экспансии в отдельных странах Юго-Восточной Азии.

В рамках послевоенной политики США в ЮВА важное место отводится Филиппинам. Значение этой страны для военно-политической и экономической стратегии США в Азии определяется как стратегически важным географическим положением филиппинских островов, на которых функционируют крупные военные базы США, так и интересами американского капитала в укреплении своих позиций в экономике этой страны.

Вместе с тем стремление Филиппин к большей независимости от США, необходимость сформулировать внешнюю политику страны с учетом собственных внутри- и внешнеполитических интересов привели к провозглашению президентом Ф. Мар-

косом курса на утверждение национальной независимости и суверенитета. В качестве важной задачи этого курса выдвигался пересмотр всего комплекса американо-филиппинских отношений, прежде всего в военной, а также в торгово-экономической областях.

По заключенному в 1947 г. соглашению, США получили право разместить на Филиппинах сроком на 99 лет 23 военные базы и содержать на территории этой страны американские войска. В 1966 г. число американских баз было сокращено, а срок их существования ограничен 1991 г.

В настоящее время США располагают на Филиппинах рядом крупных военных объектов, среди которых вторая по величине в мире американская военно-воздушная база Кларк-филд и военно-морская база Субик-бей, играющие важную роль в осуществлении военного контроля США над ЮВА и значительной частью Тихого и Индийского океанов. Значение этих баз в американской военно-политической стратегии возросло после поражения США в индокитайской войне и перехода к более активному использованию так называемой стратегии голубой воды.

Агрессия США в Индокитае, в ходе которой эти базы использовались без контроля со стороны Филиппин, выявила опасность вовлечения Филиппин вопреки их собственным интересам в вооруженные авантюры Пентагона.

В 1976 г. между Манилой и Вашингтоном начались переговоры по пересмотру прежних военных соглашений. Правительство Филиппин на этих переговорах добивалось прежде всего установления своего суверенитета над военными базами США и упразднения прав экстерриториальности, которыми пользовались американские военнослужащие. В число других требований входило вывешивание на базах филиппинских флагов и назначение филиппинских командующих, которые бы располагали правами осуществлять контроль за военными операциями, совершаемыми с территории этих баз. Филиппины также настаивали на сокращении площади, занятой под военными сооружениями на территории страны и установлении срока действия нового соглашения о базах на пять лет (вместо прежних двадцати пяти лет).

США всячески затягивали эти переговоры и использовали различные средства с целью сохранения своих военных позиций в этой стране.

Вопрос о выработке нового статуса американских баз на Филиппинах занял важное место в повестке дня переговоров вице-президента США У. Мондейла с президентом Филиппин Ф. Маркосом в мае 1978 г. В результате этих переговоров была достигнута договоренность о внесении поправок к действующему соглашению о базах. Для США было необходимо сдвинуть с мертвой точки длившиеся в течение двух с лишним лет

переговоры, ибо вопрос об американских базах на территории Филиппин превратился в широко обсуждаемую на Филиппинах проблему и усилил в этой стране настроения в пользу полной ликвидации иностранного военного присутствия. В этих условиях в Вашингтоне было принято решение удовлетворить ряд требований Филиппин и добиться для себя благоприятного пропагандистского эффекта. Соединенные Штаты согласились признать суверенитет Филиппин над американскими базами, во главе которых будут находиться филиппинские командующие, согласились сократить площади, занимаемые военными сооружениями США, а также пересматривать соглашение через каждые пять лет после внесения поправок.

Вместе с тем в согласованных поправках было зафиксировано положение, которое фактически сводило на нет какие-либо уступки со стороны Соединенных Штатов, которым гарантировалась возможность осуществлять эффективный контроль над американским персоналом баз и всеми имеющимися там объектами, а также бесконтрольно осуществлять военные операции.

США, учитывая большую экономическую зависимость Филиппин от Соединенных Штатов, использовали экономические рычаги для сохранения американских военных сооружений в этой стране.

Несмотря на большую зависимость филиппинской экономики от США, правительство Филиппин стремится к укреплению своей политической и экономической самостоятельности, установлению контроля над природными ресурсами и налаживанию сотрудничества со всеми странами на основе равенства и взаимной выгоды. Отвергая давление со стороны США, Филиппины принимают конкретные меры по налаживанию деловых связей со всеми странами, независимо от их социального строя.

Стремление к большей самостоятельности в области внешней политики нашло отражение в формулировании позиции Филиппин по ряду важных вопросов в ООН. Существенные разногласия между Филиппинами и США проявились в оценке резолюций экономического и политического характера, отвечавших интересам развивающихся стран. За три года (1974—1976) по 20% обсуждавшихся Генеральной Ассамблеей ООН вопросов, по которым США голосовали «против», Филиппины голосовали «за» и не присоединились к США ни в одном из случаев отрицательного голосования². Филиппины играют все более заметную роль в политике развивающихся стран. Они приняли участие в V Конференции неприсоединившихся государств в августе 1976 г. в Коломбо в качестве почетного гостя. Оздоровление обстановки в ЮВА способствовало установлению дипломатических отношений между Филиппинами и Социалистической Республикой Вьетнам.

В июне 1976 г. были установлены дипломатические отноше-

ния между Филиппинами и Советским Союзом. В совместном советско-филиппинском заявлении отмечалось, что обе стороны придают большое значение установлению мира и стабильности в Азии и согласились всемерно содействовать дальнейшей разрядке напряженности в этом районе, созданию условий для превращения Азии в континент мира, свободы и конструктивного международного сотрудничества.

На протяжении более четверти века в военно-стратегических планах США в ЮВА значительное место отводилось *Таиланду*. Территория этой страны использовалась для осуществления агрессии против народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

Победа патристических сил в Индокитае способствовала некоторому изменению тайландо-американских отношений. После свержения в октябре 1973 г. режима проамериканской военной диктатуры руководители Таиланда выступили за проведение страной курса, направленного на упрочение национальной независимости, а во внешнеполитическом плане — на проведение политики мирного сосуществования.

В 60-е годы в Таиланде было построено семь военно-воздушных баз США, предназначенных для ведения агрессивной войны против народов Индокитая. В Таиланде были также созданы американские военно-морские базы и различные объекты радиоэлектронной разведки. В 1969 г. в этой стране насчитывалось 93 различных военных сооружения и более 48 тыс. военнослужащих США³.

Правящие круги США, проводя в начале 70-х годов политику сокращения своего военного присутствия в континентальных странах ЮВА, приняли решение вывести американские боевые подразделения из Таиланда к концу 1975 г.

Однако на переговорах между представителями США и Таиланда, которые велись на протяжении 1975 г., Вашингтон упорствовал в попытках сохранить на территории американских военнослужащих. Лишь к 20 июля 1976 г. вооруженные силы США были выведены из этой страны.

Таиландское правительство в качестве уступки согласилось предоставить американским военно-воздушным силам возможность беспрепятственных пролетов над территорией страны, а также дозаправку и обслуживание военных и транспортных самолетов на авиабазе Такли. Вашингтону было разрешено оставить в Таиланде 270 военных советников.

Вывод крупного контингента американских войск из Таиланда позволил правительству этой страны сделать важный шаг в сторону нормализации отношений с соседними странами. В июле 1976 г. Таиланд и Социалистическая Республика Вьетнам договорились об обмене послами. В августе 1976 г. тайландская правительственная делегация посетила СРВ. В совместном коммюнике обе стороны констатировали глубокие изменения, происшедшие в ЮВА в 70-е годы, которые открыли

возможность строить межгосударственные отношения в этом регионе на основе принципов мирного сосуществования.

Самостоятельный внешнеполитический курс Таиланда наталкивался на противодействие правых военных кругов этой страны, стремившихся к восстановлению тайландо-американских отношений, существовавших до 1973 г. — «благословенному времени» для военной элиты, которая благодаря своему положению антикоммунистического союзника США наживалась на американской военной и экономической помощи.

Военно-стратегические интересы США в использовании Таиланда в качестве плацдарма для агрессии против других государств Индокитая обусловили экономическое проникновение США в эту страну. Вместе с тем собственно экономические интересы американских монополий в Таиланде менее значительны, чем в других странах ЮВА. Такое положение определялось как опасением американских инвесторов за политическую обстановку в стране под влиянием событий в соседних странах, так и ограниченными сырьевыми ресурсами Таиланда. Американские частные капиталовложения в экономику этой страны составляли в 1975 г. около 300 млн. долл. В то же время наблюдается активизация деятельности американского капитала в Таиланде, вызванная как внутриполитическими переменами, происшедшими там с конца 1976 г., так и тем фактом, что в районе Снамского залива обнаружены рентабельные для разработки запасы природного газа⁵. Как партнер Таиланда в области торговых отношений США занимают второе место после Японии. На долю США приходится около 11% тайландского экспорта и 14,5% импорта этой страны⁶.

Правящие круги США оказали поддержку правым организациям, резко активизировавшим свою деятельность в стране в 1975—1976 гг. В печати сообщалось, что ЦРУ США в этот период предоставило значительную финансовую поддержку таким крайним правым группировкам, как «Красные буйволы», осуществившим в Таиланде военный переворот в октябре 1976 г.⁷

В новых условиях, сложившихся после падения гражданского правительства Таиланда осенью 1976 г., США пошли на расширение экономической помощи этой стране. В 1977 г. они предоставили Таиланду финансовую помощь объемом около 12 млн. долл., из которых 9 млн. были предоставлены в виде безвозмездных субсидий, а остальная часть — в виде займов.

С курсом на военное сотрудничество с США не было покончено и после прихода к власти в октябре 1977 г. нового правительства Таиланда.

В программе из шести пунктов Национального политического совета Таиланда, провозглашенной 14 ноября 1977 г., говорилось о необходимости создания собственной военной промышленности. Со своей стороны, США заверили тайландское руководство, что они придерживаются обязательств в области

«обеспечения безопасности Таиланда», вытекающих из Манильского договора, подписанного одновременно с созданием ныне распавшегося блока СЕАТО, и коммюнике Раска — Комана 1962 г. Вице-президент США У. Мондейл в ходе визита в Таиланд в мае 1978 г. сообщил в Бангкоке о принятом Соединенными Штатами решении продать Таиланду 18 реактивных истребителей-бомбардировщиков «Ф-5Е».

Политика США в отношении Таиланда свидетельствует о стремлении американских правящих кругов закрепить свои позиции в этой стране и использовать ее в региональном плане в интересах США, в частности в качестве проводника американских планов превращения АСЕАН в прозападную военную группировку.

США прилагают большие усилия для того, чтобы гарантировать выгодную для них политическую и социально-экономическую ориентацию крупнейшей страны ЮВА и одной из самых больших развивающихся стран мира — *Индонезии*. Для этого Вашингтон применяет разнообразные экономические, политические и, наконец, военные меры.

После переворота, совершенного осенью 1965 г. правыми силами Индонезии, Вашингтон наряду с другими империалистическими державами усилил экономическую и военную помощь этой стране, надеясь таким способом закрепить развитие Индонезии по капиталистическому пути. Так, если в 1945—1965 гг. экономическая помощь США Индонезии составила около 200 млн. долл., то в 1966—1976 гг. она возросла до 1608 млн. долл.⁸ В 1976 г. субсидии и кредиты США Индонезии равнялись 333 млн. долл.⁹ Однако направленность этой экономической помощи и способы ее оказания вели к все большему порабощению индонезийской экономики, к закреплению ее в качестве аграрно-сырьевого придатка развитых капиталистических государств.

Основная часть всей американской экономической помощи поступала через консорциум нескольких крупнейших капиталистических стран — Межправительственную группу помощи Индонезии, созданную в конце 60-х годов. США вносили ежегодно примерно третью часть всей суммы, предоставляемой консорциумом, что составляло в среднем около 200 млн. долл. в год. США, являясь крупнейшим кредитором Индонезии, постарались оказать влияние и на направленность экономической политики Индонезии.

Для оказания экономической помощи Индонезии в нужных США целях Вашингтон использовал и Международный банк реконструкции и развития, и другие международные финансовые учреждения, находящиеся под влиянием США. Если в 1945—1969 гг. вся помощь МБРР Индонезии составила только 7 млн. долл., то лишь за 1974—1975 гг. она достигла 332 млн. долл.¹⁰

Американская экономическая помощь Индонезии, как и помощь других империалистических держав, влечет за собой все более глубокое и быстрое сползание страны в трясину финансовой задолженности развитым капиталистическим странам. Индонезия получила в 1979 г. около 2 млрд. долл. в виде займов капиталистических держав и выплатила им почти столько же по прошлым займам¹¹.

С 1967 г. начался наплыв частного американского капитала в Индонезию, поскольку индонезийские власти приняли в 1967 г. закон об иностранных капиталовложениях, создающий благоприятные условия для иностранных вкладчиков капитала. Наибольшая часть частных капиталов США была вложена в добычу индонезийской нефти, которая с каждым годом приобретала все большее значение в американском импорте нефти. Только в соответствии с системой контрактов, основанной на долевом распределении добываемой нефти, американские нефтяные монополии в 1966—1974 гг. вложили приблизительно 1,2 млрд. долл., причем эта сумма не включала капиталовложений, сделанных крупнейшими американскими монополиями «Калтекс» и «Станвак». Эти монополии вкладывали капиталы по другой системе контрактов, по которой сумма капиталовложений вообще хранилась в тайне, так что действительная сумма американских капиталовложений в нефтяную промышленность Индонезии составила свыше 2 млрд. долл.¹² Кроме того, в 1967—1976 гг. американские монополии инвестировали 520 млн. долл. в различные отрасли хозяйства Индонезии помимо нефтедобывающей промышленности¹³.

В 70-х годах бурно росла торговля США с Индонезией. В 1970 г. весь объем двусторонней американо-индонезийской торговли составлял 448 млн. долл., а в 1976 г.—4,040 млрд. долл., т. е. увеличился почти в 10 раз, а отрицательное сальдо торгового баланса США с Индонезией выразилось огромной суммой — 1,968 млрд. долл.¹⁴ Рост положительного торгового сальдо в торговле Индонезии с США, связанного с увеличением цен на индонезийское сырье, в первую очередь нефть и газ, снижает для американских монополий возможность оказания экономического давления на Индонезию. В 70-е годы Индонезия предприняла ряд мер, сузивших возможности иностранных монополий, как нефтяных, так и действующих в других отраслях экономики, беспрепятственно расхищать богатства страны. Американским монополиям пришлось пойти на увеличение своих отчислений индонезийским властям за деятельность в стране. Индонезия получила дополнительно несколько сот миллионов долларов в 1976 г. за счет пересмотра условий контрактов с нефтяными монополиями¹⁵.

Индонезия приняла и некоторые другие меры, направленные на ограничение деятельности иностранного капитала в стране: после 1974 г. были введены новые правила для иностранных

вкладчиков капитала в смешанные компании, в соответствии с которыми доля местного капитала в подобных компаниях была увеличена¹⁶, некоторые новые отрасли хозяйства были закрыты для иностранных инвесторов. Эти мероприятия индонезийского правительства вызвали недовольство американских монополий.

Одновременно с экономической экспансией США с 1965 г. усилили попытки связать Индонезию военно-политическими путями, стремясь превратить ее в свой главный плацдарм в ЮВА. США возобновили оказание военной помощи Индонезии в 1967 г.¹⁷ После этого она росла год от года: в 1973 г.—уже 20,3 млн. долл., а в 1976 г.—56,6 млн. долл.¹⁸ К 1977/78 г. военная помощь США Индонезии достигла 61 млн. долл.¹⁹ Кроме того, США расширяют продажу Индонезии вооружения и на коммерческой основе.

США хотели бы навязать Индонезии роль стража американских военно-политических интересов на путях между Тихим и Индийским океанами, поскольку Индонезийский архипелаг включает несколько стратегических проливов — Ломбокский, Зондский, Омбран. В то же время правящие круги США пытаются подтолкнуть Индонезию к принятию ею на себя руководства превращенном АСЕАН в военный блок, служащий интересам империалистических держав в ЮВА. Однако эти планы правящих кругов США встречают сопротивление как широких слоев населения Индонезии, так и влиятельных политических кругов.

Сходные методы экономического и военно-политического проникновения США применяют и в соседней *Малайзии*. Проникновение США в Малайзию стало расширяться после создания в августе 1957 г. независимой Малайской федерации и особенно после образования в 1963 г. Федерации Малайзия, включившей помимо Малайской федерации (Малайи) также Сингапур и бывшие английские колонии на севере — Саравак и Сабах. Сингапур в 1965 г. вышел из Федерации Малайзия и стал независимой республикой.

Малайзия представляет большой интерес для США, поскольку она является основным мировым производителем таких стратегических материалов, как олово и натуральный каучук, которые не производятся на территории США²⁰. В США из Малайзии поступает 60% всего американского импорта олова и 32% натурального каучука²¹. В 70-е годы значительную роль в малайзийском экспорте играет нефть: в 1977 г. экспорт нефти составил 15% всей стоимости малайзийского экспорта²². Хотя в производстве олова и натурального каучука до сих пор преобладающую роль играет английский капитал и капитал местной китайской буржуазии, американский капитал в этих «старых» отраслях хозяйства Малайзии также заметен. Крупные каучуковые плантации принадлежат американской компании «Юнайтед Стейтс Раббер Компани»²³. В добыче олова также дейст-

вуют американские компании, такие, как «Пасифик Тин Консолидейтед»²⁴. В 60—70-х годах резко увеличились американские капиталовложения в нефтедобывающую и нефтеобрабатывающую промышленность страны. В Малайзии имеют концессионные участки американские нефтяные компании «Экксон Продакшн Малайя» и «Экксон Продакшн Сабах», дочерние компании крупнейшей американской нефтяной монополии «Экксон».

Однако широкое американское проникновение в различные отрасли хозяйства Малайзии встречает все большее противодействие со стороны малайзийской общественности и руководства страны. В 1974 г. малайзийский парламент принял закон о развитии нефтяной промышленности, который не исключал возможность экспроприации собственности иностранных нефтяных компаний на компенсационной основе. Этот закон привел к обострению отношений между иностранными нефтяными компаниями, в первую очередь американскими, и малайзийскими властями. При разработке в 1975—1976 гг. контрактов об условиях нефтедобычи между правительством Малайзии и иностранными нефтяными компаниями возник острый конфликт. Американская нефтяная компания «Экксон» в целях оказания давления на правительство Малайзии приостановила поставку в страну нефтедобывающего оборудования, уволила малайзийских рабочих и служащих, отозвала своих специалистов, вывезла секретные данные о результатах нефтеразведки²⁵. В ноябре 1976 г. на переговорах между малайзийским правительством и иностранными нефтяными компаниями был достигнут компромисс²⁶. Однако в 1977—1978 гг. трения между американскими нефтяными компаниями и малайзийскими властями возникли вновь.

Постоянным источником конфликтов между Малайзией и США был вопрос о ценах на натуральный каучук и олово. США, стремясь понизить цены на них, время от времени продавали на мировом рынке значительные количества этих материалов из своих стратегических запасов, что вызывало бурное недовольство в Малайзии, поскольку это сильно ударяло по экспортным доходам страны.

В 70-е годы США попытались расширить свое военно-политическое проникновение в Малайзию. Это связано прежде всего с ключевым географическим положением Малайзии, прилегающей наряду с Индонезией к стратегическому Малаккскому проливу, а также с возрастанием экономического значения Малайзии для США. Для расширения своих военно-политических позиций США пытаются использовать наличие в Малайзии повстанческих антиправительственных движений, особенно на севере Малайзии, в районе малайзийско-тайландской границы, и в Сараваке. США стремятся связать Малайзию путями своей военной помощи. В 70-е годы военная помощь США Малайзии быстро и неуклонно возрастала. В 1970 г. она составила 200 тыс. долл., в 1972 г. возросла до 10,2 млн. долл., а в

1976 г. — до 17,4 млн. долл.²⁷. В 1978 г. военная помощь США Малайзии достигла уже 20 млн. долл.²⁸.

США поставляют Малайзии все более сложное вооружение. В 1975—1977 гг. на основании льготных кредитов ей были поставлены реактивные истребители «Ф-5», вертолеты «С-61» и «УХ-ИХ-Хью», понтонное оборудование для танков, гаубицы, бронев автомобили. Малайзийская армия использует американскую винтовку «М-16»²⁹.

В политической области США уделяют очень большое внимание деятельности в Малайзии «корпуса мира», члены которого с начала 60-х годов пахотятся в различных частях Малайзии, включая Саравак и Сабах³⁰. Широкую деятельность проводят в Малайзии и такие американские организации, рассчитанные на расширение американского влияния в развивающихся странах, как Американская полсвая служба, «Фонд Форда», «Фонд Азии»³¹.

Правительство Картера направило в Малайзию нескольких высокопоставленных представителей. В марте 1977 г. страну посетил американский посол по особым поручениям Эллиот Ричардсон, который утверждал, что США не намерены уходить из Юго-Восточной Азии. Ричардсон также стремился добиться благоприятных условий для прохода американских судов через Малаккский пролив³². В апреле 1977 г. в Малайзии был по поручению американского правительства видный американский специалист-международник Блумфилд, изучавший возможные пути развития американских отношений с Малайзией и странами АСЕАН³³.

В соседнем с Малайзией *Сингапуре* американская экономическая экспансия приобрела своеобразные черты в связи с тем, что Сингапур превосходит соседние развивающиеся страны по некоторым экономическим показателям. В 1974 г. валовой национальный продукт на душу населения в Сингапуре достигал 2400 долл., в то время как в Малайзии — 715 долл., а в Индонезии — лишь 150 долл.³⁴ Сингапур превосходит другие страны ЮВА по уровню технической подготовки рабочего класса, развитию кредитно-финансовой системы и некоторым другим показателям. Этот город-государство занимает также ключевое географическое положение, находясь в проливе между Тихим и Индийским океанами. Используя все это, транснациональные монополии, находящиеся под контролем США, сделали Сингапур центром своей предпринимательской и финансовой деятельности в обширном районе Азии и бассейна Тихого океана.

К концу 1976 г. американские капиталовложения в Сингапуре достигли огромной цифры — 1,1 млрд. долл. На первом месте шли капиталовложения в нефтеперерабатывающую промышленность — 375 млн. долл., а на втором — капиталовложения в электронную промышленность — 252 млн. долл.³⁵. Как центр нефтеперерабатывающей промышленности Сингапур зани-

маст третье место в мире после Хьюстона и Роттердама³⁶. Крупнейшие американские нефтяные монополии «Эксон» и «Мобил» владеют нефтеперерабатывающими заводами в Сингапуре³⁷. Продукты нефтепереработки экспортируются во многие страны не только бассейна Тихого, но и бассейна Индийского океана³⁸.

В Сингапуре расположены региональные центры американских нефтяных компаний, ведущих нефтеразведывательные работы во всем районе ЮВА. Если в 1975—1976 гг. деятельность американских нефтяных компаний в Сингапуре в связи с общим спадом экономической активности несколько уменьшилась, то в 1977—1979 гг. она вновь начала расти. В 1977 г. американская компания «АМФ Тубоскоп оф Хьюстон» начала строительство в Сингапуре завода по производству оборудования для нефтедобывающей промышленности³⁹.

Американский капитал преобладает и в электронной промышленности Сингапура. В 1978 г. в Сингапуре действовало двадцать американских электронных компаний⁴⁰, среди них крупнейшая американская монополия «Джеперал Электрик».

Большую роль играет Сингапур как центр деятельности американских банков в Азии. В 1968 г. в Сингапуре при участии американских банков был создан сингапурский рынок азиатского доллара. Создание этого рынка облегчает американскому капиталу предпринимательскую и финансовую деятельность в ЮВА. Сингапурский рынок азиатского доллара вырос с 30 млн. долл. в 1968 г. до 19,3 млрд. долл. к концу 1977 г.⁴¹. США оказывают давление на Сингапур с целью создания максимально благоприятных условий для деятельности американских банков в городе. Для этого в 1978 г. американское посольство в Сингапуре провело специальное обследование, в результате которого появились рекомендации Сингапuru снизить налоги на операции иностранных финансовых учреждений в стране, в том числе для дальнейшего расширения сингапурского рынка азиатского доллара⁴².

Торговля США с Сингапуром в 70-х годах неуклонно и быстро возрастала. Если в 1970 г. объем двусторонней американо-сингапурской торговли составлял лишь 321 млн. долл., то в 1977 г. — уже огромную сумму в 2,052 млрд. долл. Для американо-сингапурской торговли характерно постоянное и возрастающее вместе с общим объемом активное сальдо торгового баланса. В 1977 г. активное сальдо торгового баланса США с Сингапуром было 288 млн. долл.⁴³. Американские монополии стремятся превратить Сингапур в центр распределения своих товаров во всем районе ЮВА.

В США предпринимают усилия и для того, чтобы расширить свое влияние на политическую жизнь Сингапура. ЦРУ еще в начале 60-х годов пробовало подкупать служащих сингапурской администрации. В 1971 г. сингапурское правительство за-

претило газету «Сингапур Хералд», когда стало известно, что в ее финансировании принимало участие ЦРУ⁴⁴. В 1974 г. сингапурский суд оштрафовал сингапурских представителей американского журнала «Ньюсуик» за участие в опубликовании в этом журнале антисингапурской статьи⁴⁵.

После поражения во вьетнамской войне США стали уделять еще большее внимание Сингапuru, стремясь различными путями расширить там свои политические и военные позиции. США расширяют продажу на коммерческих условиях военной техники Сингапuru. США в 1977—1978 гг. продали Сингапuru за 150 млн. долл. 18 сверхзвуковых истребителей «Ф-5Е» и 3 сверхзвуковых истребителя «Ф-5Ф». Ранее США уже продали Сингапuru 40 истребителя «А-4 Скайхок»⁴⁶. Американские вооруженные силы пытаются превратить Сингапур в опорный пункт для своих военно-морских и военно-воздушных сил. Еще в 1973 г. директор Центра военной информации США адмирал Ларок заявил: «Я предвижу, что военно-морской флот США будет все больше находиться в районе Индийского и Тихого океанов. Один из путей достижения этого — обеспечение постоянных стоянок. Мы проникнем в Сингапур и в другие места. Вооруженные силы стремятся, в частности, использовать сингапурские аэродромы для осуществления полетов над Индийским океаном»⁴⁸.

США пытаются расширить свои экономические и политические позиции и в Бирме. Несмотря на последовательную антиимпериалистическую политику Бирмы, США и другие империалистические державы не оставляют попыток в этом направлении. США играют большую роль в Группе помощи Бирме, в которую помимо них входят и другие крупнейшие капиталистические державы. Эта Группа стремится связать экономическую помощь Бирме с обязательствами облегчить условия для торговой экспансии капиталистических держав в стране, ограничить деятельность государственных предприятий и в то же время поощрять деятельность частного капитала⁴⁹.

Крупнейшие американские монополии пытаются заполучить себе долю в эксплуатации природных богатств страны, прежде всего нефти. В 1977 г. американские банки «Чейз Эйшина» и «Уордли» организовали заем нескольких банков Бирме на сумму 28,7 млн. долл. для финансирования строительства нефтепровода в стране и пяти буровых вышек⁵⁰.

США наряду с КНР в течение ряда лет используют бирманскую оппозицию и сепаратистские движения национальных меньшинств для обострения политической обстановки в стране и противодействия прогрессивной политике бирманского правительства. США поощряют создание антиправительственной группировки с включением в нее повстанческих вооруженных отрядов сепаратистов, в частности каренского и качинского на-

циональных меньшинств⁵¹. В этих антибирманских, антиправительственных действиях участвует непосредственно ЦРУ⁵².

Таким образом, США применяют многообразные экономические и военно-политические средства для того, чтобы сохранить развивающиеся страны ЮВА в пределах капиталистической системы. Однако возможности США воздействовать на развитие стран ЮВА, особенно после провала американской агрессии в Индокитае, заметно уменьшились. В связи с этим США вынуждены в большей мере, нежели это было в прошлом, прибегать к косвенным формам социально-экономического и военно-политического проникновения. Но убыстряющийся процесс социально-политического развития стран ЮВА, проявляющийся в прогрессивных переменах в их внутренней и внешней политике, обрекает на неудачу и эти новые методы американской экспансии в отношении развивающихся стран ЮВА.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ И НОВЫЕ РЕАЛЬНОСТИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

За время, истекшее с решающих побед в борьбе за политическое освобождение, молодые независимые государства Азии, Африки и Латинской Америки прошли немалый путь. Их внутренняя эволюция — укрепление политической структуры, первые, пусть даже трудные и неоднозначные успехи в области экономического развития, весьма серьезные, при всей их неоднородности, социальные преобразования — явилась той объективной основой, опираясь на которую развивающиеся страны сумели в последнее десятилетие существенным образом повысить свою роль в мировой политике, сделать свой голос на международной арене более слышимым и значимым.

Вместе с тем огромную и все возрастающую роль в этом историческом процессе играет «внешняя среда», иными словами, эволюция соотношения сил в мире между двумя главными факторами мирового развития: социализмом и капитализмом.

Разумеется, международно-политическая реальность, как явление падстроечное по отношению к глубинным социальным тенденциям всемирного исторического противоборства, обладает довольно значительной сферой автономии, специфичности. Она не выводится прямо и непосредственно из социальных реальностей, а соотносится с ними — как и подобает надстройке — в рамках сложной системы, предполагающей диалектическое единство зависимости и самостоятельности. На практике это означает, что доминирующая социальная тенденция современности — наступление позиций социализма на позиции империализма — проявляется в международно-политической обстановке не автоматически, а в ходе сложного противоборства, не исключая чередования «приливов» и «отливов», наступления и контрнступления противоборствующих сил, различного рода драматических и сложных коллизий, на первый взгляд «боковых» по отношению к магистральной тенденции.

Тем не менее при всех сложностях и противоречиях несомненно глубокая историческая закономерность совпадения процессов укрепления позиций социализма в мире, сумевшего продвинуть вперед и сделать общеприимным возмущением свою

концепцию стратегической эволюции мировой политики — концепцию разрядки международной напряженности, — и возрастая в мировых делах роли развивающихся стран. В предыдущих главах приводились и раскрывались конкретные исторические эпизоды этого совпадающего процесса, одним из наиболее ярких проявлений которого стало резкое поступательное развитие конструктивных тенденций в ряде важных аспектов мировой политики в первой половине 70-х годов и практически одновременно с этим — качественное нарастание давления развивающихся государств на позиции империализма, выразившееся в требованиях НМЭП и подкрепленное целой серией конкретных мер от нефтяного эмбарго до национализации собственности ТНК.

Исход войны в Индокитае наглядно выявил возможности и пределы прямого военного вмешательства империализма в современных условиях в дела развивающихся стран. В самом общем виде можно сказать, что эти возможности все еще достаточно значительны, но уже отнюдь не безграничны. В настоящее время империалистические круги, планируя ту или иную интервенционистскую акцию, вынуждены принимать в расчет не только такие факторы, как особенности внутриполитической ситуации в потенциальном объекте агрессии, степень своей экономической и стратегической заинтересованности, геополитические аспекты, собственные военные возможности, потенциальный внутривнутриполитический эффект подобного рода акций, но и целую группу иных соображений. И важнейшим среди них является анализ возможной реакции Советского Союза и других социалистических государств на подобную авантюру. Пока что учет этого фактора не вел к автоматическому сдерживанию империалистических государств от попыток военной экспансии в развивающихся странах. В предыдущих главах были приведены примеры рецидивов такой экспансии даже в период действия так называемого поствьетнамского синдрома. Вооруженная акция против Ирана, предпринятая в связи с проблемой американских заложников, стала одним из последних ярких тому доказательств. Однако оглядка на мир социализма, повышенный страх перед возможными последствиями каждой очередной экспансионистской акции ведут к тому, что на такие акции империалистические круги отваживаются все реже, а проводя их, стремятся максимально закамouflировать, окрасить в возможно менее одиозные цвета.

В 1978 г. Брукнингский институт, один из наиболее влиятельных центров американской официальной политической и стратегической мысли, опубликовал гигантскую монографию, объемом почти в 600 страниц, под весьма характерным названием: «Сила без войны: вооруженные силы США как политический инструмент»¹. Основные авторы этой книги — видные американские политологи Б. Блехман и С. Каплан педантично анализируют все главные случаи «демонстрационного» использования

вооруженных сил Вашингтона в послевоенный период. Разумеется, львиная доля этих случаев приходится на угрозы и шантаж государств, недавно освободившихся от колониального гнета. Выводы авторов книги звучат довольно пессимистично. В будущем, советуют они, «лица, принимающие решения, не должны слишком часто обращаться даже к умеренному использованию вооруженных сил в политических целях за рубежом. Эти силы могут использоваться только в очень специфических обстоятельствах... Более того, в использовании вооруженных сил в политических целях имеются большие опасности»². В качестве доказательства приводятся такие хорошо известные кризисные ситуации, как вторжение пакистанцев на Кубу, вьетнамская интервенция, демонстрация военно-морской мощи в период индо-пакистанского конфликта. Перечислив свыше 200 случаев использования военной мощи США в качестве средства политического давления на так называемые периферийные районы мира, авторы признают, что в большинстве из них эффект подобного рода действий был отрицательным для самих Соединенных Штатов. Причем, если продолжить анализ Блехмана и Каплана, выполненный в несколько плоскостном, вневременном плане, то окажется, что отрицательный эффект становится со временем все более ощутимым, хотя, казалось бы, с военно-технической точки зрения возможности и спектр использования Вашингтонской военной силы в качестве инструмента давления постоянно возрастали.

Означает ли это, что Соединенным Штатам следует пересмотреть сам принцип использования военной силы в своих отношениях с развивающимися странами? На этот вопрос цитируемые авторы дают недвусмысленно отрицательный ответ. Они даже утверждают, что «следует ожидать увеличения числа таких случаев в будущем. Более того, намечаются конкретные районы, где Соединенные Штаты призываются быть готовыми «продемонстрировать силу». К таким районам в порядке степени вероятности «силового реагирования» причисляются зона Восточного Средиземноморья (где выделяются в качестве сферы потенциального вмешательства арабо-израильский конфликт, различные межарабские противоречия, кипрская ситуация, а также связанные с этой последней сложности в отношениях между Грецией и Турцией); Восточная Азия (где центральным объектом внимания для США остается корейская проблема); район Карибского моря (где все более пристальное внимание Вашингтона привлекают растущие тенденции к национальной независимости и социальным преобразованиям).

Как видно, этот реестр потенциального вооруженного давления в значительной степени относится к зоне развивающихся государств.

Нельзя, однако, не заметить, что перед нами — довольно суженный список по сравнению с той практикой глобального и

повсеместного военного вмешательства, которое провозглашалось (и не только провозглашалось) в «предвьетнамские» времена. Этот список является косвенным, но довольно определенным свидетельством того, что некоторые реалистически мыслящие стратеги во второй половине 70-х годов стали отчетливее представлять себе те огромные трудности, с которыми в современной обстановке сталкиваются попытки прямого военного вмешательства в дела развивающихся стран. Лишь там, где политическое руководство США считало задетыми свои важнейшие и непосредственные стратегические интересы (как это имеет место в районе Ближнего и Среднего Востока), оно оценивало риск такого вмешательства как приемлемый и создало даже нечто вроде «доктрины», узаконивающей такое вмешательство. В других случаях вашингтонские стратеги предпочитали после Вьетнама обращаться к иным, более косвенным и замаскированным методам.

Конкретная специфика этой экспансионистской деятельности США в развивающихся странах в современных условиях раскрывается в предыдущих главах книги.

В чисто военном плане во второй половине 70-х годов наблюдалась эволюция в направлении использования в интересах США так называемых совокупных сил. Обозначившаяся еще в период формирования и реализации «доктрины Никсона» тенденция к использованию в интересах империалистической политики «местных» вооруженных (прежде всего наземных) сил становится важнейшим тактическим средством достижения локальных целей в странах Азии, Африки и Латинской Америки. При этом сознательно предусматривалась возможность относительно меньшей (по сравнению с непосредственным военным вмешательством) «оперативной эффективности» в краткосрочном плане, что, по мнению стратегов «совокупных сил», с лихвой окупается уменьшением опасности резкой негативной реакции развивающихся государств в целом и сужением оснований их обращения за помощью к социалистическим странам.

Эта линия, однако, оказалась в самом конце 70-х годов отнесенной на второй план конъюнктурными соображениями и демаршами администрации Картера. Желая «продемонстрировать силу» как развивающимся странам, так и своим избирателям в преддверии президентских выборов 1980 г., Картер и его советники предприняли попытку вернуться к непосредственному использованию собственных вооруженных сил как инструмента давления на развивающиеся страны. Эта линия проявилась в форсировании развертывания «корпуса быстрого реагирования», в сосредоточении военно-морской мощи в районе Индийского океана и Персидского залива в связи с событиями на Среднем Востоке, в создании специального оперативного командования в районе Карибского моря с целью непосредственного противодействия нежелательной для Вашингтона соци-

ально-политической эволюции в данном регионе, наконец, в активизации военных приготовлений в районе Северо-Восточной Азии и тихоокеанского бассейна в целом, особенно в период социальных потрясений в Южной Корее весной 1980 г.

Подобные зигзаги и колебания, стремление приобрести престиж в развивающихся странах и интенсифицировать военное вмешательство свидетельствуют о неустойчивости американского курса в развивающихся странах, неспособности найти приемлемые пути превращения военной мощи в политическое влияние в условиях изменившегося соотношения сил на мировой арене.

В экономическом плане в условиях разрядки международной напряженности в значительной мере сократились возможности империализма вообще и американского империализма в частности использовать внеэкономические, «силовые» рычаги для разрешения собственных экономических трудностей и проблем за счет зоны развивающихся государств. Этот вопрос тесно связан с предыдущим и прямо вытекает из него. В предшествующих главах уже упоминалось о первой и «естественной» реакции Вашингтона на нефтяное эмбарго 1973 г.: тогдашний госсекретарь Г. Киссинджер выступил с угрозой обеспечить поставки дешевой нефти на Запад посредством военной оккупации Персидского залива. Однако очень скоро американским правящим кругам стало ясно, что подобные действия чрезвычайно опасны как в военном, так и в политическом плане. Единство социализма и национально-освободительного движения вынудило империализм активизировать поиски разрешения экономического и финансового конфликта с развивающимися странами на путях экономических и финансовых переговоров. Так, Соединенные Штаты оказались вынужденными принять участие в «диалоге Север — Юг», саму идею которого они решительно отвергали еще за несколько месяцев до того. Те же самые причины заставляли Вашингтон идти на некоторые (впрочем, довольно ограниченные) уступки развивающимся странам и в определенной степени сближать свои позиции с позициями более слабых и уязвимых партнеров Вашингтона, еще ранее осознавших необходимость компромиссов.

Вашингтон все более активно использовал экономические рычаги с целью воздействия в своих интересах на те или иные острые политические ситуации. Такое использование могло быть по видимости «позитивным» (как это имело место в случае с предоставлением займов революционному режиму Никарагуа, специально направленных на укрепление и развитие частного сектора экономики этой страны) и откровенно деструктивным (наиболее ярким примером явилось экономическое эмбарго против Ирана, к которому США упорно, хотя и не вполне успешно стремились подключить своих главных союзников).

Однако в последние годы использование экономических рычагов давления наталкивалось на все большие трудности в связи с тем, что после 1973—1974 гг. подобные акции стали по меньшей мере обоюдоострым оружием. «Энергетические контр-аргументы» ряда развивающихся стран стали фактором, который Вашингтону просто невозможно не учитывать в планировании той или иной операции, в основе которой лежит экономическое давление.

В политическом плане разрядка международной напряженности настоятельно диктует империалистическим государствам, и прежде всего Соединенным Штатам, необходимость более эффективных по конечному результату, а следовательно, более конструктивных по форме методов увеличения своего влияния в зоне развивающихся стран. В обстановке отсутствия или «стратегической неравнозначности» альтернативы американскому влиянию в развивающихся странах Вашингтон не слишком беспокоился о выборе методов поддержания и укрепления своего господства. В нынешней обстановке только тщательный и уточненный выбор средств для наращивания своих позиций может дать какой-то эффект. Причем в реестре этих средств преобладающими, по крайней мере на поверхности, должны быть средства «конструктивные», призванные привлечь развивающиеся страны, создать у них иллюзию «предрасположенности оппонента к честному сотрудничеству». И лишь под этой «мягкой подушкой» рекомендуется ныне располагать действительные рычаги нажима и проникновения. Там же, где Вашингтон предпринимает акции грубого нажима по отношению к той или иной развивающейся стране, делается все возможное для того, чтобы представить их в качестве «ответной меры», вынужденной в результате действий своего главного противника — Советского Союза.

В прежние времена правящие круги США не особенно заботились о создании в развивающихся странах благоприятного облика для своей страны. Несмотря на предостережения таких дальновидных политиков, как, например, бывший заместитель госсекретаря и посол в Индии Честер Боулс, они были убеждены в притягательном эмоциональном воздействии великодержавной мощи, как таковой. «Слабые уважают только силу», — подобное империалистическое суждение можно было весьма часто увидеть на страницах американских научных и публицистических изданий. После поражения в Индокитае, после событий 1973—1974 гг., после безуспешного противодействия иранской революции, когда оказалось, что «слабые» обнаружили непредвиденные ранее источники силы, а «сильные» неожиданную для них слабость, подобные тезисы можно встретить все реже и реже. Напротив, повышенное внимание обращалось на достижение эффективных результатов в зоне развивающихся стран не в последнюю очередь с помощью поиска

и внедрения в сознание народов соответствующих стран «позитивного американского облика».

Эта линия стала особенно заметной в период правления в Вашингтоне администрации президента Картера. Если при его предшественниках отношения США с развивающимися странами (как, впрочем, и многие другие важные аспекты мировой политики) трактовались преимущественно в геополитическом плане, то администрация демократической партии решила скорректировать этот подход (никоим образом не отказываясь от него в принципе), уделяя значительное внимание ряду глобально-функциональных аспектов и не в последнюю очередь аспекту идеологическому³.

Подобное «добавление» или, точнее, «разбавление» империалистической геополитики обеспечило сочетание преемственности и изменчивости американского курса в развивающихся странах на современном этапе. Это явление, в основе которого лежало стремление перехватить инициативу в зоне молодых независимых государств в изменившихся международно-политических условиях, используя присущие этому историческому периоду методы, прослеживается практически повсеместно.

В Африке южнее Сахары попытка Соединенных Штатов создать «новый облик» проявилась с особой очевидностью. Серия мероприятий — от выдвижения политиков вроде Э. Янга на авансцену африканской дипломатии США до разработки и осуществления англо-американского плана урегулирования в Зимбабве, от демонстративного охлаждения отношений с ЮАР до столь же демонстративного «ухаживания» за Нигерией — преследовала цель накопить «антирасистский багаж», который можно было бы эффективно противопоставить конкретной помощи социалистических государств тем африканским странам, которые находятся в критической стадии борьбы с колониализмом или его реакционными внутренними ставленниками. Задача при этом состояла в том, чтобы представить себя сторонниками «деколонизации» мирным путем, а своих оппонентов — силой, стимулирующей решение тех же проблем вооруженным путем, пытающейся действовать в собственных, а не в африканских интересах. Иными словами, была предпринята попытка, оперируя основными понятиями разрядки международной напряженности, перехватить инициативу в данном регионе, искусственно противопоставить коренное и насущное решение конкретных проблем национального освобождения столь же важным и насущным задачам укрепления всеобщего мира и, напротив, привязать свои диллативные, неоколониалистские маневры к процессам оздоровления межгосударственных отношений как в целом, так и на Африканском континенте.

Сходные по содержанию (но не по конкретному использованию) тенденции можно наблюдать и в том, что касается африканской политики на Ближнем и Среднем Востоке. Как из-

вестно, 60-е годы характеризовались применением односторонне репрессивных мер Вашингтоном (использовавшим в качестве вооруженного кулака Израиль и создававшим в шахском Иране нечто вроде второго, запасного кулака) против национально-освободительного движения в регионе. Общеизвестно, что усилия США по улучшению отношений и обновлению своего образа в арабских государствах (причем не только тех, где у власти находятся реакционные монархические режимы) тесно связаны с энергетическим кризисом начала 70-х годов. Однако не менее очевидна и неоднократно зафиксирована тесная связь «энергосырьевого контрнаступления» развивающихся стран на позиции империализма с общемировыми внешнеполитическими тенденциями соответствующего периода.

В условиях новой энергосырьевой обстановки Вашингтон оказался также вынужденным считаться с тем обстоятельством, что его главные западно-европейские союзники и Япония во все большей степени стали отходить от своей прежней произраильской ориентации. Таким образом, дальнейшее упорное нежелание США учитывать их потребности было бы чревато открытым конфликтом (начало лета 1980 г. ознаменовало фактическое начало этого конфликта, ибо страны ЕЭС практически заявили о своей особой стратегии по ближневосточной проблеме).

В этих условиях США в качестве равнодействующей линии избрали своего рода «имитацию под разрядку» в данном регионе, иными словами, они стремились добиться традиционных конфронтационных целей несколько модернизированными методами. Не упуская из поля зрения возможности осуществления руками Израиля новой военной акции, Вашингтон пытался разрешить ближневосточную проблему в основном политическими и дипломатическими методами в духе игры с нулевой суммой, т. е. «вытесняя» из региона социалистические государства. Именно в этом состоит смысл соглашения в Кэмп-Дэвиде и последующих «мирных маневров». Характерно, что достижение каких-либо частных и временных результатов на этом обреченном на конечную неудачу пути сопровождалось ударами по национально-освободительному движению (наиболее ярким примером служит внутривосточная эволюция Египта).

Совершенно очевидно, что действительным интересам независимых государств данного района отвечает лишь справедливое многостороннее урегулирование. Только такое решение может вместе с тем приобщить данный район на долговременной основе к доминирующим позитивным тенденциям мировой политики сегодняшнего и завтрашнего дня.

Смещение геополитических и функционально-идеологических мотивов наблюдалось и в политике США по отношению к Латинской Америке — региону, традиционно занимавшему особое место во внешнеполитических замыслах американских пра-

вляющих кругов, поскольку он представлял собой привилегированную сферу их экспансионистских «забот». Когда в конце 60-х годов стало совершенно очевидным, что испытанные методы прямой опеки оказываются все менее эффективными, и одновременно наметились признаки сближения латиноамериканских государств с другими субрегионами зоны развивающихся стран, Вашингтон в очередной раз попытался изменить контуры своего геополитического подхода к соседям к югу от Рио-Гранде.

В ход была пущена тактика использования в собственных интересах местного субимпериализма (прежде всего и главным образом бразильского).

Однако в условиях разрядки международной напряженности и стимулированного ею процесса укрепления позиций национально-освободительного движения попытка навязать Латинской Америке в качестве идеала и оплота военно-технократический режим с его формулой «экономический рост при социальной консервации в условиях политической реакции и полицейского авторитаризма» оказалась не только непривлекательной для латиноамериканских народов, но и компрометирующей США. Именно поэтому администрация Картера позволила себе несколько отойти от этой формулы (по крайней мере на пропагандистском и дипломатическом уровнях) и выдвинуть в качестве ближайшего партнера и одновременно предпочтительного образца Велесуэлу с ее буржуазно-демократическим вариантом модернизации и вместе с тем весьма прочными узами с «силовым ядром» зоны развивающихся стран в связи с активной ролью этой страны в организации ОПЕК.

Те же причины привели Вашингтон к качественной активизации политики в отношении ближайшего южного соседа — Мексики. Стремление использовать богатые энергетические ресурсы этой страны для разрешения своих экономических проблем привело к тому, что в повестку дня был поставлен лозунг «североамериканской интеграции», суть которой состояла в том, чтобы подключить энергетику Мексики и Канады к промышленному комплексу США. Иными словами, интенсификация капиталовложений в мексиканскую экономику обменивалась, согласно этой схеме, на увекочивание структуры зависимого капитализма. Не удивительно, что такая формула «укрепления сотрудничества» встречает резкое противодействие мексиканской общественности и явную настороженность правительственных кругов этой страны.

Эволюция латиноамериканской политики США тесно связана с общим кризисом интервенционистской стратегии США вообще и провала их политики изоляции Кубы в частности. В сложившейся международной обстановке блокада революционной Кубы стала представляться нестерпимым анахронизмом даже для значительной части американского правящего класса. Отстаивание своих позиций в развивающихся странах вообще и

в Латинской Америке в особенности методами, предполагающими заботу о позитивном облике, совершенно немислимо в настоящее время при сохранении открытого силового давления на Кубу, пользующуюся большим авторитетом у развивающихся стран и ставшую местом проведения в сентябре 1979 г. совещания неприсоединившихся государств на высшем уровне. Осознание этого императива во многом обусловило некоторое, хотя и весьма ограниченное, «смягчение» американской политики в отношении первого социалистического государства в Латинской Америке, имевшее место во второй половине 70-х годов. Эти попытки, однако, как и многие другие реалистические начинания американских правящих кругов, оказались перечеркнутыми на рубеже 70-х и 80-х годов в результате резкой активизации реакционных, милитаристских тенденций в политике администрации Картера. Многочисленные провокации против Кубы поставили под угрозу те немногие конструктивные начинания, которые были предприняты перед этим.

Весьма сложным и неоднозначным стало воздействие процессов разрядки на политику Соединенных Штатов в отношении развивающихся государств Азии. В этом районе во второй половине 70-х годов с особой силой проявилась боязнь правящих кругов США вовлечения в ситуацию, сходную с той, которая привела к поражению в Индокитае. Именно этот страх обусловил осуществление под эгидой «гуамской доктрины» серии мероприятий, направленных на предотвращение непосредственной военной вовлеченности в данном районе мира. Речь прежде всего идет о выводе значительной части американских военных контингентов из континентальной Азии (за одним, впрочем, немаловажным, исключением — Южной Кореи). Переход к использованию невоенных методов и к мерам по исправлению своего облика весьма отчетливо проявился в политике Соединенных Штатов в развивающихся странах Юго-Восточной Азии после Вьетнама. Прежние грубые и неприкрытые формы создания военных коалиций, направленных против социализма и национально-освободительного движения (провал которых наиболее ярко воплотился в бесславном самороспуске блока СЕАТО), сменились значительно более тонким и опосредованным «поощрением местного регионализма», прежде всего в форме попыток подчинить своему влиянию политический курс государств — членов АСЕАН.

Однако именно в данном районе с особой силой проявилась тенденция, характерная для подхода США к развивающимся странам в целом. Речь идет о стратегии, призванной активно и на долговременной основе использовать в интересах, чуждых объективным потребностям как национально-освободительного движения, так и всеобщего мира и безопасности, так называемый китайский фактор.

Еще несколько лет назад некоторым недостаточно критиче-

ским исследователям пекинской внешнеполитической доктрины казалось, что нет более рьяного защитника интересов «бедных» государств, более радикальных противников империализма и неоколониализма, чем руководители КНР⁴. Последовательно сменяющие друг друга пекинские стратегические концепции (такие, как теория «промежуточных зон», доктрина «трех миров») неизменно предоставляли независимым государствам роль главной революционной силы. Именно эта сила, разумеется возглавляемая КНР, должна была нанести решающий удар по мировому империализму, и прежде всего по американскому. Главное условие столь успешного развития событий, утверждали маоисты, состоит в противодействии социалистическим государствам и их совместной внешнеполитической стратегии — стратегии разрядки международной напряженности.

Историческая практика минувшего десятилетия дала ясный и недвусмысленный ответ на то, насколько данные доктрины отвечают реальной действительности. Сейчас о них предпочитают не вспоминать даже в Пекине.

Более существенно, что пекинские теоретики и практики, продолжая время от времени произносить ритуально-льстивые фразы в адрес развивающихся стран, на деле полностью игнорируют их истинные интересы и сосредоточили все свое внимание и силы на политическом, идеологическом, а в последнее время и военно-стратегическом блокировании с империализмом.

Если вчера ожесточенное противодействие процессам разрядки международной напряженности обосновывалось Пекином необходимостью нанести «решительный удар по империализму» прежде всего усилиями народов развивающихся стран, а Советский Союз и другие социалистические страны обвинялись в желании идти на решительную борьбу, то сейчас еще более ожесточенное наступление на разрядку сопровождается открытым сговором с империализмом и подталкиванием его на экстремистские меры в ходе противодействия как силам социализма, так и национально-освободительному движению.

На доктринальном уровне эти тенденции обосновываются необходимостью «тактического» упора на «второй мир» (в рамках уже упоминавшейся теории «трех миров»)⁵.

На практическом уровне данная линия совершенно определенно проявилась в таких акциях, как открытое блокирование с империализмом в его противодействии национально-освободительному движению в Африке (в частности, в Анголе и Заире), в поддержке режима Пиночета в Латинской Америке, в прямом (в том числе и военном) противодействии созданию революционных антиимпериалистических государств на южных границах Китая — во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии, наконец, в организации «параллельных» подрывных действий против революционного правительства Афганистана.

Нельзя сказать, что американская буржуазная политическая:

мысль полностью игнорировала связь разрядки с проблемами развивающихся стран. Однако эта связь зачастую трактовалась весьма превратно и извращенно. Так, в своей капитальной монографии «Дипломатия для переполненного мира» бывший заместитель госсекретаря США, а в менее отдаленные времена — руководитель специальной координационной группы при госдепартаменте по организации противодействия иранской революции Дж. Болл утверждал, что в рамках политики разрядки международной напряженности существуют две главные опасности.

Первая состоит в наличии локальных конфликтов (например, конфликт на Ближнем Востоке), которые могут привести к конфликту всеобщему. «Второй, и столь же важной, областью, в которой разрядка не была испытана, являются общие опасности, стоящие перед цивилизацией в том случае, если развитые нации не мобилизуют в широком масштабе совместных усилий. Без таких усилий мы никогда не сможем взять под контроль проблемы, создаваемые игрой сил, воздействующих на отношения человека с природой в таких областях, как народонаселение, продовольствие, сырье и экология»⁶.

Сами по себе указания на эти сферы возможного расширения процессов разрядки представляются весьма уместной, хотя и не исчерпывающей трактовкой соответствующей проблематики. Проблема, однако, состоит в том, что признание важности усилий по содействию экономической и социальной модернизации сопровождалась, как правило, недвусмысленным требованием к социалистическим странам включиться «во имя разрядки» в «диалог Север — Юг» в качестве составной части «северной команды». Иными словами, речь идет о том, чтобы принять в теории и на практике западную буржуазную концепцию эволюции развивающихся стран.

И это несмотря на то, что сейчас, более чем когда бы то ни было прежде, очевидно, что попытки США и их партнеров решить проблемы развивающихся стран исключительно в финансово-технологическом ключе, характерные для 60-х годов, не оправдали себя. Они оказались безуспешными не только и не столько в силу естественной ограниченности введенных в действие усилий и ресурсов, но прежде всего из-за одностороннего, узкопрагматического подхода к сложным и многоплановым проблемам развивающихся стран. Даже в американских научно-исследовательских кругах растет осознание того, что общества, о которых идет речь, как, впрочем, и всякое общество, — это не механизм, а организм, т. е. нечто значительно более сложное и «программируемое» не извне, а изнутри.

А это означает, что проблема помощи успешному развитию молодых независимых государств состоит не в последнюю очередь в том, чтобы не мешать происходящим там процессам социальной трансформации, не стремиться любыми средствами законсервировать исторически отжившие социальные структуры.

Ибо если «раскрыть кавычки» и повнимательнее взглянуть на зачастую довольно внушительные цифры помощи Запада развивающимся государствам, то можно увидеть, что во многих случаях непрерывно воспроизводится ситуация, при которой бедные богатых стран помогают богатым бедных стран. Это явление действительно не только в самом непосредственном смысле, когда на средства иностранной помощи строятся золотые бассейны и приобретаются новые роскошные автомобили, но и в смысле предоставления массовой военной помощи для удержания у власти режимов, имеющих весьма отдаленное отношение к социально-экономическому прогрессу, но зато прямое и непосредственное отношение к разжиганию всякого рода локальных конфликтов, в которые затем подобные режимы норовят втянуть своих опекунов и тем самым раздвинуть географические рамки военной конфронтации.

Итак, желательность совместных усилий в деле содействия ускоренному развитию отсталых в экономическом отношении районов мира и безоговорочное присоединение к соответствующим американским программам и рекомендациям суть вещи совершенно разные. Между тем Дж. Болл предпринимает попытку ультимативно навязать собственное (американское) понимание путей и средств осуществления данной действительно важной задачи, сопровождая ее угрозами в адрес предполагаемого оппонента. «Если имеется какой-то существенный рычаг в области разрядки, — пишет Дж. Болл, — для нас было бы глупо не настаивать, чтобы Советы прекратили подрывать американские инициативы, направленные на разрешение существующих мировых проблем. Если они не пожелают сделать этого, мы должны решительно пересмотреть все аспекты советско-американских отношений»⁷.

В данном рассуждении интересна не классическая антиномия «ответственных», «конструктивных», «глобально мыслящих» и т. п. Соединенных Штатов и наделенного соответствующими противоположными свойствами оппонента. Такая антиномия, хотя и несколько легковесная для столь солидного автора, есть не что иное, как проходное пропагандистское клише. Ведь хорошо известно, что уже после того, как Дж. Болл написал эти строки, «ответственные» Соединенные Штаты в одностороннем порядке разрушили или заблокировали также, быть может скромные, но вполне конкретные и весьма перспективные, каналы поисков взаимосвязи между процессами разрядки и проблемами развивающихся стран, как переговоры по ограничению военной активности в зоне Индийского океана, переговоры в Мехико по вопросам ограничения поставок оружия в развивающиеся страны.

Важным здесь является попытка теоретически обосновать объединение тех аспектов разрядки, которые непосредственно связаны с советско-американскими отношениями, с совершенно

ными ее аспектами, в частности с прямо затрагивающими зону развивающихся государств.

Хорошо известно, что подобные теоретические изыскания легли в основу неоднократных попыток практической «увязки» важнейших аспектов отношений между СССР и США (например, переговоров об ОСВ-2) с различными политическими эпизодами в странах Азии и Африки. Кульминацией этого подхода явились несбалансированные действия США в связи с событиями вокруг Афганистана в декабре 1979 г., в частности такие меры, как замораживание процесса ратификации договора ОСВ-2.

Нет сомнений в том, что процесс разрядки международной напряженности — это единый, комплексный процесс, различные функциональные стороны которого, так же как и отдельные географические направления, тесно связаны между собой. Мир неделим, а в этом широком смысле различные формы и узлы мировой политики в конечном счете сходятся в единое целое. Поэтому неделима и политика разрядки.

Однако из этого отнюдь не следует, что конкретные частные политико-дипломатические результаты в рамках реализации данной стратегии должны достигаться одновременно на всех или большинстве основных направлений и быть тесно связанными друг с другом. Такая связь, особенно если она сопровождается попытками оказать нажим в одной области ради достижения компромисса в другой, приводит, как показывает опыт, к негативному эффекту в целом. Стремление связать воедино совершенно различные по своему внутреннему содержанию и сопоставимые по непосредственной политической значимости аспекты абсурдны с логической точки зрения и по меньшей мере непродуктивны с политико-дипломатической.

Очевидно, всемирная целостность процессов разрядки могла бы достигаться не с помощью принципа увязки, а посредством настойчивого параллельного продвижения к решению различных аспектов, вызывающих международную напряженность, — как относящихся непосредственно к сфере отношений СССР и США, так и связанных с жизнью и интересами «третьих» сторон и не в последнюю очередь молодых независимых государств.

Такого рода параллельное развитие (хотя пока что весьма ограниченное и недостаточное) происходило в первой половине 70-х годов. Наряду с переговорами по ограничению стратегических вооружений были предприняты важные инициативы в области ограничения гонки вооружений, которые в случае их успешного продвижения вперед оказали бы существенное воздействие на смягчение напряженности в зоне развивающихся стран, на дальнейшее сокращение возможностей империализма к наведению своей воли в этих районах мира посредством использования вооруженных сил своих ставленников⁸.

Затем, однако, администрация Картера заблокировала

эти важные начинания. Одна из главных причин тому — нежелание влиятельных кругов в Соединенных Штатах принять императивы современной внешнеполитической реальности.

Одним из последних свидетельств этого запоздалого и неадекватного реагирования на реальность сегодняшнего дня явилась болезненная реакция Соединенных Штатов на революционные события в Афганистане и Иране. В последнем случае Вашингтон использовал все меры, за исключением массированного военного вмешательства (политический нажим, отправку в страну многочисленных военных «советников» во главе с командующим вооруженными силами НАТО в Европе генералом Хайзером, крупную демонстрацию военно-морской мощи, военную десантную операцию «по спасению заложников»), которые были призваны способствовать развитию внутрисоциальной ситуации в Иране в направлении, приемлемом для США. Очередная неудача в неблагоприятном деле «контролирования» революционных событий, вызванных глубокими внутрисоциальными процессами и обладающих собственной специфической динамикой, породила новую волну пессимизма в американских правящих кругах. З. Бжезинский произнес ставшую крылатой фразу о «дуге кризисов, протянувшейся вдоль побережья Индийского океана». Верный своей долголетней иллюзии о «демоническом мире», в котором разворачивается глобальная игра с нулевой суммой, советник президента по национальной безопасности продолжал: «Создавшийся политический хаос может быть заполнен элементами, враждебными нашим ценностям и симпатизирующими нашим противникам»⁹.

Подобная трактовка глобальной борьбы за «пассивный третий мир»¹⁰ явилась очевидным отголоском «холодной войны» и свидетельством того, что в американских правящих кругах далеко не все и не всему научились за истекшие десятилетия сложных и временами болезненных контактов с молодыми развивающимися странами.

Неустойчивость и изменчивость американского курса в отношении освободившихся государств, стремление сочетать такие несовместимые линии, как курс на завоевание престижа и политического веса (за счет социалистических государств) и обращение к традиционно империалистическим акциям прямого и грубого нажима (в том числе и военного), свидетельствовали о том, что американские правящие круги не смогли найти противодействия значительному увеличению удельного веса развивающихся государств в мировой политике, происшедшему в течение 70-х годов. Это явилось одним из существенных внешнеполитических факторов, приведших к поражению администрации Картера на выборах 1980 г.

Предисловие

¹ «Weekly Compilation of Presidential Documents». 1977, vol. 13, № 22, с. 778.

РАЗДЕЛ I

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 6. М., 1977, с. 418.

Глава 1

¹ G. W. Ball. The Discipline of Power. Essentials of a Modern World Structure. N. Y., 1968, с. 231.

² Agenda for the Nation. Wash., 1968, с. 509.

³ G. Kolkо. The Roots of American Foreign Policy. Boston, 1969, с. XV.

⁴ Sh. Simon. Asian Neutralism and US Policy. Wash., 1975, с. 2.

⁵ «Foreign Policy», 1973, № 11, с. 116.

⁶ Ch. Wolf. United States Policy and Third World. Boston, 1967, с. 3.

⁷ Среди наиболее серьезных работ упомянутого направления следует в первую очередь выделить специальное исследование, проведенное влиятельной Ассоциацией содействия ООН в 1969 г. (Controlling Conflicts in the 1970's. N. Y., 1969).

⁸ См.: US Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace. A Report by President R. Nixon to the Congress, February 25, 1971, Wash., 1971, с. 3.

⁹ «The Department of State Bulletin». 1971, № 1656, с. 342.

¹⁰ Agenda for the Nation, с. 606.

Глава 2

¹ Statistical Abstract of the USA. 1977. Wash., 1977, с. 31.

² Там же, с. 30.

³ Congressional Record. 1976, 27 July, с. H 7836.

⁴ U. S. News and World Report. 1978, March 27, с. 26.

⁵ В американской литературе не существует единого названия данного национального меньшинства. Наиболее распространенным является термин «американцы мексиканского происхождения». В официальной статистике и документах часто используется наименование «испаноязычные» и «имеющие испанское имя». В последние два десятилетия все большее число американцев мексиканского происхождения называют себя «чиканос» (искаженное от испанского «мехикано» — мексиканец). В американской литературе это название закрепилось за теми американцами мексиканского происхождения, которые активно участвуют в движении протеста. Это движение получило название «движение чиканос».

⁶ М. Л. Кинг. Есть у меня мечта... М., 1970, с. 142.

⁷ Там же.

⁸ A. Rendon. Chicano Manifesto. N. Y., 1971, с. 112.

⁹ «Atlantic», April 1978, с. 12.

¹⁰ Malcolm X. Speaks. Selected Speeches and Statements. Ed. by G. Breitman.

¹¹ R. Gardner. Grito! Reis Tijerina and the New Mexico Land Grant War of 1967. N. Y., 1970, с. 259.

¹² «Black Scholar», May 1972, с. 52.

¹³ Congressional Record. 1977, May 19, с. E314.

¹⁴ «Foreign Policy». Summer 1974, с. 139.

¹⁵ «Ebony», August 1976, с. 76.

¹⁶ Congressional Record. 1976, October 1, с. H12260.

¹⁷ «Daily World», 22.X.1977.

¹⁸ «Daily World», 6.VI.1978.

¹⁹ «Congressional Record». 1976, June 2, с. E 3046.

²⁰ U. S. News and World Report», 1978, March 27, с. 26.

²¹ «Atlantic», March 1978, с. 22.

²² «Nation», November 19, 1977, с. 492.

²³ «Military Review», September 1977, с. 10.

²⁴ «Guardian», 11.II.1978.

²⁵ «Foreign Policy», Summer 1974, с. 108.

²⁶ «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1977, с. 111, 112.

²⁷ «Ebony», February 1976, с. 79.

²⁸ «Congressional Record». 1967, May 1, с. 11264.

²⁹ «Department of State Bulletin», 1977, April 11.

³⁰ Там же, 1977, May 9, с. 349, 456—457.

Глава 3

¹ В. Ф. Петровский. О современных внешнеполитических концепциях США.— «США: экономика, политика, идеология». 1977, № 8, с. 9.

² См.: В. П. Лукин. Эволюция американских концепций в отношении развивающихся стран.— «США: экономика, политика, идеология». 1970, № 5; А. А. Кокошин. О буржуазных прогнозах развития международных отношений. М., 1978, с. 132—201; В. А. Кремленюк. Развивающиеся страны и американские «либералы». — «Мировая экономика и международные отношения». 1977, № 10; он же. Вашингтон и развивающиеся страны: роль концепции «политического развития». — «США: экономика, политика, идеология». 1979, № 1.

³ R. W. Tucker. A New International Order? — «Commentary». 1975, vol. 59, № 2, с. 46.

⁴ C. Fred Bergsten. Threat is Real.— «Foreign Policy». 1974, № 14, с. 85—86.

⁵ R. W. Tucker. Egalitarianism and International Politics.— «Commentary». 1975, vol. 60, № 3, с. 27.

⁶ C. Fred Bergsten and L. B. Krause [Editors]. World Politics and International Economics. The Brookings Institution. Wash., 1975, с. 20.

⁷ D. Baldwin [Editor]. America in an Interdependent World. Problems of United States Foreign Policy. University Press. 1976, с. 13.

⁸ Joseph S. Nye Jr. Independence and Interdependence. — «Foreign Policy». 1976, № 22, с. 160—161.

⁹ C. Fred Bergsten and L. B. Krause [Editors]. World Politics and International Economics, с. 10—11.

¹⁰ R. W. Tucker. A New International Order?, с. 45.

¹¹ R. Hansen. The U. S. and World Development. Agenda for Action 1976. Praeger. N. Y., 1976, с. 63, 64.

¹² S. D. Krasner. Oil is the Exception.— «Foreign Policy». 1974, № 14, с. 84.

¹³ Там же, с. 81—82.

¹⁴ Там же, с. 83.

¹⁵ C. Fred Bergsten. The Response to the Third World.— «Foreign Policy». 1974—1975, № 17, с. 21.

¹⁶ C. Fred Bergsten. Coming Investment Wars? The Brookings Institution General Series Reprint 299, Wash., 1975, с. 151.

¹⁷ C. Fred Bergsten. The Response to the Third World, с. 33.

¹⁸ John P. Lewis. Oil, Other Scarcities and the Poor Countries. — «World Politics». 1974, vol. XXVII, № 1, с. 82—83.

¹⁹ Там же, с. 83—84.

²⁰ R. W. Tucker. Egalitarianism and International Politics, с. 35.

²¹ John W. Scwell and the Staff of the Overseas Development Council. The United States and World Development. Agenda 1977. Praeger. N. Y., 1977.

²² Там же, с. 52.

²³ Там же, с. 79.

²⁴ Там же, с. 52.

²⁵ Подробнее см. соответствующие главы по региональной политике США.

²⁶ З. Бжезлинский стал помощником президента по национальной безопасности, Дж. Най до конца 1978 г. был заместителем помощника госсекретаря по помощи в обеспечении безопасности, Ф. Бергстен занял пост помощника министра финансов, Р. Кулер — пост помощника госсекретаря.

РАЗДЕЛ II

Глава 4

¹ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 287.

² А. А. Громико. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М., 1978, с. 331.

³ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 13.

⁴ См.: «The Secretary of State. America's Commitment to Third World Development», March 30, 1979.

⁵ См.: S. Hoffman. The Uses of American Power. — «Foreign Affairs», October 1977, с. 32.

⁶ Z. Brzezinski. The Deceptive Structure of Peace. — «Foreign Policy», Spring 1974, с. 39—40.

⁷ R. Gardner, S. Okita, B. Udink. A Turning Point in North-South Economic Relations. New York — Brussels — Tokyo, 1974, с. 10.

⁸ См.: Ch. Hosoysa, H. Owen, A. Shonfield. Collaboration with Communist Countries in Managing Global Problems. New York — Brussels — Tokyo, 1977, с. VI—IX.

⁹ The United States and World Development. Agenda for Action. 1979. N. Y., 1979, с. 78.

¹⁰ J. Amusegar. Requiem for the North-South Conference. — «Foreign Affairs», October 1977, с. 136—159.

¹¹ Secretary of Defense H. Brown. Department of Defense Annual Report. F. Y., 1980, Wash., January 25, 1979, с. 224—225.

¹² R. Gardner, S. Okita, B. Udink. A Turning Point in North-South Economic Relations, с. 11.

¹³ «The Department of State Bulletin», 1977, № 1968, с. 237.

¹⁴ «The Department of State Bulletin», 1978, № 2013, с. 224.

¹⁵ UNCTAD, Doc. TD/B/7/11, August 21, 1978, с. 3.

¹⁶ «Foreign Policy», 1977, № 27, с. 46—47.

¹⁷ T. Fager. The US and the Third World. Basis for Accommodation. — «Foreign Affairs», October 1975, с. 79—97.

¹⁸ См.: «The Department of State Bulletin», 1978, № 2013, с. 224.

¹⁹ Development Issues. US Actions Affecting the Development of Low-Income Countries. The 3rd Annual Report of the President to the Congress. Wash., 1978, с. 7—9.

²⁰ International Development Assistance. Authorization and S. Res. 118. Hearings before the Subcommittee on Foreign Assistance of the Committee on Foreign Relations, US Senate. Wash., 1978, с. 4.

²¹ R. Gardner, S. Okita, B. Udink. OPEC, the Trilateral World and

the Developing Countries: New Arrangement for Cooperation. 1976—1980. New York — Brussels — Tokyo, 1975.

Глава 5

¹ Current Issues in Defence Policy. N. Y., 1976.

² Grand Strategy for the 1980's. Wash., 1978, с. 26.

³ G. Brown. Department of Defense Report... February 18, 1978.

⁴ По некоторым данным, 5-й флот будет включать в себя авианосную ударную группу, десантные корабли с батальоном морской пехоты, танками, артиллерией, вертолетами и самолетами вертикального взлета и посадки «Харrier» («Fortune», May 7, 1979, с. 156).

⁵ G. Brown. Department of Defense Report.

⁶ «Military Review», June 1977, с. 19.

⁷ «The New York Times», 9.I.1978.

⁸ Grand Strategy for the 1980's, с. 15.

⁹ «Fortune», 1979, May 7, с. 157.

¹⁰ «Правда», 24.XI.1978.

Глава 6

¹ «The Department of State Bulletin», April 21, 1975, с. 520.

² «Commentary», March 1975, с. 31—44.

³ «The Department of State Bulletin», February 2, 1976, с. 138.

⁴ United Nations General Assembly resolution 3362 /S-VIII.

⁵ U. N. General Assembly, Seventh Special Session. Provisional Verbatim Records, A/PV 2334, с. 3746.

⁶ «Foreign Policy», Summer 1973, с. 102—124; «Challenge», September—October 1974, с. 32—39.

⁷ «The Department of State Bulletin», October 1975.

⁸ «The Times», 8.V.1973, с. 15.

⁹ «The New International Economic Order», с. 110.

¹⁰ «Christian Science Monitor», February 19, 1977.

¹¹ «Aussenpolitik», 1977, № 4, с. 403.

¹² «The New York Times», 17.XI.1977.

¹³ «Der Spiegel», 21 November, 1977.

¹⁴ «Monde diplomatique», Mars 1977.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Wirtschaftswoche», 1978, № 40.

¹⁷ «International Affairs», April 1977, с. 191.

РАЗДЕЛ III

Глава 7

¹ Декларация и Программа действий по установлению нового международного экономического порядка были приняты VI специальной сессией ООН (резолюции 3201 и 3202) в апреле-мае 1974 г. В дальнейшем их содержание политические положения были конкретизированы в Манильской и Арушской декларациях развивающихся стран, представленных ими на IV (Панноби, май 1976 г.) и V (Манила, май 1979 г.) сессиях ЮНКТАД, и декларациях V и VI Конференций глав государств и правительств нерасчленившихся стран в Коломбо (август 1976 г.) и Гагане (август 1979 г.). В настоящее время эти документы формируют основу позиции развивающихся стран в международных экономических организациях. Позиция Советского Союза по этим вопросам изложена в Заявлении Советского правительства «О перестройке международных экономических отношений» («Правда», 5.X.1976), а коллективные

позиция стран — членов СЭВ — в их декларациях, представленных IV и V сессиями ЮНКТАД.

² The Atlantic Council. The United States and the Developing Countries. Boulder (Col.). 1978, с. 122.

³ UN—USA. The Global Economic Challenge. N. Y., 1978, vol. I, с. XV, XIX, XX.

⁴ «Department of State Bulletin», April 18, 1977, с. 380—381.

⁵ «Department of State Bulletin», April 11, 1977, с. 331.

⁶ «Department of State Bulletin», September 19, 1977, с. 387.

⁷ The Atlantic Council..., с. 42.

⁸ Там же.

⁹ «Department of State Bulletin», November 14, 1977, с. 702.

¹⁰ «Department of State Bulletin», September 19, 1977, с. 389.

¹¹ Там же.

¹² «Foreign Policy», Spring 1977, с. 74.

¹³ The Atlantic Council..., с. 24.

¹⁴ UN—USA..., с. III.

¹⁵ «Philippine Daily Express», 25.V.1979.

¹⁶ «Le Monde», 3.VI.1979.

¹⁷ «Foreign Affairs», January 1977, с. 413.

¹⁸ The Atlantic Council..., с. 45.

¹⁹ «US Congress and Foreign Policy, 1976». Wash., 1977, с. 148.

²⁰ US Congress. Joint Economic Committee. The United States Response to the New International Economic Order: the Economic Implication for Latin America and the United States. Wash., 1977, с. 15—21.

²¹ US Congress. New International Economic Order..., с. 8.

²² International Economic Report of the President, с. 22, 25, 186.

²³ Doc. UNIDO, ID/B/ 209, с. 4.

²⁴ «New York Times», 6.II.1978.

²⁵ «International Economic Report of the President, 1977», с. 33.

²⁶ По оценкам экспертов госдепартамента, каждый доллар, истраченный в рамках этих программ, дает через зарубежные заказы эффект в экономике США, равный двум долларам («Department of State Bulletin», June 1978, с. 14).

²⁷ «Foreign Policy», Spring 1977, с. 74—78.

²⁸ «Department of State Bulletin», September 9, 1977, с. 388.

²⁹ «Department of State Bulletin», November 14, 1977, с. 701.

³⁰ «Department of State Bulletin», September 19, 1977, с. 386.

³¹ Doc. UNCTAD/TD/AC/1/15, с. 8—15.

³² «Revolucion Africaine», 6—12 juin 1979, с. 36.

³³ UN. Transnational Corporations in World Development: a Reexamination. N. Y., 1978, с. 43, 288—313.

³⁴ «Time», March 15, 1978.

³⁵ GIST. August 1977.

³⁶ US Senate. New Diplomacy of Interdependence. Wash., 1976, с. 4.

³⁷ «Department of State Bulletin», November 14, 1977, с. 688, 698.

³⁸ The Atlantic Council..., с. 131.

³⁹ «Department of State Bulletin», April 18, 1977, с. 382; April 11, 1977, с. 332.

⁴⁰ The Atlantic Council..., с. 10, 16.

⁴¹ «Department of State Bulletin», September 19, 1977, с. 388.

⁴² «Washington Post», 30.VIII.1979.

⁴³ «Le Monde», 5.VI.1979.

⁴⁴ Ф. Энгельс. Ф. Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 37, с. 417.

⁴⁵ The Atlantic Council..., с. 13, 132; «Newsweek», June 20, 1979, с. 17.

⁴⁶ «Коммунист», 1976, № 10, с. 15.

⁴⁷ UNCTAD-V. Resolutions, Recommendations, Decisions, Manila, 1979.

Глава 8

¹ Приведенная выше группировка проблем, как и всякая систематизация, достаточно условна. Некоторые проблемы не укладываются в ее рамки, например проблема нераспространения ядерного оружия. Ее решение во многом зависит от выработки всеми государствами на равноправной основе международно-правовых норм, а также от дальнейшего прогресса техники и технологии в этой области. Однако ее доминирующей чертой является недопущение ядерной войны, поэтому по приоритетности и по комплексности эту проблему можно поставить над всеми упоминавшимися. В то же время причисление к глобальным таких проблем, как терроризм, бунтарство молодежи, явно необоснованно, поскольку очевидны их социальные корни.

² См., например: Lester R. Brown. By Bread Alone. N. Y., 1974, с. 180—189, 225—226; James W. Howe. The U. S. and World Development. Agenda for Action 1975. N. Y., 1975, с. 172—176; Roger D. Hansen. The U. S. and World Development. Agenda for Action 1976. N. Y., 1976, с. 73.

³ Lester R. Brown. By Bread Alone, с. 230, 252.

⁴ Там же, с. 229—230.

⁵ Roger D. Hansen. The U. S. and World Development. Agenda for Action 1976, с. 88—89.

⁶ Raw Materials and Foreign Policy. International Economic Studies Institute. Wash., 1976, с. 39.

⁷ «Monthly Bulletin of Statistics», N. Y., 1979, № 12.

⁸ Они образуются из окислов, выпадающих из морской воды в виде осадков и отлагающихся на небольших отломившихся кусочках кораллов. Конкреции напоминают по форме картофель. В них было обнаружено значительное содержание кобальта, никеля, меди, марганца и в незначительных количествах редкие металлы — титан, палладий, платина, золото и др.

⁹ A. Jordan, R. Kilmarx. 70: Strategic Minerals Dependence. The Stockpile Dilemma. The Center for Strategic and International Studies, Georgetown Un-ty. Wash., D. C., 1979, с. 30.

¹⁰ Подсчитано по: Минеральные ресурсы промышленно развитых капиталистических и развивающихся стран. М., 1976.

¹¹ U. S. General Imports. Schedule a Commodity by Country, 1974—1977.

¹² Raw Materials and Foreign Policy..., с. 100.

¹³ A New Regime for the Oceans. 1976, с. 25.

¹⁴ Deep Seabed Mining. Hearings Before the Subcommittee on Oceanography of the Committee on Merchant Marine and Fisheries H. R. 1975. 1976, с. 442.

¹⁵ «U. S. News and World Report», August 28, 1978, с. 60.

¹⁶ Deep Seabed Mining and Law of the Sea. Hearings Before the Subcommittee on International Organizations of the Committee on International Relations. H. R. May 1977, с. 113.

¹⁷ Raw Materials and Foreign Policy..., с. 148.

¹⁸ На начало 80-х годов баррель нефти подорожал в среднем в 8 раз.

¹⁹ Guy de Carmon. Energy for Europe. Economic and Political Implications. Wash., 1977, с. 1.

²⁰ Уменьшение доли нефти произойдет за счет альтернативных энергоресурсов. Фактически объем потребления нефти будет расти: 1960 г. — 8 млрд. баррелей, 1975 г. — 17 млрд., 1990 г. — 30 млрд. баррелей.

²¹ Geopolitics of Energy. Melvin A. Conant, Fern K. Gold. Printed at the Signes of Henry M. Jackson, Chairman Committee on Interior and Insular Affairs. United States Senate January 1977, с. 9.

²² «The Nation», April 1978.

²³ A Sipri Monograph «Oil and Security», Stockholm International Peace Research Institute, New York — Stockholm, 1974, с. 22.

²⁴ ОПЕК насчитывает ныне 13 стран. Она была создана пятью государствами (Ираном, Ираком, Кувейтом, Саудовской Аравией и Венесуэлой) в ответ на одностороннее решение международных нефтяных монополий 1959—1960 гг. уменьшить цены на нефть без консультаций со странами-про-

изводителями. Затем к ОПЕК присоединились Катар (1961 г.), Ливия, Индонезия (1962 г.), Алжир (1969 г.), Нигерия, Эквадор (1971 г.), Габон на правах ассоциированного члена (1973 г.), ОАЭ (1974 г.).
²⁵ «Monde Diplomatique», August 1978.
²⁶ Current History, 1978, с. 204.
²⁷ «Monde Diplomatique», August 1978.
²⁸ В настоящее время 2/3 алжирского экспорта газа идет во Францию и 20% в Англию («Financial Times», 12.V.1978).
²⁹ «The New Republic», 25.II.1978, с. 24.
³⁰ В настоящее время США располагают 67 действующими реакторами (3% американского потребления энергии).
³¹ The Working Papers for a New Society, с. 31.
³² В 1973 г. на долю США приходилось 2/3 рынка реакторов, в 1976 г. — не менее половины («Foreign Policy», 1978, № 30, с. 88).
³³ «Foreign Policy», 1978, № 30.
³⁴ Нормативные показатели колеблются в зависимости от половозрастных, национальных, региональных особенностей жизни и быта населения различных стран (S. C. Schmidt. Assessment of Existing and Prospective World Economic and Food Trends. PIASA, Luxemburg, RM-77-14, March 1977, с. 4).
³⁵ The Fourth World Food Survey. FAO, United Nations. Rome, 1977, с. 4.
³⁶ «Columbia Journal of World Business», Fall 1975, с. 9.
³⁷ «World Economic Conditions in Relation to Agricultural Trade», № 13, USDA, ERS, с. 32—33.
³⁸ «World Agricultural Situation», USDA, ERS, October 1979, с. 10—12.
³⁹ Outlook for U. S. Agricultural Exports, USDA, ERS, August 1979, с. 2, 5; November 1979, с. 2, 4.
⁴⁰ «New York Times», 17.III.1975.
⁴¹ «U. S. News and World Report», February 16, 1976.
⁴² Там же, с. 33.
⁴³ «Foreign Affairs», 1976, vol. 54, № 2, с. 296.
⁴⁴ Lester R. Brown. By Bread Alone, с. 69.
⁴⁵ M. Kriesberg. International Organizations and Agricultural Development. USDA, ERS, Foreign Agr. Report № 131, 1977, с. 9.

Глава 9

¹ В. Ф. Петровский. Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976, с. 8.
² Science Indicators 1978. Wash., 1979, с. 172; UNCTAD-V, Towards the Technological Transformation of the Developing Countries. Manila, 1979, с. 29.
³ Р. М. Аваков. Развивающиеся страны: научно-техническая революция и проблемы независимости. М., 1976, с. 33.
⁴ «Science Indicators 1978». Wash., 1979, с. 173.
⁵ «Operations Report. AID. F. Y. 1973», с. 29; «Foreign Assistance and Related Agencies Appropriations for 1979. Hearings Before a Subcommittee of the Committee on Appropriations», 97th Congress, 2nd Session, P. 2. Wash., 1978.
⁶ Р. И. Зименков. Партнерство или эксплуатация? М., 1980, с. 98.
⁷ «Survey of Current Business», March 1976, с. 21.
⁸ «Financial Times», 16, 24.III, 14.IV.1977.
⁹ «Survey of Current Business», March 1978, с. 36.
¹⁰ «The Department of State Bulletin», July 25, 1977, с. 129.
¹¹ В. Г. Курьеров. Новые явления в торгово-экономических отношениях США с развивающимися странами. — ВИКИ, 1978, прил. № 10, с. 34.
¹² «Foreign Assistance and Related Agencies Appropriations for 1975. Hearings...». Wash., 1974, с. 150.
¹³ «The San Diego Law Review». San Diego, 1975, vol. 12, № 3, с. 713.
¹⁴ Foreign Assistance and Related Agencies Appropriations for 1978. Hearings ... Wash., 1977, с. 644, 816.

¹⁵ Foreign Assistance and Related Agencies Appropriations for 1975. Hearings... Wash., 1974, с. 69—90.
¹⁶ Там же.
¹⁷ «Weekly Compilation of Presidential Documents», Wash., March 13, 1978, с. 498, 500.
¹⁸ Aeronautics and Space Report of the President, 1974 Activities. Wash., 1975, с. 39.
¹⁹ Foreign Assistance and Related Agencies Appropriations for 1978. Hearings... Wash., 1977, с. 427.
²⁰ «U. S. Foreign Policy 1971. Report of the Secretary of State», Wash., March 1972, с. 361.
²¹ «Spaceflight», 1974, vol. 16, № 6, с. 217—219.
²² «Spaceflight», 1978, vol. 20, № 8, с. 283—291.
²³ President's Civilian Space Policy. Hearings Before the Committee on Science and Technology, February 1979. Wash., 1979, с. 9.

РАЗД IV

Глава 10

¹ Подробнее см.: А. А. Матлина. Критика концепции мирной регулируемой революции для Латинской Америки. М., 1971.
² Statistical Abstract of the United States 1971, с. 763; Statistical Abstract of the United States 1975, с. 807.
³ «Мировая экономика и международные отношения», 1978, № 4, с. 60.
⁴ Statistical Abstract of the United States 1979, с. 862.
⁵ «The New York Times», 19.V.1971.
⁶ См.: США: региональные направления внешней политики. М., 1971, с. 219; «Проблемы мира и социализма», 1977, № 1, с. 35; В. Н. Селиванов. Экономия США в Латинской Америке. М., 1976, с. 113.
⁷ Latin America and the United States: The Changing political Realities. Stanford, 1974, с. 198.
⁸ Там же, с. 194.
⁹ «El Nacional», 23.III.1975.
¹⁰ «Commission on the Organization of the Government for the Conduct of Foreign Policy», 1975, vol. 3, с. 261.
¹¹ Statistical Abstract of the United States 1977, с. 862.
¹² «Vital Speeches of the Day», 1975, vol. XI.I, с. 354.
¹³ Los Estados Unidos y América Latina: Proximos Pasos. Un Segundo Informe de la Comisión sobre Relaciones entre los Estados Unidos y América Latina. 1976, с. 7.
¹⁴ Там же.
¹⁵ W. K. Duncan. US-Latin American Changing Political Realities. Stanford, 1974; Latin American Politics. N. Y., 1976; Latin America: the Search for a New International Role. N. Y., 1975.
¹⁶ «Washington Post», 16.IV.1977.
¹⁷ «Orbis», 1972, Winter, с. 631.
¹⁸ J. D. Treberge, R. W. Fountain. Latin America: Struggle for Progress. Critical Choices for the Americans. Vol. 14. Lexington—Toronto, 1977, с. 37—38.
¹⁹ Department of State Bulletin, 1977, vol. LXXVII, с. 589; «The New York Times», 19.VIII.1977.
²⁰ «Current History», 1978, vol. 74, с. 52.
²¹ «Tiempo» [Bogota], 6.V.1977.
²² «Мировая экономика и международные отношения», 1978, № 4, с. 56.
²³ J. Javits. A New Partnership with Latin America. Wash., 1976, с. 19.
²⁴ United States Policy toward the Caribbean. Hearings Before the Subcommittee on Inter-American Affairs of the Committee on International Relations. H. R., 94th Congress, 1st session 1978, с. 8.

Глава 11

- ¹ G. Lenczowski. Middle East Oil in a Revolutionary Era. Wash., 1976, с. 4.
- ² «New York Times», 4.IV.1976.
- ³ Tom J. Farer. The United States and the Third World.—Foreign Affairs, 1975, October, vol. 54, № 1, с. 93.
- ⁴ United States Interest and Policy towards the Persian Gulf. Hearings before the Subcommittee on Near East. Wash., 1972, с. 84.
- ⁵ «International Herald Tribune», 23.XII.1977.
- ⁶ «New York Times», 21.VII.1975.
- ⁷ «New York Times», 7.IX.1975.
- ⁸ «U. S. News and World Report», 1977, December 19, с. 11.
- ⁹ «Правда», 22.II.1978.
- ¹⁰ W. B. Quandt. Decade of Decisions. American Policy Toward the Arab-Israeli Conflict, 1967—1976. Berkeley, 1977, с. 6.
- ¹¹ B. Reich. Quest for Peace. United States—Israel Relations and the Arab-Israeli Conflict. New Jersey, 1977, с. 388.
- ¹² «Sceptic». 1976, March—April, № 12, с. 36.

Глава 12

- ¹ «Nomination of Henry. A. Kissinger to Be the Secretary of State. Hearings Before the Committee on Foreign Relations. US Senate. 93rd Congress, 1st Session, Pt. 1, September 1973». Wash., GPO, 1973, с. 70.
- ² «The Department of State Bulletin». 1970, vol. LXII, March 23, с. 366.
- ³ «US Foreign Policy for the 1970's. Shaping a Durable Peace. A Report to the Congress by R. Nixon, President of the United States», May 3, 1973, W., G. P. O., с. 153.
- ⁴ С. Смит. Американский неоколониализм в Африке. М., 1975, с. 46.
- ⁵ US Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure of Peace. A Report to the Congress by R. Nixon, President of the United States, February 9, 1972, W., G. P. O., с. 108.
- ⁶ «The Emerging Structure of Peace», с. 103.
- ⁷ Г. Е. Рошин. Деятельность международных монополий в развивающихся странах Африки.—БИКИ. 1976, прил. № 8, с. 92; «Survey of Current Business», August 1977, с. 44.
- ⁸ Г. Е. Рошин. Экономическая подоплека экспансии США в Африке.—«Международная жизнь», 1978, № 3, с. 48.
- ⁹ Подсчитано по: «Survey of Current Business», August 1977, с. 44.
- ¹⁰ Г. Е. Рошин. Деятельность международных монополий в развивающихся странах Африки, с. 96.
- ¹¹ Statistical Abstract of the United States. 1977, с. 871.
- ¹² Africa: from Mystery to Maze. Ed. by H. Kitchen. Lexington—Toronto, 1976, с. 345.
- ¹³ «The Emerging Structure of Peace», с. 101.
- ¹⁴ Там же, с. 104.
- ¹⁵ U. S. Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace. A Report to the Congress by R. Nixon, President of the United States Department of State Bulletin. 1970, March 9, с. 306.
- ¹⁶ «The Emerging Structure of Peace», с. 103; «A New Strategy for Peace. Department of State Bulletin». 1970, March 9, с. 307.
- ¹⁷ «The Emerging Structure of Peace», с. 103, 108.
- ¹⁸ Там же, с. 105.
- ¹⁹ «The New York Times», 20.III.1977.

²⁰ U. S. Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace. A Report to the Congress by R. Nixon. President of the United States. February 25, 1971, с. 120.

- ²¹ «Journal of International Affairs». 1975, vol. 29, № 2, с. 164.
- ²² «Building for Peace», с. 120.
- ²³ «West Africa». L., September 15, 1972.
- ²⁴ «A New Strategy for Peace. The Department of State Bulletin». 1970, vol. LXII, № 1602, с. 307—308.
- ²⁵ «Shaping a Durable Peace», с. 160.
- ²⁶ Несмотря на это, упоминания о «Меморандуме 39» не раз прощипали в американскую печать в начале 70-х годов. В октябре 1974 г. газета «Вашингтон Пост» опубликовала его основные положения. В 1976 г. он был издан полностью в книге: The Kissinger Study of Southern Africa. National Security Study Memorandum 39 [Secret]. Ed. and Intr. by El-Khawas and B. Cohen. Westport, Conn. 1976. Далее текст «Меморандума 39» цит.: NSSM 39.
- ²⁷ NSSM 39, с. 86, 87.
- ²⁸ A. Lake. The «Tar Baby» Option. American Policy Toward Southern Rhodesia. N. Y., 1976. «Смоляное чучелко» — персонаж из «Сказок дядюшки Римуса» американского писателя Д. Харриса.
- ²⁹ См., например, заявление заместителя госсекретаря по африканским делам Н. Дэвиса в конгрессе 24 июня 1975 г. (U. S. Policy Toward Southern Africa. Hearings Before the Subcommittee on African Affairs of the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate. 94th Congress, 1st Session). June—July 1975, W. G. P. O., 1976, с. 347).
- ³⁰ NSSM 39, с. 105—106.
- ³¹ Statistical Abstract of the United States. 1977.
- ³² Rhodesian Sanctions. Hearings Before the Subcommittee on African Affairs of the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate 95th Congress, 1st Session, February 9, 10, 1977. Wash., GPO, 1977, с. 77, 5.
- ³³ Southern Africa. The Escalation of a Conflict. Stockholm International Peace Research Institute. Stockholm—Uppsala, 1976, с. 124—126.
- ³⁴ «U. S. Policy Toward Southern Africa. Hearings...», с. 348.
- ³⁵ «The Washington Post», 13.X.1974.
- ³⁶ «Nomination of Henry A. Kissinger to Be the Secretary of State. Hearings...», с. 115—116.
- ³⁷ «The Department of State Bulletin». June 7, 1976, с. 714.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ J. Herskovits. Nigeria: African New Power. «Foreign Affairs». January 1975, с. 333.
- ⁴⁰ J. Stockwell. In Search of Enemies. A CIA Story. N. Y., 1978, с. 43.
- ⁴¹ «The Washington Post», 6.I.1975.
- ⁴² Africa: from Mystery to Maze, с. 103.
- ⁴³ «The Christian Science Monitor», 15.XII.1975. Бывший руководитель операций ЦРУ в Анголе Дж. Стоквелл в своих мемуарах уточнил, что непосредственные расходы на операцию составили 31,7 млн. долл., взятых из чрезвычайного резервного фонда ЦРУ 1975 г. и не подлежавших утверждению конгрессом. Однако эта сумма не включала «зарплату и оперативные расходы сотен штатных сотрудников ЦРУ и стоимость использованного в операции оборудования ЦРУ». Попытки получить дополнительные 28 млн. долл. из фондов министерства обороны были блокированы конгрессом. Поэтому оценка газеты, видимо, даже ниже действительно истраченной суммы. См.: (J. Stockwell. In Search of Enemies. A CIA Story, с. 206—207).
- ⁴⁴ «Newsweek», May 17, 1976.
- ⁴⁵ «Правда», 20.IV.1978.
- ⁴⁶ «The Washington Post», 31.XII.1975.
- ⁴⁷ «The New York Times», 29.III.1975.
- ⁴⁸ J. Stockwell. Search of Enemies. A CIA Story, с. 233.
- ⁴⁹ «NATO's Fifteen Nations». 1978, vol. 23, № 3, с. 35.
- ⁵⁰ «The Department of State Bulletin», November 15, 1976, с. 616.

- ⁵¹ «The New York Times», 6.IX.1977.
- ⁵² «U. S. News and World Report», May 3, 1976, c. 29.
- ⁵³ Statistical Abstract of the United States, 1978, 1979.
- ⁵⁴ «The Department of State Bulletin», August 8, 1977, c. 166.
- ⁵⁵ «Vital Speeches of the Day», September 15, 1977, c. 731.
- ⁵⁶ «The Inter Dependent», April 1977.
- ⁵⁷ «Vital Speeches of the Day», September 15, 1977.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ «Ambassador Young's African Trip. Hearings...», c. 3.
- ⁶⁰ См., например: D. Nuechterlein. South Africa Today. Is Race War Inevitable.— «Foreign Service Journal», April 1978, c. 12.
- ⁶¹ «U. S. News and World Report», May 30, 1977, c. 37.
- ⁶² См. пресс-конференцию Дж. Картера 23.II.1977 — «The Department of State Bulletin», March 21, 1977, c. 255.
- ⁶³ News Conference, Vienna, May 20.— «Department of State Bulletin», June 20, 1977, c. 666.
- ⁶⁴ «The Washington Post», 10.VI.1977.
- ⁶⁵ «The Department of State Bulletin», 1978, vol. 78, № 2014, c. 13.
- ⁶⁶ News Conference, Vienna, May 20, c. 666.
- ⁶⁷ «The Star», Johannesburg, 31.X.1978.
- ⁶⁸ «The New York Times», 10.XII.1978.
- ⁶⁹ Подробнее о политике США, а также Англии в 1977—1978 гг. см.: А. н. т. А. Громыко. Конфликт на Юге Африки. Международный аспект. М., 1979, с. 139—146, 151—164.
- ⁷⁰ «The Washington Post», 19.IX.1979.
- ⁷¹ «Правда», 25.V.1979.
- ⁷² «Правда», 23.VI.1978.
- ⁷³ «The Washington Post», 2.II.1978.
- ⁷⁴ «Newsweek», March 20, 1978.
- ⁷⁵ «Le Monde Diplomatique», Fevrier 1978.
- ⁷⁶ «Правда», 26.VI.1980.
- ⁷⁷ «Current History», December 1977, c. 225.
- ⁷⁸ «Fortune», June 19, 1978, c. 128.
- ⁷⁹ «The Department of State Bulletin», August 8, 1977, c. 169, 170.
- ⁸⁰ К. Н. Брутенц. Освобожденные страны в 70-е годы. М., 1979, с. 114.
- ⁸¹ «Orbis», Summer 1977, c. 376; Spring 1978, c. 241.
- ⁸² Statistical Abstract of the United States, 1979.
- ⁸³ «The Department of State Bulletin», July 1978, c. 6.
- ⁸⁴ «The Department of State Bulletin», August 8, 1977, c. 166.
- ⁸⁵ «Fortune», June 19, 1978, c. 128.
- ⁸⁶ «The New York Times», 31.III.1978.
- ⁸⁷ «Weekly Compilation of Presidential Documents», 1978, vol. 14, № 15, с. 714.
- ⁸⁸ «Правда», 23.VI.1978.
- ⁸⁹ «New Nigerian», Lagos, 31.III.1978.

Глава 13

¹ Страны этого района представляют собой богатый резервуар минеральных ресурсов. В этом районе сосредоточено 80,7% мировой добычи золота, 56,6% олова, 39% сурьмы, 32,5% нефти, 28,5% марганца, 25,2% никеля, 18,5% боксита и 18% спина. Он производит большое количество железной руды — 13% и цинка — 12,5% мирового производства.

² F. A. Váti. Politics of the Indian Ocean Region. The Balance of Power. N. Y., 1976, c. 185.

³ «Time», 1971, vol. 98, № 25, c. 10.

⁴ Political Trends in India and Bangladesh. Hearings Before the Subcommittee on the Near East and South Asia of the Committee on Foreign Affairs,

House of Representatives, 93rd Congress, First Session, October 31, 1973. U. S. GPO. Wash., 1973; Recognition of Bangladesh. Hearings Before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, 92nd Congress, Second Session, March 5, 7, 1972. U. S. GPO. Wash., 1972; South Asia, 1974: Political, Economic and Agricultural Challenges. Hearings Before the Subcommittee on the Near East and South Asia of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 93rd Congress, 2nd Session, September 19, 24, 1974. U. S. GPO. Wash., 1974; U. S. Interests In and Policies Toward Asia. Hearings Before the Subcommittee on the Near East and South Asia of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 93rd Congress, 1st Session, March 12, 15, 20 and 27, 1973. U. S. GPO. Wash., 1973.

⁵ United States Interests in and Policies Toward South Asia. Hearings Before the Subcommittee on the Near East and South Asia of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 93rd Congress, First Session, March 12, 15, 20, 27, 1973. U. S. GPO. Wash., 1973, c. VII.

⁶ «USIS Special Release», Dacca, July 21, 1976, c. 2.

⁷ В апреле 1977 г. по инициативе Зиаура Рахмана в конституцию страны были внесены дополнительные поправки, исключающие принцип секуляризма и фиксирующие панисламистские тенденции в политике Бангладеш.

⁸ См.: «Financial Times», May 5, 1977; «New York Times», 8.V.1977; «The Pakistan Times», 9.V.1977.

⁹ В соответствии с соглашением, подписанным в 1963 г., США обязались до 1993 г. регулярно снабжать Тарапурскую станцию урановым топливом. Тем не менее в апреле 1976 г. после длительных дебатов в конгрессе поставки Индии ядерного топлива были прекращены. Это было вызвано, с одной стороны, принятием в США специального закона о запрете поставок урана странам, отказывающимся допускать международных инспекторов на свои атомные объекты, а с другой — очередным ухудшением американо-индийских отношений. Возобновление регулярных поставок было обусловлено согласием Индии начать с Соединенными Штатами диалог относительно ее целей в области мирного использования ядерной энергии. Мотивированность это необходимостью для Соединенных Штатов получить гарантии против распространения технологии производства ядерного оружия и ядерных материалов.

¹⁰ «Washington Post», 16.II.1980.

¹¹ «Congressional Record», April 8, 1974, c. E2196.

¹² Среди них важную роль играют базы ВМС и ВВС на о-ве Диего-Гарсиа, Саттахипи (Таиланд), Порт-Уэст-Кейп и Кокбэрн-Саунд (Австралия). В ноябре 1974 г. министр обороны ЮАР предложил США и Франции разместить на военно-морской базе Саймонстаун Англию, которая в то время рассматривала вопрос о свертывании своего присутствия на этой базе.

¹³ «The Washington Post», 14.II.1980.

¹⁴ «Материалы XXV съезда КПСС», М., 1976, с. 23.

Глава 14

¹ E. Scalapino. Asia and the Road Ahead. Issues for the Major Powers. Berkeley, 1975, c. 267.

² «The Department of State Bulletin», April 18, 1977, c. 375.

³ «Pacific Affairs», vol. 50, № 1, Spring 1977, c. 50—51.

⁴ «The New York Times», 21.VII.1976.

⁵ «Overseas Business Reports, World Trade Outlook for the Far East and South Asia», March 1977, OBR 77-15, c. 11.

⁶ «Far Eastern Economic Review», 1976, vol. 93, № 27, c. 41—45.

⁷ «The New York Times», 22.XI.1976.

⁸ F. A. Weistein. Indonesian Foreign Policy and the Dilemma of Dependence. Ithaca, 1976, c. 370.

⁹ Statistical Abstract of the United States, 1977. Wash., 1977, c. 860.

¹⁰ «World Bank Annual Report, 1975». Wash., 1975, c. 118.

- ¹¹ «Newsweek». 1976, vol. 88, № 19, с. 23.
- ¹² F. B. Weinstein. Indonesian Foreign Policy and the Dilemma of Dependence, с. 229.
- ¹³ «Far Eastern Economic Review». 1977, vol. 96, № 25.
- ¹⁴ Statistical Abstract of the United States, 1977, с. 870, 871.
- ¹⁵ «Newsweek». 1976, vol. 88, № 19, с. 23.
- ¹⁶ F. B. Weinstein. Indonesian Foreign Policy and the Dilemma of Dependence, с. 351.
- ¹⁷ U. S. Overseas Loans and Grants. Wash., 1974, с. 73.
- ¹⁸ Statistical Abstract of the United States, 1977, с. 864.
- ¹⁹ «International Herald Tribune», 6.XII.1977.
- ²⁰ «Asia Research Bulletin». November 30, 1976, № 3, с. 270.
- ²¹ «Far Eastern Economic Review». 1977, vol. 99, № 2.
- ²² «Far Eastern Economic Review». 1978, vol. 99, № 2, с. 45.
- ²³ J. W. Gould. The United States and Malaysia. Cambridge, 1969, с. 48.
- ²⁴ Там же, с. 151.
- ²⁵ «Far Eastern Economic Review». 1976, vol. 94, № 44, с. 34.
- ²⁶ «Far Eastern Economic Review». 1976, vol. 94, № 50, с. 44.
- ²⁷ Statistical Abstract of the United States, 1977, с. 864.
- ²⁸ «International Herald Tribune», 4.III.1977.
- ²⁹ «Far Eastern Economic Review». 1976, vol. 93, № 30, с. 40.
- ³⁰ J. W. Gould. The United States and Malaysia, с. 180, 181.
- ³¹ Там же, с. 237, 238.
- ³² «The Straits Times», 30.31.III.1977.
- ³³ «The Malay Mail», 9.IV.1977.
- ³⁴ Guy J. Pauker, F. Golay, C. Enloe. Diversity and Development in Southeast Asia. N. Y., 1977, с. 34.
- ³⁵ «Asia Research Bulletin», 28.II.1978, с. 413.
- ³⁶ «The Straits Times», 6.II.1974.
- ³⁷ «Asia Research Bulletin». April 30, 1977, vol. 3, № 11, с. 2595.
- ³⁸ Там же, с. 2956.
- ³⁹ «The Straits Times», 8.XI.1977.
- ⁴⁰ «Asia Research Bulletin». February 28, 1978, с. 413.
- ⁴¹ «International Herald Tribune», 13.XII.1977.
- ⁴² «Far Eastern Economic Review». 1978, vol. 99, № 6, с. 75.
- ⁴³ «The Straits Times», 13.III.1978; Statistical Abstract of the United States, 1977, с. 870, 871.
- ⁴⁴ Wilson Dick. The Future Role of Singapore. L., 1972, с. 39.
- ⁴⁵ «Far Eastern Economic Review». 1974, vol. 86, № 49, с. 30.
- ⁴⁶ «Far Eastern Economic Review». 1977, vol. 99, № 13, с. 52.
- ⁴⁷ «Far Eastern Economic Review». 1973, vol. 80, № 14, с. 27.
- ⁴⁸ «Far Eastern Economic Review». 1978, vol. 100, № 20, с. 10.
- ⁴⁹ «Asian Survey». 1978, vol. XVII, № 2, с. 143, 144.
- ⁵⁰ Там же, с. 144.
- ⁵¹ G. Pauker, F. Golay, C. Enloe. Diversity and Development in Southeast Asia, с. 160.
- ⁵² Там же, с. 176, 177.

Заключение

¹ Force Without War. U. S. Armed Forces as a Political Instrument. Баргу М. Blechman and Stephen Kaplan. Wash., D. C., 1978.

² Там же, с. 532.

³ «Я готов согласиться с тем, что мы не добились достаточно больших успехов в разработке экономической программы стран Сепера и Юга, — признавал З. Бжезвиский в своем интервью журналу „Тайм“. — Но мы улучшили характер политических отношений с третьим миром и представления

о себе в странах третьего мира. Я считаю очень важным, чтобы Соединенные Штаты не отождествляли со статус-кво, а обычно так оно и было. Президент Картер добился того, что Соединенные Штаты стали отождествляться с переменами в международных делах, что дает нам возможность определять характер перемен и направлять их в определенное русло». — «Time», May 1978, с. 21.

⁴ The Cultural Revolution in China. Berkeley — Los Angeles — London, 1971; K. S. Karol. Le Deuxième Revolution Chinois. P., 1973.

⁵ «Foreign Affairs», Fall 1978; Chalmers Johnson. The New Thrust in China's Foreign Policy, с. 129.

⁶ G. Ball. Diplomacy for a Crowded World. Wash., 1976, с. 123.

⁷ Там же.

⁸ Подобные шаги в области контроля над вооружениями, отмечается в американской коллективной монографии «Вооружения, оборонная политика и контроль над вооружением», созданной под руководством Ф. Лонга и Дж. Радженса, включают как отношение Соединенных Штатов к конфликтам третьего мира, так и наше стратегическое соревнование в области вооружений с Советским Союзом. (Arms, Defense Policy and Arms Control. N. Y., 1976, с. 47).

⁹ «Time», January 15, 1979, с. 6.

¹⁰ К ней в последнее время примыкает и министр обороны США Г. Браун. «Может оказаться, — заявил он корреспонденту „Washington Post“, — что нам будет трудно избежать выбора между активным участием в каком-либо конфликте (хотя вовсе не обязательно с помощью сухопутных сил) в развивающихся странах и серьезным ущербом для наших интересов и ресурсов». — «Washington Post», 1.II.1979.

Предисловие	3
Раздел I. США — развивающиеся страны: формирование общего под- хода	6
Глава 1. Эволюция политики США в развивающихся странах (1940—1970-е годы)	7
Глава 2. Развивающиеся страны и некоторые аспекты внутренней политики США	24
Глава 3. Новейшие американские концепции отношений с разви- вающимися странами	43
Раздел II. Глобальная стратегия США и развивающиеся страны	59
Глава 4. Политическая стратегия США в развивающихся странах	60
Глава 5. Военная стратегия США в развивающихся странах	79
Глава 6. США, Западная Европа и развивающиеся страны	93
Раздел III. Экономические отношения США с развивающимися стра- нами	106
Глава 7. США и новый международный экономический порядок	107
Глава 8. Некоторые глобальные проблемы и политика США в раз- вивающихся странах	124
Глава 9. ИТР и политика США в развивающихся странах	154
Раздел IV. Политика США в отдельных районах развивающегося мира	176
Глава 10. США и Латинская Америка	177
Глава 11. Политика США в отношении развивающихся стран Ближнего Востока	196
Глава 12. Политика США в Африке	209
Глава 13. Индийский океан и Южная Азия во внешней политике США	231
Глава 14. Политика США в Юго-Восточной Азии	249
Заключение. Развивающиеся страны и новые реальности мировой по- литики	265
Примечания	280

США
И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ
СТРАНЫ
(70-е годы)

Утверждено к печати
Институтом Соединенных Штатов
Америки и Канады
Академии наук СССР

Редактор *И. В. Бушueva*
Младший редактор *О. А. Осипова*
Художник *Ю. Н. Архангельский*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *З. С. Тейлякова*
Корректор *В. В. Воловик*

ИБ № 14107

Сдано в набор 20.08.80. Подписано к па-
чати 16.02.81. А-08135. Формат 60×90/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура ли-
тературная. Печать высокая. Усл. л.
л. 18,5. Усл. кр.-отт. 18,75. Уч.-изд.
л. 20,49. Тираж 5000 экз. Изд. № 4796.
Тип. зак. № 576. Цена 2 р. 10 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28